РОБИНЗОНЫ КОСМОСА

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА В ПЕРИОДИКЕ

По страницам журналов

«ВОКРУГ СВЕТА» и «ИСКАТЕЛЬ»

РОБИНЗОНЫ КОСМОСА

СБОРНИК

Иллюстрации художников

Н.ГРИШИНА и Г.ФИЛИППОВСКОГО

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

2020

Данный сборник, появился, благодаря отличным «сканам» из старых журналов от уважаемого Владислава **«malshin».**
А пропустить и не собрать в сборник прекрасные произведения старых мастеров фантастики, с великолепными иллюстрациями от мастеров графики, — я увы не смог.

Работа с текстом и вставка иллюстраций **by formally.**

Франсис Карсак

РОБИНЗОНЫ КОСМОСА

Персонажи этой истории вымышлены, и всякое совпадение имен или портретных черт с реальными людьми может быть только случайным.

Ф. Карсак

ПРОЛОГ

Я не собираюсь писать историю катастрофы или завоевания Теллуса: все происшедшее давно изучено и подробно изложено в трудах моего брата. Я хочу просто рассказать о своей жизни. Может быть, вам, моим потомкам и потомкам моих товарищей, будет интересно узнать, что испытал и повидал человек, рожденный на другой планете и перенесенный сюда в результате небывалого и не до конца объясненного явления. Вам, живущим па этой планете, которую вы считаете своей по праву рождения, трудно понять, сколько мы выстрадали, пока не преодолели отчаяния и не поняли, какое великолепное будущее открывается перед нами.

Для чего я пишу? Наверное, сейчас лишь немногие захотят прочесть эту книгу, потому что суть ее всем известна. Но я пишу для будущего. Я помню, как на неведомой вам Земле, затерянной где-то в космосе, историки ценили высоко свидетельства очевидцев. Пройдет пять-шесть столетий, и моя книга тоже станет ценным документом, ибо это рассказ свидетеля, который собственными глазами видел Великое Начало.

В то время, с которого начинается мой рассказ, я вовсе не был согбенным и порой болтливым стариком. Мне было всего двадцать три года — целых шестьдесят лет пронеслось с тех пор, как

стремительный поток! Я знаю, что стал ниже ростом, движения мои утратили былую точность, я быстро устаю и меня мало что интересует в жизни — разве только дети, внуки, да еще, пожалуй, геология. Мне бы посидеть да погреться на солнышке — если так можно сказать, — ведь здесь их два! Руки мои слишком дрожат, я не могу писать, а потому диктую повесть своему внуку Пьеру. Мне помогает дневник, который я вел все эти годы.

Его я уничтожу, когда книга будет завершена. Все, что важно, останется в книге. А что касается моих скромных радостей и огорчений, мне совсем не хочется, чтобы историки копались в них с неутомимым и часто жестоким любопытством.

Я тороплюсь. Лишь временами я останавливаюсь и гляжу в окно, за которым колышется на ветру пшеница. И порой мне кажется, будто я снова у себя на родной Земле. Но потом я приглядываюсь и вижу, что деревья отбрасывают две тени.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Немного о себе. Для вас, моих ближайших потомков, это неинтересно. Но скоро ваши дети и дети ваших детей забудут даже о том, что я вообще существовал. Много ли я сам знаю о собственном прадеде?

В июле 1975 года закончился мой первый год работы ассистентом на геологическом факультете в Бордо, городе на Земле. Мне было двадцать три, и, хотя красавцем меня не называли, скроен я был ладно. Сейчас высохший старик кажется смешным в этом мире юных гигантов, но на Земле мои сто восемьдесят три сантиметра и массивная фигура были не так уж плохи. Это для вас сто восемьдесят три — всего лишь средний рост! Если хотите знать, как я выглядел, посмотрите на моего первого внука Жана. Я был таким же темноволосым, носатым, рукастым, и у меня были такие же серо-зеленые глаза.

Я любил свою работу и был искренне рад, когда, пополнив багаж знаний, я покинул университет и вернулся в лабораторию, где за несколько лет до того впервые зарисовал окаменелости. Теперь меня забавляли ошибки студентов, которые путали близкие виды, хотя для искушенного человека разница сразу бросалась в глаза.

Итак, подошел июль. Экзамены закончились, и мы с моим братом Полем решили провести отпуск у нашего дяди Пьера Бурна, директора новой, только что построенной в Альпах обсерватории.

Гигантское зеркало ее телескопа диаметром пять с половиной метров отныне позволяло французским астрономам соперничать с их американскими коллегами. Вместе с дядей должны были работать его помощник Робер Менар, необычайно скромный, несмотря на свои огромные знания, сорокалетний холостяк, и целая армия астрономов, вычислителей и техников, которые к моменту катастрофы либо еще не прибыли на место, либо находились в отпуске. Так что к нашему приезду в обсерватории кроме Менара были только два дядиных ученика — брат и сестра, Мишель и Мартина Соваж. В то время я их еще не знал.

После смерти Мишеля прошло уже шесть лет, а ваша бабушка Мартина, как вы все знаете, покинула меня три месяца назад. Но в то время я и не предполагал, какие чувства свяжут нас в будущем. По совести говоря, при моем довольно замкнутом характере, я бы вполне удовлетворился компанией дяди и брата — Менар в счет не шел — и заранее смотрел на этих двоих как на неприятное приложение. Неприятное — несмотря на их молодость; или, может быть, наоборот: именно из-за их молодости! Мишелю было тридцать, а Мартине — двадцать два.

О первых признаках приближающейся катастрофы я узнал 12 июля в шестнадцать часов. Я уже почти совсем собрался в дорогу, когда в дверь позвонили. Я открыл и увидел перед собой моего двоюродного брата Бернара Верилака — он был, как и я, геолог. Три года назад он участвовал в первой экспедиции Земля — Марс, а в прошлом году отправился в новый межпланетный полет.

— Откуда ты взялся?! — воскликнул я.

— Ниоткуда, — ответил он. — Мы прошли по эллиптической орбите за Нептуном без посадки. Вроде кометы.

— За такой короткий срок?

— Поль хорошо поработал над нашим старым «Рони» — теперь он делает две тысячи километров в секунду, и хоть бы что!

— Слетали удачно?

— Еще бы. Сделали кучу поразительных снимков. Зато на обратном пути нам пришлось туго.

— Что-нибудь случилось? Непорядки?

— Да нет. Нас куда-то снесло. Поль и наш штурман-астроном Клод Ромье уверяли, что впечатление такое, будто в нашу солнечную систему вторглась масса материи, огромная, но совершенно невидимая. Правда, Сигурд думает по-другому, а наш журналист Рэй Мак-Ли вообще уверяет, что мы просто выпили лишнего в честь ухода с орбиты Нептуна, а потому все наши расчеты никуда не годятся.

Он взглянул на свои часы.

— Шестнадцать двадцать. Мне пора идти. Счастливого тебе отпуска! А ты когда собираешься с нами? Следующий объект — Юпитер. Там, знаешь ли, хватит работы не только на двух геологов! Выберешь себе такую тему для диссертации, какой еще не бывало. Ну ладно, поговорим в другой раз. Я хочу этим летом навестить твоего дядюшку.

Дверь закрылась за ним. Если бы я знал, что нам уже никогда не удастся свидеться! Старина Бернар... Наверное, он уже умер. Ему сейчас было бы девяносто шесть лет. Правда, Бернар уверял, что марсиане умеют увеличивать срок жизни почти вдвое, и, возможно, он еще жив и странствует где-то в космосе. Но если бы Бернар знал, что предстояло мне, он со мной наверняка не расстался! В тот же вечер мы с братом сели на поезд и уже на следующий день часа в четыре пополудни прибыли на место в... названия я не помню, да это и не важно.

Это была маленькая, незначительная станция. Нас ожидали. Долговязый блондин, еще более высокий, чем я, стоял, оперевшись о крыло автомашины. Завидев нас, он помахал рукой, подошел и представился:

— Мишель Соваж. Ваш дядя извиняется, что не смог вас встретить, но у него важная и срочная работа.

Машина резко набирала скорость.

— Что-нибудь новое среди звездных туманностей? — спросил мой брат.

— Скорее уж, во всей Вселенной. Вчера вечером я хотел сфотографировать туманность Андромеды — там есть недавно открытая звезда. Расчет был сделан, я включил автоматику большого телескопа, но, к счастью, заглянул в искатель — маленькую подзорную трубу, укрепленную параллельно с большим объективом. И что бы вы думали! Туманность Андромеды оказалась на восемнадцать градусов в стороне от своего нормального положения! Я ее еле отыскал...

— Как странно! — живо откликнулся я. — Вчера перед отъездом Бернар Верилак говорил мне...

— Значит, он вернулся? — перебил Мишель.

— Да, с орбиты Нептуна. Так вот, он говорил, что либо они ошиблись в расчетах, либо что-то отклонило корабль на обратном пути.

— Вот как? Для мсье Бурна это будет весьма интересно.

— Бернар Верилак обещал приехать этим летом, а пока я могу написать ему, чтобы он сообщил подробности...

Мы болтали, а машина быстро мчалась по долине. Рядом с шоссе бежала железная дорога.

— Что, поезд идет теперь до самой деревни?

— Нет, эту линию проложили недавно к заводу легких металлов, который нам достался по наследству. Хорошо, что завод полностью электрифицирован, иначе пришлось бы переносить обсерваторию — из-за дыма.

— Завод большой?

— Сейчас здесь всего триста пятьдесят рабочих. Должно же быть по крайней мере вдвое больше.

Начался серпантин: дорога поднималась к обсерватории, которая была сооружена на вершине невысокой горы. У ее подножия раскинулась высокогорная долина с маленькой прелестной деревушкой. Чуть выше деревни виднелся поселок из стандартных домиков, сгрудившихся вокруг завода. Вдаль за гребни гор уходила линия высокого напряжения.

— Ток подают заводу, — объяснил Мишель. — Для него и плотину построили. Мы получаем электричество от этой же линии.

Возле самой обсерватории расположились дома, где жили мой дядя и его помощники.

— Подумать только, как все изменилось всего за два года! — заметил мой брат.

— Сегодня вечером за столом соберется большая компания: ваш дядя, Менар, вы двое, мы с сестрой, биолог Вандаль...

— Вандаль? Я же его знаю с самого детства! Он старый друг нашей семьи.

— А с ним его коллега из Медицинской академии, знаменитый хирург Массакр.

— Ничего себе имечко для хирурга! — сострил мой брат Поль. — Массакр, «убийство»! Не хотел бы я у него оперироваться... Б-р-р!

— И напрасно. Он лучший хирург Франции, а может быть, и всей Европы. Кстати, кроме Массакра будет один его друг и одновременно ученик, антрополог Андре Бреффор.

— Тот самый, что занимается патагонцами?

— Да. Так что, хотя дом велик, все комнаты заняты.

Едва машина остановилась, я побежал в обсерваторию и постучался в кабинет дяди.

— Кто там?! — рявкнул он, но, увидев меня, смягчился. — А, это ты! Ну подойди, подойди...

Он поднялся из кресла во весь свой гигантский рост и стиснул меня в медвежьих объятиях. Таким я вижу его и сейчас: седая шевелюра, седые брови, из-под которых сверкают горящие как угли глаза, матово-черная борода.

— Добрый день! — скромно послышалось из угла. Я обернулся: худенький Менар стоял за своим столом, заваленным листками с алгебраическими формулами. Это был щуплый человечек в очках, с козлиной бороденкой и огромным морщинистым лбом. Под столь незначительной внешностью скрывался человек, свободно владеющий дюжиной языков и способный извлекать немыслимые корни; самые дерзкие теории физики и математики были ему так же ясны, как мне — геологические разрезы в окрестностях Бордо. Как теоретик мой дядя, превосходный исследователь и экспериментатор, не годился Менару в подметки. Зато вдвоем они составляли могучую пару в области астрономии и атомной физики.

Стрекот машинки заставил меня обернуться к другому углу.

— И впрямь, надо тебя представить, — проговорил дядя. — Мадемуазель, познакомьтесь: мой племянник Жан, шалопай, не способный проверить цифры в ресторанном счете, позор нашей семьи!

— Почему один я позор семьи? — взмолился я. — Поль в математике смыслит не больше меня!

— Увы, да! — согласился дядя. — И кто бы поверил, что его отец щелкал интегралы как орехи! Род оскудевает! Но не будем судить их слишком строго. Жан обещает стать прекрасным геологом, а Поль, я надеюсь, кое-что понимает в своих ассирийцах.

— В индейцах, дядюшка, в индейцах!

— А какая разница? Жан, это наша ассистентка Мартина Соваж, сестра Мишеля.

— Как доехали? — спросила девушка, протягивая мне руку.

Я пожал ее, не успев как следует прийти в себя. В моем представлении ассистентка дяди могла быть только скромной лабораторной крысой в очках, а передо мной стояла юная красавица с фигурой греческой статуи и таким правильным лицом, что можно было прийти в отчаяние. Черты ее казались совершенными, впрочем, лоб, пожалуй, был чуть низковат, но под ним сияли великолепные серые глаза, а обрамляли его длинные пряди на удивление черных волос — ведь брат ее был блондином! Про нее нельзя было сказать, что она просто красавица. Нет, она была прекрасна, прекраснее всех женщин, каких мне только довелось видеть.

Рукопожатие ее было дружеским и коротким. Мартина сразу же вернулась к своим расчетам.

— Я вижу, ты тоже убит, — насмешливо прошептал дядя, увлекая меня в сторону. — Мартина разит без промаха; по-видимому, контраст с обстановкой усиливает эффект. А сейчас, извини, мне надо закончить до вечера работу, чтобы подготовиться к ночным наблюдениям. Ты ведь знаешь, моих помощников нет. Встретимся за обедом, в семь тридцать.

— А она очень важна, твоя работа? — спросил я. — Мишель мне говорил о каких-то странных явлениях...

— Странных! Эти явления опрокидывают всю нашу науку! Подумай только: туманность Андромеды отклонилась на восемнадцать градусов от своего нормального положения! Одно из двух: либо туманность действительно сдвинулась, но тогда она должна развить скорость физически немыслимую, потому что еще позавчера она была на своем месте, либо, как думаем я и мои коллеги из обсерватории Маунт-Паломар, свет туманности отклонился из-за какого-то феномена, которого позавчера не существовало. И не только ее свет — лучи всех звезд, расположенных в том же направлении, свет Нептуна и может быть, даже... Из всех гипотез наименее глупой кажется следующая: ты, должно быть, знаешь — впрочем, наоборот, ты, конечно, не знаешь, — что мощное поле тяготения способно отклонить луч света. Сейчас все происходит так, как если бы между Землей и Андромедой в солнечной системе появилась огромная масса материи. Но она невидима, эта масса! Немыслимо, глупо, но тем не менее это так.

— Бернар мне говорил, что на обратном пути...

— Ты его видел? Когда?

— Вчера.

— А когда он вернулся?

— Позавчера ночью, и как раз с орбиты Нептуна. Он мне тоже говорил, что, видимо, их что-то отклонило...

— Насколько? И куда?

— Я его не спросил. Он прибежал буквально на секунду и исчез. Но этим летом он обещал приехать.

— Этим летом! Вы слышите? Этим летом! Пошли ему телеграмму, чтобы приезжал немедленно со всем своим экипажем и бортовым журналом. Сын садовника съездит на почту. Может быть, в этом разгадка тайны? Этим летом! Да что ты стоишь? Скорее!

Я выскочил из обсерватории, набросал телеграмму, и малыш Бенуа убежал с ней в деревню. Но я так и не знаю, дошла эта телеграмма до Бернара или нет.

Когда я добрался до дома дяди, все приглашенные к обеду были уже в сборе. Прежде всего я поздоровался с Вандалем, который был моим учителем, когда я еще готовился к экзаменам на аттестат зрелости. Высокий и сутуловатый, он был совершенно сед, хотя ему шел всего сорок пятый год. Он представил меня своему другу Массакру, низенькому чернявому человеку с округлыми плавными жестами, и Бреффору, костистому верзиле, мрачноватому и молчаливому.

В семь двадцать появился хозяин дома со своей свитой. В семь тридцать мы сели за стол.

Если не считать озабоченных лиц моего дяди и Менара, обед прошел весело. Даже Бреффор не без юмора рассказал, как ему едва-едва удалось избежать весьма почетной, но не слишком приятной женитьбы на дочери вождя одного племени на Огненной Земле. Что касается меня, то я был целиком поглощен Мартиной. Когда она была серьезна, ее лицо походило на ледяной мрамор статуи, но когда смеялась, откидывая назад голову и отбрасывая тяжелую копну волос, бог мой, как сверкали ее глаза и как она была хороша!

Но в тот вечер мне недолго пришлось наслаждаться ее обществом. В восемь пятнадцать дядя встал из-за стола и кивнул Мартине. Они вышли вместе с Менаром, и я видел через окно, как три фигурки поднимаются к обсерватории.

КАТАСТРОФА

Кофе мы вышли пить на террасу. Вечер был тихий. Заходящее солнце окрашивало в розовый цвет вершины гор далеко на западе. Мишель жаловался на всеобщее пренебрежение к астрономическому изучению планет с тех пор, как планетологи Поля Бернадака начали изучать их, как говорится, «на местах». Вандаль рассказывал о последних открытиях в биологии. Спускалась ночь. Над горами висела половинка луны, мерцали звезды. С темнотой пришла прохлада, и мы вернулись в гостиную. Свет зажигать не стали. Я сел рядом с Мишелем лицом к окну.

Малейшие подробности этого вечера сохранились в моей памяти с удивительной ясностью, хотя с тех пор прошло столько лет! Я видел купол обсерватории; маленькие башенки с вспомогательными

телескопами четко вырисовывались на фоне вечернего неба. Общий разговор вскоре угас, все неторопливо беседовали парами. Я говорил с Мишелем. Не знаю почему, но я чувствовал себя легко и счастливо. Казалось, я ничего не вешу, и не сижу, а парю над своим креслом, как пловец в воде.

В обсерватории осветилось одно окошко, погасло и снова осветилось.

— Патрон зовет, — проговорил Мишель. — Придется идти.

Он взглянул на светящийся циферблат своих часов.

— Который час? — спросил я.

— Одиннадцать тридцать шесть. Он встал, и совершенно неожиданно это простое движение отбросило его к стене, расположенной в добрых трех метрах. Все были поражены.

— Черт!.. Я совсем потерял вес!

Я тоже поднялся и, несмотря на все предосторожности, врезался головой прямо в стену.

— Хорошенькое дело!

Удивленные возгласы раздавались со всех сторон. Несколько минут мы носились по гостиной, как пылинки, подхваченные ветром. Все оказались во власти странного и тоскливого чувства какой-то внутренней пустоты. У меня кружилась голова. Трудно было понять, где теперь верх, где низ. Цепляясь за мебель, я кое-как добрался до окна. Мне показалось, что я сошел с ума: звезды отплясывали бешеную сарабанду, как пляшут их отражения в черной воде. Они мерцали, разгорались, угасали и снова вспыхивали, резко перемещаясь с места на место.

— Смотрите! — крикнул я.

— Конец света, — простонал Массакр.

— Похоже на то, — прошептал Мишель, судорожно цепляясь за мое плечо.

От звездной пляски рябило в глазах; я перевел взгляд ниже и снова вскрикнул:

— Смотрите!

Вершины гор слева от нас исчезали одна за другой, срезанные ровнее, чем головки сыра ножом. И это надвигалось на нас!

— Сестра! — хрипло вскрикнул Мишель и бросился к двери.

Я видел, как он мчался по дорожке к обсерватории нелепыми длинными скачками метров по десять каждый. Ни о чем не думая, не испытывая ничего, даже страха, я машинально отмечал все происходящее.

Казалось, сверху наискосок падало огромное незримое лезвие, выше которого все исчезало. Наверное, это продолжалось секунд двадцать. Я слышал вокруг приглушенные возгласы гостей. Я видел, как Мишель ворвался в обсерваторию. И вдруг она тоже исчезла! Я еще успел заметить, как в нескольких сотнях метров ниже гора разверзлась, обнажая все свои геологические пласты, озаренные мертвенным светом иного мира. И в следующее мгновение катастрофа обрушилась на нас...

Дом задрожал. Я вцепился в стол, и тут окно вылетело, словно вышибленное изнутри гигантским коленом. Чудовищный вихрь вышвырнул меня вместе с остальными наружу, и мы покатились вниз по склону, цепляясь за кусты и камни, ослепленные, оглушенные, задыхающиеся.

Все кончилось через несколько секунд. Я опомнился метрах в пятистах от дома, среди обломков дерева и осколков стекла и черепицы. Обсерватория снова появилась, и, по-видимому, в полной сохранности. Было сумрачно; странный красноватый свет лился сверху. Я поднял глаза и увидел солнце, маленькое, медно-красное, далекое. В ушах у меня гудело, левое колено вспухло, глаза застилало пеленой. Воздух казался пропитанным неприятным чужим запахом.

Первая моя мысль была о брате. Он лежал на спине в нескольких метрах от меня. Я бросился к нему, с удивлением ощущая, что снова обрел вес. Глаза Поля были закрыты, из правой икры, глубоко разрезанной осколком стекла, лилась кровь. Пока я перетягивал ему ногу жгутом, свернутым из носового платка, брат пришел в себя.

— Мы еще живы?

— Да, ты ранен, но не опасно. Я сейчас посмотрю, что с остальными.

Вандаль уже поднимался, Массакр вообще отделался подбитым глазом. Он подошел к Полю, осмотрел его.

— Пустяки! Жгут, пожалуй, не нужен. Крупные сосуды не задеты.

С Бреффором дело оказалось серьезнее: он лежал без сознания с пробитым черепом.

— Его надо срочно оперировать, — заторопился хирург. — В доме вашего дяди у меня есть все, что нужно.

Я взглянул на дом: он довольно успешно выдержал испытание. Часть крыши была снесена, окна выбиты, ставни сорваны, но остальное как будто уцелело. Мы перенесли Бреффора и Поля в дом. Внутри все было перевернуто вверх дном, и содержимое шкафов валялось на полу. Кое-как мы поставили на место большой стол и уложили на него Бреффора. Вандаль взялся помогать Массакру.

Только тогда я вспомнил наконец о своем дяде. Дверь обсерватории была открыта, но никто оттуда не показывался.

— Схожу посмотрю, — проговорил я и, прихрамывая, вышел.

За углом дома мне повстречался садовник Ансельм, о котором я совершенно забыл. У него было окровавлено все лицо. Отправив его на перевязку, я добрел до обсерватории и поднялся по лестнице. Под куполом возле большого телескопа не было ни души. Тогда я бросился в кабинет. Здесь взъерошенный Менар возился со своими очками.

— Где дядя? — крикнул я.

— Не знаю, — ответил он, протирая очки платком. — Когда это произошло, они хотели выйти...

Я выбежал наружу и принялся кричать:

— Дядя! Мишель! Мартина!

Кто-то откликнулся. Обогнув завал камней, я увидел дядю, который сидел, привалившись спиной к обломку скалы. Мартина стояла рядом, платье ее было разорвано. Даже в тот миг я не мог не залюбоваться красотой ее рук.

— У него вывихнута лодыжка, — пояснила она.

— А где Мишель?

— Пошел за водой к ручью.

— Что же это было, дядя? — спросил я.

— А что я могу сказать, если сам ничего не знаю! Как там остальные?

Я рассказал, что с нами произошло.

— Нужно спуститься в деревню, посмотреть, что с жителями.

— Но ведь солнце уже садится...

— Садится? Наоборот, оно встает!

— Солнце заходит, дядя. Только что оно стояло гораздо выше.

— А, так ты говоришь об этом маленьком, жалком медном фонарике? Оглянись-ка лучше назад!

Я обернулся: там над изуродованными вершинами вставало сияющее голубое светило. Глаза не обманывали меня: в этом мире было два солнца.

Часы на моей руке показывали десять минут первого.

СРЕДИ РАЗВАЛИН

Как ни странно, было происходящее, я все время инстинктивно старался привести его к привычным земным нормам — ураган, землетрясение, извержение вулкана. И вдруг я оказался перед лицом немыслимого, безумного и в то же время совершенно реального факта: я находился в мире, где светило два солнца! Нет, я не в силах передать охватившее меня смятение. Тщетно пытался я спорить против очевидной истины:

— Но ведь мы же на Земле! Смотри, вот гора, обсерватория, а там, внизу, деревня...

— Я, конечно, сижу на земле! — ответил дядя. — Однако, насколько я смыслю в астрономии, в нашей системе только одно Солнце, а здесь их два. А я не такой уж осел, чтобы не понимать значение этого факта.

— Но где же мы в таком случае?

— Я уже тебе сказал: не знаю! Мы были в обсерватории. Вдруг она задрожала. Я думал, землетрясение, и мы с Мартиной выбежали. С Мишелем столкнулись на лестнице, и тут нас всех выкинуло наружу. Мы потеряли сознание и поэтому ничего не видели.

— Зато я видел, — проговорил я, вздрагивая. — Горы вместе с обсерваторией исчезли в каком-то мертвенном свете. А потом меня тоже вышвырнуло, и, когда я очнулся, обсерватория снова была на месте...

— Подумать только! — горестно воскликнул дядя. — Четыре астронома, и никто не пронаблюдал!

— Мишель видел самое начало. Кстати, куда он делся?

— В самом деле, Мишель запаздывает, — забеспокоилась Мартина. — Пойду посмотрю.

— Нет, лучше схожу я. Но, бога ради, дядя, где, по-твоему, мы очутились?

— Ничего я не знаю, сколько раз тебе повторять! Во всяком случае, не на Земле. И, может быть, не в нашей Вселенной, — прибавил он вполголоса.

— Значит, Земля... для нас ... навсегда?..

— Боюсь, что так. Но сейчас прежде всего найди Мишеля. Я увидел его, не успев сделать и десяти шагов. Он появился из-за поворота в сопровождении двух незнакомцев — брюнета лет тридцати и огненно-рыжего крепыша, которому на вид было под сорок. Мишель церемонно представил обоих, что выглядело довольно смешно, учитывая обстоятельства:

— Симон Бевэн, инженер-электрик! Жак Этранж, металлург, директор завода!

— Мы хотели узнать, что с вами, — объяснил Этранж. — Сначала мы побывали в деревне. Там уже работают спасательные команды, и мы послали им на помощь своих рабочих. Церковь рухнула. Мэрия тоже обвалилась и похоронила мэра вместе с семьей. По первым сведениям, в деревне пятьдесят раненых, есть тяжелые. Кроме семьи мэра, еще одиннадцать убитых. Но большинство домов уцелело.

— А у вас на заводе? — спросил дядя.

— Ущерб невелик, — ответил Бевэн. — Вы же знаете, стандартные дома легкие и монолитные. На самом заводе сдвинулось несколько станков.

— У нас есть хирург, мы пошлем его в деревню, — сказал дядя. Потом повернулся к нам с Мишелем. — Вы, двое помогите-ка, мне: я хочу добраться до дому. Мартина, приведите Менара! Пойдемте с нами, друзья!

Когда мы вошли в дом, я убедился, что Вандаль и Массакр поработали здесь на совесть. Все было приведено в порядок. Мой брат и Бреффор лежали в постелях. Массакр собирал свой докторский чемоданчик.

— Пойду вниз, — сказал он. — Думаю, там для меня тоже найдется работа.

— Да, да, — отозвался дядя. — Вот эти господа только что из деревни. Там много раненых.

Я сел на кровати рядом с Полем.

— Как себя чувствуешь, старина?

— Неплохо. Только нога немного болит.

— А Бреффор?

— Тоже ничего. Уже пришел в сознание. Мы боялись, что дело гораздо хуже.

— Тогда и я спущусь в деревню.

— Ступай, — согласился дядя. — Мартина, Мишель, Вандаль тоже могут идти. Мы с Менаром посторожим здесь.

И мы отправились. По дороге я спросил инженеров:

— Вы знаете, какой район захватила катастрофа?

— Нет. Это успеется. Займемся сначала деревней и ближайшими фермами, а потом уж посмотрим, что там дальше...

Главная улица была наполовину завалена обломками домов. Зато поперечные переулки почти все уцелели. Больше всего пострадала центральная площадь — — церковь и мэрия превратились в груду развалин. Когда мы подошли, из-под обломков извлекали труп мэра.

Среди спасателей я обратил внимание на одну группу, которая действовала особенно быстро и слаженно. От нее отделился какой-то молодой человек и подошел к нам.

— Наконец-то подкрепление! — крикнул он обрадованно. — Подоспели вовремя!

В синем комбинезоне, чуть ниже меня ростом, он был гораздо массивнее и, по-видимому, обладал огромной силой. Из-под черной копны волос сверкали проницательные глаза, словно освещая все его костистое лицо с резкими чертами. Мне он сразу понравился, а дальнейшие события превратили возникшую, между нами, симпатию в дружбу.

— Где раненые? — спросил Массакр.

— В зале для танцев. Вы доктор? Там ваш коллега, он не откажется от помощи!

— Я хирург.

— Какая удача! Эй, Жан-Пьер, проводи доктора в перевязочную!

— Я пойду с вами, — сказала Мартина. — Буду помогать.

Мы с Мишелем присоединились к группе, разбиравшей завалы. Молодой человек горячо поспорил о чем-то с инженером, потом вернулся к нам.

— Нелегко же было их убедить, что сейчас самое главное дать воду и, если можно, электричество. Они тоже хотели заняться расчисткой! Когда же они будут пользоваться своими знаниями, если не сейчас? Кстати, какие у вас профессии?

— Геолог.

— Астроном.

— Ладно, пригодится потом. Сейчас есть работа поважнее. За дело!

— Потом? Что вы хотите этим сказать?

— Я думаю, вы уже знаете, что мы не на Земле. Не надо быть ученым, чтобы догадаться. И все-таки как-то странно! Еще вчера инженеры давали мне указания, а сегодня я говорю им, что делать.

— А сами-то вы кто? — спросил Мишель.

— Луи Морьер, цеховой мастер с завода. А вы оба?

— Его зовут Мишель Соваж, а меня — Жан Бурна.

— Значит, вы родственник нашего звездочета? Отличный старик!

Так, разговаривая, мы приступили к разборке обвалившегося дома. К нам присоединились еще двое рабочих.

— Тише! — сказал вдруг Мишель. — Слышите?

Из-под груды развалин доносились слабые крики о помощи.

— Скажи-ка, Пьер, — обратился Луи к одному из рабочих, — кто тут жил?

— Мамаша Феррье с дочкой. Девочка была хорошенькая, лет шестнадцати. Погоди! Я как-то к ним заходил. Вот здесь была кухня. А они, должно быть, в комнате, вон там!

Он показал на угол, наполовину заваленный стеной. Мишель нагнулся и крикнул в расщелину:

— Держитесь! Идем к вам на помощь! Все напряженно прислушались. Наконец девичий голос, полный муки, ответил:

— Скорее! Скорее...

Быстро, но осторожно мы начали рыть в обломках тоннель, то и дело натыкаясь на самые неожиданные предметы: веник, корзинку для рукоделия, радиоприемник. Прошло полчаса. Стоны внизу смолкли. Тогда мы пошли на риск, ускорили работу и успели вовремя извлечь из-под развалин Розу Феррье. Мать ее была мертва.

Об этом эпизоде спасательных работ я рассказываю подробно лишь потому, что позднее Роза, сама того не желая, сыграла роль Елены Троянской и послужила причиной первой войны на Теллусе.

Мы отнесли ее в лазарет и сели перекусить, потому что все умирали от голода. Голубое солнце стояло в зените, а на моих часах было только семь часов семнадцать минут. Взошло оно около двенадцати ночи. Значит, голубой день длился примерно четырнадцать часов тридцать минут.

Всю вторую половину дня мы работали не покладая рук. Вечером, когда голубое солнце закатилось за горизонт, а на востоке поднялось маленькое красное солнце, под развалинами не осталось ни одного раненого. Всего их оказалось восемьдесят один. Двадцать один человек погиб.

Вокруг колодца, теперь иссякшего, раскинулся пестрый табор. Люди, лишенные крова, укрывались под одеялами, растянутыми на шестах. Одну такую палатку Луи соорудил для рабочих своей спасательной команды. Мы сели перед нею и поужинали холодным мясом с хлебом, запивая еду красным вином, — в жизни я не пил ничего вкуснее! Потом я дошел до перевязочной, надеясь увидеться с Мартиной, но она уже спала. Массакр был доволен: опасных случаев оказалось немного. Сюда же по его указанию перенесли на носилках Бреффора и моего брата. Оба чувствовали себя гораздо лучше.

— Извините меня, — сказал хирург, — я просто валюсь от усталости, а завтра у меня довольно сложная операция, особенно в этих условиях.

Я вернулся к своей палатке, улегся на толстый слой соломы и мгновенно уснул.

Разбудил меня шум мотора. Была еще «ночь», то есть тот самый пурпурный сумрак, который теперь называют «красной ночью». Автомобиль остановился за разрушенным домом. Я обошел руины и увидел своего дядю: он приехал вместе с Вандалем узнать, как идут дела.

— Что нового? — спросил я.

— Ничего. Электричества нет, купол обсерватории неподвижен. Я был на заводе. Этранж говорит, что тока не будет еще долго: плотина осталась на Земле. Кстати, могу сказать, что эта планета делает один оборот вокруг собственной оси за двадцать девять часов и что ось ее совсем немного наклонена по отношению к плоскости орбиты.

— Откуда ты это знаешь?

— Очень просто. Голубой день длился четырнадцать часов тридцать минут. Красное солнце дошло до зенита за семь часов пятнадцать минут. Значит, сутки продолжаются двадцать девять часов. Далее: день и «ночь» равны, а мы, по всей видимости, находимся далеко от экватора, скорее всего на сорок пятом градусе северной широты. Отсюда вывод: ось планеты имеет весьма незначительный наклон, разумеется, если только мы не попали в период равноденствия. Красное солнце находится за пределами нашей орбиты и, по-видимому, так же как мы, вращается вокруг голубого солнца. Мы перенеслись сюда в тот момент, когда оба солнца противостоят планете. Позднее следует ожидать дней, когда нам будут светить сразу два солнца, а иногда не будет ни одного. Наступят черные дни или, вернее, лунные.

— Лунные? Разве здесь есть луна?

— Взгляни сам!

Я поднял глаза. В розовом небе бледно сияли две луны: одна примерно такая же, как у нас на Земле, другая значительно больше.

— Только что их было три, — продолжал дядя. — Самая маленькая луна уже зашла.

— Сколько же продлится эта «ночь»?

— Около часа. На завод заходили крестьяне с окрестных ферм. Там жертв немного. Но зато дальше...

— Надо съездить туда, посмотреть самим, — перебил я. — Я возьму твою машину, и мы отправимся с Мишелем и Морьером. Надо же узнать, какова наша территория!

— Тогда я поеду с вами.

— Нет, дядюшка, у тебя вывихнута нога. Мы можем застрять, и придется идти пешком. Сейчас мы совершим совсем короткий рейд. А позднее...

— Хорошо. Тогда помоги мне выйти и доведи меня до вашего госпиталя. Вы идете со мной, Вандаль?

— Мне бы хотелось отправиться в эту разведку, — ответил биолог. — Я думаю, что участок земной поверхности невелик и мы сможем его объехать полностью, не правда ли?

— Да, если только дороги будут проезжими, — согласился я. — Что же, поедемте с нами. Может быть, мы встретим что-нибудь новенькое по вашей части. Да и поездка будет нелегкой, ваш опыт путешественника пригодится.

Я разбудил Мишеля и Луи.

— Ладно, поедем, — сказал Морьер. — Только сначала я хочу поговорить с вашим дядей. Послушайте, мсье Бурна, — обратился он к астроному, — пока мы ездим, займитесь, пожалуйста, учетом. Надо подсчитать жителей, запасы продовольствия, оружия, инструментов и прочего. После смерти мэра вы здесь самый уважаемый человек. Вы в хороших отношениях и с кюре, и с учителем. Единственно, кто вас, пожалуй, недолюбливает, — это трактирщик Жюль, потому что вы никогда к нему не заходите. Но я им займусь, он у меня будет шелковый. Разумеется, закончить вы не успеете, мы вернемся гораздо раньше.

Все заняли места в открытом автомобиле, довольно старом, но еще вполне надежном. Я уже взялся за руль, когда дядя окликнул меня:

— Постой! Возьми-ка то, что лежит в моем портфеле!

Я открыл портфель и вынул оттуда пистолет военного образца, сорок пятого калибра.

— Это мой офицерский пистолет, — сказал дядя. — Возьми его. Мало ли что вам встретится! В перчаточном ящике две коробки с патронами.

— Дельная мысль! — одобрил Луи. — А другого оружия у вас нет?

— У меня нет, но в деревне, думаю, найдутся охотничьи ружья.

— Правильно! Мы заедем к папаше Борю. Когда-то он был унтер-офицером в колониальных войсках и заядлым охотником.

Мы разбудили старика и, несмотря на протесты, реквизировали почти весь его арсенал: один винчестер, два охотничьих ружья и патроны, заряженные картечью.

Солнце уже вставало, когда мы двинулись в путь на восток. Сначала ехали по дороге; местами она была перерезана осыпями, но нам удавалось их объезжать: лишь один завал задержал нас на целый час. Через три часа после отъезда началась зона сплошного хаоса; впереди, насколько хватает глаз, громоздились вздыбленные горы, огромные кучи земли, камней, деревьев и — увы! — развалины домов.

— Наверное, край земли уже близок, — проговорил Мишель. — Давайте пойдем пешком!

Захватив оружие и немного еды, мы углубились в опустошенную зону, оставив автомобиль без охраны. Это было, пожалуй, опрометчиво.

Более часа мы с трудом продвигались вперед. То, что окружало нас, для меня, геолога, было сплошной фантасмагорией! Здесь перепуталось все: кристаллическая магма, осадочные породы, мезозойские и третичные отложения, настолько перемешанные, что я нашел в одном и том же месте трилобита, мелового сеноманского аммонита и третичных нуммулитов.

Луи с Вандалем шли впереди. Пока я рассматривал окаменелости, они взобрались по склону, достигли гребня, и оттуда послышались их изумленные голоса. Мы с Мишелем поспешили за ними.

До самого горизонта перед нами лежало огромное болото с маслянистой водой, поросшее жесткой травой, словно припорошенной серой пылью. Пейзаж был зловещий и грандиозный. Вандаль внимательно осматривал горизонт в бинокль.

— Там горы! — сказал он.

Он передал мне бинокль. Далеко на юго-востоке болото замыкало голубоватая зубчатая гряда.

«Земная зона» вдавалась в болото высоким мысом, на камнях повсюду темнели пятна высохшей тины. Мы осторожно спустились к воде. Здесь было, видимо, глубоко. Вода оказалась довольно прозрачной, чуть солоноватой на вкус.

— Все пусто, — заметил Вандаль. — Ни рыбы, ни птиц.

— Взгляни туда! — проговорил Мишель, указывая на тинистую отмель чуть поодаль. Там лежало какое-то зеленоватое существо длиной около метра. С одного его конца можно было различить ротовое отверстие, окруженное шестью мягкими щупальцами; у основания каждого тускло светился неподвижный серо-зеленый глаз. На другом конце был мощный хвост, заканчивающийся сплющенным плавником. Рассмотреть подробности нам не удалось: отмель была недоступна. Но когда мы уже взбирались на склон, точно такое же существо вынырнуло из воды с прижатыми к телу щупальцами, и тут же снова нырнуло; никто не успел даже ахнуть.

Прежде чем вернуться к автомашине, мы еще раз оглянулись на бескрайнее болото, и тут впервые после нашего прибытия в этот мир увидели высоко в небе облачко. Оно было зеленоватого цвета. Лишь позднее нам суждено было узнать его зловещее значение.

Когда мы вернулись, автомашина стояла с зажженными фарами.

— Свет был выключен, я точно помню! — воскликнул я. — Кто-то побывал в машине!

Однако вокруг на пыльной земле были отпечатки только наших ног. Я повернул рычажок, чтобы выключить фары, и вскрикнул: рукоятка была вымазана чем-то холодным и клейким, как слизь улитки.

Мы доехали до развилки дорог и повернули на север. Довольно скоро горные обвалы преградили нам путь.

— Лучше вернуться в деревню и ехать по дороге к карьеру, — предложил Луи. — Здесь мы слишком близко от мертвой зоны.

Я последовал его совету. В деревне мы увидели дядю: вытянув перевязанную ногу, он сидел в кресле и разговаривал с кюре и учителем. Мы сказали ему, чтобы нас не ждали раньше завтрашнего дня, и поспешили прямо на север. Дорога сначала взобралась на невысокий перевал, потом сбежала в вытянутую параллельно хребту долину. Редкие фермы здесь почти не пострадали: крестьяне выгоняли скот и занимались своими делами, словно ничего и не произошло. Еще через несколько километров обвалы снова преградили нам путь. Но тут полоса разрушений была меньше и среди хаоса возвышалась уцелевшая гора. Мы взобрались на нее и смогли осмотреть местность сверху. Вокруг простирались одни болота.

Уже наступали красные сумерки, все были измучены и потому решили заночевать на ближайшей ферме. Шесть часов проспали мы

как убитые, а затем двинулись на запад. На сей раз перед нами открылись не болота, а пустынное море. Тогда мы повернули на юг.

Машина прошла уже километров двенадцать, но мертвая зона была еще не видна. Дорога каким-то чудом уцелела среди обвалов, что намного облегчало продвижение. Ехать, однако, приходилось медленно, потому что обломки скал местами загромождали часть шоссе. Внезапно за поворотом перед нами возник совершенно нетронутый уголок: прелестная долина с лесами и лугами. Осыпи только запрудили горную речушку, и она разлилась в сверкающее озерцо. На пологом склоне стоял маленький замок, к которому вела тенистая аллея. Мы въехали в нее. У входа я заметил табличку: «Частная собственность. Въезд воспрещен!»

— Я думаю, теперь это несущественно, — пробормотал Мишель.

Едва мы успели развернуться перед замком, как на террасе появились две девушки и молодой человек. Он был высок, темноволос и, пожалуй, неплох собой, но сейчас его лицо искажала гримаса злобного недоумения. Одна девушка, тоже довольно хорошенькая, явно приходилась ему сестрой. Другая, та, что постарше, была слишком яркой блондинкой, чтобы цвет ее волос можно было принять за естественный. Молодой человек быстро сбежал по ступеням.

— Вы что, читать не умеете?

— Полагаю, — начал Вандаль, — при данных обстоятельствах...

— Какие еще могут быть обстоятельства? Это частная собственность, и я не желаю здесь видеть никого, кроме моих гостей!

В то время я был молод, горяч и несдержан, а потому насмешливо ответил:

— Послушай, сосунок, мы специально приехали спросить, не обрушился ли ваш родовой замок на то, что тебе заменяет голову. Разве так встречают спасителей?

— Убирайтесь немедленно! — заорал он. — Иначе я прикажу вышвырнуть вас отсюда вместе с вашей таратайкой!

— Мы уедем и сами, — сказал Вандаль, удерживая меня. — Но позвольте вам сказать, что мы теперь на другой планете, где все ваши деньги вряд ли чего-нибудь стоят...

— Что здесь происходит?

На террасу вышел пожилой широкоплечий мужчина в сопровождении дюжины здоровенных и малосимпатичных парней.

— Папа, эти типы ворвались без разрешения, а теперь...

— Молчи, Шарль! — оборвал его хозяин замка. Потом он обратился к Вандалю:

— Вы говорили о другой планете. Как вас понимать?

Вандаль объяснил.

— Значит, мы уже не на Земле? Интересно, интересно... И планета девственная?

— Пока что мы видели только болота с двух сторон, а с третьей — море. Остается разведать, что находится с четвертой стороны, если только ваш сын нам позволит.

— Шарль молод, и он не знал, что произошло. Мы тут ничего не понимали. Сначала я думал, что это землетрясение, но, когда увидел два солнца и три луны... Благодарю вас, теперь мне все ясно. Надеюсь, что вы с нами выпьете по рюмке?

— Спасибо. К сожалению, у нас нет времени.

— Ну что вы! Ида, приготовь-ка гостям...

— Нет, в самом деле, — прервал его я, — мы очень торопимся! Нам нужно засветло добраться до края «земли» и к вечеру быть уже в деревне.

— В таком случае не настаиваю. Завтра я к вам заеду узнать результаты вашей разведки.

И мы тронулись дальше.

— Да, не очень-то они мне понравились, — проговорил Мишель.

— Мерзкие рожи, — согласился Луи. — Знаете, кто это? Хоннегеры, швейцарцы, как они говорят. Папа миллионер, нажился на торговле оружием. А сынок еще хуже папаши. Воображает, будто все девушки без ума от него и его денег. Нет в мире справедливости! Ну что бы этим типам не подохнуть под развалинами вместо нашего добряка мэра!

— А что за шикарная блондинка с ними?

— Мадлена Дюшер, — ответил Мишель. — Киноактриса. Знаменита не столько своими ролями, сколько скандальными похождениями. Ее фото были во всех газетах.

— А дюжина типов с физиономиями висельников?

— Должно быть, подручные для грязных делишек, — сказал Луи.

— Боюсь, эти люди причинят нам еще немало хлопот, — задумчиво проговорил Вандаль.

Снова началась зона опустошения. Четыре часа пробирались мы через нее пешком, но зато на сей раз, к нашему величайшему удовольствию, за нею оказалась твердая почва. Я был взволнован. Остановившись на последнем обломке известняка, наполовину зарывшемся в неведомые травы, я не решался ступить ногой на почву иного мира. И менее сентиментальные Луи и Мишель сделали это первыми.

Мы собрали множество образцов растительности, здесь были тускло-зеленоватые травы с жесткими, режущими стеблями без соцветий, и многочисленные кустарники с удивительно прямыми стволами и серой корой металлического отлива. Луи обнаружил также одного мертвого представителя местной фауны. Он походил на плоского слепого удава без позвоночника длиной около трех метров. На предполагаемой голове у него были две большие заостренные клешни с каналами внутри. Вандаль сказал, что примерно такое же приспособление есть у личинок жука-плавунца. Ничего подобного на Земле ему не встречалось. «Слепой удав» оказался высохшим. Я заметил на его коже рваное отверстие, вокруг которого застыла блестящая слизь.

Вандаль очень хотел захватить нашу находку с собой, но, присмотревшись, мы обнаружили, что сухой была только кожа, а внутренности неведомого создания оказались в крайней стадии разложения. Поэтому пришлось удовлетвориться фотоснимками. Опасаясь, что в высокой траве скрываются живые и, наверное, опасные собратья этой твари, мы поспешно двинулись в обратный путь к деревне.

За нашей спиной до самого горизонта простиралась травянистая степь, и над нею вдали висело еще одно зеленое облако.

ОДИНОЧЕСТВО

Прежде чем думать об исследовании планеты, нужно было как следует обосноваться на уцелевшем куске земной территории и

организовать здесь какое-то общество. В деревне нас ожидали добрые вести: в колодцах снова появилась вода — правда, чуть солоноватая, но, по заключению Вандаля, вполне пригодная для питья. Перепись шла полным ходом. С людьми дело обстояло просто, со скотом — сложнее, а с материальными запасами — труднее всего. Дядя оказался прав, когда предупреждал нас: «Меня знают, но я для них никто — не мэр и даже не муниципальный советник».

Согласно подсчетам, население деревни и окрестных ферм достигало 2847 человек, из них 943 мужчины, 1007 женщин и 897 детей в возрасте до шестнадцати лет. Скота, по-видимому, было много, особенно коров. Выяснив все это, Луи сказал:

— Завтра утром надо созвать общее собрание.

Он нашел добровольного глашатая и вручил ему воззвание, написанное карандашом на клочке бумаги. Этот листок до сих пор у меня, весь пожелтевший и чуть живой от времени. Вот полный текст воззвания:

«Гражданки и граждане! Завтра утром на площади у колодца общее собрание. Астроном Бурна объяснит причины катастрофы. Луи Морьер и его товарищи расскажут о результатах разведки. Сбор через два часа после восхода голубого солнца. Нужно принять решения на будущее. Присутствие обязательно».

Я хорошо запомнил это первое собрание. Сначала слово взял Луи:

— Сейчас мсье Бурна объяснит, насколько это возможно, что с нами случилось, но, сначала я хочу сказать пару слов. Вы, должно быть, уже поняли, что мы больше не на Земле. Теперь, оказав помощь раненым, нам придется взяться за самое трудное. Прежде всего нужно организоваться. Никакое человеческое общество не может жить без законов. Нам осталась часть Земли длиной примерно тридцать километров и шириной семнадцать, этакий грубый ромб площадью около пятисот квадратных километров. Но надо смотреть правде в глаза: только четверть этой площади пригодна для обработки, все остальное — развороченные горы. Я думаю, что земли нам хватит, чтобы прокормиться, хотя наше население может значительно возрасти. Но дело не в земле, каждый человек сможет получить хоть по тысяче гектаров, потому что дальше вокруг нас целая планета! Самое главное — это рабочая сила. Теперь понадобится каждый человек и работать будут все Нам неслыханно повезло: вместе с нами оказались инженеры и ученые. Но все равно, мы должны смотреть на себя как на пионеров и проникнуться их

суровым духом. Тот, кто вместо помощи соседу будет ему вредить, — преступник, и таким мы будем воздавать по заслугам. Хотим мы этого или нет, отныне это закон, и нам придется либо ему подчиняться, либо... всем передохнуть! После собрания я с добровольцами проведу перепись профессий. Те, кто пришли, дадут сведения о тех, кто отсутствует. Послезавтра общее собрание выберет депутатов, которые создадут правительство; обычными делами будет по-прежнему заниматься муниципальный совет. А теперь будет говорить астроном Пьер Бурна.

Мой дядя встал, опираясь на трость.

— Дорогие друзья! — сказал он. — Вы знаете, что беспримерная катастрофа, по-видимому, навсегда оторвала нас от старушки Земли и забросила в неведомый мир. Что это за мир? Пока я не знаю. Мы уже видели, что здесь два солнца и три луны. Пусть это нас не пугает: мсье кюре и ваш учитель, которые не раз заходили ко мне в обсерваторию, могут вам подтвердить, что подобные вещи можно наблюдать в небе довольно часто. Благодаря случайности, поистине чудесной (здесь кюре одобрительно закивал), мы попали на планету, воздух которой, по сути дела, почти не отличается от земного и вполне нам подходит. По предварительным расчетам, эта планета должна быть немного больше Земли. Что делать дальше — Луи Морьер только что вам объяснил, и довольно понятно. Когда я узнаю что-нибудь новое об этом мире, который теперь стал нашим миром, я вам сообщу.

Собравшиеся приняли выступления хорошо. Крестьяне с отдаленных ферм явно примирились с катастрофой: семьянины и домоседы, привязанные к своим полям, они по большей части сохранили все, что у них было, а прочим не очень-то интересовались. Рабочие оказались куда недоверчивее.

— Старик что-то путает со своим иным миром. Мы ведь живы, а на тот свет, пока не умрешь, не попадешь!

— Откуда же тогда два солнца?

— Ну второе совсем маленькое! А потом с теперешней техникой мы не то еще увидим! Если хотите знать, все это штучки бошей, а ваше второе солнце вроде атомной бомбы!

Семейные драмы разыгрывались в основном среди жителей деревни. У многих под развалинами домов или под обвалами в горах погибли родные, а один юноша никак не мог свыкнуться с мыслью, что больше никогда не увидит свою невесту, которая уехала погостить к своей кузине. Он во что бы то ни стало хотел послать ей телеграмму!

Назавтра, в воскресенье, мы проснулись от колокольного звона. С помощью прихожан кюре извлек из-под развалин церкви колокола, подвесил их к большой ветке дуба и трезвонил вовсю. Когда мы подоспели на площадь, кюре уже отслужил воскресную мессу под открытым небом. Славным человеком был наш кюре; позднее он доказал, что в его пухленьком теле жила героическая душа.

Я приблизился к нему.

— Поздравляю вас, монсеньер, ваши колокола напомнили нам о родной Земле.

— Монсеньер? — удивился добряк.

— Ну да, вы же теперь епископ. Впрочем, что я говорю — для нас вы сам папа!

— Боже правый, об этом я и не подумал! — бледнея, пробормотал кюре. — Какая страшная ответственность...

— Ничего, справитесь!

Я оставил ошеломленного толстяка и направился в школу, где уже трудился Луи. Ему помогали учитель с женой и двое юношей.

— Как дела со списком?

— Продвигаются. Если кто-нибудь скрытничает, о нем всегда можно узнать у других. Вот предварительный подсчет: триста пятьдесят рабочих завода, пять мастеров, пять инженеров, четыре астронома, геолог — это ты; хирург, врач, аптекарь, биолог, историк — твой брат; антрополог, ветеринар, два учителя, два каретника, три каменщика, плотник с подмастерьем, автовеломеханик, кюре, церковный служка, три владельца кафе, булочник, два пекаря, три бакалейщика, два галантерейщика, кузнец с двумя молотобойцами, шесть рабочих каменоломни, два жандарма, часовщик, он же мастер по радиоприемникам, портной с двумя учениками, две швеи, лесник, а остальные — крестьяне. Что касается папаши Борю, то он настоял, чтобы его записали как браконьера. Да, совсем забыл! Еще владелец замка со своим сынком, дочкой, любовницей и по крайней мере дюжиной телохранителей, не считая прочей челяди. От них, кроме неприятностей, ждать нечего.

— Что с техникой?

— Легковых машин на ходу — одиннадцать, еще машина твоего дяди и стосильный автомобиль Мишеля, который жрет слишком много бензина; тракторов — три, один из них гусеничный; грузовиков — восемнадцать, из них пятнадцать заводских; десять мотоциклов и около сотни велосипедов. К сожалению, осталось лишь двенадцать тонн бензина и 13 600 литров газолина. Запасных шин тоже маловато.

— Ну без бензина обойдемся, переделаем на дровяные газогенераторы.

— Где переделаем?

— На заводе, конечно.

— А электричество? Правда, есть аварийные генераторы с паровыми двигателями, но у нас очень мало угля, да и дров недостаточно.

— Тут в горах неподалеку были залежи угля. Надеюсь, они тоже с Земли. Пласты бедные, но выбора у нас нет.

— Вот и найди их, это твоя работа. Теперь продовольствие, с этим все в порядке, но, пока не соберем новый урожай, надо будет вести строгий учет. Может быть, даже введем продовольственные карточки, хотя я, честно, не представляю, как это примут остальные!

На следующий день состоялись первые выборы. Никакой точной программы никто не выдвигал: собравшимся просто объявили, что они должны избрать Совет, или Комитет общественного спасения из девяти человек. Проходит тот, кто набрал больше голосов; каждый избиратель должен подать список с девятью именами, и все.

Результаты выборов удивили всех. Первым 987 голосами из 1302 присутствующих прошел прежний заместитель мэра, богатый крестьянин Альфред Шарнье. Вторым 900 голосами был избран его дальний родственник, школьный учитель. Третьим 830 голосами прошел кюре. Далее следовали Луи Морьер — 802 голоса; Мари Прэль, бывшая муниципальная советница, крестьянка, всеми уважаемая за грамотность и годы, — 801 голос; мой дядя — 798 голосов; Этранж — 780 голосов; как ни странно, Мишель — 706 голосов; оказалось, что он весьма популярен среди женской половины населения! И наконец, последним был я — 700 голосов. Лишь потом я узнал, что своим избранием я обязан Луи, который провел за меня настоящую избирательную кампанию, убеждая людей, что только я смогу отыскать железо и столь необходимый уголь. Зато содержатель самого большого в деревне кабака получил всего 346 голосов.

Больше всего нас удивило незначительное число избранных крестьян. Возможно, при данных необычных обстоятельствах избиратели решили довериться тем, кто, по их мнению, мог выпутаться из любого положения и располагал для этого необходимыми знаниями, а может быть, они просто не очень доверяли друг другу и предпочли выбрать людей, далеких от местных склок.

Мы хотели избрать председателем Альфреда Шарнье как получившего большинство голосов, но он отказался, и в конечном счете эту должность по очереди занимали учитель и кюре. В тот же вечер Луи, поселившийся в одной комнате со мной и Мишелем, сказал нам:

— Теперь мы должны держаться вместе. Ваш дядя будет с нами, и на учителя, я думаю, тоже можно рассчитывать. Значит, нас будет в Совете пятеро, то есть большинство. Нам придется отстаивать свою точку зрения, что будет не всегда легко. Но рабочие нас поддержат, инженеры, наверное, тоже, а может быть, и часть деревенских жителей. И дело здесь не в самолюбии! Я говорю так потому, что, на мой взгляд, только мы до конца понимаем, что именно нужно делать для спасения этого клочка земного мира.

— Выходит, ты хочешь установить диктатуру? — спросил Мишель.

— Диктатуру — нет, но сильное правительство — да.

— Особой разницы не вижу, — проговорил я. — Не думаю, что это действительно необходимо. Недовольные сразу появятся...

— Кюре... — начал было Мишель, но Луи его прервал:

— Не обязательно! Кюре достаточно умен, а поскольку в религиозные дела мы не собираемся вмешиваться, можно будет даже привлечь его на свою сторону. Крестьяне? Земли у них будет вдоволь — бери сколько сможешь! А что касается коллективного производства — промышленность и ремесла нам придется в какой-то степени обобществить, — то это наше новшество их пока не затронет. Нет, я думаю, что труднее всего придется, когда мы начнем ломать старые привычные представления. Во всяком случае, сначала будет нелегко. Потом, через несколько поколений, встанут новые задачи, а сейчас нам надо выжить. И если мы начнем со взаимной вражды или допустим анархию и беззакония...

— Согласен! Я с тобой.

— Я тоже, — сказал Мишель, — хотя, честное слово, в жизни не думал, что стану когда-нибудь членом директории!

Первое заседание Совета было посвящено распределению «министерских портфелей».

— Начнем с народного просвещения, — сказал Мишель.

— Я предлагаю избрать министром мсье Бурна. Любой ценой мы обязаны сохранить наше научное наследие. Каждый из ученых должен выбрать себе среди школьников наиболее способных учеников и для начала передать им свои практические знания. Теорию будем преподавать потом, самым талантливым, если такие найдутся. Одновременно нужно будет написать учебники, чтобы

пополнить библиотеку обсерватории и школы. К счастью, в обсерватории сохранилось достаточно научных трудов по самым различным вопросам.

— Прекрасно! — согласился Луи. — Предлагаю министром промышленности назначить Этранжа, сельское хозяйство поручить Шарнье, а ты, Жан, будешь министром геологии, — это очень важное дело. Мсье кюре будет нашим министром юстиции, а учитель — министром финансов: он на досуге изучал политическую экономию. Нам придется выпускать деньги, чтобы было какое-то средство обмена.

— А я? — спросил Мишель.

— Ты организуешь полицию.

— Чтобы я стал полицейским?!

— Да. Дел у тебя будет много, и самых трудных: описи, реквизиции, поддержание порядка и прочее. Тебя уважают, это тебе поможет.

— Ну, этак я все симпатии быстро растеряю! А какой пост займешь ты?

— Погоди. Мари Прэль будет министром здравоохранения; ей помогут доктор Массакр и доктор Жюльен. А я, если вы не против, займусь армией.

— Армией? Может быть, заодно и флотом?

— Может быть. Кто знает, что ждет нас на этой планете! К тому же я буду весьма удивлен, если тот мрачный субъект из замка не даст вскоре о себе знать.

Луи как в воду глядел! На другой день на всех стенах появились листовки, напечатанные типографским способом. Текст их гласил:

"Крестьяне и горожане! Так называемый Комитет общественного спасения захватил власть, прикрываясь видимостью демократии. Кто входит в этот комитет? Из девяти членов только четыре местных жителя! Рабочий, три ученые крысы, инженер, учитель — вот уже шесть голосов против трех крестьян и голоса мсье кюре, которого против воли втянули в эту грязную историю. Что все эти люди понимают в ваших законных требованиях? Только я, крупный землевладелец, могу их понять и разделить до конца. Примыкайте к моей партии! Разгоните клику самозванцев! Идите к моему замку в Долине!

Иоахим Хоннегер".

Луи торжествовал:

— Ну, что я вам говорил? Вот видите! Придется принять меры.

Первой такой мерой стала немедленная конфискация всего оружия, которое затем раздали наиболее надежным добровольцам. Их набралось пятьдесят человек: командиром стал лейтенант запаса Симон Бевэн. Этот зародыш армии, несмотря на самое пестрое вооружение, был уже значительной силой.

К тому времени окончательно выяснилось, что мы на планете одни. Инженерам с помощью Мишеля и моего дяди удалось собрать достаточно мощный передатчик, Радио-Теллус. В память о Земле мы дали нашему новому миру латинское имя родной планеты — Теллус. Самую большую луну мы назвали Феб, среднюю — Селена, маленькую — Артемида. Голубое солнце получило имя Гелиос, а красное — Соль. Все эти имена прижились и сохранились до сих пор.

С понятным волнением Симон Бевэн отправил в эфир первые позывные. Мы вели передачи пятнадцать дней, пробовали волны разной длины, но не получили никакого ответа. Эфир безмолвствовал. Угля было мало, поэтому дальнейшие передачи мы вели только раз в неделю. И с тем же успехом. Нужно было смотреть истине в глаза: мы были обречены на одиночество. На Теллусе, кроме нас, не оказалось людей, разве что какие-нибудь маленькие группки без приемников и передатчиков.

ГИДРЫ

Если не считать появления новых листовок примерно такого же содержания, Хоннегер нас больше не беспокоил. Поймать расклейщиков пока не удавалось. Но вскоре владелец замка напомнил о своем существовании самым трагическим образом.

Вы помните Розу Феррье, ту самую девушку, которую мы вытащили из-под развалин в первый день после катастрофы? Несмотря на молодость — ей едва исполнилось шестнадцать лет, — она была самой красивой девушкой деревни. Учитель предупредил нас, что до катастрофы за ней усиленно приударял Шарль Хоннегер. И вот однажды — (была красная ночь) — мы проснулись от выстрелов. Мишель и я мгновенно вскочили, однако Луи оказался еще быстрее, и мы выбежали за ним на улицу. Навстречу нам из багрового полумрака выскакивали обезумевшие люди. С револьверами в руках мы бросились к месту перестрелки. Там уже действовал ночной патруль: раздавались выстрелы охотничьих ружей и сухой треск винчестера папаши Борю, который вступил в нашу армию в прежнем

чине сержанта. Взметнулись языки пламени, освещая улицу: один дом горел. Перестрелка была беспорядочной, суматошной. Едва мы высунулись на площадь, как пули засвистели над нашими головами и послышались автоматные очереди: у нападающих были автоматы! Ползком добрались мы до папаши Борю.

— Одного снял, — сообщил он нам с гордостью. — Прямо на бегу, как дикую козу в старое доброе время!

— И кто это?

— Почем я знаю! Мерзавцы на нас напали. Прозвучали еще несколько выстрелов, потом отчаянный женский голос:

— Помогите! Ко мне! Помогите!..

— Это Роза Феррье, — сказал Луи. — Хоннегер ее похищает, подлец!

Автоматная очередь заставила нас пригнуться. Крики затихали вдали. Где-то в темноте заработал мотор автомашины.

— Ну погоди, свинья! — крикнул Мишель.

Ему ответил ехидный смех, потом шум мотора удалился. Возле горящего дома осталось несколько убитых и один раненый, который пытался уползти в сторону. Мы не верили своим глазам, — это был деревенский портной! Картечь пробила ему икры. В кармане у него мы нашли магазин от автомата.

Допрос занял немного времени. Надеясь спасти свою шкуру, предатель раскрыл все планы Хоннегера, во всяком случае то, что знал. Владелец замка намеревался захватить деревню и стать диктатором Теллуса. У него было человек пятьдесят наемных бандитов и большой запас современного оружия. К счастью для нас, его сынок не захотел ждать и решил с дюжиной гангстеров похитить Розу Феррье, которой давно тщетно домогался. Портной был его шпионом; после налета он рассчитывал укрыться в замке. Вместе с портным листовки Хоннегера расклеивал кабатчик Жюль Модрю. В ту же ночь мы повесили обоих предателей на ветке большого дуба.

Мы потеряли в схватке трех человек убитыми и шесть было ранено. Три девушки исчезли — Роза, Мишель Одуй и Жаклина Прэль, племянница Мари. Но зато после ночного налета все жители деревни и окрестных ферм встали на нашу сторону. Бандиты оставили на месте двух убитых, два автомата, револьвер и довольно значительное количество патронов. На рассвете, еще до восхода голубого солнца, Совет единогласно объявил Шарля и Иоахима Хоннегеров вместе со всеми их сообщниками вне закона и отдал приказ о мобилизации. Однако неожиданные события заставили нас отложить наступление на замок.

В то утро, когда наша армия собиралась на площади, в деревню ворвался обезумевший от ужаса мотоциклист. Этот крестьянин жил со своей женой и двумя детьми на изолированной ферме километрах в пяти от деревни. Дня три назад он сообщил нам о том, что одна из его коров погибла при весьма странных обстоятельствах: утром она была совершенно здорова, а вечером хозяин нашел на пастбище только ее скелет да шкуру, из-под которой словно высосали всю кровь, мясо и внутренности. На коже осталось с десяток непонятных отверстий. И вот сегодня этот крестьянин примчался вновь. Он соскочил с мотоцикла так поспешно, что упал на землю и прохрипел:

— Смерть! Летающие пиявки! Они убивают одним ударом...

Несчастный был бледен как мел и весь дрожал. Только выпив полный стаканчик водки, он смог рассказать нам, что произошло:

— Значит, выгнал я на заре коров, хотел хлев почистить. Пьер, мой сынишка, погнал их на пастбище. Я видел, конечно, в небе зеленое облачко, да кто же, черт его, знал, что это за штука! В этом мире два солнца и три луны, думал я, так почему бы не быть зеленым облакам? Ну и вот. Ах, мразь какая! Пьер уже возвращался, когда облако вдруг начало падать. Да, и упало! И я увидел, что это добрая сотня зеленых пиявок, и у всех присоски болтаются вроде рук. Они упали прямо на стадо, и бедные коровы попадали замертво. Я кричу Пьеру: «Прячься!» — только он уже не успел, бедняга. Одна пиявка полетела к нему и сверху, метров с трех, ударила его чем-то вроде длинного языка, и он сразу умер. Тогда я запер жену со вторым ребенком в доме, сказал им, пусть сидят и не выходят, а сам вскочил на мотоцикл — и сюда! Они за мной гнались, проклятые твари, да не догнали. Прошу вас, едемте со мной, я боюсь, что они ворвутся в дом!

По описанию крестьянина мы тотчас узнали странных обитателей болот, но нас удивило, что они могут летать. Так или иначе угроза была серьезной. Мы с Мишелем захватили два автомата и сели в закрытую машину; Вандаль, никого не спрашивая, устроился на заднем сиденье, Бевэн с целым взводом своих добровольцев влез на грузовик с крытым верхом, и мы отправились.

Через два километра нам встретилась первая гидра — так Мишель окрестил этих тварей, и это название за ними осталось. Гидра порхала над лугом, гоняясь за овцами. Мы сбили ее жаканом и остановились, несмотря на мольбы крестьянина поторопиться.

— Чтобы победить врага, нужно его знать, — объяснил Вандаль.

Животное походило на огромный вытянутый бурдюк длиной метра четыре с могучим плоским хвостом. Спереди у него болталось шесть полых щупалец с роговыми когтями на концах, из-под которых

выделялась слизь. У основания каждого щупальца было по глазу. В середине в кругу, образованном щупальцами, выступал конический бугор, из которого торчала длинная трубка; ее роговый конец был срезан наискосок, как у иглы шприца.

— Жало наверняка ядовитое, — заметил Вандаль. — Советую стрелять, не выходя из грузовика; брезент толстый, может быть, он вас защитит. Именно такую тварь мы видели на болоте, только эта гораздо больше и может летать. Но как? Непонятно...

Вдоль всей верхней части туловища у гидры висели какие-то два мешка, пробитые пулями. Позади щупалец, куда попал основной, заряд, в зеленом мясе зияла дыра, в которую можно было просунуть кулак.

Мы двинулись дальше. Мишель вел машину. Приспустив со своей стороны стекло, я высунул наружу ствол автомата; второй автомат взял Вандаль и охранял левую сторону. Грузовик шел за нами.

За поворотом между деревьями мы увидели еще одну гидру. Она неподвижно парила в воздухе метрах в трех от земли, свободно свесив чуть шевелящиеся щупальца. От неожиданности первой очередью я промазал. Гидра ударила хвостом и зигзагами начала набирать высоту с огромной скоростью — километров шестьдесят в час! Сбить ее так и не удалось. Еще через полкилометра показалась ферма; мирный дымок струйками поднимался над ее трубой. Мы проехали мимо, свернув на грунтовую дорогу, где колеса машины еле выбирались из глубоких колей. За стеклом окна мелькнули испуганные лица крестьянки и ее второго сына — мальчишки лет одиннадцати-двенадцати.

Мы пересекли поле и оказались на выгоне. Здесь копошились на трупах коров по крайней мере шестьдесят гидр; у каждой одно-два щупальца были погружены в тело жертвы.

— Осторожно! — крикнул нам крестьянин. — Только что их тут было больше!

Пока не прозвучал первый выстрел, гидры не обращали на нас внимания. Некоторые, отяжелев, отваливались от трупов коров и отправлялись к воде — по-видимому, пить. Во всяком случае, в тот момент мы разглядели только, как гидры, подлетев к большой луже, погружали в нее особое, более толстое щупальце, и жадно сосали воду. После этого они заметно раздувались, но движения их, как ни странно, становились явно легче.

Каждый из нас выбрал себе цель. Я взял на мушку ближайшую группу — шесть тварей, пировавших на одной корове.

— Огонь! — скомандовал Бевэн. — Протрещал залп, словно лопнуло, раздираясь, шелковое полотнище. Пустые гильзы из моего автомата зазвенели о боковое стекло; одна из них отскочила за шиворот Мишелю, и он коротко выругался, почувствовав под рубашкой горячий металл. Гидры заметались. Многие сразу рухнули наземь, как продырявленные мешки, — я косил их в упор. Вандаль, более счастливый или более меткий, чем я, ухитрился снять сразу двух одной очередью. Картечь охотничьих ружей рвала гидр на куски.

Те, что не были сразу задеты, с удивительной скоростью ринулись вверх и через несколько секунд повисли высоко над нами зеленым облачком. Перезарядив автоматы, мы вылезли из машины. Остальные на грузовике были настороже, чтобы в случае чего прикрыть нас огнем. Шкуры мертвых коров были сплошь продырявлены; роговые зубцы на концах щупалец гидр оставили рваные круглые отверстия. Все мясо под шкурами превратилось в какую-то черноватую грязь.

— Внешнее пищеварение, — объяснил Вандаль. — Как у личинки жука-плавунца. Гидра убивает жертву ядовитым уколом, потом через щупальца впрыскивает желудочный сок, который превращает мясо в питательную слизь, и спокойно высасывает эту массу.

Чтобы рассмотреть чудовище получше, Вандаль нагнулся, присел на корточки, но тут же вскочил с криком боли: его рука случайно коснулась зеленой кожи.

— Осторожно! Не трогайте эту пакость, она жжется! Левая рука Вандаля сразу покрылась беловатой сыпью.

— Жжется как черт! С медузами встречались? Так вот это то же самое, только сильнее. Кто тронет — не обрадуется!

Рука его быстро раздулась, Вандаль два дня кряхтел от боли, но, к счастью, потом все прошло.

Тем временем зеленое облако по-прежнему висело над нашими головами, и мы не знали, что делать. Уйти? А вдруг гидры после нашего отъезда снова нападут на ферму! Остаться? Но что, если Хоннегер без нас захватит деревню?

Гидры сами вывели нас из нерешительности.

— Назад, в укрытие! — закричал вдруг Мишель, не спускавший с них глаз.

Мы бросились к машине; первым в нее вскочил Вандаль, за ним мы с Мишелем. Я уже захлопывал за собой дверцу, когда одна гидра спикировала на машину и разбилась о крышу, которая, к счастью, выдержала удар. Остальные чудовища с огромной скоростью

закружились над грузовиком в фантастической карусели. Торопливо подняв стекло, я смотрел на них, готовый в любую секунду открыть огонь.

Из грузовика началась беспорядочная стрельба. Наши добровольцы не жалели пороха! Раненые гидры, корчась, шлепались на землю, остальные продолжали носиться в бешеном круговороте. Внезапно, словно по команде, они ринулись в атаку, вытянув ядовитые жала. Раздался вопль — очевидно, одна из гидр пробила брезент своим отравленным оружием и уколола кого-то в кузове. Грузовик сразу тронулся с места. Теперь мы тоже открыли огонь, и на сей раз стреляли весьма удачно. Гидры облепили грузовик, мы боялись ранить товарищей, но, поскольку на нас никто не нападал, мы целились, не торопясь и били на выбор, как в тире. За несколько минут нам удалось уничтожить еще тридцать чудовищ, а всего в общей сложности более семидесяти штук. На этот раз урок не прошел даром: гидры взмыли ввысь и, наконец, улетели.

Одна мертвая, но не продырявленная гидра осталась висеть метрах в двух над грузовиком. Мы ловко накинули на нее петлю и отбуксировали по воздуху в деревню, как вражеский воздушный шар. Крестьянина с семьей и наполовину переваренный труп его сына тоже увезли с собой. На поле остались тела двенадцати коров и гидр, лишь одну по просьбе Вандаля обвязали веревками и осторожно втащили на грузовик, чтобы потом на досуге произвести подробное вскрытие.

Кстати, выяснилось, что наше беспокойство было напрасным: в грузовике никто не пострадал, просто один из добровольцев вскрикнул от страха. Несмотря на это, мы теперь знали, какую грозную опасность представлял для нас мир неведомых чудовищ Теллуса.

В деревню мы вернулись победителями. Добровольцы распевали. Рабочие пели боевые революционные песни, а мы с Мишелем во всю мочь трубили марш из «Аиды», стараясь наделать побольше шуму.

Новости, которыми встретил нас Луи, слегка поохладили наш безудержный энтузиазм

СИЛА ПРОТИВ НАСИЛИЯ

Двенадцать добровольцев ходили на разведку к замку и были встречены очередью двадцатимиллиметрового тяжелого пулемета. В доказательство они принесли неразорвавшуюся пулю.

— Теперь вам ясно? — спросил Луи. — Оружие у этих каналий гораздо лучше нашего. Против таких штучек, — он подбросил на ладони разрывную пулю, — у нас только ружья для охоты на кроликов, да еще мегафон для убеждений... Единственное серьезное оружие — это винчестер папаши Борю.

— И два автомата, — добавил я.

— Для ближнего боя, не далее тридцати метров. Кроме того, много ли к ним патронов? А драться все равно придется: так этого мы не оставим. Твоя сестра, Мишель, тоже не в безопасности, даже в обсерватории.

— Мерзавцы! Если они посмеют...

— Они посмеют, старина, посмеют! Нас около пятидесяти, и вооружены мы чем попало, а у них человек шестьдесят и прекрасное оружие. А тут еще эта летающая зеленая падаль, черт бы ее побрал! Вот если бы Констан был с нами!..

— Кто это?

— Инженер Констан, специалист по ракетам. Прости, ты не знаешь, наш завод среди прочих вещей должен был выпускать боевые ракеты для самолетов. Мы наштамповали целый склад корпусов, но ведь это просто металлические трубы, зарядов к ним нет. Ну да, разумеется, в химической лаборатории осталось все, что нужно для начинки, но кто это сможет сделать? Химиков нет!

Я схватил Луи за плечи и завертел вокруг себя, приплясывая от восторга.

— Луи, старина, мы спасены! Ты знаешь, что мой дядя — майор артиллерии в запасе?

— Знаю, но что из этого? Пушек у нас все равно нет.

— И не надо! Последние годы он служил в ракетных противовоздушных частях и прекрасно разбирается в ракетах. Если у вас там действительно сохранились химические вещества, все в порядке! Дядя с Бевэном справятся. В крайнем случае зарядим ракеты черным порохом, нам особая дальность ни к чему.

— Пожалуй, но ведь это займет дней десять — пятнадцать. А тем временем...

— А тем временем надо чем-нибудь развлечь этих сеньоров из замка. Погоди-ка!

Я бросился в госпиталь, где еще отлеживались Бреффор и мой брат.

— Послушай, Поль, — спросил я, — ты сможешь построить римскую катапульту?

— Конечно. Но для чего?

— Чтобы обстреливать замок. Насколько она бьет?

— О, все зависит от веса снаряда. В общем от тридцати до ста метров. Хватит?

— Хватит! Делай чертеж.

Вернувшись к Луи и Мишелю, я изложил им свой план.

— Неплохо, — одобрил Луи. — Но сто метров — это сто метров, а пулемет калибром двадцать миллиметров бьет куда дальше!

— Возле замка, насколько мне помнится, есть ложбина, к которой можно подъехать по боковой дороге. Там и надо установить катапульту.

— Как я понимаю, ты хочешь метать в них самодельные бомбы, начиненные железным ломом, — сказал Мишель. — Но где ты возьмешь взрывчатку?

— В каменоломне есть килограммов триста динамита, его завезли перед самой катастрофой.

— Ну, с этим замка не захватишь, — проговорил Мишель, качая головой.

— А мы и не собираемся. Главное — выиграть время. Пусть думают, что мы зря тратим силы и боеприпасы на бесполезный обстрел! Тогда мы успеем начинить ракеты.

И я рассказал Мишелю о том, что узнал от Луи. По приказу Совета Бевэн направил патрули прощупать вражескую оборону. Одновременно эти же патрули должны были сообщать о появлении гидр; мы дали им маленький передатчик, который собрал на досуге Этранж. После этого приступили к сооружению катапульты: сколотили раму, выточили ложку, на которую пришлось пожертвовать молоденький ясень, и опробовали это допотопное орудие, метнув несколько каменных глыб. Дальность боя оказалась вполне удовлетворительной, и мы построили еще две катапульты.

Вскоре наша маленькая армия во главе с Бевэном выступила в поход на замок. Добровольцы ехали на трех грузовиках, а за ними три трактора тащили катапульты.

Первая неделя прошла в незначительных стычках. Все это время на заводе кипела лихорадочная работа. На девятый день мы с Мишелем приехали на позиции.

— Ну как, все готово? — спросил нас Бевэн.

— Первые ракеты прибудут сегодня или завтра, — ответил я.

— Наконец-то! Признаюсь, нам здесь было не очень спокойно. Если бы они вздумали сделать вылазку...

Мы прошли на аванпост.

— Не высовывайтесь, — предупредил нас папаша Борю. Как бывший сержант и ветеран второй мировой войны, он теперь командовал авангардом. — За гребнем все простреливается пулеметами. Насколько я понял, их у противника четыре штуки: два двадцати и два, скорее всего, семи с половиной миллиметровых. Кроме того, автоматы.

— Можно их накрыть катапультами?

— Не пробовали, — ответил Бевэн. — Мы старались не обнаруживать их дальность боя.

— Что с другой стороны замка?

— Они укрепили все вокруг. Там завалы из деревьев. А главное — они держат дорогу под обстрелом, так что катапульты не подвезешь.

— Хорошо, подождем, Ползком мы добрались до гребня. Его обстреливал тяжелый пулемет.

— Этот можно было бы, пожалуй, подавить, — заметил Мишель.

— Наверное. Только атаковать мы все равно не будем, пока не подвезут ракеты. Подождем еще хотя бы до следующей голубой зари.

В назначенный час из деревни прибыли на грузовике мой дядя, Бреффор и Этранж, и принялись сгружать многочисленные ящики.

— Гранаты, — коротко пояснил Этранж.

Это были обрезки чугунных труб с детонаторами.

— А вот ракеты, — сказал дядя. — Мы их испытали. Дальность — три с половиной километра; точность боя вполне достаточная. В головках — чугунные обломки и заряд взрывчатки. Сейчас подойдет грузовик с направляющими подставками. Всего у нас пятьдесят ракет этого типа, но на заводе уже готовят более мощные.

— Хе-хе! — потирал руки Бевэн. — Наша артиллерия пополняется!

В этот момент в лощину скатился один из наших добровольцев.

— Они машут белым флагом! — сказал он.

— Неужели сдаются? — спросил я недоверчиво.

— Нет, хотят выслать парламентера.

— Ответь: «Пусть присылают», — приказал Бевэн. На стороне противника поднялся человек и двинулся к нам, размахивая носовым платком. Папаша Борю встретил его на полпути на ничейной земле и отконвоировал к нашим позициям. Это оказался Шарль Хоннегер собственной персоной.

— Что вам угодно? — спросил Бевэн.

— Я хочу говорить с вашими главарями.

— Перед вами четыре «главаря».

— Во избежание бесполезного кровопролития предлагаем следующее: вы распускаете ваш Совет, складываете оружие и передаете власть нам. Тогда вам ничего не будет.

— Ну ясно, вы просто превратите нас в рабов, — ответил я. — Вот наши предложения: вы возвращаете похищенных девушек и сдаетесь. Ваших людей мы берем под наблюдение, а вас и вашего отца сажаем до суда в тюрьму.

— Наглости у вас хоть отбавляй! Посмотрим, что вы сделаете с вашими охотничьими хлопушками.

— Предупреждаю, — вмешался Мишель, — если у нас будет убит хоть один человек, мы вас повесим.

— Постараюсь не забыть!

— Раз вы не желаете сдаться, — продолжал я, — предлагаю вам поместить похищенных девушек, а также вашу сестру и мадемуазель Дюшер в безопасное место, хотя бы вон на ту скалу.

— Ничего не выйдет! Ни Мад, ни моя сестра ничего не боятся, а на остальных мне наплевать. Если этих убьют, после победы найдутся другие. Хотя бы ваша сестричка...

Не успев закончить, негодяй опустился на землю с разбитой физиономией: Мишель оказался быстрее меня.

Шарль Хоннегер поднялся, бледный от ярости.

— Вы ударили парламентера, — прошипел он.

— Сволочь ты, а не парламентер. Убирайся, покуда цел!

И его выпроводили под усиленным конвоем.

Едва Хоннегер скрылся за гребнем, в лощину въехал второй грузовик, и мы быстро установили подставки для запуска ракет.

— Через десять минут начнем обстрел, — сказал Бевэн. — Жаль только, что у нас нет наблюдательного пункта.

— А вот тот холм? — спросил я, показывая на крутую возвышенность, поднимавшуюся позади наших линий метров на пятьдесят.

— Он весь простреливается.

— Но зато оттуда должен быть виден даже замок! Зрение у меня отличное, и я возьму с собой телефон. Провода, кажется, хватит.

— Я с тобой, — сказал Мишель.

Мы полезли вверх, разматывая на ходу телефонный провод, но не успели мы добраться и до половины склона» как послышались резкие щелчки и осколки камней полетели во все стороны: нас заметили. Прижимаясь к скале, мы обогнули вершину и полезли дальше по противоположному склону.

Сверху вражеские линии открылись как на ладони. От выдвинутого вперед небольшого дота с тяжелыми пулеметами к тылам шла глубокая траншея. По флангам были разбросаны гнезда автоматчиков и одиночные окопы, в которых шевелились люди.

— Портной говорил, что их здесь человек пятьдесят-шестьдесят, но, судя по линиям укреплений, должно быть больше, — заметил Мишель.

На расстоянии около километра по прямой от нас на склоне горы была ясно видна поляна, а посреди нее — замок. Черные точки то появлялись около него, то снова исчезали.

— Какая досада, что Вандаль разбил свой бинокль!

— Да, жаль, — согласился я. — У нас остались только телескопы. Машины мощные, но ведь их с места не сдвинешь!

— Постой, а почему бы не снять с телескопа маленький искатель?

— Ты еще успеешь это сделать. Замок сегодня вряд ли удастся захватить.

— Алло! Алло! — запищал телефон. — Через минуту открываем огонь по замку. Наблюдайте!

Я бросил взгляд на наши позиции: половина добровольцев, развернувшись цепью, залегла под самым гребнем лощины; остальные суетились вокруг катапульт. Этранж и мой дядя тщательно устанавливали направляющие подставки ракет. Грузовики уже уехали.

Ровно в восемь тридцать шесть огненных струй вырвались из лощины и взлетели высоко в небо, оставляя за собой дымные хвосты. Потом след оборвался: ракеты израсходовали горючее. На парковой лужайке перед замком засверкали вспышки и вспухли дымные облачка. Через несколько секунд до нас донеслись сухие разрывы.

— Недолет тридцать метров, — сообщил я в телефон. На белой террасе замка появились четыре черные фигурки. Снова взлетело шесть ракет. На сей раз они упали точно: одна взорвалась прямо на террасе, и маленькие фигурки попадали; потом три поднялись и потащили четвертую внутрь. Вторая ракета угодила в окно замка. Остальные взорвались при ударе о стены, которые, похоже, не особенно от этого пострадали.

— Цель накрыта! — прокричал я.

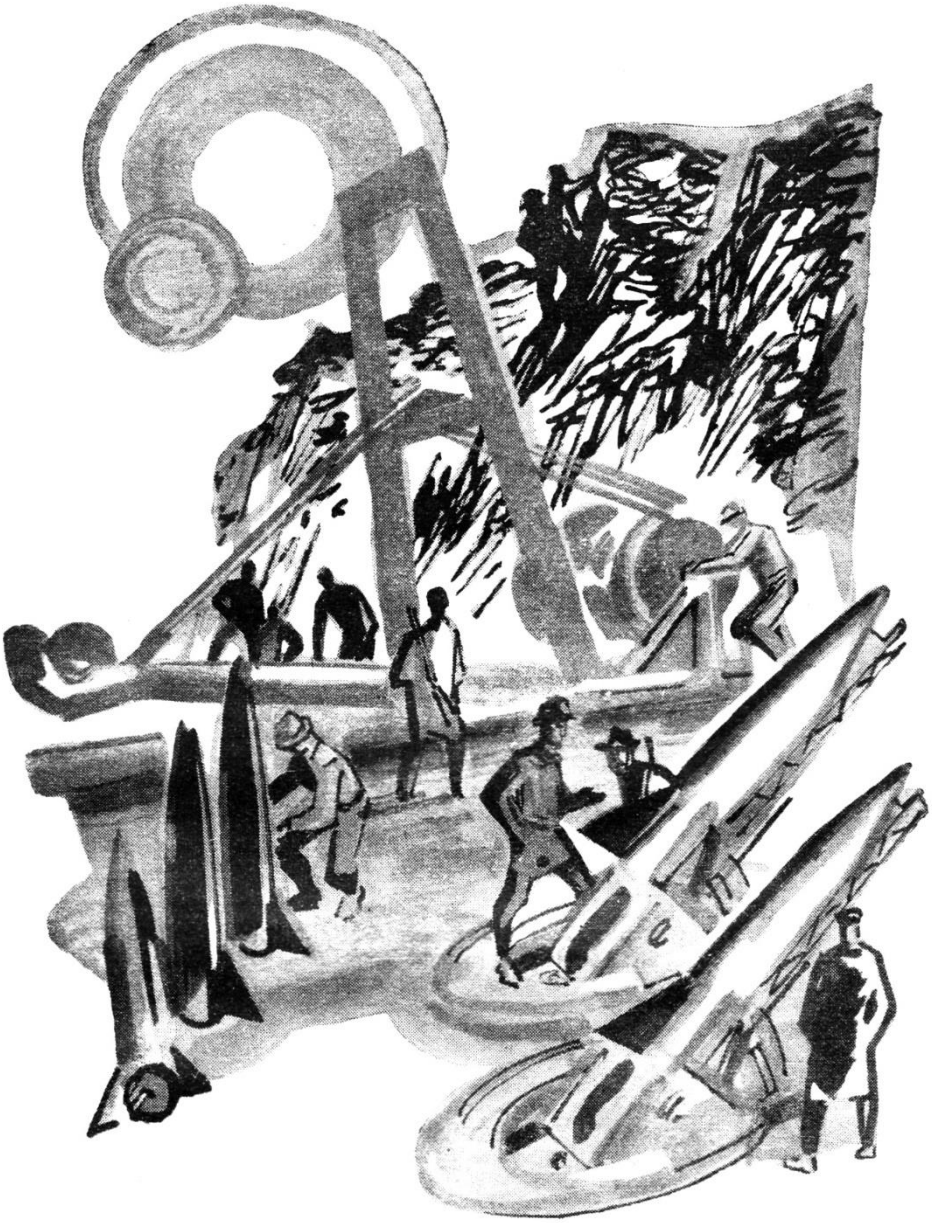
Следом взлетело еще восемнадцать ракет подряд. Одна из них попала в автомашину Хоннегера, стоявшую справа от дома, и подожгла ее.

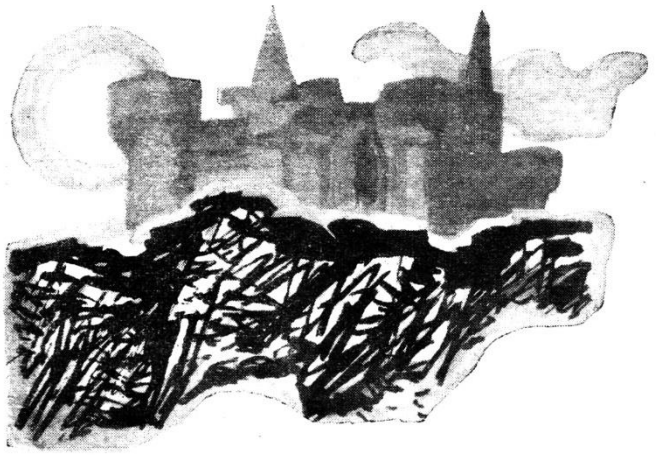
— Отставить ракеты, — послышался в телефон голос Бевэна. — Теперь корректируйте катапульты.

Три первых снаряда перелетели за дот.

— Небольшой перелет, — сообщил Мишель, поднимаясь.

Я сдернул его вниз: не в силах поразить наших людей, укрывшихся в лощине, враг начал поливать нас из пулемета и автоматов. В течение нескольких минут мы не могли поднять головы, рой пуль с жужжанием проносился над нами, заставляя прижиматься





к камням, очереди двадцатимиллиметрового пулемета ложились совсем рядом, чуть ниже по склону.

— Еще хорошо, что у них нет дистанционных снарядов!

— Надо будет укрепить этот наблюдательный пункт. А пока давай спустимся пониже, — предложил я.

Пулемет смолк, автоматы тоже прекратили огонь.

— Открываем беглый огонь по вражеским позициям! — сообщил телефон. — Наблюдайте!

Ракеты начали рваться на открытых местах или в чаще ельника, не причиняя заметного ущерба, если не считать загоревшейся копны соломы.

Враг вновь открыл огонь, но теперь по гребню лощины. Один из наших людей, раненый, сполз вниз. Вскоре подъехал грузовик с ракетами более крупного калибра; из кабины его выскочил Массакр.

— Катапульты, внимание... залп!

На этот раз все бомбы взорвались прямо на вражеском доте. Оттуда слышались вопли, стоны, однако пулемет продолжал стрелять.

— Вот тебе пример явного превосходства навесного огня в позиционной войне, — сказал Мишель. — Настильным огнем они ничего не могут нам сделать, а мы рано или поздно разворотим их нору.

— Непонятно, почему они не пытаются захватить гребень лощины?

— Атаку легко отбить.

— Смотри, что я тебе говорил! Внимание! — крикнул Мишель в телефон. — Шесть человек ползут слева. Видите?

Четверо добровольцев переместились на левый фланг. Враг поливал из автоматов гребень лощины с такой яростью, что держаться там стало невозможно и папаша Борю со своими людьми отступил. Из окопов противника выскочило человек тридцать. Они бежали, ложились и снова вскакивали.

— Атака по фронту! — сообщил Мишель.

Слева уже вспыхнула перестрелка. Бевэн подпустил нападающих на пятнадцать метров к лощине, потом отдал приказ гранатометчикам. Обрезки чугунных труб, начиненные взрывчаткой, сработали великолепно, уложив сразу одиннадцать человек ранеными и убитыми. Прежде чем враг отошел, папаша Борю снял еще двоих из своего винчестера. На левом фланге у нас был один убитый и двое раненых, а противник потерял четверых. Одного мы захватили в плен, но у него вся правая рука была буквально разворочена картечью, и он истек кровью, прежде чем Массакр успел наложить ему жгут. Катапульты метали бомбы без перерыва еще с четверть часа. Двенадцатый залп оказался особенно удачным: одна бомба попала в дот, и пулемет замолк, теперь уже окончательно. Три гнезда автоматчиков тоже были подавлены, а четвертый автомат умолк сам: очевидно, заело затвор. Тогда добровольцы пошли в атаку. Потеряв еще двух человек ранеными, они ворвались во вражеские окопы и захватили трех пленных; остальные успели отступить.

Пока разведчики продвигались вперед, мы обстреливали замок, и примерно десяток ракет достиг цели. С любопытством следил я за полетом первых шести ракет крупного калибра. На этот раз стены не выдержали, и целое крыло дома обрушилось.

Короткий допрос пленных позволил установить силы противника. Они потеряли семнадцать человек убитыми и двадцать ранеными, но в замке оставалось еще около пятидесяти защитников. После первой победы мы захватили два автомата, неповрежденный двадцатимиллиметровый пулемет и много боеприпасов. Наша маленькая армия сразу стала неизмеримо сильнее.

В ожидании разведчиков мы продолжали обстрел, и вскоре в замке вспыхнул пожар. Наконец разведчики вернулись. Вторая линия вражеской обороны в двухстах метрах от замка состояла из окопов с тремя пулеметными гнездами и отдельными ячейками автоматчиков. Заканчивая донесение, папаша Борю добавил:

— Непонятно, что они собирались делать со всем этим оружием? Не могли же они знать наперед, что с ними случится! Надо будет сообщить о них в полицию.

— Так ведь мы теперь и есть полиция, старина!

— Правда, я и забыл. Ну тогда все проще! Бевэн вместе с нами поднялся на вершину холма, тщательно осмотрел местность и попросил Мишеля наскоро набросать план. Мишелю это не составило труда: он на досуге рисовал, и рисовал превосходно.

— Вы останетесь здесь с двумя бойцами, — решил Бевэн, — артиллерия тоже остается. Я беру с собой только пулемет и катапульты. У меня есть три сигнальные ракеты, когда увидите их — прекращайте огонь. Вражеские окопы тянутся вон по тому невысокому валу, это внизу поляны. И стреляйте поточнее!

— Массакра вы тоже берете?

— Нет, он останется здесь. Ведь он единственный хирург на этой планете!

— Правильно. Но не забывайте, что вы инженер.

Наши добровольцы двинулись к замку, волоча за собой пулемет и катапульты. Я отдал ракетчикам приказ открыть огонь по вражеским окопам. Обстрел продолжался сорок пять минут — по две ракеты в минуту. У нас их было всего двести десять, завод и так дал все, что мог, а потому приходилось экономить.

Со своего наблюдательного пункта мы не могли без бинокля определить нанесенный врагу урон и только старались сосредоточить огонь в центре или по самым краям окопов, там, где разведчики засекли пулеметные гнезда. После тридцать пятого залпа заговорил наконец и наш пулемет. Сорок пятый угодил прямо на вал. Сразу ж вслед за этим я увидел дымный хвост сигнальной ракеты и приказал прекратить огонь.

По ту сторону замка вспыхнула перестрелка: наши атаковали с фронта и с тыла. С облегчением я отметил, что пулеметы врага молчат. Схватка продолжалась минут двадцать. То и дело слышались взрывы гранат; глухо рвались бомбы катапульт. Потом все стихло. Мы переглянулись не в силах скрыть беспокойства. Чем кончилась атака? Много ли жертв? Наконец из лесу показался доброволец, размахивая листком бумаги. Мы еле дождались, пока он сбежит по склону.

— Все в порядке, — сказал он, задыхаясь и протянул донесение. Мишель поспешно развернул листок и прочел вслух:

«Окопы захвачены. У нас пять убитых и двенадцать раненых. Противник понес большие потери. Человек двадцать забаррикадировались в замке. Возьмите грузовик, подвезите ракетные подставки и доктора. Остановитесь у домика егерей. Будьте осторожны: в лесу могут скрываться враги».

Мы встретили Бевэна у охотничьей сторожки.

— Дело было горячим, но зато кончилось быстро. «Ваши ракеты, — сказал Бевэн дяде, — просто великолепны»! Без них и ваших катапульт, — добавил он, обращаясь ко мне, — нам бы несдобровать.

— Кто у нас убит?

— Трое рабочих — Салавен, Фре и Робер. И двое крестьян — как их звали, не знаю. Тут, в сторожке, трое тяжелораненных.

Массакр немедленно прошел к ним.

— Легкораненных девять, — продолжал Бевэн, — и я один из них, — он показал свою забинтованную левую руку. — Пустяк, осколок у основания большого пальца.

— А у тех что?

— Много убитых и раненых. Три последних залпа угодили прямо в окопы. Пойдемте посмотрим.

И в самом деле, это была чистая работа. Настоящая артиллерия вряд ли смогла бы сработать чище.

Забыв об осторожности, мы высунулись из окопа, и тотчас автоматная очередь просвистела над нашими головами.

— Им удалось унести легкий пулемет и один автомат, — сказал Бевэн, — так что лучше бы вы, мсье Бурна, показали двум нашим людям, как устанавливать подставки для ракет.

— Зачем? Я это сделаю сам.

— Я не позволю вам рисковать!

— Во-первых, я прошел в сорок третьем всю итальянскую кампанию, а эти бандиты не страшнее Гитлера. Во-вторых, у меня полнокровие, как у всех астрономов, так что маленькое кровопускание не повредит. А в-третьих, я майор запаса, а вы всего лишь лейтенант, так что я вас не задерживаю. Кругом! — добавил мой дядя, смеясь,

— Уступаю! Только будьте осторожны!

Мы установили ракетные подставки в окопах в двухстах метрах от замка. Гордое здание сильно пострадало: правое крыло сгорело, окна и двери были забаррикадированы. На поляне виднелась куча рваного, почерневшею железа — все что осталось от роскошного лимузина Хоннегера.

— Вы не знаете, что с нашими девушками? — спросил Мишель.

— Один пленный уверяет, что еще до начала наступления их заперли в глубоком подвале. Дочка Хоннегера, кажется, не разделяет идей своего папаши и, наверное, тоже там. Она, по-видимому, хотела нас предупредить о замыслах брата и отца. Надо целиться в окна и двери, — закончил Бевэн, обращаясь к дяде.

Мы навели направляющие подставки. Стоило кому-нибудь высунуться, как пули начинали свистеть над головами. Наконец дядя включил электрический контакт. Последовали короткий вой ракет и оглушительный взрыв.

— Попадание!

После второго залпа ракеты исчезли в разбитых окнах и разорвались внутри. Пулемет противника замолчал. Мы дали еще три залпа подряд. Из-за наших спин добровольцы поливали пулеметным огнем зияющие окна замка. Но вот в круглое окошечко под крышей высунулась рука и замахала белой тряпкой.

— Сдаются! Давно бы пора.

Внутри замка раздалось еще несколько выстрелов: по-видимому, сторонники сдачи утихомиривали тех, кто хотел драться до конца. Белое полотнище исчезло, потом опять появилось. Перестрелка внутри смолкла. Опасаясь подвоха, мы не вылезали из окопов, но огонь тоже прекратили. Наконец через проем выбитой двери на террасу вышел человек с развернутым носовым платком.

— Подойди ближе! — приказал Бевэн.

Человек повиновался. Это был совсем молоденький блондин с приятным, но измученным лицом и запавшими лихорадочными глазами.

— Вы сохраните нам жизнь, если мы сдадимся? — спросил он.

— Вас будут судить. А если вы не сдадитесь, мы вас всех сделаем покойниками менее чем за час. Выдайте нам Хоннегеров и выходите на поляну с поднятыми руками.

— Шарль Хоннегер убит. Его отец жив, но нам пришлось его оглушить; когда мы выбросили белый флаг, он стрелял в нас.

— Где девушки?

— Они в подвале вместе с Идой, простите, с мадемуазель Хоннегер и Мадленой Дюшер.

— Они живы, не пострадали?

Блондин пожал плечами.

— Понятно. Выходите, мы ждем.

СУД

Двадцать уцелевших вояк безропотно выстроились на поляне, заложив руки за головы и бросив оружие к ногам. Два последних выволокли Хоннегера, который все еще был без сознания; к нему приставили караул.

С автоматами в руках мы с Мишелем проникли в замок; один из пленных показывал дорогу.

Внутри царил полный разгром. Картины известных мастеров в вычурных рамах вкривь и вкось висели по стенам салона, изрешеченные пулями Два пустых пенных огнетушителя

свидетельствовали о том, что здесь тоже был пожар. В вестибюле валялся изуродованный взрывом труп Шарля Хоннегера; пол и стены здесь были утыканы осколками.

По каменной винтовой лестнице мы спустились в подвал; железная дверь гудела от ударов: кто-то стучался изнутри.

Едва мы отодвинули засов, как навстречу нам выскочила Ида Хоннегер. Мишель схватил ее за руку.

— Вы куда?

— Где мой отец? Брат?..

— Ваш брат убит, а отец... он пока жив.

— Неужели вы его?..

— Мадемуазель, — сказал я, — из-за него погибло двенадцать наших людей, не считая ваших.

— Это ужасно. Зачем они это сделали? — проговорила она и залилась слезами.

— Этого мы еще не знаем, — ответил Мишель. — Где девушки, которых они похитили? И эта, ну, как ее, кинозвезда.

— Мад Дюшер? Там, в погребе. А остальные, кажется, в подвале слева.

Мы вошли в подземелье. Керосиновая лампа тускло освещала стены. Мадлена Дюшер, очень бледная, сидела в углу.

— Должно быть, совесть у нее нечиста, — сказал Мишель.

— Вставай и выходи! — грубо добавил он.

Затем мы освободили трех девушек из деревни. Когда мы поднялись на первый этаж, там уже был Луи с остальными членами Совета.

— Старик Хоннегер пришел в себя. Пойдем, надо его допросить.

Хоннегер сидел на поляне, рядом с дочерью. Увидев нас, он поднялся.

— Я вас недооценивал. Мне надо было привлечь на свою сторону инженеров, тогда мы завладели бы этой планетой.

— А для чего? — спросил я.

— Для чего? Разве вы не понимаете, что это был единственный случай, когда человек мог бы взять в свои руки судьбу человечества. Через несколько поколений мы создали бы расу сверхлюдей.

— Это из вашего-то материала? — спросил я насмешливо.

— У моего сырья было все, что нужно: настойчивость, мужество, презрение к смерти. И на вас я тоже рассчитывал. Но я ошибся, думая, что смогу захватить власть без вас. Надо было сделать это вместе с вами.

Он склонился к плачущей дочери.

— Пожалейте ее; она ничего не знала о моих планах и даже пыталась нам помешать. А теперь прощайте...

Быстрым движением он что-то сунул в рот, пробормотал: «Циан» — и рухнул на землю.

— Ну что ж, одним подсудимым меньше, — сказал Мишель вместо надгробного слова.

Добровольцы уже грузили на машины трофеи: четыре автоматические пушки, шесть пулеметов, сто пятьдесят ружей и автоматов, пятьдесят револьверов и большое количество боеприпасов. Замок был настоящим арсеналом, но самой ценной из всех находок был маленький печатный станок, совершенно новый.

— Непонятно, что они собирались делать со всей этой техникой на Земле?

— Один пленный показал, что Хоннегер возглавлял фашистскую организацию, — ответил Луи.

— В конце концов, все к лучшему. Теперь будет чем встретить гидр.

— Кстати, с тех пор их больше не видели. Вандаль и Бреффор заканчивают вскрытие маленькой гидры; они ее положили в бочку со спиртом. Этот Бреффор просто незаменим! Он уже научил деревенских ребят лепить глиняную посуду, как это делают индейцы Южной Америки.

Когда мы вернулись в деревню, было четыре часа пополудни. Сражение продолжалось меньше дня. Я добрался до дому и заснул как убитый. Мне снилась моя старая лаборатория в Бордо, мой шеф говорил мне: «Желаю Вам получше провести отпуск. Я уверен, что там вы найдете немало интересного, что стоит изучить...» Какая ирония! «Интересные мелочи» — это оказалась целая планета!

Потом я увидел массивную фигуру моего кузена Бернара в дверном проеме, потом гору, срезанную где-то внизу, на сотни метров подо мной...

Часов в шесть вечера меня разбудил брат, и мы отправились к Вандалю. Он ждал нас в школе; перед ним на столе лежала наполовину препарированная гидра, распространяя удушливый запах спирта. То на доске, то на листах бумаги Вандаль делал зарисовки. Бреффор и Массакр помогали ему.

— А вот и ты, Жан, — встретил меня Вандаль. — Я бы отдал десять лет жизни, чтобы продемонстрировать этот образчик в нашей академии! Поразительная анатомия!

Он подвел меня к рисункам.

— Я только начал изучать этих животных, но уже узнал много интересного. Судя по целому ряду признаков, они относятся к самым низшим организмам. Система кровообращения очень проста. Сердце с двумя желудочками, кровь синеватая, одна сильно разветвленная артерия, а дальше кровь идет по лимфатическим путям и возвращается к сердцу по одной толстой собирающей вене. Подкожные полости играют очень большую роль. У гидр даже после смерти ничтожная плотность тела. Пищеварение внешнее; желудочный сок впрыскивается в добычу, а затем питательная масса всасывается в желудок-глотку. Кишечник предельно прост. Но вот что удивительно! Во-первых, нервные центры: у гидр они необычайно сложны и развиты, у основания щупалец в хитиновой оболочке расположен настоящий мозг, под ним находится любопытный орган, напоминающий электрическую батарею ската. Этот орган и сами щупальца снабжены богато разветвленными нервами. Глаза столь же совершенны, как у наших млекопитающих. Если выяснится, что эти животные в какой-то степени разумны, я не удивлюсь. И вторая интересная вещь — водородные мешки. В этих огромных перепончатых мешках, занимающих всю верхнюю часть гидры, четыре пятых объема занимает водород! И вырабатывается этот водород в результате разложения воды при низкой температуре. По пористому каналу в специальном щупальце вода поступает в особый орган, где происходит ее химический распад. Я думаю, что кислород переходит в кровь, ведь этот орган сплошь опутан артериальными капиллярами. Ах, если бы нам удалось разгадать секрет этого катализа воды! Когда водородные мешки наполнены, удельный вес гидры меньше веса воздуха, и она свободно плавает в атмосфере. Мощный плоский хвост служит ей плавником, но главным образом — рулем. Передвигается она в основном за счет сокращения особых полостей, выбрасывающих воздух, смешанный с водой. Эта смесь с огромной силой вылетает назад через настоящие дюзы. Я возбудил током мускулы одной полости, поместив в нее железное кольцо. Посмотри, что с ним сталось!

Толстое железное кольцо было скручено восьмеркой.

— Сила мышц просто невероятная!

На следующее утро меня разбудил стук в дверь. Пришел посыльный от Луи. Он предупредил меня, что сейчас начнется суд над пленными, над теми, кто не был ранен, и что я как член Совета должен в нем участвовать.

Я вышел. Голубое солнце вставало над деревней.

Суд собрался в большом сарае, превращенном по этому случаю в зал заседаний. Трибунал состоял из членов Совета и общественных представителей, среди которых были Вандаль, Бреффор, мой брат Поль, Массакр, пять крестьян, Бевэн, Этранж и шесть рабочих. Члены Совета сидели за столом на возвышении, остальные расположились вокруг нас. Перед нами было свободное пространство для обвиняемых, а дальше скамейки для публики. Вооруженная стража охраняла все выходы. Председателем трибунала был избран мой дядя. Возраст и моральный авторитет давали ему на это все права. Прежде чем приказать ввести обвиняемых, он поднялся и обратился к собравшимся:

— Еще никому из нас не приходилось быть судьей. А сегодня мы члены чрезвычайного трибунала. У обвиняемых не будет адвокатов, потому что мы не можем терять время на бесконечные споры. Поэтому мы должны быть по возможности справедливы и беспристрастны. Два главных преступника мертвы, и я хочу вам напомнить, что на этой планете, где мало людей, нам дорог каждый человек. Но нельзя забывать о том, что по вине обвиняемых погибло двенадцать наших добровольцев, а три наших девушки были подвергнуты постыдным оскорблениям. Введите обвиняемых!

— Где Менар? — спросил я его шепотом.

— Он с Мартиной разрабатывал теорию катастрофы. Это очень интересно. Поговорим потом.

Один за другим в сарай вошли обвиняемые в сопровождении вооруженной охраны. Их было тридцать один человек. Иду Хоннегер и Мадлену Дюшер ввели последними.

Мой дядя снова заговорил:

— Вы все обвиняетесь в грабеже, убийствах и в вооруженном нападении, а в совокупности в государственной измене. Кто ваш руководитель?

Обвиняемые секунду колебались, потом вытолкнули вперед рыжего великана.

— Когда хозяев не было, я командовал за них.

— Ваше имя, возраст, профессия?

— Бирон Жан, тридцать два года. Раньше был механиком.

— Вы признаете себя виновным?

— А какая разница, признаюсь я или нет? Вы все равно меня расстреляете!

— Не обязательно. Вы могли заблуждаться. И потом вы были не один! Что привело вас на путь преступления?

— После этой заварушки патрон сказал нам речь. Он сказал, что деревню захватила, извините, всякая сволочь, что мы на другой планете и что нужно спасать цивилизацию. А потом, — он поколебался, — если все пойдет хорошо, мы будем жить, как сеньоры в старые времена.

— Вы участвовали в нападении на деревню?

— Нет. Можете спросить у других. Все, кто там был, убиты. Это были люди хозяйского сына. Сам хозяин тогда очень злился. Шарль Хоннегер говорил, что он захватил заложника, а на самом деле ему нужна была эта девка, за которой он давно бегал. Хозяин этого не хотел. Да и я тоже. Это Леврен его надоумил.

— А чего добивался ваш хозяин?

— Я уже сказал. Он хотел быть господином этого мира. У него в замке имелось много оружия. А потом у него были свои люди. Ну, мы. Вот он и рискнул. А нам куда было деться? Мы все в прошлом наделали глупостей. И хозяин знал, что у вас почти нет оружия. Он не думал, что вы его сделаете так быстро!

— Хорошо. Увести. Следующий! Следующим был юноша, блондин, который выкинул белый флаг. — Ваше имя, возраст, профессия?

— Бельтер Анри, двадцать три года. Студент Политехнического института.

— А выто каким образом очутились среди этих бандитов?

— Я знал Шарля Хоннегера. Однажды мы играли в покер, и я проиграл за вечер все свои деньги на месяц вперед. Он заплатил мой долг. Потом он пригласил меня в замок и спас мне жизнь. А потом произошла катастрофа. Я не одобрял ни планов его отца, ни его поведения. Но я не мог предать Шарля. Ему я обязан жизнью. Но в вас я не стрелял ни разу!

— Проверим! Следующий. Да, еще один вопрос. Что вы изучали?

— Я занимался аэродинамикой.

— Кто знает, когда-нибудь и это пригодится.

— Мне хотелось еще сказать... Ида Хоннегер... она сделала все, что могла, чтобы вас предупредить.

— Мы знаем, и мы это учтем.

Допрос продолжался. Здесь были люди почти всех профессий. Большая часть обвиняемых принадлежала к организации фашистского толка. Не знаю, что думали остальные, но я, честно сказать, был в затруднении. Многие из этих людей искренне раскаивались, а некоторые производили впечатление просто обманутых парней. Ясно было, что главных виновников не было в

живых. Верность Бельтера другу вызывала даже сочувствие. Никто из обвиняемых не сказал о нем ничего плохого; наоборот, большинство из них подтверждало, что в сражении он не участвовал. Но вот вышел двадцать девятый. Он сказал, что его зовут Жюль Леврен, что он журналист и что ему сорок семь лет. Это был маленький худой человек с костлявым лицом. Луи заглянул в свои записи.

— Свидетели показали, что вы не принадлежите к подручным Хоннегера. Вы были в замке гостем, но некоторые думают, что вы и есть главный хозяин. Вы стреляли по нашим, этого вы не можете отрицать. Кроме того, свидетели жаловались на вашу жестокость.

— Это ложь! Я никогда не видел этих людей. Я ни в чем не участвовал. Я был простым приглашенным.

— Врет! — не выдержал доброволец, охранявший дверь. — Я его видел у автоматической пушки в середине. Той самой, которая прикончила Салавена и Робера. Три раза я целился в этого сукиного сына, да жаль не попал.

Многие в зале поддержали добровольца. Журналист пытался протестовать, но его выволокли наружу.

— Введите мадемуазель Дюшер.

Вид у нее был жалкий, несмотря на обилие косметики. Она казалась испуганной и растерянной.

— Мадлена Дюшер, двадцати восьми лет, актриса. Но я ничего не сделала.

— Вы были любовницей Хоннегера-старшего, не правда ли?

— И старшего, и младшего! — послышался голос.

В зале раздался смех.

— Неправда! — крикнула она, — О, это ужасно! Выслушивать такие оскорбления!

— Хорошо, хорошо. Прошу соблюдать тишину! С вами разберемся.

— Ида Хоннегер, девятнадцать лет, студентка. Заплаканная и растрепанная девушка выглядела гораздо моложе актрисы.

— Что вы изучали?

— Право.

— Боюсь, что здесь вам это не пригодится. Мы знаем, что вы сделали все возможное, чтобы предотвратить несчастье. Жаль, что вам это не удалось. Но по крайней мере вы помогли трем захваченным в плен девушкам. Что вы можете сказать об остальных подсудимых?

— Я их мало знаю. Бирон был неплохим человеком, Анри Бельтер заслуживает снисхождения. Он сказал, что не стрелял, и я ему верю. Правда он дружил с моим братом...

Она всхлипнула...

— Мой отец и брат тоже не были злодеями, они были вспыльчивы и честолюбивы. Когда я родилась, родители очень бедствовали. Богатство пришло внезапно и вскружило им голову. Во всем виноват этот человек — Леврен. Это он подсунул моему отцу Ницше, и тот вообразил себя сверхчеловеком. Это он подсказал ему безумный план завоевания планеты! Он способен на все! О, как я его ненавижу! — Девушка разрыдалась.

— Садитесь, мадемуазель, — негромко сказал дядя. — Мы посовещаемся, но вам опасаться нечего. Для нас вы скорее свидетельница, чем обвиняемая.

Мы удалились за занавес. Обсуждение было долгим, Луи и крестьяне настаивали на суровых мерах. Мишель, мой дядя, кюре и я сам стояли за более мягкое наказание. Людей было мало, обвиняемые ничего не поняли и просто последовали за своими главарями. В конечном счете мы пришли к согласию. Обвиняемых ввели, и дядя прочел им приговор.

— Жюль Леврен! Вы признаны виновным в предумышленном убийстве, грабеже и насилии. Вас приговорили к смертной казни через повешение. Приговор должен быть приведен в исполнение немедленно.

Бандит не выдал своих чувств, только смертельно побледнел. Ропот пробежал среди подсудимых.

— Анри Бельтер. Вы ничего не сделали во вред обществу и признаны невиновным, но поскольку вы ничего не сделали для того, чтобы нас предупредить...

— Я не мог...

— Молчите! Итак, продолжаю... Поскольку вы ничего не сделали для того, чтобы нас предупредить, вы лишаетесь избирательных прав до тех пор, пока не искупите свою вину.

— Значит, я свободен?

— Да, так же, как и все мы. Но если вы хотите остаться в деревне, вам придется работать.

— О, лучшего я и не желаю!

— Ида Хоннегер. Вы признаны невиновной, но в течение десяти лет вы не можете быть избраны. Мадлена Дюшер! За вами не установлено никаких проступков, за исключением сомнительной нравственности и, скажем, сомнительных привязанностей, — в зале

послышались смешки, — к главным преступникам... Прошу соблюдать тишину! Вы лишаетесь всех избирательных прав и прикрепляетесь для работы на кухне. Все остальные! Вы приговариваетесь к принудительным работам на срок не свыше пяти земных лет. Этот срок вы можете сократить примерным трудом и поведением. Вы лишаетесь пожизненно всех политических прав, но они могут быть возвращены тому, кто этого заслужит, совершив героический подвиг во имя общества.

Осужденные, которые опасались гораздо более тяжкого наказания, радостно загомонили:

— Спасибо, ребята! — крикнул Бирон. — Вы просто молодцы!

— Заседание окончено. Уведите осужденных!

Кюре подошел к Леврену, который захотел исповедаться. Зрители разошлись, одни довольные приговором, другие возмущенные. Я спрыгнул с помоста и направился к Бельтеру. Юноша утешал Иду.

— Взгляните! — сказал я дяде, проходя мимо него. — Теперь понятно, почему они так защищали друг друга.

— Где вы будете жить? — спросил я у молодых людей. — Дюшер придется спать при кухне, хочет она того или нет, а с вами дело другое. Возвращаться в наполовину разрушенный замок, куда могут прилететь гидры, было бы просто безумием. Здесь тоже много разрушений и люди живут тесно. Кроме того, нужно вам подыскать работу. Теперь праздность запрещена законом.

— А где он написан, этот закон? Мы хотим быть честными гражданами, но для этого нам нужно знать законы.

— К сожалению, кодекс еще не составлен. У нас есть только разрозненные тексты и постановления Совета. Кстати, вы же учились на юриста?

— Я заканчивала второй курс.

— Вот и для вас нашлось дело. Вы займитесь нашим кодексом. Я об этом поговорю в Совете. А вас Бельтер, я возьму к себе. Вы будете помогать мне в министерстве геологии. С вашей научной подготовкой я из вас быстро сделаю приличного геолога-разведчика. Жалованье — питание в столовой и крыша над головой. Такое же, как у меня.

К нам подошел Мишель.

— Если ты собираешься сманить Бельтера, — предупредил его я, — то ты опоздал. Я уже с ним договорился.

— Тем хуже для меня. Тогда я договорюсь с сестрой. Астрономия подождет. Кстати, они с Менаром спустились из обсерватории. Вечером он хотел познакомить нас со своими теориями.

Я взглянул на небо. Гелиос стоял еще высоко.

— Ну, до вечера не близко! Послушай, Мишель, если эта девушка поселится с твоей сестрой, это ее не очень стеснит? Потом мы ей что-нибудь подыщем.

— А вот и Мартина! Можешь спросить у нее самой.

— Сделай это за меня. Боюсь я твоей сестры-звездочета!

— Ты не прав. Она очень славная и относится к тебе хорошо.

— Откуда ты знаешь?

— Она мне сама говорила! Мишель рассмеялся и отошел.

ОРГАНИЗАЦИЯ

После полудня в школьном зале состоялось заседание Академии наук Теллуса. Докладчиком был Менар. Присутствовали Мишель и Мартина, Массакр, Вандаль, Бреффор, мой дядя, все инженеры, кюре, учитель, Ида с Анри, Луи, мой брат, я и несколько любознательных жителей деревни. Менар поднялся на учительскую кафедру и начал доклад:

— Я хочу изложить результаты своих расчетов и наблюдений. Как вы уже знаете, мы оказались на другой планете — будем называть ее Теллус, поскольку это имя за ней утвердилось. Ее окружность по экватору составляет примерно 50 000 километров; сила тяготения на поверхности — около 0, 9 земного тяготения.

У Теллуса есть три спутника; расстояние до них вычислено мной пока очень приблизительно: до Феба, самого маленького, но который нам кажется самым большим, — около 100 000 километров; до Селены, превосходящей по величине нашу старую Луну, — около 530 000 километров; до Артемиды, которая больше Луны раза в три, — около 780 000 километров.

Сначала я полагал, что наша планетная система принадлежит к числу систем с двумя солнцами. Но я ошибся. В действительности Соль, маленькое красное солнце, всего лишь очень большая, еще не остывшая планета на внешней от нас орбите. У Соля оказалось одиннадцать спутников. Гораздо дальше Соля есть другие планеты, они все вращаются вокруг Гелиоса. Сейчас период противостояния: когда заходит Гелиос, восходит Соль. Но некоторое время спустя, примерно через четверть теллусийского года, начнется период, когда мы будем одновременно видеть два солнца, потом — только одно, а иногда — ни одного, что будет гораздо удобнее для астрономических наблюдений.

Последнее Менар отметил с явным удовлетворением.

— Длительности дня и ночи были и остаются одинаковыми. Следовательно, мы на планете, ось которой имеет очень малый наклон к плоскости орбиты. Умеренная температура позволяет предполагать, что мы находимся где-то на сорок пятом градусе северной широты. Если принять склонение за нулевое, широта обсерватории будет равна сорока пяти градусам двенадцати минутам.

А сейчас я изложу вам единственную более или менее разумную гипотезу катастрофы, гипотезу, которую мне удалось разработать. Она пришла мне в голову сразу же после того, как мы оказались на Теллусе.

Вы, несомненно, знаете, что некоторые астрономы рассматривают Вселенную как некую сверхсферу или, точнее, как некий сверхсфероид с четырьмя измерениями, округленный в четвертом измерении и имеющий в этом измерении толщину в одну молекулу. Такой сфероид парит в сверхпространстве, которое мы можем представить лишь очень смутно, по аналогии. Большинство теоретиков утверждало даже, во всяком случае, последнее время, что помимо нашего Пространства-Времени ничего не существует, даже пустоты, ибо пустота — это пространство. Мне эта теория всегда казалась несовершенной, и теперь я, кажется, смогу ее опровергнуть. Согласно моей гипотезе, в сверхпространстве существует множество гиперсфер-вселенных, плавающих в нем, как, скажем, могло бы летать в этом зале множество детских воздушных шаров.

Возьмем два таких шара. Один — это наша старая Вселенная, и там наша солнечная система, затерянная где-то в необъятности галактики. Второй — это вселенная, в галактике которой заключен Теллус. По неизвестным причинам две вселенные соприкоснулись. Произошло частичное взаимопроникновение двух миров, во время которого Земля и Теллус очутились в одном месте, где взаимодействовали два Пространства-Времени! По столь же неизвестным причинам кусок Земли был переброшен в иную вселенную; возможно, что и Теллус потерял в этой встрече часть своей массы, и тогда наши земляки, должно быть, охотятся сейчас на гидр где-нибудь в долине Роны. Ясно только, что обе вселенные двигались почти с одинаковой скоростью и в одном направлении и что скорости обращения Земли и Теллуса на орбитах также почти совпали, ибо иначе мы с вами вряд ли смогли бы уцелеть.

Этим же объясняется и тот факт, что межпланетная экспедиция, в которой участвовал кузен присутствующего здесь Жана Бурна, отметила признаки катастрофы вблизи Нептуна, но обогнала ее и успела вернуться на Землю. Возможно, что некоторые дальние

планеты нашей солнечной системы тоже «вылетели» в другую вселенную — представляю, в каком смешном положении оказались бы тогда мои земные коллеги! Впрочем, я в это не верю.

Остается еще много необъяснимого. Почему не произошло внутриатомного взаимного проникновения, которое, по-видимому, вызвало бы чудовищный взрыв? Почему в результате катастрофы на новую планету была выброшена всего какая-то частица Земли? Этого мы не знаем и вряд ли сможем скоро узнать. И еще одно таинственное обстоятельство: каким-то чудом мы попали на планету, где есть органическая жизнь. Мсье кюре видит в этом перст провидения. Не знаю, не знаю...

Почти одновременно мне пришла в голову вторая гипотеза, еще более фантастическая. Я подумал, что произошел сдвиг во времени и мы очутились в далеком прошлом нашей собственной планеты, где-то в докембрии. Если во времени завязался какой-то узел, тогда наш Соль — это просто Юпитер. Однако эта теория не разрешает целого ряда проблем как физического, так и метафизического порядка, а наблюдения над Теллусом и другими планетами ее окончательно опровергают. Возможно также, что правы Мартина и Мишель, которые полагают, что мы на планете нашей Вселенной, с которой соприкоснулись в результате того, что произошел сдвиг пространства в его четвертом измерении. В таком случае мы можем оказаться на планете одной из солнечных систем — скажем, в туманности Андромеды, или, попросту, на другом краю нашей старой галактики. Будем надеяться, что дальнейшие наблюдения разрешат наш спор.

В заключение я хочу воздать должное пророческому гению некоторых романистов и напомнить вам, что Рони-старший в своей «Таинственной силе» предвидел аналогичную катастрофу. Но там речь шла о вселенной, состоящей из иной материи, нежели наша. Тех, кто интересуется математической стороной изложенной теории, прошу обращаться ко мне...

Менар сошел с кафедры и через минуту уже горячо спорил о чем-то с Мартиной, Мишелем и моим дядей. Я было приблизился, но, услышав о плотностях, поле тяготения и прочих страшных для себя вещах, поспешно отступил. Тут же меня отвел в сторону Луи.

— Послушай, теория Менара, конечно, очень интересна, но с практической точки зрения она ничего не дает. Ясно, что нам суждено жить и умереть на этой планете. Значит, нужно организовать жизнь. Дел еще непочатый край! Ты в прошлый раз говорил, что здесь неподалеку должен быть уголь. Как думаешь, он тоже перелетел сюда?

— Возможно. Я даже буду удивлен, если после всей этой встряски на поверхность не выскочил какой-нибудь стефанский или вестфальский пласт. Что ты смотришь? Это просто названия угольных пластов, которые можно было встретить в этом районе. Но должен тебя предупредить: ничего хорошего не жди! Несколько прослоек толщиной от пяти до тридцати сантиметров, и уголь тощий, не антрацит.

— И то будет неплохо! Главное, чтобы завод дал электричество. Ты ведь знаешь, на изготовление ракет мы истратили почти все запасы угля. Стали у нас совсем нет. Хорошо еще, что остался алюминий и дюраль.

Последующие дни прошли для меня в сплошной горячке. Совет принял ряд оборонительных мер. В нескольких километрах вокруг деревни мы оборудовали шесть сторожевых постов с герметическими убежищами; каждый из них был снабжен всем необходимым на случай осады и связан примитивной телефонной линией с центральным постом. Теперь, едва заметив гидр, наблюдатели должны были поднимать тревогу. Мы эвакуировали четыре слишком удаленные фермы, переведя их обитателей и весь скот в деревню. Отныне крестьяне работали на полях только под прикрытием пулеметов, установленных на грузовиках; чтобы сберечь горючее, в машины впрягали животных, которые и довозили охрану до места, где потом паслись или работали под ее защитой. Мы усовершенствовали ракеты и создали настоящую противовоздушную артиллерию. При первом же налете она вполне себя оправдала: из полусотни гидр было сбито штук тридцать.

Однажды утром мы с Бельтером и двумя вооруженными бойцами отправились разыскивать уголь. Как я и предполагал, месторождение оказалось недалеко — частично на уцелевшей территории, но главным образом в мертвой зоне, где отдельные пласты выходили прямо на поверхность.

— Удобнее всего начать отсюда, — сказал Бельтер.

— Пожалуй. Боюсь только, что в таком хаосе проследить пласт будет невозможно. Осмотрим нетронутый участок.

Я не ошибся: большинство пластов едва достигало толщины пятнадцать сантиметров, и лишь один — пятьдесят пять.

— Не завидую шахтерам, — сказал я. — Придется им здесь повозиться.

Воспользовавшись своим правом министра геологии, я мобилизовал тридцать человек на разборку путей, которые некогда шли к ближайшей железнодорожной станции. Точно так же мы

сняли вторую колею с ветки от завода к глиняному карьеру, откуда шло сырье на завод. Благодаря открытию Муассака и Уилсона алюминий с 1967 года добывали не только из бокситов, и мы на Теллусе вернулись к старому способу лишь потому, что здесь оказались богатейшие залежи боксита поразительной чистоты. Разумеется, Этранж протестовал:

— Как ж я буду доставлять сырье на завод?

— Во-первых, я оставляю вам один путь из двух. Во-вторых, нам сейчас не понадобится такое количество алюминия, во всяком случае на первое время. В-третьих, ваш завод все равно не сможет работать, пока не будет выплавлять железо, которого хватит на все. А пока соберите железный лом — его здесь немало — и переплавьте на рельсы. В конце концов это ваша работа!

Кроме того, я реквизировал на заводе два маленьких паровозика из шести и достаточное количество вагонов. В известковом карьере я забрал три отбойных молотка и один компрессор.

Несколько дней спустя шахта уже работала и в деревне снова было электричество. Семнадцать «каторжников» стали шахтерами. Они работали под охраной, которая не столько стерегла их, сколько защищала от гидр. Довольно скоро эти люди забыли о том, что они осужденные, да и мы, признаться, тоже. Они стали просто шахтерами и под руководством бывшего штейгера быстро освоили свою подземную профессию.

Так в организационной работе незаметно пролетело два месяца. Мишель и мой дядя с помощью часовщика изготовили часы теллусийского времени. Нам очень мешало то, что сутки состоят из двадцати девяти земных часов; каждый раз, чтобы узнать время по своим часам, приходилось делать сложные подсчеты. Поэтому сначала мы выпускали часы двух типов: с циферблатом, разделенным на двадцать четыре «больших» часа, и с циферблатом, размеченным на двадцать девять земных часов. Позднее, через несколько лет была принята система, существующая до сих пор, — вы только с ней и знакомы. Сутки делятся на десять часов по сто минут, причем в каждой минуте — сто секунд, которые в свою очередь делятся еще на десять мигов. Секунды почти не отличаются от земных. Кстати, одним из первых результатов катастрофы было то, что все часы с маятниками разладились, к великому недоумению крестьян. Ведь сила притяжения на Теллусе меньше, чем на Земле!

Запасы продовольствия, пополненные за счет трофеев из подвалов замка, полностью обеспечивали нас на" десять земных месяцев. Мы оказались в умеренном поясе Теллуса, в поясе вечной

весны, и, если пшеница приживется в этом климате, могли рассчитывать на несколько урожаев в год. В долине было достаточно пахотной земли; нам ее должно было хватить, пока население не увеличится чрезмерно. К тому же и почва Теллуса выглядела плодородной.

Мы отремонтировали большое число домов и уже не ютились в прежней тесноте. Школа снова работала. Совет заседал теперь в большом металлическом ангаре. Здесь Ида властвовала над архивом, и здесь я обычно находил Бельтера, когда он мне бывал нужен. Мы составляли кодекс — основу нашего законодательства, стараясь по возможности не отходить от привычных на Земле норм, лишь упрощая их и приспосабливая к новым условиям. Эти законы действуют до сих пор. Кроме архива, в том же ангаре помещались зал собраний и библиотека.

Обе железные дороги — от шахты и от глиняного карьера — действовали нормально, завод работал по мере необходимости, выполняя наши заказы. Мы все были заняты, потому что рабочих рук не хватало. Жизнь в деревне кипела! Она напоминала скорее оживленный земной городок, чем одинокое селение на неведомой планете, затерянной в пространстве или, может быть, даже среди пространств. Выпали первые здешние дожди — грозные ливни, затянувшиеся дней на десять. Настали первые темные ночи, пока еще очень короткие. Трудно описать, что я почувствовал, когда впервые разглядел созвездия, которым суждено было стать нашими навсегда!

У членов Совета вошло в привычку собираться для полуофициальных бесед в деревенском доме моего дяди, либо — чаще, у него же в доме при обсерватории, который к тому времени отремонтировали. Там мы встречали Вандаля и Массакра, корпевших вместе с Бреффором над изучением гидр, там я видел Мартину, Бевэна с женой, своего брата, а иногда и Менара, когда его удавалось оторвать от вычислительной машины. Если на официальных заседаниях, где решались практические вопросы, всем заправлял Луи, то здесь, где больше говорили о науке и философии, признанным главой нашего кружка благодаря своей колоссальной эрудиции был мой дядя. Изредка брал слово Менар, и каждый раз мы поражались глубине мыслей, которые высказывал этот маленький человечек с козлиной бородкой. У меня сохранились об этих встречах самые светлые воспоминания, потому что именно тогда я по-настоящему узнал и оценил Мартину.

Как-то вечером я поднимался к обсерватории в чудесном настроении; в трех километрах от мертвой зоны, уже на почве

Теллуса, мне удалось обнаружить на дне лощины первоклассную железную руду. Собственно, нашел ее не я, а один из моих людей, который принес мне кусок руды и спросил, что это такое. Но какая разница?

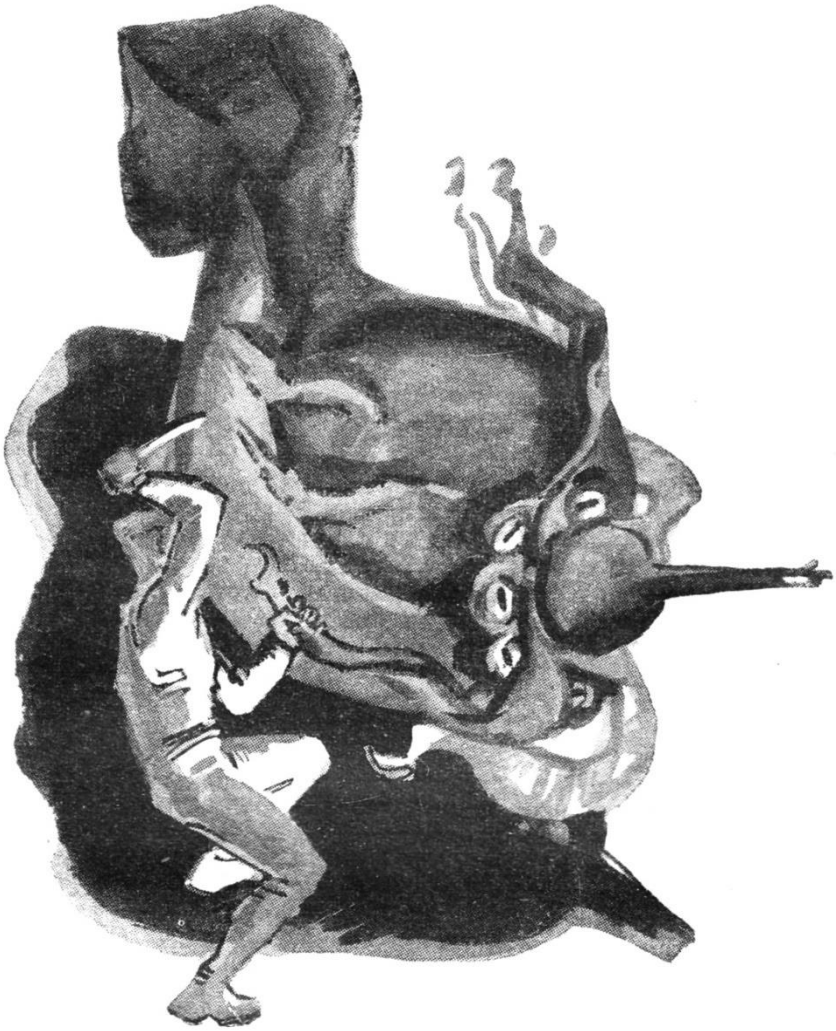
На повороте дороги мне повстречалась Мартина.

— А вот и вы! Я как раз шла за вами.

— Разве я опоздал?

— Нет. Остальные еще в обсерватории. Менар рассказывает о новом открытии.

— И все-таки вы пошли меня встречать? — спросил я польщенно.



— Почему бы и нет? Меня это открытие не, очень интересует, потому что я сама его сделала.

— Что же вы открыли?

— В общем...

Но в тот день я больше ничего не узнал. Мартина подняла глаза да так и замерла с открытым ртом и глазами, расширенными от ужаса.

Я обернулся: гигантская гидра пикировала прямо на нас! В последнее мгновение мне удалось овладеть собой; я толкнул Мартину и шлепнулся наземь рядом с нею. Гидра промчалась мимо, промахнувшись на какой-то волосок. По инерции она пронеслась еще метров сто, прежде чем стала делать разворот. Одним движением я вскочил на ноги.

— Бегите в деревню! Там вдоль дороги деревья, спрячьтесь под ними.

— А вы?

— Я ее задержу. У меня револьвер, и надеюсь...

— Нет, я остаюсь.

— Бегите же, бога ради!

Но бежать было уже поздно. И я знал, что мне с моим револьвером вряд ли удастся убить чудовище. Рядом в скале была расщелина. Я силой столкнул туда Мартину и заслонил ее своим телом. Прежде чем гидра выбросила свое жало, я выстрелил пять раз подряд; должно быть, пули попали в цель, потому что чудовище заколебалось в воздухе и отлетело немного назад. У меня оставались еще три патрона и нож, длинный финский нож, всегда острый как бритва. Гидра повисла напротив нас, ее щупальца извивались, словно пиявки, и шесть глаз смотрели на меня тускло и зловеще. По легкому сокращению конуса гидры я

понял, что сейчас она метнет жало. Выпустив последние три пули, я нагнул голову и с ножом в руке бросился к чудовищу. Мне удалось проскользнуть между щупальцами, ухватиться за одно из них. Боль от ожога была ошеломляющая, но я повис на гидре всем телом; она метнула жало в Мартину, промахнулась от моего толчка и расщепила роговое острие о скалу. Прижавшись к боку гидры, я кромсал ее финкой. Что было после, я уже плохо помню. Помню свою нарастающую ярость, помню лохмотья омерзительного мяса, хлещущие меня по лицу, потом почему-то земля ушла у меня из-под ног, падение, удар — все.

Очнулся я уже в постели в доме дяди. Надо мной хлопотали Массакр и мой брат. Руки мои покраснели, вздулись, левую сторону лица, казалось, кололи бесчисленные иглы.

— Как Мартина? — прошептал я.

— С ней все в порядке, — ответил Массакр. — Легкое нервное потрясение. Я дал ей снотворное.

— А со мной?

— Ожоги, вывих левого плеча. Вам повезло. Гидра отбросила вас метров на десять — и ни единого серьезного ушиба, если не считать плеча! Кусты смягчили удар. Плечо я вам вправил, пока вы были без сознания, это вас и привело в себя. Недельки две придется теперь полежать.

— Целых две недели? У меня столько дел! Я только что нашел железную руду...

Страшная боль свела мне руки.

— Скажите, доктор, у вас ничего нет против этого яда? Жжет просто невыносимо.

— Минут через пять будет легче: я положил успокаивающую мазь.

Дверь распахнулась настежь, и в комнату ворвался Мишель. Он бросился ко мне, но, увидев мои забинтованные руки, остановился.

— Доктор, что с ним?

— Пустяки!

— Ах, старина, старина! Если бы не ты, моей сестры уже не было бы...

— А ты что хотел, чтобы я позволил летающей пиявке сожрать нас только потому, что пиявка ошиблась в выборе пищи? — пытался я пошутить. — Кстати, она мертва?

— Мертва? Это не то слово! Ведь ты искромсал ее на ремни! Дружище, не знаю, как мне тебя благодарить...

— Не тревожься! На этой планете у тебя еще будет возможность оказать мне подобную же услугу.

— А теперь дайте больному уснуть! — прервал нас Массакр. — Сейчас его начнет лихорадить.

Все покорно направились к выходу. Когда Мишель был уже в дверях, я попросил его прислать ко мне завтра Бельтера.

Вскоре я забылся беспокойным сном, который продолжался несколько часов. Проснулся я совершенно обессиленный, но зато без малейших признаков лихорадки. Потом опять мирно заснул и проспал почти до следующего полудня. Лицо и руки болели уже куда меньше. Рядом с моей кроватью на стуле, согнувшись вдвое, спал Мишель.

— Он не отходил от тебя всю ночь, — сказал мой брат, появляясь в дверях. — Как самочувствие?

— Лучше, гораздо лучше! Как ты думаешь, когда я смогу встать?

— Массакр сказал, что через два-три дня, если приступ не повторится.

Внезапно из-за его спины выскользнула Мартина с подносом, на котором стоял фыркающий кофейник.

— Завтрак для Геркулеса! Доктор разрешил. Она поставила поднос, помогла мне сесть, подсунув за спину подушки, и быстрым поцелуем коснулась моего лба.

— Вот вам награда, пусть хоть маленькая! Подумать только: если бы не вы, я бы сейчас была бесформенным трупом. Бр-р!

Она тронула Мишеля за плечо.

— Вставай, братец! Тебя ждет Луи. Мишель, позевывая, встал, осведомился, как я себя чувствую, и ушел вместе с Полем.

— Луи тоже обещал сегодня зайти. А теперь, Геркулес, я вас покормлю.

— Почему «Геркулес»?

— Как почему? Сражаться врукопашную с гидрами!..

— А я-то думал, что вы намекаете на мое геркулесово телосложение! — протянул я с деланной обидой.

— Ну, раз вы шутите, значит, скоро поправитесь.

Она накормила меня как ребенка, потом дала чашку кофе.

— Вкусно! — похвалил я.

— Я рада. Я ведь сама готовила. Но если бы вы только знали!.. Мне пришлось обратиться за кофе в Совет, представляете? Это считается теперь лекарством!

— Боюсь, придется нам от кофе отвыкать. На Теллусе вряд ли найдутся кофейные деревья. Но это еще полбеды, а вот как быть с сахаром?..

— Ба! Найдем какое-нибудь сахароносное растение! А не найдем — в деревне остались ульи. Будем есть мед, как в старину.

— А цветы? На нашем осколке Земли их достаточно, зато на теллусийских растениях до сих пор не нашли ни одного цветка.

— Поживем — увидим. Я ведь оптимистка. Из миллиарда миллиардов у нас был всего один шанс уцелеть, и все-таки мы уцелели!

Стук в дверь прервал наш разговор. Это явились неразлучные Ида и Анри.

— Пришли взглянуть на героя! — сказала Ида.

— Хм, герой... Когда тебя загонят в угол, поневоле станешь героем!

— Не знаю, — вступился Анри. — Я бы, наверное, позволил себя съесть.

— Даже если бы с тобой была Ида?

— Что, что?

Я покраснел.

— Нет, я не то хотел сказать. Представь, что с тобой была бы Мартина или какая-нибудь другая девушка!

— Честно говоря, не знаю.

— Ты просто на себя клевещешь! Впрочем, я вызвал тебя не для этих разговоров. Возьми двух людей, которые были со мной, и разведай поподробнее рудное месторождение. Принеси мне различные образцы. В тот день, когда мы нашли железо, было уже поздно и я не смог подробно осмотреть месторождение. Если оно окажется стоящим, постарайся сразу наметить удобную трассу для железной дороги. Но не забывай про гидр: оказывается, они не везде летают стаями, я в этом убедился! Они могут напасть и по две, и по три, так что ты лучше возьми человек десять охраны и грузовик. А у вас, Ида, как дела?

— Начала систематизировать ваши декреты. Мне интересно: прямо на глазах зарождаются новые законы. Но ваш Совет... Вы присвоили себе диктаторские полномочия!

— Надеюсь, это временно. А пока иначе нельзя. Что нового в деревне?

— Луи в ярости. Он нашел наблюдателей, которые пропустили вашу гидру, — это ребята с третьего поста. А те оправдываются, говорят, что гидра была одна.

— Вот негодяи!

— Луи кричит, что их надо расстрелять.

— Ну это уж слишком...

Через пять дней, когда я впервые вышел из дому, опираясь на Мишеля и Мартину, мне рассказали, чем кончилось дело: ротозеев просто выгнали из охраны и приговорили к двум годам работы на шахте. Постепенно я поправился и все вошло в нормальную колею.

Мы проложили к рудному месторождению железную дорогу и построили примитивную домну. Руды — это оказался гематит — было немного, зато богатая, и на наши скромные нужды ее должно было хватить.

Первая плавка, несмотря на все знания Этранжа, прошла кое-как. Настоящего коксующегося угля у нас не было, поэтому чугун получился неважный, но все же мы его переварили в сталь. По совести говоря, на ближайшее будущее железа у нас было достаточно, и эту плавку мы поспешили выдать главным образом для того, чтобы испытать свои силы. Мы отлили рельсы и вагонные скаты. Возле рудника построили каменные убежища, где рабочие могли укрываться в случае нападения гидр, а кабины паровозиков мы переделали так, что при случае в них можно было запереться наглухо.

Погода не менялась: казалось, здесь царит нескончаемая, очень теплая весна. «Черные ночи» постепенно удлинялись. В обсерватории мой дядя и Менар открыли уже пять планет на внешних орбитах; на ближайшей к нам планете были обнаружены атмосфера и облака. Сквозь разрывы облачности можно было наблюдать моря и материки. Спектроскоп показал наличие кислорода и водяных паров. Наша соседка была примерно такого же размера, как Теллус, и имела два больших спутника. Удивительно, как глубоко сидит у нас в душе страсть без конца расширять свои владения! Даже мы, несчастные крохи человечества, не уверенные и в завтрашнем дне, даже мы обрадовались, когда узнали, что рядом с нами есть планеты, где смогут жить люди.

Недалеко от рудника мы для пробы распахали под защитой гарнизона около гектара теллусийской целины. Почва оказалась легкой, хорошо удобренной перегноем сероватых трав. Я немедленно приказал ее засеять различными сортами пшеницы, несмотря на протесты крестьян, которые твердили, что сейчас не время для сева. Мишелю пришлось целых полдня втолковывать им, что на Теллусе нет обычных времен года, а потому сеять или жать можно всегда, и лучше это делать сейчас, чем потом.

Когда началась пахота, мы снова столкнулись с плоскими змеями вроде той, что мы нашли во время первой разведки. Но та была уже

мертвой, а этих пришлось убивать. Крестьяне прозвали их гадюками, и это имя за ними осталось, хотя с земными гадюками у этих созданий не было ничего общего. Длиной они были от пятидесяти сантиметров до трех метров. В сущности, их нельзя назвать ядовитыми, но они достаточно опасны: мощные полые зубцы на нижней челюсти впрыскивают в жертву необычайно сильный пищеварительный сок, который разжижает ткани, вызывая своего рода гангрену, и, если помощь не оказать немедленно, дело может кончиться ампутацией или даже смертью. К счастью, эти очень злобные и ловкие твари попадались нечасто. Одна укусила быка, который тут же подох, а другая — человека. Оказавшиеся на месте Вандаль и Массакр немедленно наложили жгут и ампутировали пораженную ногу. Это были единственные жертвы.

Вслед за растениями Теллус начали осваивать земные насекомые, и в первую очередь крупные рыжие муравьи, название которых я позабыл. Неподалеку от рудника Вандаль нашел целый муравейник! Муравьи с жадностью пожирали смолку, сочившуюся из серых растений, и размножались с удивительной быстротой. К тому времени, когда на опытном поле показались первые зеленые всходы, они уже кишели везде, легко расправляясь с маленькими насекомыми Теллуса, которые пытались бороться с пришельцами.

После бурного начала это были дни мира и тишины. Постепенно, понемногу мы преодолевали даже то, что казалось непреодолимым. Месяцы шли за месяцами. Мы собрали первый урожай, обильный на «земных» полях и просто великолепный на распаханном участке Теллуса. Похоже было, что пшеница акклиматизировалась на славу. Стада множились, но пастбищ пока хватало. Земные растения, по-видимому, были сильнее местных, и вокруг уже появлялись пятна смешанных степей. Странно было видеть, как знакомые наши травы окружают какой-нибудь пыльно-серый кустик с цинковыми листьями.

Лишь теперь, на досуге, я смог поразмыслить о самом себе. Сразу после катастрофы мной овладела растерянность, граничащая с отчаянием: я знал, что осужден на вечное изгнание, навсегда разлучен с друзьями, отрезан от них непреодолимой пропастью, которую не измерить никакими земными мерами. И я испытывал ужас перед неведомой планетой, населенной чудовищами. Затем необходимость немедленных действий: война с бандитами, организационная работа, ответственный пост министра, который мне навязали, — все это полностью захватило меня, и теперь я с удивлением замечал, что от прежних настроений не осталось и следа.

Мной овладела жажда приключений, радостная и неутомимая страсть открывателя неведомых горизонтов.

Однажды я заговорил обо всем этом с Мартиной по дороге к обсерватории; теперь она и Мишель бывали там лишь изредка, посвящая большую часть своего времени общественным работам и обучению молоденького пастуха Жана Видаля, у которого оказались блестящие способности. Я тоже преподавал ему геологию, Вандаль — биологию, а мой брат — историю Земли. Впоследствии Видаль стал крупным ученым и, как вы знаете, был избран вице-президентом республики. Но не будем забегать вперед.

— Подумать только! — говорил я Мартине. — Когда мой кузен Бернар хотел взять меня в межпланетную экспедицию, — я отказался наотрез. Я ему сказал, что сначала должен окончить институт, но на самом деле я просто боялся! Ради какой-нибудь окаменелости я готов был идти хоть на край земли, но от одной мысли о том, чтобы покинуть Землю, испытывал настоящий ужас! А теперь я на Теллусе и нисколько об этом не жалею. Удивительно, правда?

— Для меня это еще удивительнее, — отозвалась Мартина. — Я работала над диссертацией, в которой доказывала несостоятельность теории изогнутого пространства. И вот на опыте убедилась в ее справедливости!

Мы прошли уже полпути, когда завыла сирена тревоги.

— Черт, опять эти проклятые твари! Скорее в убежище! Такие убежища от гидр стояли теперь почти всюду, и ближайшее было от нас метрах в тридцати. Мы припустились бегом, не думая о самолюбии, хотя на этот раз у меня, кроме ножа и револьвера, был с собой автомат. Заставив Мартину войти внутрь, я остался на пороге, изготовившись для стрельбы. Сверху покатились камешки, а следом за ними передо мной появилась черная фигура кюре.

— Ах это вы, мсье Бурна! Откуда летят гидры?

— Наверное, с севера. Сирена дала только один сигнал. Входите в убежище!

— Господи, когда только мы избавимся от этих адских созданий!

— Боюсь, что не скоро. А вот они и пожаловали! Спрячьтесь, у вас ведь нет оружия.

Высоко над нами появилось зеленое облачко. Совсем рядом с ним, но немного ниже в небе вспухли черные клубочки — разрывы ракет.

— Недолет! Ого, а вот это уже лучше!

Следующий залп угодил прямо в середину стаи, и через несколько секунд сверху начали падать клочья зеленого мяса. Оставив дверь

полуоткрытой, я нырнул в убежище: даже после смерти гидры кожа ее причиняет жестокие ожоги.

В убежище Мартина беседовала с кюре, поглядывая в окошко с толстым стеклом. Гидры, словно сообразив, что в стае им оставаться опасно, пикировали группами по две-три штуки. Сквозь полуотворенную дверь я видел, как они вились над паровозом нашей узкоколейки; машинист в своей закрытой кабине был в безопасности. Внезапно я расхохотался: струя пара взвилась над паровозиком, и перепуганные гидры бросились врассыпную. Я все еще смеялся, оглядываясь вокруг. Внизу, в деревне, трещали выстрелы и на площади у колодца уже валялось несколько сбитых гидр. Внезапно какая-то тень закрыла небо. Я прыгнул в убежище и захлопнул за собой дверь; гидра пролетела над самой крышей. Прежде чем я успел просунуть свой автомат в бойницу, она была уже далеко.

Возглас Мартины заставил меня вскочить:

— Жан, скорее сюда!

Я бросился к окошку: к нам со всех ног бежал мальчик лет двенадцати, а за ним гналась гидра. До убежища оставалось еще метров полтораста. Несмотря на смертельную опасность, мальчишка, видимо, не растерялся: он бежал зигзагами, умело используя деревья, которые мешали его преследователю. Вся эта сцена мелькнула передо мной, как при вспышке молнии; в следующее мгновение я уже был снаружи. Гидра набрала высоту и теперь пикировала.

— Ложись! — закричал я.

Мальчик понял и прижался к земле; гидра промахнулась. Я дал по ней очередь в десять выстрелов на расстоянии пятидесяти метров. Чудовище подскочило в воздухе и снова развернулось для нападения. Я вскинул автомат, взял прицел на тридцать метров; после второго выстрела ствол заклинило. В чехле у меня был запасной ствол, но поставить его я бы уже не успел. Отбросив автомат, я выхватил револьвер. Гидра приближалась.

И тогда мимо меня пронесся, пыхтя наш толстячок кюре в своей развевающейся сутане. Так быстро он, должно быть, не бегал ни разу в жизни! Гидра спикировала, но кюре успел раскинуть руки, прикрыть малыша и принять смертоносный укол на себя...

За эти секунды я сменил ствол и с расстояния десяти метров выпустил очередь за очередью, пока мертвое чудовище не рухнуло на тело своей жертвы.

Я огляделся: других гидр поблизости не было, да и в деревне стрельба затихла; лишь высоко в небе плыло несколько зеленых пятен. С трудом освободил я труп кюре — один грамм яда гидры

убивал быка, а чудовище за раз впрыскивало кубиков десять, если не больше! Мартина легко подняла мальчугана, потерявшего сознание, и мы пошли к деревне. Жители опасливо отпирали забаррикадированные изнутри двери. Мальчик очнулся, и, когда мы его передали матери, он уже мог идти сам.

На площади у колодца нам повстречался мрачный Луи.

— Скверный день, — сказал он. — У нас двое убитых — Пьер Эвре и Жан-Клод Шар. Они не ушли в убежище, чтобы удобнее было стрелять...

— Трое убитых, — поправил его я.

Кто третий? Я объяснил.

Жаль. Признаться, я не люблю священников, но этот погиб смертью храбрых. Надо похоронить всех троих с почестями.

— Делай как хочешь, мертвым это уже безразлично.

Нужно поднять настроение живых. Многие в панике, несмотря на то что мы сбили тридцать две гидры.

Из зала Совета я позвонил дяде, чтобы он о нас не беспокоился. На следующий день состоялись похороны, на которых Луи произнес надгробную речь, прославляя героизм трех погибших.

С кладбища мы ушли с Мартиной и Мишелем. На полевой тропинке, куда мы свернули, чтобы сократить путь, нам попался труп гидры; огромная тварь длиной более шести метров, не считая щупалец, загромождала дорогу. Пришлось ее обойти. Мартина была бледна как мел.

— Что с тобой, сестричка? — спросил Мишель. — Опасность уже миновала.

— Ах, Мишель, я боюсь! Этот мир слишком страшен и жесток! Эти зеленые чудовища убьют нас всех!

— Не думаю, — сказал я. — Наше оружие улучшается с каждым днем. Если бы вчера мы были чуть-чуть поосторожнее, все обошлось бы без жертв. В сущности, индейцам в джунглях грозит гораздо большая опасность от тигров и змей...

— От яда змей есть противоядия, а тигры есть тигры, обыкновенные звери, которые не очень отличаются от нас. Но эти зеленые пиявки, которые переваривают тебя в твоей собственной коже... какой ужас! Я боюсь, боюсь... — закончила Мартина чуть слышно.

Мы утешали ее как могли, но, придя в деревню, убедились, что в утешении нуждалась не одна она. Подъехал состав вагонеток с рудой, и машинист вышел поболтать с крестьянином. Тот говорил:

— Тебе-то на все наплевать. Сидишь в своей кабине, запрешься и поглядываешь. А мы... пока вернешься с поля, пока загонишь быков и залезешь в убежище... нас эти твари успеют убить десять раз! Конечно, сирены, да что в них толку? Они всегда орут с опозданием. Ей-богу, как идти в поле, я теперь каждый раз молюсь! Только дома спокойно, да и то не очень...

Подобных разговоров мы наслушались в тот день досыта. Заколебались даже рабочие завода, хотя и работали в укрытии. Если бы гидры нападали ежедневно, я не знаю, чем бы все это кончилось. Но, к счастью, до самой великой битвы они больше не появлялись. Люди постепенно пришли в себя, и нам даже приходилось время от времени устраивать нагоняй слишком беспечным наблюдателям.

ЭКСПЕДИЦИЯ

К тому времени, когда я разработал план экспедиции, мне стало ясно, что я люблю Мартину. Каждый вечер мы с нею поднимались к дому моего дяди, где вместе обедали. Иногда нас сопровождал Мишель, но обычно он приходил один, раньше. Я делился с Мартиной своими замыслами, и она мне дала немало полезных советов. Незаметно от деловых разговоров мы перешли к воспоминаниям.

Я узнал, что Мартина в тринадцать лет осталась без родителей, их целиком ей заменил Мишель. Он был астрономом, а потому, когда выяснилось, что у девочки явная склонность к точным наукам, привлек сестру к своей работе. Я случайно был хорошо знаком с членами первой экспедиции Земля — Марс (ее глава Бернар Верилак был моим двоюродным братом) и мог рассказать Мартине немало интересных подробностей об этом межпланетном полете. Какой-то восторженный репортер даже сфотографировал меня между Бернаром и Сигурдом Олесоном как «самого юного участника экспедиции», а потом на факультете насмешники не давали мне прохода. Тем не менее, когда мне предложили принять участие во втором перелете, я отказался, наполовину из-за того, чтобы не огорчать свою мать, — какое благородство! — а наполовину просто из трусости — вот тут уже благородством не пахло! Отыскав в дядиной библиотеке газеты того времени, я показал Мартине «знаменитую» фотографию. Она в свою очередь показала мне другой снимок: на докладе начальника экспедиции Поля Бернадака в пятом ряду

слушателей слабой карандашной чертой были обведены головы юноши и девушки.

— Это Мишель и я. Для меня это был торжественный день!

— А знаете, в тот день я вас, наверное, видел! Я помогал Бернару демонстрировать диапозитивы!

Через увеличительное стекло мне удалось рассмотреть на снимке тогда еще полудетское лицо Мартины.

Так от вечера к вечеру мы становились друг другу все ближе и однажды, уже не помню, как, перешли на «ты». А в один из вечеров, когда Мишель ожидал нас на пороге дома, мы появились перед ним рука об руку. С лукавой усмешкой он простер свои руки над нашими головами и торжественно произнес:

— Дети мои, в качестве главы семьи даю вам свое благословение!

Смутившись, мы переглянулись.

— Что такое? Может быть, я ошибся? Мы ответили одновременно:

— Спроси у Мартины!

— Спроси у Жана!

И все трое покатились со смеху. На следующий день я изложил на заседании Совета свой давно задуманный план экспедиции.

— Сумеете ли вы, — обратился я к Этранжу, — переделать грузовую машину в своего рода легкий броневик с дюралевой броней и башней для автоматической пушки? Это необходимо для исследования Теллуса.

— А для чего вообще нужно такое исследование? — вмешался Луи.

— Очень нужно. Ты знаешь, что сырья у нас в обрез. Железной руды едва хватит на два года, и то если мы будем экономить. Нас окружают болота и степь, где рудные выходы искать очень сложно. Нам надо добраться до гор. Кстати, там мы, может быть, найдем и леса, которые поставят нам дешевую древесину, иначе мы скоро вырубим здесь все деревья, а их и так осталось немного. Может быть, мы встретим полезных для нас животных, может быть, отыщем уголь — кто знает! А может быть, найдем такое место, где нет гидр. Вряд ли они улетают далеко от своего болота!

— Сколько тебе понадобится горючего?

— А сколько берет лучший грузовик?

— Двадцать два литра на сто километров. С грузом и по бездорожью будет брать до тридцати.

— Скажем, тысячу двести литров. Тогда наш радиус действия будет две тысячи километров. Так далеко я не собираюсь заезжать, но надо учесть всякие зигзаги.

— Сколько человек ты просишь?

— Считая меня, семь. Я думаю, взять Бельтера, он уже научился отличать основные минералы; Мишеля, если он захочет...

— Конечно, захочу! Я давно мечтал изучать планеты на месте, а не только в телескоп.

— Ты мне очень поможешь в определении топографических высот. Что касается остальных, то я еще не решил.

План экспедиции был утвержден единогласно, если не считать воздержавшегося Шарнье. И на следующий день Этранж дал рабочим указания приступить к переделке грузовика.

Мы выбрали машину со сдвоенными задними баллонами. Слишком хрупкие стекла заменили плексигласом, позаимствованным из запасов обсерватории, проверили все замки и поставили на стеклоподъемники листы дюраля, которые могли в случае необходимости наглухо закрыть окна. Перегородку между кабиной и кузовом мы разобрали, кузов расширили и превратили в каюту с полукруглой крышей, обшив каркас из прочных стальных дуг толстыми дюралевыми листами. Над крышей поставили вращающуюся башенку с автоматическим пулеметом двадцатимиллиметрового калибра; стрелок мог поворачивать ее с помощью педалей. Кроме пушки наше вооружение состояло из пятидесяти дальнобойных ракет длиной сто десять сантиметров, двух ручных пулеметов и четырех автоматов. Для пушки мы взяли восемьсот снарядов, для пулеметов — по шестьсот патронов, и для автоматов — по четыреста на каждый. Шесть дополнительных баков по двести литров вместили запас горючего. В кузове установили шесть откидных коек в два ряда, по три друг над другом, маленький складной столик и ящики с продовольствием, которые одновременно должны были служить стульями. Инструменты, приборы, взрывчатка, баки с питьевой водой и маленький приемник-передатчик заняли все свободные углы внутри, а то, что не уместилось, мы привязали снаружи на крыше. Там же, вокруг башни, легли шесть новых шин для нашего броневика. Каюта освещалась двумя лампочками и тремя закрывающимися изнутри окнами. Бойницы в броне позволяли вести круговой обстрел. Мы заново перебрали весь мотор, всю ходовую часть, и в моем распоряжении оказалась достаточно мощная боевая машина, которой не страшны никакие гидры. Горючего нам должно было хватить на четыре тысячи километров, а запаса продовольствия — на двадцать пять дней. Во время испытаний грузовик легко шел по дороге со скоростью шестьдесят километров в час, но по пересеченной местности нужно было рассчитывать самое большее на тридцать. Тем временем я

продолжал подбирать экипаж. У меня уже был список на шесть человек.

Начальник экспедиции и геолог — Жан Бурна; заместитель начальника — Бреффор; зоолог и ботаник — Вандаль; штурман — Мишель Соваж; геологоразведчик — Бельтер; механик и радист — Поль Шеффер. Последний — бывший бортмеханик — был другом Луи. Я не знал, кого взять седьмым. Мне хотелось пригласить Массакра, но тому нельзя было отлучиться из деревни, где его помощь могла понадобиться в любой момент. Оставив незаконченный список на столе, я куда-то вышел; а когда вернулся, внизу смелым почерком Мартины было приписано: «Санитарка и повариха — Мартина Соваж».

Сколько мы с Мишелем ни бились, нам так и не удалось ее отговорить. В конечном счете я был даже рад, когда Мартина заставила меня сдаться: она была сильна, смела, превосходно стреляла, и, кроме того, я был уверен, что в нашем броневике мы, в сущности, можем ничего не опасаться. Последние приготовления подходили к концу. Каждый как мог рассовал свои книги и личные вещи, каждый выбрал себе койку. Мартина заняла самую высокую справа, а я — слева. Подо мной были Вандаль и Бреффор, ниже Мартины — Мишель и Бельтер. Шефферу предстояло спать на сиденье водителя: для его ста шестидесяти сантиметров кабина была достаточно широка. Боясь, что внутри будет слишком жарко, мы установили дополнительный вентилятор. Люк в крыше и лесенка позволяли выбраться наверх, но при малейшей опасности все должны были немедленно прятаться в кузов.

И вот настало утро голубого дня, когда мы заняли свои места. Я сел за руль. Мишель и Мартина — рядом со мной, Шеффер, Вандаль и Бреффор вылезли на крышу, а Бельтер забрался в башню к пушке; со мной он был связан телефоном. Перед отъездом я убедился, что водить машину, исправлять обычные поломки и стрелять из пулемета может каждый из нас.

Пожав руки друзьям и обняв на прощание дядю и брата, я тронул грузовик. Мы свернули на дорогу к замку. Бельтер из люка башни долго еще махал рукой Иде, которая в ответ размахивала платком.

Я был взволнован, счастлив и распевал во всю глотку. Мы проехали мимо развалин, потом вдоль полотна узкоколейки и по новой, едва намеченной дороге, выбрались к руднику. Наблюдатели были на местах. Несколько рабочих прохаживались группами перед началом смены, другие закусывали. Дружески простившись с ними, мы двинулись дальше, в степь, прямо по серой теллусийской траве.

Сначала то здесь, то там еще попадались земные растения, но вскоре они исчезли. Через час последняя колея, самая крайняя точка, куда мы доезжали во время наших разведок, осталась позади. Перед нами была неведомая планета.

Легкий западный ветерок волновал траву, которая с сухим шелестом ложилась под колеса грузовика. Почва была твердой и удивительно ровной. Серая степь расстилалась вокруг, насколько хватал глаз. На юге собирались редкие белые облака, «обыкновенные облака», как заметил Мишель.

— В каком направлении мы едем? — спросил он, раскладывая на планшете свои штурманские приборы.

У Теллуса оказалось такое же постоянное магнитное поле, как у Земли, и наши компасы действовали превосходно, с той лишь разницей, что здесь все было наоборот и северный конец стрелки указывал на юг.

— Сначала прямо на юг, потом на юго-восток. Так мы обогнем болото. Во всяком случае, я на это надеюсь. Потом прямо к горам.

В полдень мы остановились и первый раз позавтракали «под сенью грузовика», как выразился Поль Шеффер, сенью, скорее воображаемой, чем реальной. Хорошо еще, что нас освежал слабый ветерок.

Мы весело попивали вино, когда трава рядом с нами вдруг зашевелилась и оттуда выскочила плоская гадюка. Не дав нам опомниться, она ринулась вперед и впилась... прямо в левую переднюю шину грузовика, которая тотчас начала оседать с характерным шипением.

— А чтоб тебя! — выругался Поль, прыгнул в кабину и выскочил обратно с топором в руках.

— Не испортите ее, прошу вас! — кричал Вандаль, но Поль не обращал внимания; одним ударом он рассек змею, да так, что лезвие топора ушло в почву по самую рукоятку.

Мы покатились со смеху.

— Должно быть, эта добыча показалась ей суховатой, — проговорил Мишель, пытаясь разжать челюсти гадюки.

Но для этого понадобились клещи. Размонтировав шину, мы убедились, что желудочный сок этой твари обладал невероятной силой: резина уже сморщилась, а корд вокруг прокола растворился бесследно.

— Прошу прощения, — сказал Мишель, поворачиваясь к останкам плоской змеи. — Я не знал, мадам, что вы можете переваривать каучук!

Мы поехали дальше, держа среднюю скорость двадцать пять — тридцать километров в час. К вечеру позади осталось триста километров. Несколько раз я пытался свернуть влево, но там все еще тянулось болото. Ночь прошла спокойно. Лишь на следующий день после трех часов быстрой езды мы смогли наконец изменить направление. По-прежнему вокруг шелестела серая трава, изредка попадались кусты да несколько раз нам пришлось объезжать овраги. Мы двигались к горам, возвышающимся на линии горизонта.

Часов в десять погода начала портиться, и, когда мы остановились для полуденного завтрака, дождь вовсю барабанил по дюралевой броне. Поели, не выходя из машины, кое-как, в тесноте. Тем временем дождь превратился в ливень, видимость была отвратительной, и я решил переждать.

Мы приоткрыли окна, чтобы в машине было свежее, и расположились кто как хотел — одни на койках, другие вокруг стола. Я полулежал на переднем сиденье, Мишель и Мартина сидели на пороге проема, соединявшего кабину с кузовом.

Лениво текла беседа. Мы с Мишелем дымили трубками, остальные покуривали сигареты. Благодаря какой-то счастливой случайности в деревне помимо большого запаса табака у одного из жителей оказалась табачная рассада, и теперь мы сами выращивали табак, не опасаясь вмешательства акцизных чиновников.

Дождь лил семнадцать часов подряд и, по словам дежурных, не прекращался ни на минуту. Когда мы утром проснулись, он все еще шел, хотя и не так сильно. Вся равнина была покрыта водой: плотный перегной медленно впитывал влагу. Мишель попробовал тронуться с места; грузовик забуксовал, но потом покатился, осторожно набирая скорость.

К концу третьего дня пути мы проехали уже шестьсот пятьдесят километров и заметно приблизились к горам. Местность менялась: теперь вокруг были цепи холмов, вытянутые с юго-запада на северо-восток. Между двумя такими цепями мне удалось сделать очень важное, открытие.

Уже вечерело. Мы остановились у подножия красноватого глинистого холма, на котором даже трава не росла. Захватив автомат, я вылез из грузовика и отправился прогуляться. Шел я, не торопясь: поглядывал время от времени на небо и раздумывал над тем, можно ли применять на Теллусе законы земной геологии. Когда я уже склонялся к положительному ответу, мне почудилось в воздухе что-то странное, необъяснимое, но очень знакомое!

Я остановился. Передо мной было небольшое маслянистое болотце со скудной растительностью: пучки рыжей, ржавой травы лишь кое-где торчали из воды, затянутой радужной пленкой. От неожиданности я чуть не подскочил: от болотца тянуло нефтью!

Я приблизился. Там, где болото слегка вдавалось в берег, на поверхность вырывались пузырьки газа. От огня зажигалки они легко вспыхивали, но это еще ничего не доказывало — обыкновенный болотный газ тоже горит. Но радужная пленка... По всем признакам здесь была нефть, и, очевидно, на незначительной глубине. Я обследовал местность.

Слой глины, из которой состоял холм, здесь переходил в темный сланец, а в ста метрах от болотца сланцевый пласт упирался в обрыв из белого известняка. Все признаки сброса были налицо! Это меня обеспокоило. В результате сброса нефть могла разлиться по поверхности — тогда месторождение было бы для нас потеряно, — но могла и остаться где-то совсем неглубоко. Одно, во всяком случае, было несомненно: нефть на Теллусе есть и так или иначе мы сможем ее добывать.

Тщательно отметив на маршрутной карте это место, мы двинулись дальше, огибая с юга гряду гор, вернее, высоких холмов, так как они не поднимались выше восьмиста метров. Это была известняковая гряда, по-видимому, совсем недавнего происхождения: следы эрозии на ней почти не были заметны. В одной отвалившейся глыбе я нашел окаменелую раковину, похожую на нашу земную брахиоподу. Значит, на Теллусе кроме бескостных гидр есть или были существа с твердым панцирем.

Растительность по-прежнему оставалась унылой и однообразной, серая трава да серо-зеленые «деревья», то бишь просто кусты. На остановках Вандаль превращал стол в лабораторию и склонялся над микроскопом, но до сих пор ему не удалось обнаружить ничего сенсационного. Клетки растений были такими же, как на Земле, если не считать того, что многие имели всего по одному ядру. У этих растений не было цветов: они размножались спорами, как на Земле в палеозойскую эру.

Сразу же за цепью холмов перед нами предстала могучая горная гряда со снеговыми вершинами. Центральная была особенно хороша! Ее гигантские размеры поражали глаз. Черная как ночь, под ослепительной снежной шапкой, эта гора стояла на равнине огромным конусом с геометрически правильными очертаниями. Мы назвали ее пиком Тьмы.

Теперь мы держали курс на черного великана. Мишель сделал прикидку, быстро вычислил его высоту и даже присвистнул от удивления:

— Ого! Не меньше двенадцати тысяч семисот метров!

— Двенадцать? Значит, это выше Эвереста на...

— Да, на три километра с лишним.

— Но почему так хорошо видно вершину? Ведь она должна быть выше облаков?

— Потому, что как раз сейчас облаков нет. И вообще они на Теллусе, видимо, редкость. Зато, когда соберутся!.. Помнишь позавчерашний ливень?

— Надо полагать, дожди здесь идут не так редко, как ты думаешь. Без них вся эта растительность погибла бы давно.

Мы двигались к подножию пика Тьмы без происшествий, как вдруг перед нами возникло почти непреодолимое препятствие. Местность резко пошла на уклон, и мы увидели внизу на дне широкой долины реку. Берега ее покрывали древовидные растения: из всего, что нам до сих пор попадалось, ничто еще так не походило на наши земные деревья. У них были даже соцветия, которые Вандаль сравнил с пестиками некоторых голосемянных.

Но как переправиться через реку? Не очень широкая, всего метров двести, она была глубока и стремительна, с черной, жуткой водой. В память о родном крае я назвал ее Дордонью. Гидры вряд ли могли обитать в ее быстрых водах, но на всякий случай следовало держаться настороже.

Мы двинулись вверх по течению, надеясь отыскать более подходящее место для переправы, и к вечеру неожиданно для нас самих достигли истоков реки: уже глубокая и полноводная, она вытекала из-под известнякового обрыва, поросшего кустарником. Нелегко было провести машину по этому скалистому мосту, заваленному крупными обломками и пересеченному рытвинами, но в конце концов нам это удалось. По противоположному берегу мы спустились немного ниже и повернули теперь уже прямо к пику Тьмы.

Благодаря какому-то обману зрения нам казалось, что этот пик примыкает к горной гряде, но на самом деле он одиноко возвышался на равнине далеко впереди остальных гор. Базальт и черная лава сверкали на монолитном теле великана — еще одно доказательство недавней вулканической деятельности. Жидкие лавы обычно сглаживают неровности склонов, пока сами не начинают трескаться и разрушаться.

Широкие потоки застывшего вулканического стекла — обсидиана — спускались к самому подножию горы. К одному из них я подошел, даже не подозревая, что здесь меня ждет поразительная находка. Куча обсидиановых осколков лежала на выступе. Один из них привлек мое внимание. Казалось, ему была искусственно придана форма лаврового листа. Точно такие же наконечники для стрел делали наши далекие земные предки в эпоху позднего палеолита.

ССВИСЫ

Я отозвал в сторону Вандаля, Мишеля и Бреффора и показал им свою находку.

— А ты уверен, что это не случайная игра природы? — спросил Мишель.

— Совершенно уверен. Взгляни на общую форму, на отделку. Это точная копия наконечника каменного века.

— Или индейских наконечников из обсидиана, — добавил Бреффор. — Ты мог их видеть в Музее человека в разделе Южной Америки, если только туда заходил.

— Значит, на Теллусе есть люди?

— Не обязательно, — ответил Мишелю Вандаль. — Разум может обитать не только в человеческом теле. Во всяком случае, на Теллусе мы до сих пор не встречали ничего сходного с земными формами жизни.

— Согласен! — поддержал его я. — Если мой кузен обнаружил гуманоидов на Марсе, это вовсе не значит, что мы найдем их здесь.

— А что, если это такие же земные, как мы? — предположил Мишель. — Может быть, у них не оказалось никаких других средств, и они вернулись к орудиям каменного века?

— Не думаю, — возразил Бреффор. — На Земле сейчас лишь очень немногие умеют так обрабатывать камень, как в доисторические времена. А изготовление такого наконечника, поверьте мне, требует высокого мастерства, которое можно приобрести только многолетней практикой. В любом случае нам надо предупредить остальных и смотреть в оба!

Так мы и поступили. Я проверил фары и прожектор, связанный с вращающейся башней. Ночные дежурства были на всякий случай удвоены, первыми встали на вахту я и Мишель. Он сел на место стрелка, а я на переднее сиденье, просунув в бойницу дуло автомата и положив рядом заряженный магазин.

Через несколько минут я сказал в телефон:

— Слушай, Мишель, давай время от времени переговариваться, чтобы не задремать. Если хочешь, кури свою трубку, только чтобы свет зажигалки снаружи был незаметен.

— Добро! Если что-нибудь увижу, я тебе сразу же... Внезапно страшный оглушительный рев прозвучал во тьме совсем рядом. Это был даже не рев, а какой-то трубный, клокочущий звук, переходящий в пронзительный визг, от которого сжималось сердце. Я оцепенел. Должно быть, у гигантских ящеров юрской эпохи были такие же душераздирающие голоса. Неужели мы забрались в царство тиранозавров?

— Ты слышал? — прошептал Мишель в микрофон.

— Еще бы!

— Что это за дьявольщина? Может, включить прожектор?

— Тебе что, жить надоело? Замри и молчи! Грозный крик прозвучал снова, теперь уже ближе. При бледном свете Селены я различил над стеной деревьев движение какой-то огромной черной массы. Еле дыша, я вставил магазин в автомат; легкий щелчок прозвучал для меня как гром. Надо мной, чуть скрипнув, развернулась башня: Мишель тоже увидел это и прицелился. В наступившей тишине слышалось только безмятежное похрапывание Вандаля. Здорово же они все вымотались, если даже такой рев не смог их разбудить!

Пока я раздумывал, не поднять ли остальных по сигналу тревоги, темная масса задвигалась и вышла из-за деревьев. В полутьме я с трудом различил увенчанную гребнем спину, короткие массивные лапы и рогатую плоскую голову с очень длинной мордой. Какая-то странность в походке чудовища привлекла мое внимание. У него было шесть лап! В длину чудовище достигало двадцати пяти — тридцати метров при высоте метров пять-шесть.

Я сдвинул предохранитель, но не решился положить палец на гашетку, боясь, что нервы у меня не выдержат и я дам очередь.

— Внимание! — сказал я. — Приготовься, но не стреляй.

— Что это за мерзость?

— Не знаю. Внимание!

Чудовище снова зашевелилось. Теперь оно шло на нас! Голова его была увенчана плоскими развесистыми, как у лося, рогами, сверкавшими при лунном свете. Медлительно переваливаясь и чуть не волоча по земле брюхо, гигант протащился мимо, снова ушел за деревья, и я потерял его из виду. Это были страшные минуты! Когда

чудовище снова вышло из-за деревьев, оно было уже далеко и скоро совсем растворилось в темноте.

Облегченное «уфф!» послышалось в телефоне. Я ответил Мишелю тем же.

— Оглядись вокруг, — сказал я. По скрипу педалей я понял, что Мишель разворачивает башню. И вдруг услышал его сдавленный возглас:

— Скорей! Лезь сюда!

Я вскарабкался к нему по лестнице и примостился рядом, по другую сторону от пулемета.

— Смотри! Там, прямо перед тобой, вдали! Еще вечером мы заметили в том направлении скалистый склон; теперь на этом склоне мерцали огни, изредка заслоняемые чем-то темным.

— Костры! В пещерах! Вот где живут те, кто делает наконечники из обсидиана!

Мы смотрели на эти огни словно загипнотизированные, лишь изредка отрываясь, чтобы оглядеться вокруг. И когда несколько часов спустя занялась красная заря, мы все еще не могли оторваться.

— Почему вы нас не разбудили? — возмутился проснувшийся Вандаль. — Когда я еще увижу этого зверя!

— Правда, это не по-товарищески! — поддержала его Мартина.

— Я об этом не подумал, — ответил я. — Пока чудовище было рядом, я не хотел, чтобы вы вскакивали и шумели спросонок, а потом оно ушло. Сейчас мы с Мишелем поспим. На страже будут Вандаль и Бреффор. О том, что надо смотреть в оба, вы сами знаете. Стреляйте только в случае крайней необходимости! Ты, Шарль, — обратился я к Бреффору, — возьми второй автомат и поднимись в башню. Пулемет используйте лишь тогда, когда иначе будет нельзя: патронов у нас маловато. Но если понадобится — не жалей их! Выходить из машины запрещаю. Когда взойдет Гелиос, разбудите меня.

Но поспать нам удалось только час. Выстрелы и резкие толчки рванувшейся с места машины прервали сон. В мгновение ока я соскочил с койки, и тут же мне на голову свалился полусонный Мишель. Я увидел Поля за рулем и спину Вандаля, припавшего к автомату; Мартина подавала ему перезаряженные магазины. Сзади со вторым автоматом в руках Бреффор не отрывался от бойницы. Башня разворачивалась в разные стороны, и тяжелый пулемет бил короткими очередями по четыре-пять выстрелов.

— Мишель, подавай ленту для пулемета!

Я перебрался на переднее сиденье.

— Что случилось? Куда мы мчимся?

— Горит степь.

— В кого стреляете?

— В тех, кто ее поджег. Вот они!

Над высокой травой я увидел, вернее, как мне показалось, верхнюю часть тела человека, скакавшего параллельно броневику, почтя не отставая.

— Всадники?

— Нет, кентавры!

И словно для того, чтобы оправдать меткость определения Вандаля, одно из этих существ выскочило на открытый участок метрах в ста впереди. С первого взгляда казалось, что это действительно легендарный кентавр. Четыре тонких ноги несли его горизонтально расположенное туловище, а спереди поднимался на высоту двух метров перпендикулярно почти человеческий торс с лысой головой и двумя длинными руками. Коричневая кожа этого существа лоснилась, как только что очищенный индийский каштан. В левой руке оно держало пучок длинных палок. Схватив одну из них правой рукой, существо устремилось к нам и метнуло свою палку.

— Дротик! — воскликнул я, не веря своим глазам. Дротик воткнулся в землю, не долетев до нас несколько метров, и с треском переломился под колесами. Взволнованный крик из кузова отвлек меня:

— Быстрее! Быстрее! Огонь настигает!

— Мы и так на пределе — пятьдесят пять километров в час! — отозвался я. — Пламя близко?

— Метрах в трехстах, не больше. Ветер гонит его за нами. Мы продолжали мчаться напрямик. «Кентавры» исчезли.

— Как это произошло? — спросил я Мартину.

— Мы как раз говорили о чудовище, которое вы видели ночью, когда Бреффор заметил позади огонь. Он сказал об этом Вандалю. И тут же появилось штук сто этих существ. Они начали забрасывать нас дротиками. У некоторых, по-моему, были даже луки. Мы ответили очередью и пустились наутек. Вот и все.

— Пламя догоняет! — крикнул Бельтер. Оно уже в ста метрах!

Справа все уже было затянуто дымом. Искры проносились над грузовиком, зажигая новые очаги, которые приходилось объезжать.

— Прибавь газу, Поль, — сказал я.

— И так жму на полную — шестьдесят в час. И если полетит полуось...

— Тогда мы изжаримся заживо. Но она не полетит!

— Налево, Поль, налево! — закричал Бреффор. — Там нет травы!

Шеффер круто свернул, и через несколько мгновений мы уже мчались по широкой голой полосе рыжеватой глины. Горы были недалеко, и Гелиос поднимался все выше. Я взглянул на часы: с того времени, как мы с Мишелем улеглись поспать, прошло всего полтора часа.

Теперь наше положение было получше. Вокруг, может быть на несколько километров, расстилалось обнаженное пространство, лишенное всякой растительности. С нашим вооружением здесь нам нечего было бояться. Ни дротики, ни стрелы не могли пробить броню

грузовика, единственным уязвимым местом были шины. Мы остановились.

Скоро огонь подступил к нашему спасительному острову и обогнул его слева. Целый поток неведомых странных зверьков устремился к нам, спасаясь от пламени.

Вандаль выскочил наружу, и ему удалось поймать несколько штук. Самых разных размеров: одни не больше землеройки, другие с небольшую собаку; все они имели по шесть лап и по три или шесть глаз.

Справа от нас огонь натолкнулся на влажные заросли и начал

угасать. Слева пламя ушло вперед. Оно достигло группы деревьев, которые затрещали и вспыхнули, словно облитые бензином. Раздался ужасающий рев. Огромное тело мелькнуло среди огня и устремилось, раскачиваясь прямо к нам! Это было ночное чудовище или его собрат:

очевидно, в роще находилась его лежка. Метрах в пятистах от нас, уже на голом пространстве, зверь остановился. В подзорную трубу я мог теперь рассмотреть его во всех подробностях. Если не считать шести лап, чудовище в общем походило на динозавра. Увенчанная гребнями спина, длинный хвост, утыканный колючками, морщинистая кожа, покрытая блестящей зеленой чешуей. Огромная, длиной метра три-

четыре, голова была усажена рогами, два верхних разветвленных рога нависали над тремя глазками — двумя боковыми и одним средним, на лбу. Когда «динозавр» повернул голову, зализывая ожог, я увидел ряд острых длинных зубов и красный язык, выскальзывающий из фиолетовой пасти.

И тут появились «кентавры», вооруженные луками. На чудовище посыпался дождь стрел.

Зверь бросился на охотников. Они увертывались от него с поразительной ловкостью, движения их были точны и грациозны, а в скорости бега они превзошли бы любого скакуна. Кстати, только это их и спасало: чудовище оказалось на удивление подвижным для своего веса. Затаив дыхание наблюдали мы за этой сценой эпической охоты, не решаясь вмешаться. Да и стрелять было рискованно, потому что охотники вихрем кружились вокруг своей добычи. Я уже собирался дать приказ продолжать движение, когда произошло

несчастье. Один из «кентавров» поскользнулся. Зубастая пасть сомкнулась над ним и перекусила его пополам.

— Вперед! — приказал я. — Изготовиться к стрельбе! Мы шли на средней скорости, чтобы можно было лучше маневрировать. Как это ни странно, «кентавры» заметили нас лишь тогда, когда мы были от них всего в ста метрах. Но, увидев нас, они тотчас перестали атаковать чудовище и отступили группами по трое. По мере того, как мы приближались, они отходили все дальше, и наконец мы остались лицом к лицу с апокалиптическим зверем.

Нужно было во что бы то ни стало избежать столкновения: этот гигант смял бы нас в лепешку.

— Огонь! — скомандовал я.

Чудовище ринулось на броневик. Казалось, ни пули, ни разрывные снаряды не смогут его остановить! Шеффер круто свернул налево. Мне показалось, что зверь скользит куда-то вправо, и тут удар хвоста вмял броню. Башня развернулась, и снова заработал тяжелый пулемет. Зверь преследовал нас. Но вот наконец он споткнулся и рухнул. Чудовище было мертво. «Кентавры» наблюдали за нами, держась в отдалении.

Видя, что «динозавр» не шевелится, я вылез из броневика, не выпуская автомата из рук. Мишель и Вандаль последовали за мной. Мартина тоже хотела выйти, но я ей запретил. И оказался прав.

Не успели мы сделать и нескольких шагов, как «кентавры» бросились на нас с пронзительным, свистящим кличем: «Ссв-и-и! Ссви-и-и!» Затрещал автомат и тут же умолк; очевидно, заклинило патрон. Пулемет из башни дал всего два одиночных выстрела: нападающие были уже слишком близко. Теперь мы стреляли в упор. Меткая очередь скосила сразу трех «кентавров», еще двое, по-видимому, были ранены и повернули назад. Остальные продолжали атаковать, осыпая нас дождем стрел, которые, к счастью, летели мимо.

Еще миг — и началась рукопашная! Отбросив автоматы с расстрелянными магазинами, мы взялись за револьверы, но я своим не успел воспользоваться: кто-то обхватил меня сзади, оторвал от земли и понес. Могучие руки прижимали меня к маслянистому туловищу, от которого исходил резкий запах прогорклого жира. Кисти мои были притиснуты к бокам, и револьвер бесполезно болтался в левой руке. Я слышал за спиной выстрелы, но не мог обернуться. Сухая земля звенела под копытами моего похитителя.

Я понимал, что медлить нельзя. Более тридцати «кентавров» уже спешили на помощь нападающим. Если я не вырвусь сейчас, потом

меня уже ничто не спасет. Отчаянным усилием мне удалось на миг разжать объятия и высвободить правую руку. Перехватив револьвер, я нащупал дулом голову существа, которое меня уносило, и выстрелил пять раз подряд. Страшный толчок швырнул меня на землю.

Когда я приподнялся, сильно помятый и еще наполовину оглушенный, «кентавры» были от меня всего метрах в трехстах, а с другой стороны, ко мне на полном ходу приближался грузовик. Его автоматы и пулемет почему-то молчали. Почти ни на что, не надеясь, я бросился к нему навстречу. Все мое лицо и тело были залиты оранжевой кровью «кентавра». Я задыхался, в боку у меня кололо, а галоп преследователей слышался все ближе и ближе за моей спиной. Мишель, высунувшись из люка башни, делал мне отчаянные жесты.

«Поздно, — подумал я. — Стреляйте! Почему они не стреляют?»

И только тут вдруг понял: друзья боятся попасть в меня! Я тут же бросился наземь, повернувшись лицом к врагу: в моем револьвере оставалось еще три патрона. В то же мгновение первые очереди пронеслись над моей головой, разом срезав десяток преследователей. Ошеломленные «кентавры» остановились; лишь двое продолжали скакать ко мне. Я уложил их двумя выстрелами на расстоянии десяти метров. Грузовик заскрипел тормозами возле меня. Дверца открылась, я одним прыжком вскочил внутрь и захлопнул ее за собой. Стрелы забарабанили по броне, царапая плексиглас смотровых окон. Одна из них влетела прямо в бойницу и воткнулась, дрожа, в спинку сиденья. Пришлось снова открыть огонь, и только тогда уцелевшие «кентавры» бежали. Поле боя осталось за нами.

— Ну, старина, ты счастливо отделался! — поздравил меня Мишель, спустившийся из башни. — Какого черта ты не лег раньше?!

— Теперь-то легко рассуждать!.. Потерь нет?

— Вандалю во время схватки попала в руку стрела. Рана пустяковая... если только стрела не отравлена. Правда, Бреффор осмотрел наконечник и уверяет, что бояться нечего.

— Проклятые твари!

— Что будем делать дальше?

— Вернемся, посмотрим на поврежденного нами голиафа.

Второй раз мы с Мишелем и Вандалем вылезли из грузовика, чтобы рассмотреть чудовище, а заодно и трупы «кентавров», оставшихся на месте схватки.

Вандаль сказал, что броня голиафа, как мы окрестили шестиногого динозавра, напоминает хитин земных насекомых, но с рядом отличий: во всяком случае, она несравненно тверже. Для того чтобы отпилить один разветвленный рог, который Вандаль решил взять с собой, нам пришлось пустить в ход ножовку, после чего полотно совершенно затупилось. У меня еще было несколько пленок для «лейки», которые мы берегли как зеницу ока, но тут уж мы сфотографировали чудовище и «кентавров».

Удивительные создания эти «кентавры», или ссвисы, как мы начали называть их позднее. Кстати, сами они называют себя точно так же. У них почти цилиндрическое тело, четыре тонких ноги с маленькими твердыми копытами и короткий чешуйчатый хвост. Спереди тело под прямым углом выгнуто вверх, образуя почти человеческий торс с двумя длинными руками. На руках по шесть пальцев неравной длины; два из них противостоящие. Голова круглая, безволосая и безухая — уши заменяют перепонки, закрывающие внутренние слуховые раковины. У них три глаза светло-серого цвета; средний, самый большой, расположен посредине лба. Широкий рот вооружен острыми, как у ящера, зубами, нос, длинный и мягкий, спускается почти до самых губ. Вандаль наскоро произвел вскрытие одного «кентавра». У него оказался большой развитый мозг, защищенный помимо черепа хитиновой оболочкой, и гибкий, но достаточно прочный благодаря обилию минеральных веществ, костяк. Несмотря на значительные различия, анатомия «кентавров» несравненно ближе к человеческой, чем строение гидр.

В вертикальном торсе у них расположены два могучих легких, похожих на наши, но более простых, да сердце с четырьмя отделениями; желудок, кишки и прочие внутренние органы занимают горизонтальную часть тела. Некоторые трупы были еще теплыми, из них сочилась густая кровь оранжевого цвета.

— У этих существ много общего с людьми, — сказал в заключение Вандаль. — Они пользуются огнем, делают луки, обрабатывают камни; короче — это разумные создания. Какая жалость, что наше знакомство началось столь печально!

Действительно, у «кентавров» кроме оружия — луков и дротиков с искусно обточенными обсидиановыми наконечниками — было даже нечто вроде одежды; вокруг верхней части туловища они носили широкие пояса из растительных волокон тончайшего плетения с подвешенными к нему такими же плетеными мешочками, в которых оказались самые разнообразные орудия из обсидиана. Все они поразительно напоминали орудия людей позднего палеолита.

Покинув поле сражения, мы поехали дальше. На сей раз для ночлега мы выбрали открытое место, где не было ни травы, ни деревьев.

Такие странные голые участки попадались довольно часто. Они подходили нам сейчас как нельзя лучше, и на одном из них мы остановились, развернув грузовик вниз по склону, чтобы его можно было завести с ходу, если вдруг откажет стартер. Впрочем, все эти предосторожности оказались излишними; ночь прошла спокойно, если не считать трубных криков голиафа, доносившихся издалека. Зато утром Мишель растолкал меня чуть свет. Вид у него был озабоченный.

— Взгляни, — сказал он, протягивая мне барометр.

Столбик ртути вместо уже привычного для нас девяносто одного сантиметра давления сейчас едва доходил до семидесяти шести.

— Похоже, что скоро здесь будет веселая погодка!

— Может быть, дело в высоте над уровнем моря?

— Вчера на этом же месте барометр показывал девяносто. И потом, посмотри на горы! — Мишель потянул меня к левому окну.

Цепь Неведомых гор, вдоль которых мы двигались последние дни, исчезла в тумане. На западе все было затянуто низкими темно-серыми, почти черными, тучами.

— Здесь оставаться нельзя, — решил я. — Вперед! Надо найти какое-нибудь естественное укрытие.

Поль взялся за руль. Усаживаясь, он окинул взглядом горизонт и только присвистнул с видом знатока.

— Ну и ну! Такое я видел только однажды, во время циклона над Южной Атлантикой.

На западе все закрыла стена зловеще свинцовых туч. Контраст был разительный: на востоке в сияющей лазури восходило солнце, а здесь из-за горизонта быстро надвигалась грозная мгла.

— Правь левее, — приказал я. — Надо скорее добраться до возвышенности, — там нас, надеюсь, не зальет.

Мы мчались по безжизненной равнине на юго-запад. Тучи закрыли уже почти половину неба. Внезапно первые тяжелые капли застучали по броне. Но ветра не было, он бушевал где-то в высоте, перемешивая громады туч, а здесь, внизу, нас обволакивала удушающая жара.

Оставив Мишеля рядом с водителем, я вместе с Мартиной забрался в башню, надеясь оттуда заметить какое-нибудь убежище. Чтобы скорее добраться до гор, мы свернули на юг, потом на юго-восток. Местность постепенно повышалась. Дождь продолжал идти крупными, редкими каплями; гроза глухо ворчала где-то западнее. Мы приближались к скалам, в которых я с трудом различал многочисленные пещеры: свет мерк и становился все тусклее. До скал оставалось еще добрых два километра, когда буря обрушилась на нас. Страшный порыв почти развернул грузовик, и я услышал, как Поль ругается за рулем, стараясь взять прежнее направление. Хлынул ливень невероятной силы; длинные, жидкие стрелы косо падали с неба, и скалы казались нам то дальше, то ближе в зависимости от наклона колеблемой ветром водяной завесы. Оглушительно загрохотал гром. Нас окутала тьма. Лишь вспышки ярко-фиолетовых молний прорезали мрак, слепя глаза. Я поспешил втащить пулемет внутрь и заткнуть бойницу. И все равно даже в закрытом кузове приходилось кричать во все горло: гром грохотал теперь беспрестанно, заглушая голоса.

Грузовик выбивался из сил. Шины, не встречая сопротивления, буксовали в разжиженной почве. Ветер то стихал, то снова обрушивался внезапными шквалами, снося автомобиль, и, чтобы не рисковать, мы едва плелись со скоростью около десяти километров в час. Молнии трепетали, казалось, целыми минутами; потом началась настоящая фантасмагория вспышек и мрака, из которого рядом со мной на мгновение возникало бледное и немного испуганное лицо Мартины.

Когда я нагибался, я видел внизу под ногами кабину броневика: Бреффор у столика вносил записи в путевой журнал, Вандаль приводил в порядок свои заметки, и только Бельтера нигде не было видно. Наконец я разглядел его ногу, свешивающуюся с койки, — он спал. После безмятежного покоя кабины бушующая снаружи стихия казалась еще ужаснее. Ливень и шквалы состязались в ярости. При вспышках молний казалось, что капот машины с трудом разрезает морские волны. Вода низвергалась потоком, крыша дрожала,

натянутая до предела антенна вибрировала, и я слышал ее жалобный звон в перерывах между раскатами грома.

— Вот это гроза! — прокричал я. — Всем грозам гроза!

— Великолепно! — отозвалась Мартина.

И поистине это было великолепное, хотя и жуткое, зрелище. На Земле я не раз видел грозы в горах, но все они были ничто по сравнению с этим буйством разъяренных стихий.

Молния сверкнула в каких-нибудь двухстах метрах от нас. Когда гром стих, я крикнул Мишелю:

— Что с барометром?

— Продолжает падать.

— Уже близко! Вижу пещеры. Включите фары!

И в самом деле, скалистая гряда была рядом. Несколько минут мы ехали вдоль нее, пока не отыскали возвышенную и достаточно ровную площадку, на которой мог уместиться наш грузовик. Скала повисла над нею, образуя укрытие. Опасаясь встретить здесь ссвисов или голиафа, я снова поставил пулемет на турель; сквозь открытую бойницу внутрь врывался холодный сырой воздух и шум дождя. К счастью, убежище оказалось свободным, и вскоре наш грузовик стоял уже на сухом месте, защищенном по крайней мере тридцатиметровой толщей каменного навеса. Мы развернули машину передом к выходу и вышли из бронированного кузова. У пулемета остался Бельтер — была его очередь дежурить.

Наше убежище достигало пятидесяти метров в длину, уходило под скалу метров на двадцать, а свод поднимался метров на двадцать пять. Кое-где по нему стекала вода, продолбившая своего рода водостоки, но там, где пол повышался, было совершенно сухо. В одном углу мы обнаружили кострище, пепел, кости и орудия из обсидиана: здесь были ссвисы, и, по-видимому, совсем недавно. Значит, придется бодрствовать. Кроме того, мы нашли в расщелине заботливо припрятанные куски необработанного обсидиана и запас сухих веток.

Может быть, с нашей стороны это было неосторожностью, но мы не удержались и развели костер позади грузовика. Здесь же мы и поели, выкинув банки из-под консервов в кучу мусора, оставленную ссвисами.

— Представляю, какие глаза будут у наших приятелей «кентавров», когда они обнаружат эти странные сосуды, — сказал я.

— Особенно, когда они увидят этикетки, — подхватил Мишель. На одной банке из-под сосисок была цветная картинка: «Тетушка Ирма» в виде толстенной поварихи.

— Пожалуй, они получат не очень лестное представление о нашем искусстве, — заметила Мартина.

Все эти реплики приходилось выкрикивать во всю глотку, перекрывая шум низвергающегося ливня.

Когда к пулемету встал Мишель, я попросил освободившегося Бельтера помочь нам с Бреффором вырыть небольшую траншею. Мне хотелось узнать, кто и когда жил в этом гроте. Наши старания были вознаграждены: в песчаной почве мы обнаружили два слоя золы и всяких остатков толщиной по двадцать сантиметров каждый. В обоих слоях были одинаковые орудия; насколько мы могли судить, они сильно отличались от тех, которыми пользовались теперешние ссвисы. Все предметы были значительно примитивнее, наконечники стрел представляли собой просто заостренные с одной стороны, осколки обсидиана, а не изящные «лавровые листья». Кроме того, мы откопали один скелет ссвиса, но так и не могли решить, был он здесь похоронен намеренно или нет. В тех же слоях оказалось множество различных костей; некоторые, по-видимому, принадлежали голиафам. Три живых представителя этого рода нанесли нам под вечер визит. Они были относительно невелики, самый большой достигал в длину метров десяти. Мы отказались их принять и довольно невежливо выгнали под дождь. Голиафы заупрямились; пришлось угостить их очередью, которая уложила одного наповал. Остальные обратились в бегство.

Ливень продолжался еще двое суток с короткими перерывами. Все это время мы занимались раскопками, больше нечего было делать. Я углубил траншею. Вместо песка верхних слоев внизу лежал слой неровных известняковых обломков — след более ранней эпохи, когда климат был явно холоднее. Должно быть, на Теллусе, как и на Земле, был свой период оледенения, и я решил про себя поискать в горах древние ледниковые морены. Кучку костей и обточенных камней мы погрузили в машину; это была наша первая коллекция, основа будущего музея.

Утром третьего дня солнце встало в безоблачном небе. Однако двигаться с места было еще нельзя: в низинах стояла вода, а местами почва настолько размокла, что превратилась в грязевые болота глубиной до четверти метра. К счастью, дул сильный ветер и все быстро просыхало.

Мы воспользовались вынужденным отдыхом для того, чтобы связаться по радио с Советом. На вызов ответил мой дядя. Я рассказал ему о встрече со ссвисами и об открытии нефти. Он в свою очередь поделился новостями: последние дни гидры все время пролетают над

«земной» территорией, но не нападают. Ракеты сбили уже штук пятьдесят. Я предупредил Совет, что мы намерены продвинуться дальше на юго-запад, а потом повернем обратно. Грузовик был в отличном состоянии, у нас еще оставалось почти половина горючего и вдоволь продуктов и боеприпасов. Пока мы проехали тысячу семьдесят километров.

Едва почва подсохла, мы двинулись дальше. Вскоре нам встретилась еще одна река, которую я назвал Везер. Она была меньше Дордони и местами суживалась до пятидесяти метров. Однако пересечь ее оказалось нелегко, так как после недавних ливней река вздулась, течение было стремительное и глубина порядочная. И все же мы ее переехали, но об этой переправе я до сих пор не могу вспоминать без дрожи.

Поднимаясь вверх по реке, мы доехали до водопада; здесь Везер низвергался с уступа почти тридцатиметровой высоты. Осмотрев местность, я решил, что этот уступ и скалы на берегу возникли в результате геологического сброса. На несколько километров выше нам посчастливилось найти подходящий для пашей машины пологий спуск, и грузовик осторожно съехал под прямым углом к речке до самой воды, чуть выше водопада. Но что было делать дальше? И тут в голове Мишеля зародилась отчаянная мысль, которая сначала привела меня в ужас.

— Смотри! — сказал он, показывая на широкий плоский утес, выступавший из воды метрах в десяти от берега, и еще на два-три таких же камня, расположенных почти в одну линию с перерывами пять-шесть метров между ними. — Ты видишь? Вот быки моста. Остается только положить настил!

Я уставился на него с открытым ртом.

— Настил? А из чего? Каким образом?

— Здесь рядом я видел деревья высотой от десяти до двадцати метров. У нас есть топоры, веревки, гвозди. Найдутся и кусты, достаточно гибкие для связок.

— А тебе не кажется, что это, пожалуй, немного рискованно?

— А вся наша экспедиция не рискованна?

— Ладно, спросим остальных.

Бреффору план Мишеля показался выполнимым.

— Конечно, придется попотеть, — сказал он. — Но... бывало и хуже.

Под прикрытием грузовика, посадив Мартину за руль, а Вандаля к пулемету, мы превратились в дровосеков. Свалив и очистив от ветвей стволы деревьев, мы грубо обтесали их, а потом грузовик оттащил бревна метров на пятьдесят выше водопада. Теперь нужно

было занести конец одного бревна на первый утес. Я ломал себе голову, как это сделать, когда увидел, что Мишель быстро сбрасывает одежду.

— Надеюсь, ты не собираешься перебираться вплавь?

— Собираюсь. Дай мне конец веревки. Я нырну здесь, и течение снесет меня прямо на камни.

— С ума сошел! Ты же захлебнешься!

— Не бойся. Я был чемпионом по плаванию — сто метров за пятьдесят восемь и четыре десятых секунды. Скорее, пока сестра не видит! Я-то не боюсь, а ей волноваться незачем.

Войдя в воду, Мишель сильными гребками устремился к середине реки, пока не отплыл метров на десять от берега, а потом отдался во власть течению. Мы с Бреффором держали веревку, второй ее конец опоясывал Мишеля. В нескольких метрах от утеса пловец бешено заработал руками и ногами, борясь с потоком, который увлекал его к пропасти. Без особого труда он ухватился за выступ, одним толчком подтянулся и встал на камень.

— Бр-р-р!!! Водичка-то холодная! — заорал Мишель, стараясь перекричать грохот водопада. — Привяжите мою веревку к одному концу бревна, а ко второму — еще одну и спускайте потихоньку. Только держите! Вот так, так... Держите крепче, не давайте бревну сплывать вниз!

Огромная балка уткнулась одним концом в камень, а другим, который удерживали мы, заскребла по мелководью. Не без труда занесли мы свой конец на берег, потом Поль, Бреффор и я переправились на камень: Поль и я ползком, оседлав бревно и спустив ноги в воду, а Бреффор прошел поверху, балансируя над потоком в пяти метрах от водопада. Он сказал, что не выносит, когда у него мокрые ноги.

Вчетвером мы вытащили второй конец бревна на огромный камень и укрепили стальными скобами. Первая балка моста была положена.

Чтобы положить вторую, все пришлось проделать сначала. К вечеру мы поставили на место третью. Ночь прервала работу. Я устал, Мишель и Поль измучились основательно, и только Бреффор был еще довольно свеж. Вместе с ним я встал на первую вахту, до полуночи. Во вторую смену дежурили Вандаль и Бельтер, в третью, уже после восхода Соля, одна Мартина.

С утра работа возобновилась. На следующий день мы уложили балки через все пролеты между каменными опорами и добрались до противоположного берега.

Еще четыре дня ушло на то, чтобы положить настил.

Наша стройка имела самый живописный, хотя и странный вид. Погода стояла ясная, чуть прохладная, воздух был по-молодому свеж и прозрачен даже в сумерках, настроение у всех веселое. Последний день во время полуденного завтрака я откупорил пару бутылок старого вина, которое вдохнуло в нас безграничный оптимизм. Расположившись на серой траве подле грузовика, мы благодушно смаковали последнее сладкое блюдо, когда в воздухе засвистели стрелы. К счастью, никто не был ранен, только шина грузовика оказалась пробитой. Схватив лежащий рядом со мной автомат, я приник к земле и начал щедро поливать очередями полосу деревьев, откуда летели стрелы. До рощицы было метров сорок, и пули достигли цели. Из-за деревьев сразу выскочила группа ссвисов — многие были ранены — и обратилась в бегство.

Уже не так весело — ведь все могли погибнуть! — поспешили доделать настил, и Поль сел за руль. Грузовик осторожно въехал на мост. Наверное, ни один инженер, даже построивший величайший в мире мост, не испытывал такой гордости и... такого облегчения, как мы, когда все наконец перебрались на противоположный берег!

День закончился без происшествий. Перед закатом я наметил маршрут на завтра. Мы решили ехать прямо на юг, держа курс на гору, которая хоть и была много ниже пика Тьмы, но все же достигала добрых трех тысяч метров. В полночь — была моя очередь дежурить — я заметил на вершине этой горы светящуюся точку. Что это, вулкан? Но свет скоро погас. Истина предстала передо мной, когда огонек зажегся снова, но теперь много ниже, на склоне. Это была световая сигнализация! Я оглянулся. Позади, на холмах по ту сторону реки, вспыхивали ответные огни. Не в силах скрыть беспокойства, я поделился своими опасениями с Мишелем, который меня сменил.

— Да, приятного мало, — согласился Мишель. — Если ссвисы объявят всеобщую мобилизацию, нам придется худо, несмотря на превосходство вооружения. Ты заметил, что они не боятся огнестрельного оружия? Да и боеприпасов у нас негусто?..

— И все же я хочу добраться до этой Сигнальной горы. Ведь только в горах или у их подножий можно надеяться найти руду. Мы сделаем быстрый рейд.

Утром перед отъездом пришлось сменить проколотую стрелой шину: пробоина расширилась. Наконец мы двинулись в путь. Местность незаметно повышалась, потом стала холмистой, изрезанной ручьями, через которые машина не всюду могла пройти. В одной маленькой долине я заметил в скалах зеленоватые

прожилки: это был гарниерит — довольно богатая никелевая руда. И вообще долина оказалась настоящей рудной сокровищницей. К вечеру у меня уже были образцы никеля, хрома, кобальта, марганца и железа, а главное — великолепного каменного угля, который мощными слоями выходил прямо на поверхность. О такой удаче можно было только мечтать!

— Здесь будет наш металлургический центр, — сказал я.

— А ссвисы? — возразил Поль.

— Будем жить, как американские пионеры героических времен. Почва здесь, по-видимому, плодородная. Будем распахивать целину, добывать руды и сражаться, если потребуется. Во всяком случае, здесь нет гидр, они исчезли на второй день нашего путешествия, и это одно стоит всего остального.

— Да будет так! — согласился Мишель. — Ура! Да здравствует Кобальт-Сити. Но как мы перетащим сюда все наше оборудование и машины?

— Как-нибудь перевезем. Сначала надо запастись нефтью, а это не так-то просто.

Мы свернули на север, потом на запад. В шестидесяти километрах от долины я обнаружил залежи бокситов.

— Да ведь здесь сущий рай для геологов! — не выдержала Мартина.

— Нам повезло, — отозвался я и добавил, уже думая о своем:

— Надеюсь, повезет и дальше... Все это утро я ломал себе голову над одной задачей: нельзя ли как-нибудь заключить союз со ссвисами или хотя бы с некоторыми из них?

Вероятно, здесь обитало множество враждующих между собой племен. Нельзя ли привлечь хоть часть ссвисов на свою сторону? Но для этого прежде всего нужно было завести с «кентаврами» какие-то иные отношения — помимо обмена выстрелами.

— Если мы еще столкнемся со ссвисами, — проговорил я, обращаясь ко всем, — надо захватить хотя бы одного живым.

— Это еще зачем? — удивился Поль.

— Попробуем узнать язык ссвисов или научим их нашему. Это может пригодиться.

— Вы полагаете, что ради такого опыта стоит рисковать жизнью? — осведомился Вандаль, хотя сам только и мечтал о подобной возможности.

Я изложил свой план. А вскоре случай помог его осуществить.

На следующий день, едва тронувшись с места, мы вынуждены были остановиться из-за неполадки в машине. Пока Поль возился с

мотором, на наших глазах произошла короткая схватка между тремя красно-коричневыми ссвисами, каких мы уже встречали, и десятком других, меньшего роста с черной блестящей кожей. Красные защищались отчаянно и уложили пять нападающих, но сами пали под градом стрел. Победители, не подозревая о нашем присутствии, принялись терзать поверженных.

Я дал по ним очередь из автомата, трое черных ссвисов упали, остальные обратились в бегство. Тогда я вышел из-за деревьев, которые нас скрывали. Один из красных ссвисов попробовал подняться, но тут же упал: в его конечностях сидело пять стре

— Вандаль, дружище, постарайтесь его спасти! — попросил я.

— Сделаю, что могу, но не ручаюсь, я ведь очень плохо знаю их анатомию. Впрочем, — добавил Вандаль, осмотрев ссвиса, — ранения, кажется, легкие.

Ссвис лежал недвижимо, все три его глаза были закрыты, и только по тому, как ритмично поднималась и опадала грудь «кентавра», можно было понять, что он жив. Вандаль начал извлекать стрелы. Ему помогал Бреффор, который, прежде чем стать антропологом, изучал медицину.

— Анестезии не даю, — проговорил Вандаль, — не знаю, выдержит ли он.

В течение всей операции ссвис не шевельнулся, лишь короткая дрожь временами пробегала по его телу. Бреффор наложил повязку, на которой быстро проступили желтые пятна. Потом мы перенесли раненого в грузовик (он был не очень тяжел: пожалуй, килограммов семьдесят, как определил Мишель) и уложили на импровизированное ложе из травы и одеял. Все это время ссвис не открывал глаз. Зато, когда поломка была устранена и мотор завели, он заволновался и... впервые заговорил! Это был поток щелкающих, странно ритмичных слогов, которые, казалось, состояли из одних свистящих согласных. Ссвис пытался встать, и нам пришлось его удерживать вчетвером: так он был силен. Тело его на ощупь казалось очень твердым и в то же время было удивительно гибким. Постепенно пленник успокоился, и мы его отпустили. Я сел к столику кое-что записать в свой дневник, захотел пить и налил себе стакан воды. Приглушенный возглас Вандаля заставил меня обернуться: приподнявшись наполовину, ссвис протягивал руку.

— Он просит пить, — сказал Вандаль.

Я протянул стакан. Ссвис взял его, недоверчиво осмотрел, потом выпил воду. Тогда я решил сделать опыт. Наполнив стакан, я

произнес: «Вода». Ссвис сразу же понял и с поразительной точностью повторил: «Вода».

Я показал ему пустой стакан. Он повторил за мной: «Такан». Я отхлебнул глоток и сказал: «Пить». Он повторил: «Пить». Я вытянулся на койке в позе спящего, закрыл глаза и сказал: «Спать». Ссвис переделал это слово в «пать». Я показал на себя: "Я". Повторив мой жест, ссвис произнес: «Взлик». Что это было, перевод местоимения "я" или его имя? Подумав, я рассудил, что второе, пожалуй, вернее. Но тогда он решит, что меня зовут "я"!

Усложняя опыт, я проговорил:

— Взлик спать. Он мне ответил:

— Вода пить.

Мы разинули рты. Это существо было наделено невероятной сообразительностью! Я тут же налил ссвису воды, и он ее выпил. Мне хотелось продолжить урок, но Вандаль напомнил, что ссвис ранен и, наверное, измучен. И правда, наш пленник сам сказал: «Взлик пать» — и вскоре уснул.

Вандаль сиял.

— Если они все такие способные, мы скоро передадим им многое из наших знаний!

— Пожалуй, — согласился я с кислой миной. — И через пятьдесят лет они будут на нас охотиться с ружьями! Впрочем, так далеко нечего

загадывать. Ясно одно: если мы договоримся, они будут бесценными союзниками.

— А почему бы нам не договориться? — вмешался Бреффор. — Ведь мы спасли ему жизнь?

— Ну да, одному спасли, а десяток других перестреляли. И может быть, даже из его племени.

— Но ведь они на нас напали!

— Мы вторглись на их земли. И если они объявят нам войну... тогда мы волей-неволей окажемся в положении Кортеса среди ацтеков, с той лишь разницей, что ацтеки боялись ружей и лошадей, а ссвисы не боятся ничего. Так что... надо о нем позаботиться получше. В нашем положении ничем нельзя пренебрегать.

Я перебрался вперед. Мишель вел машину, Мартина сидела рядом.

— Что ты обо всем этом думаешь? — спросил я ее.

— Они очень умные, даже слишком!

— И мне так кажется. Но, с другой стороны, я рад: теперь мы не одиноки в этом мире.

— А я не очень. Все-таки это не люди.

— Ну, разумеется! А ты что скажешь, Мишель?

— Пока не знаю. Подождем! Взгляни, видишь слева полосу деревьев! Там, должно быть, река. Опять придется переправляться.

— И справа тоже деревья. Полосы сходятся. Наверное, здесь сливаются две реки.

И в самом деле, мы очутились на узком языке суши между двумя речками. Левую, новую для нас, мы назвали Дронна. Но что за река была справа: Везер или Дордонь? Судя по ширине — она достигала трехсот метров, — это была Дордонь. Лениво катила она угрюмые, серые волны. И уже вечерело.

— Заночуем здесь. Полуостров легче оборонять.

— Да, но зато выбраться отсюда в случае чего будет совсем нелегко, — заметил Бреффор. — Настоящая ловушка!

— В самом деле, отступать отсюда некуда, — прибавил Вандаль.

— Тот, кто сможет преградить нам путь, также сможет нас просто уничтожить. Поэтому не будем думать о худшем. Зато здесь придется защищать только одну сторону — тыл. В случае нападения сосредоточимся все в одном месте. А завтра поищем переправу.

Этот вечер остался в моей памяти как один из самых спокойных и тихих за всю экспедицию, во всяком случае за всю ее первую часть. Перед закатом мы поужинали, сидя на траве. Погода стояла чудная, и, если бы не оружие рядом с нами да не странный силуэт Взлика,

можно было бы подумать, что мы где-нибудь на Земле в туристском походе. Как на родной планете, солнце, прежде чем скрыться за горизонтом, залило небо феерическим водопадом золотых, янтарных и пурпурных тонов, на фоне которых в высоте лениво плыли редкие розовые облака. Все мы проголодались и ели с аппетитом, не исключая Взлика. Раны его уже начали затягиваться. Ссвису особенно нравились морские сухари и солонина, но, вздумав попробовать вина, он тотчас выплюнул его с отвращением.

— Видимо, в отношении алкоголя ссвисы умней наших земных дикарей, — заметил Вандаль.

Солнце село. Три луны давали достаточно света, чтобы можно было читать. Подложив под голову свернутую палатку, я растянулся на спине лицом к небу, где сверкали уже знакомые нам созвездия. Здесь они были ярче и больше, чем у нас на Земле. Я покуривал трубку, о чем-то раздумывал и краем уха прислушивался, как Вандаль и Бреффор дают ссвису урок французского языка. Мартина улеглась слева от меня, Мишель справа. Бельтер и Шеффер, оказавшиеся заядлыми шахматистами, разыгрывали очередную партию на разграфленном карандашом куске картона; фигуры тоже были самодельные.

Уже засыпая, я подсунул руку Мартины под голову и привлек ее к себе. Сквозь дремоту до меня доносился свистящий голос Взлика, редкие возгласы шахматистов, объявлявших ходы, и мирное похрапывание Мишеля.

Трубный рев заставил меня вскочить. В полукилометре от нас к воде спускалось целое стадо странных животных. Они были меньше голиафов, но все же достигали восьми метров в длину и четырех в высоту. Длинные, сильно вытянутые и свисающие до земли носы, круглые спины, короткие хвосты и массивные ноги — все напоминало в них слонов, даже трубные голоса! Только ног было шесть.

Выстроившись на берегу, животные подогнули передние ноги и приникли к воде. Вандаль показал на них пальцем и с вопросительной гримасой повернулся к ссвису.

— Ассек, — проговорил Взлик, потом сделал вид, что жует.

— Наверное, он хочет сказать, что у этих животных вкусное мясо, — предположил биолог.

Мы смотрели, как животные утоляют жажду; при свете трех лун это было впечатляющее зрелище. Я подумал, что судьба подарила мне то, о чем я мог только мечтать в тиши лаборатории: я увидел

первобытную силу! Мартина тоже была взволнована. Я услышал, как она прошептала:

— Девственная планета... Стадо ушло. Минуты бежали за минутами.

— А это еще что? — спросил вдруг Бельтер, отодвигая шахматы, от которых его не могло оторвать даже зрелище водопоя гигантов. Я повернулся в ту сторону, куда он смотрел. Там, освещенный сзади лунным светом, двигался странный силуэт. Все движения зверя, быстрые, упругие, гибкие, говорили о том, что это хищник. Несмотря на сравнительно небольшой рост — около полутора метров, — он производил впечатление невероятно сильного зверя. Я показал его ссвису. Тот сразу заволновался и быстро что-то залопотал, делая резкие жесты. Сообразив, что мы ничего не понимаем, он сделал вид, как будто натягивает лук, потом показал на наше оружие, повторяя одно слово: «Бизир! Бизир!» Я понял, что зверь опасен, и, не торопясь — хищник был от нас в добрых двухстах метрах, — вставил магазин в автомат. Все остальное произошло с ошеломляющей быстротой. Зверь прыгнул, скорее, взлетел в воздух. Первым прыжком он преодолел метров тридцать пять! И снова взвился над землей, устремляясь прямо на нас. Мартина вскрикнула. Все остальные вскочили. Я дал очередь, не целясь, и промахнулся. Зверь подобрался для третьего прыжка. Еще один автомат затрещал рядом со мной, но кто стрелял — я не понял. Еще одна очередь — и снова впустую; я зря израсходовал все патроны. Растянувшийся возле меня Мишель быстро сунул мне новый магазин.

— В машину! Скорее! — крикнул я, нажимая гашетку. Бельтер и Вандаль нырнули в грузовик, втащив за собой ссвиса. — Теперь ты, Мишель!

Из броневика над нашими головами навстречу чудовищу пронеслась трассирующая очередь тяжелого двадцатимиллиметрового пулемета. Должно быть, она достигла цели, потому что хищник остановился. Теперь я один оставался снаружи. Вскочив в кузов, я захлопнул заднюю дверцу. Мишель выхватил у меня из рук автомат, просунул дуло в бойницу и повел огонь. Пустые гильзы со звоном падали на пол. Я огляделся: все были в сборе, кроме Мартины.

— Мартина! — крикнул я.

— Здесь, — отозвалась она в перерыве между двумя пулеметными очередями. Внезапно Мишель отшатнулся с отчаянным воплем:

— Держитесь!

Страшный удар потряс машину. Броня затрещала, прогибаясь внутрь. Меня отбросило на Вандаля, а сверху всей тяжестью своих восьмидесяти пяти килограммов рухнул Мишель. Пол затрясся, и я уже думал, что он проломится. Пулемет смолк, свет погас. Мишель с трудом поднялся и зажег карманный фонарик.

— Мартина! — позвал он.

— Я здесь, в башне. Все кончено. Подайте машину немного вперед, а то задняя дверца завалена.

Труп хищника лежал, привалившись к грузовику. Он получил двадцать одну пулю, из которых пять были разрывные; наверное, он умер в последнем прыжке, на лету. Его изуродованная голова была отвратительна, а пасть с клыками длиной сантиметров по тридцать наводила ужас.

— Как все произошло? Мартина, ты должна была видеть!

— Очень просто. Когда ты вошел последним в грузовик, зверь остановился. Я его угостила как следует. Он прыгнул. От удара я свалилась из башни вниз, потом снова поднялась по лесенке и увидела, что он лежит мертвый почти на грузовике.

Ссвис кое-как дополз до дверцы.

— Взлик! — сказал он, потом сделал вид, что натягивает лук, и показал два пальца.

— Что такое? Он уверяет, что убил два таких чудовища стрелами?

— А почему бы и нет? — вступился Бреффор. — Особенно если стрелы были пропитаны достаточно сильным ядом.

— Но ведь они, к счастью, не отравляют стрелы? К счастью, потому что иначе Вандаля могло уже не быть с нами.

— Может быть, они отравляют стрелы только для охоты? На Земле ведь тоже есть племена, которые считают, что использовать яд на войне бесчестно.

— Во всяком случае, скажу вам одно, — проговорил Бельтер, поставив ногу на поверженного зверя. — Если вокруг Кобальт-Сити водится много таких созданий, мы с ними хватим горя. Сюда бы наших охотников за тиграми, я бы на них посмотрел! Какие прыжки! И какая живучесть! А вы посмотрите на клыки, на когти, — продолжал он, осматривая лапу хищника.

— Зато ума у него, пожалуй, немного, — заметил Вандаль. — Даже непонятно, где может уместиться мозг в таком плоском черепе?

Я повернулся к Мартине и прошептал:

— Помнишь, ты только что говорила: «Девственная планета во всей первозданной красе?» Да, но и со всеми ее опасностями. Кстати, должен тебя поздравить: ты ловко справилась с пулеметом!

— Тут не моя заслуга, а Мишеля. Это он научил меня стрелять, говоря, что когда-нибудь пригодится, а если не пригодится, все равно полезно для укрепления нервов.

— Вот уж не думал, что тебе придется воспользоваться моими уроками в таких условиях! — с улыбкой признался Мишель.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Короткая красная ночь прошла без тревог. Наутро мы решили все-таки переправиться через реку. Для этого пришлось соорудить большой плот, на постройку которого ушло целых шесть дней. Мы

видели за эти дни немало странных животных, но ни одного хищника.

Впервые отведали мы теллусийского мяса; небольшое животное — сильно уменьшенная копия здешних «слонов», которые приходили на водопой, — поставило нам вырезку на жаркое. Из осторожности мы съели по маленькому кусочку, так как опасались отравления и вообще не знали, сможет ли наш организм усвоить незнакомую пищу. По вкусу мясо напоминало телятину, только было слегка красноватым. Почти поправившийся к этому времени Взлик поглощал его с явным удовольствием. Никаких желудочных расстройств не последовало, и с этого дня до самого возвращения в зону гидр мы все время разнообразили наше меню, правда, каждый раз ограничиваясь небольшими порциями. Зато попробовать плоды с деревьев, сваленных для плота, мы так и не решились, хотя Взлик уписывал их за обе щеки. Он мог немного ходить и, казалось, совсем к нам привык. Накопленный запас французских слов уже позволял ему выражать простейшие мысли.

Переправа прошла благополучно. Сняв с плота веревки и вытащив гвозди, мы двинулись вниз по течению и ехали так два дня. Река то привольно разливалась, образуя почти озерную гладь, то стремительно рвалась сквозь теснины между холмами. Я отметил, что глубина у нее повсюду была довольно значительной, без отмелей и перекатов.

Жизнь кипела на берегах реки. Мы встречали многочисленные стада «слонов», иногда видели голиафов, которые паслись парами или в одиночку, то и дело натыкались на незнакомых животных — и маленьких, и огромных. Два раза вдалеке появлялись тигрозавры. Это название, придуманное Бельтером для хищника, который на нас напал, так за ним и осталось, несмотря на протесты Вандаля, уверявшего, и не без оснований, что у зверя нет ничего общего ни с тигром, ни с ящером. На это Мишель ему возразил, что главное — понимать друг друга, а как назвать хищника — тигрозавр, левиафан или, скажем, каракатица — не столь важно!

В реке было полно рыбы и прочих водяных созданий, но все они держались в отдалении от берега, и мы не смогли их как следует рассмотреть. К вечеру второго дня снова прошел дождь. Как и прежде, вокруг расстилалась степь, и лишь вдоль ручьев и речек тянулись полосы деревьев. Температура в полдень доходила до тридцати пяти градусов в тени, но ближе к ночи спускалась до десяти градусов.

На рассвете третьего дня после тревожного сна, все время прерываемого трубным ревом голиафов, первое, что мы заметили,

выглянув наружу, был столб дыма. Он поднимался далеко на юге на другом берегу Дордони. Что это было — костер ссвисов или лесной пожар, нам так и не удалось узнать.

Почва становилась все более неровной; низкие холмы заставляли нас то и дело искать объезды. Перевалив последний подъем, мы почувствовали в воздухе терпкий и сильный запах — пахло океаном.

— Море близко, — сказал Бельтер.

Вскоре он первый увидел его из башни, а через несколько минут море предстало перед всеми нами. Оно было темно-зеленое, бурное. Дул западный ветер, и волны, увенчанные пеной, с ревом обрушивались на берег. Спуститься к нему мешали утесы, но в двух-трех километрах южнее Дордонь впадала в море широким устьем с песчаными откосами.

Мы съехали вниз и остановились на пляже, усеянном гранитной и гнейсовой галькой, почти у самой линии прибоя. Вандаль выскочил из машины первым, горя нетерпением исследовать морское побережье — этот рай биологов. Здесь лужицы кишели тысячами невиданных существ! Одни приближались к земным формам, другие совершенно ни па что не походили. На каждом шагу попадались пустые раковины, напоминавшие раковины Святого Жака, как мы их называли во Франции, но здесь они были огромных размеров; самые крупные достигали трех метров в поперечнике! Другие раковины, поменьше, крепко держались на скалах. Мишель с большим трудом оторвал одну и принес ее Вандалю. Оказалось, что это существо стоит гораздо ближе к земным брахиоподам, чем к плстинчатожаберным моллюскам.

— Как хочется выкупаться! — проговорила Мартина. Далеко в море между волнами мелькнула черная спина и снова исчезла.

— Нельзя, — решил я. — Кто знает, какие чудовища водятся у этих берегов! Не будем рисковать.

Но скоро Шеффер обнаружил за гнейсовым барьером изолированную заводь длиной в сотню шагов и глубиной около двух метров. Вода в ней была так прозрачна, что можно было все камешки пересчитать, а единственными ее обитателями оказались маленькие ракушки, да несколько водорослей. Мы плескались как дети! Вандаль взялся нас охранять с автоматом в руках, а я затеял соревнование по плаванию. Мишель доказал, что он превосходный пловец, и оставил всех далеко позади. За ним финишировали Мартина, Шеффер и Бреффор. Я пришел предпоследним, опередив Бельтера всего на полголовы. Зато потом, отыскав круглый булыжник весом около пяти килограммов, я побил всех в толкании ядра.

Взлик долго смотрел на нас, потом сам влез в воду. Плыл он странно, по-змеиному изгибая вытянутое во всю длину тело и почти не шевеля ногами, но довольно быстро. На мой взгляд, от Мишеля он отстал бы на этой дистанции всего метров на десять.

Я сменил Вандаля, который тотчас отправился собирать образцы прибрежной флоры и фауны. А потом мы поехали дальше на север, держась от моря на расстоянии нескольких сот метров. Путь был сложный, пересеченный старыми трещинами, круто спускавшимися к воде. Через три с половиной часа езды мы наткнулись на болото, в котором кишели гидры. Они были коричневыми, довольно мелкими (около полуметра) и не обратили на нас внимания. Чтобы обогнуть болото, пришлось взять восточнее. Лишь к вечеру оно кончилось, а мы смогли повернуть на запад и снова выехать к морю. Берег здесь тянулся низкий, песчаный. Против обыкновения мы не остановились на ночлег и продолжали двигаться вперед при лунном свете. Идеально ровная полоса твердого песка позволяла идти со скоростью до пятидесяти километров в час.

Незадолго до восхода красного солнца побережье сделалось скалистым и нам опять пришлось свернуть в глубь материка. Так, случайно, мы открыли озеро. Его юго-западный берег, к которому мы выехали, был низким, а с востока озеро защищала цепь скал и холмов. Густые заросли темной рамой окаймляли водную гладь, чуть сморщенную темной рябью; вода при лунном свете переливалась и фосфоресцировала. Все было настолько мирным, настолько успокаивающим, что казалось почти нереальным. Опасаясь гидр — лишь позднее мы узнали, что для этих тварей подходит только солоноватая вода болот, — мы не стали приближаться и остановились на холме примерно в километре от озера.

Мишель сменил меня на посту. Я настолько устал, что заснул мгновенно, а когда открыл глаза, мне показалось, что спал я всего несколько секунд. Однако сквозь окна уже просачивался свет голубой зари, и Мишель стоял надо мной, приложив палец к губам. Потом, стараясь не шуметь, он разбудил свою сестру.

— Сейчас вы увидите зрелище, достойное богов, — прошептал он.

Мы вышли и не смогли сдержать крик восхищения. Озеро лежало перед нами густо-синее с прозеленью, как толща льда на леднике, в пурпурно-золотой оправе. Прибрежные скалы оказались изумительного красного цвета, а деревья, трава и кустарник играли всеми оттенками желтизны. Лишь кое-где в этой гамме виднелись зеленые пятна, а холмы на востоке, над которыми вставал Гелиос, розовели, словно затопленные цветущим вереском.

— Какая красота! — только и мог я сказать.

— Волшебное озеро, — подхватила Мартина. — В жизни не видела ничего прекраснее!

— Волшебное озеро — неплохое название, — заметил Мишель.

— Пусть за ним и останется! Давай будить остальных. Мы ехали по берегу озера весь день. Поверхность его слегка волновалась от доносившегося сюда морского ветерка. Недалеко от северной оконечности озера за высокой скалистой грядой снова оказалось болото, сообщавшееся с морем. Пока мы его объезжали, я решил связаться по радио с Советом. В этот момент Бреффор заметил гидр. Маленькие гидры коричневой породы налетели целой стаей и закружились над грузовиком, как пчелиный рой. Впрочем, они не думали нападать, а только все время следовали за нами. Убедившись, что опасности нет, я попробовал вызвать деревню, но безуспешно. И не то, чтобы аппарат молчал, наоборот, в жизни еще я не слышал в эфире такого свиста, шипения и треска! Не зная, чем объяснить все эти помехи, я временно отказался от своего намерения. Внезапно без всяких видимых причин рой коричневых гидр оставил нас в покое.

Мы ехали весь день и всю ночь. Когда занялась голубая заря, до нашего земного островка оставалось всего километров сто, но мы хотели еще обследовать ближайшие окрестности и рассчитывали вернуться в деревню только к вечеру. Неожиданный вызов по радио спутал все наши планы: новости были не из веселых.

СРАЖЕНИЕ С ГИДРАМИ

Со мной говорил Луи. В течение трех последних дней гидры нападали беспрерывно. Накануне они убили троих людей и двух быков. Теперь они пикировали поодиночке и летали над самой землей, где ракеты не могли причинить им никакого вреда. Положение становилось критическим.

— Я думаю, что лучше всего было бы покинуть этот клочок Земли, — ответил я. — Вдали от болот мы не встретили ни одной гидры.

— Это не так-то просто, но, если... Ну вот, снова летят! — Из приемника отчетливо донесся вой сирены. — Не отключайся! — сказал Луи. — Постараюсь держать вас в курсе. Может быть, лучше будет...

Серия оглушительных взрывов помешала ему договорить, потом послышались выстрелы. Все, кроме Мишеля, который сидел за рулем, и Бреффора в башне, сгрудились вокруг приемника. Удивленный

ссвис тоже прислушивался, но радио молчало. Обеспокоенный, я начал вызывать. Послышалось хлопанье двери, потом задыхающийся голос Луи:

— Спешите! Постарайтесь быть здесь до темноты. Теперь эта падаль цепляется за крыши, и нам трудно стрелять в них из домов. А выйти наружу — верная смерть. Их тут самое малое тысячи три! Поезжайте по улицам и снимайте их подряд. Только скорее! Кое-где они срывают черепицу!

— Мишель, ты слышал? Жми!

— Жму до полного, шестьдесят в час!

— Луи, мы будем в деревне часа через два, — проговорил я в микрофон. — Держитесь!

— Вы так близко? Нам повезло. На моей крыше сидит штуки три, но потолок здесь крепкий. Скверно, что я не могу ни с кем связаться по телефону.

— Ты один?

— Нет, со мной шесть добровольцев и Ида. Она просит передать Бельтеру, чтобы он не беспокоился.

— Где мой дядя?

— Заперся в обсерватории вместе с Менаром, им там ничего не грозит. Твой брат с инженерами в седьмом убежище. У них ручной пулемет, и, похоже, они им неплохо действуют. Мне надо связаться с другими группами.

— Только не выходи из дому!

— Не бойся, не выйду.

Бреффор наклонился из башни и крикнул:

— Тревога! Гидры.

Я взобрался к нему. Примерно в километре впереди нас на высоте пятьсот-шестьсот метров парила плотная стая больших зеленых гидр. Их было около сотни.

— Скорее ракеты, пока они не рассеялись!

Трубы ракетных подставок поднялись по бокам башни. Нагнувшись, я увидел, что Вандаль и Мартина уже укладывают ракеты на выдвижной лоток с одной стороны, а Бельтер и Поль — с другой.

— Бреффор, вниз! Наводи ракеты. Я останусь у пулемета. Я прицелился и скомандовал:

— Огонь!

Трассирующие пули устремились к гидрам, а за ними взвились ракеты, оставляя белые хвосты. Нам повезло: ракеты взорвались в самой середине зеленого облачка, и сверху полетели клочья мяса. На

фоне неба казалось, что хлынул черный дождь. Уцелевшие гидры ринулись на нас, и с этого момента стрелял я один. Пока гидры вились вокруг грузовика, мне удалось сбить еще дюжину. Потом, словно сообразив, что мы неуязвимы, они метнулись в сторону и умчались над самой землей.

Без дальнейших происшествий мы добрались до рудника; здесь не было ни души. Через секунду дверь одного убежища приоткрылась, и кто-то помахал нам рукой. Мишель подвел машину вплотную к убежищу; только тогда я узнал мастера Жозефа Амара.

— Где остальные?

— Уехали на поезде. Они переделали его в бронепоезд и взяли все оружие.

— А вы?

— Остался, чтобы вас предупредить. Из Совета звонили, сказали, что вы должны подъехать. Ребята на паровозе придумали брандспойт с кипятком.

— Хорошо, лезьте к нам. Давно они уехали?

— Час назад.

— Вперед, Мишель.

Амар уставился на Взлика вытаращенными глазами.

— А это еще что за гражданин?

— Туземец. Потом все узнаете.

Через десять минут до нас начали доноситься взрывы, и наконец мы увидели деревню. Все окна и двери были забаррикадированы. Гидры сидели на крышах многих домов или совсем низко летали над улицами. Поезд рудника стоял на «вокзале»; стоило какой-нибудь гидре приблизиться к нему, как ее расстреливали из автоматической пушки.

— По местам! Поль — за руль. Мишель и Бреффор — с автоматами. Мартина, Вандаль, подавайте мне ленты. Бельтер и ты, Амар, будете вторыми номерами при автоматчиках. Взлика уложите в угол, чтобы не мешал. Готовы? Хорошо. Поль, подъезжай к паровозу!

Рудокопы поработали на славу. С помощью бревен, досок и металлических листов они превратили свой поезд в настоящую крепость на колесах. Вокруг него на земле валялось уже около сотни вздувшихся дохлых гидр.

— Черт возьми, каким образом вы столько насбивали? — крикнул я.

Машинист — это оказался Бирон — прокричал в ответ:

— Сам придумал! Мы их шпарим кипятком. Вот еще пожаловали, сейчас увидите. Погодите стрелять! — крикнул он тем, кто сидел в первом вагоне с двадцатимиллиметровкой.

— Не стрелять, — повторил я, обращаясь к своей команде. Приближалась стая гидр, штук тридцать.

— Когда прикажу, включайте насос, — сказал Бирон своему кочегару и просунул в бойницу шланг с медным наконечником и деревянной ручкой.

— Отведите грузовик!

Чудовища были уже метрах в тридцати и мчались с большой скоростью. Внезапно навстречу им ударила струя кипящей воды и пара, сразу сбив штук двенадцать. Остальные рассеялись. Вслед залаяла пушка из вагона, и мы тоже открыли огонь.

— Видели? — крикнул Бирон. — Проще простого! Мы бы уложили куда больше, сообрази я в первый раз подпустить их поближе. Сплоховал я, а теперь они вроде побаиваются.

— Хороша выдумка, она сбережет нам немало пуль. Надо будет усовершенствовать ваше изобретение. Я доложу Совету, и, думаю, вам вернут политические права. Сейчас мы едем в деревню. В каком доме Луи Морьер?

— Наверное, на почте.

— Значит, начнем с почты! Все на местах? Вперед, потихоньку. Цельтесь лучше и стреляйте реже, только наверняка.

По дороге к площади гидры нас не тронули, и мы спокойно доехали до почты. Крыша ее казалась сплошной шевелящейся зеленой массой. Каждая пуля попадала в цель, но, чтобы убить чудовище, зачастую приходилось делать несколько выстрелов; пустить в ход ракеты или тяжелый пулемет я не решался, боясь ранить друзей. Гидры словно замерли, вцепившись щупальцами в черепицу и глупо тараща глаза. Их неподвижность нас удивила: раньше чудовища казались умнее. Мы начали целиться тщательнее, стараясь сразу поразить нервный центр, и вскоре нам удалось снять с почты ее вторую, живую кровлю.

То здесь, то там над деревней взрывались ракеты. Два раза свистел паровоз, торжествуя новые победы кипятка. Освободив заложенную изнутри дверь, Луи выскочил из дому и прыгнул к нам в грузовик.

— Что нового? — спросил я.

— С вашим приездом дело пошло, но эта мерзость проникла в три дома. Убито еще человек десять.

— Кто?

— Альфред Шарнье с женой и одна из его дочерей. Пять крестьян, я их не знаю. Мадлена Дюшер, актриса, и трое рабочих. Телефонная линия повреждена где-то между почтой и заводом. Постарайтесь ее восстановить, а то я не знаю, что там творится. Я останусь на почте.

Луи вернулся в дом, а мы поехали вдоль телефонной линии. Метрах в пятидесяти от места обрыва на крыше дома притаились три гидры. Захватив кусок медного провода, я выскочил из грузовика и начал сращивать оборванные концы. Едва я кончил, над моей головой залаял пулемет: гидры неслись ко мне. Пользуясь старым приемом, я бросился плашмя на землю, а когда гидры проскочили мимо, быстро влез в машину. Мне пришлось еще дважды возобновлять эту опасную игру, которая могла кончиться трагически.

Восстановив связь, мы приступили к очистке крыш. Действуя по заранее намеченному плану, мы начали с площади, и через час здесь

все было кончено. Затем грузовик двинулся по главной улице. Едва успели мы сделать первые выстрелы, как все гидры, словно по сигналу, поднялись в небо. Тотчас захлопали двери, мужчины и женщины выскакивали из домов с направляющими подставками, и в течение двух минут вслед чудовищам взлетело по крайней мере полторы сотни ракет. Все небо было усеяно черными и зелеными пятнами — гидрами и разрывами. Поднявшись еще выше, гидры собрались в облако и скрылись из виду.

— Интересная штука! — сказал мне Луи, когда мы вернулись к почте. — Едва прилетела эта зеленая дрянь, я почти перестал слышать твой голос по радио. Страшные помехи.

— Странно! — удивился я. — У меня было то же самое, когда над нами кружили коричневые гидры. Неужели эти твари подают друг другу что-то вроде радиосигналов? Наверное, поэтому они действуют так дружно. Надо будет поговорить с Вандалем.

В тот же вечер собрался Совет. Нас осталось всего семь человек, так как кюре и Шарнье погибли. Я сделал краткий отчет об экспедиции, представил Совету Взлика и членов нашего экипажа, которые присутствовали на заседании в качестве консультантов. Затем Луи рассказал о том, что произошло в наше отсутствие. Главной проблемой оказалась новая тактика гидр. Теперь они прилетали ночью, затаивались в кустах или кронах деревьев и оттуда внезапно нападали на прохожих. Люди боялись выходить из домов и передвигались только вооруженными группами.

— По радио ты предложил переселиться в район гор, — продолжал Луи. — Я целиком «за», но как это сделать? Если переезжать на грузовиках, у нас не хватит горючего, а пройти пешком такой путь между гидрами и ссвисами... И как быть с техникой? Даже на грузовиках мы не сможем перевезти паровозы, станки и прочее.

— У меня совсем другой план.

— Что же ты предлагаешь? Может купим билеты на самолет?

— Я предлагаю корабль.

— А где ты его возьмешь?

— Надеюсь, Этранж сумеет сделать нам чертежи. Сверхмощный крейсер со скоростью пятьдесят узлов нам не понадобится; достаточно будет маленького грузового суденышка. Наша территория подходит к морю. Морем мы доберемся до устья Дордони. Реку я исследовал от устья до скалистого моста, расположенного всего в двухстах километрах от Кобальт-Сити, и на всем протяжении она, бесспорно, судоходна. Всюду, где я делал замеры, глубина была более десяти метров. Море здесь спокойное. В сущности, нам предстоит

пройти по морю каких-нибудь семьсот километров, да еще двести пятьдесят вверх по реке.

— Каким образом будет двигаться ваше судно? — спросил дядя.

— Поставим паровую машину или большой дизель с завода. Хотя горючее... Черт, если бы у нас было оборудование для буровой, я мог бы проверить, далеко ли здесь нефть!

— Оборудование есть, — сказал вдруг Этранж, — полный комплект. Когда проектировали вторую плотину, тут бурили пробные скважины и весь буровой инструмент остался на Заводском складе. Как раз перед самой катастрофой я получил письмо: изыскатели хотели забрать оборудование, но так и не успели.

— Ну, знаете, нам кажется, повезло куда больше, чем всем робинзонам, вместе взятым! На какую глубину рассчитана буровая?

— Они доходили до шестисот — семисот метров.

— Удивительно! Чтобы исследовать грунт для постройки плотины, такая глубина ни к чему.

— Я еще тогда думал, что компания, которая вела работы, заодно искала что-то другое. Нам же лучше! Кстати, среди моих людей трое когда-то работали на Аквитанских нефтяных приисках.

— Тогда все в порядке. Мы приступим к разведке завтра. Надеюсь, все согласны переселиться из этих мест?

— Надо проголосовать, — сказала Мари Прэль. — Я понимаю, здесь оставаться трудно, но отправиться в страну этих... — она кивнула на Взлика, который молча прислушивался к разговору. — Нет, надо голосовать!

— О, с ними, я думаю, мы сговоримся, — возразил Мишель. — Впрочем, давайте проголосуем, так будет лучше.

Когда развернули бумажки, служившие нам бюллетенями, два голоса оказались «против»: Мари Прэль и учитель, остальные — «за».

— Знаете, дядя, мы, наверное, не сможем перевезти вашу обсерваторию, — предупредил я. — Во всяком случае, с этим придется подождать.

— Знаю, знаю. Но если мы останемся здесь, мы все погибнем.

ИСХОД

Через несколько дней мы отправились на разведку нефти: впереди ехал я на нашем броневике, за мной — три машины с оборудованием и еще один грузовик с горючим для мотора буровой. Мы приступили к работе немедленно. Как я и предполагал, нефть

оказалась неглубоко: мы дошли до нее, пробурив скважину всего в восемьдесят три метра. Не без труда наполнили мы цистерну наскоро оборудованного нефтевоза и отправили его в деревню, где уже сооружалась установка для перегонки нефти. Несмотря на свою примитивность, она дала бензин приличного качества.

Я пробыл на буровой два месяца. Взлик совершенно выздоровел и приехал ко мне; он делал удивительные успехи во французском языке, и мы болтали с ним, как земляки. Кроме того, он оказался прекрасным разведчиком; зоркий и неутомимый, он мог развивать скорость до девяноста километров в час.

Каждый вечер я связывался по радио с Советом. Чертежи судна были уже готовы, завод приступил к изготовлению отдельных частей, но жить в деревне становилось день ото дня страшнее. Гидры нападали постоянно, бороться с ними было трудно, и мы потеряли еще семнадцать человек и большое количество скота. Новости и письма на буровую привозили шоферы нефтевозов, которые проклинали все на свете каждый раз, когда им приходилось возвращаться с грузом на земную территорию.

Затем, оставив вместо себя на скважине бурового мастера, я вместе с Взликом перебрался в деревню. За два месяца здесь многое изменилось. По краям полей всюду стояли легкие, но достаточно прочные убежища, чтобы крестьяне могли без особого риска собрать урожай. Завод выпускал большое количество рельсов, у нас не было прокатного стана и приходилось их отливать; рельсы получались грубые, но достаточно прочные. Большая часть их пошла на сооружение железной дороги к побережью, где работала корабельная верфь. Киль судна уже стоял на месте. Оно должно было иметь сорок семь метров в длину, восемь в ширину и, по расчетам Этранжа, ходить со скоростью семь-восемь узлов. Рядом с верфью возвышались резервуары для горючего. К тому времени у нас было в запасе уже сорок тысяч литров.

Восемь месяцев работа шла с предельным напряжением.

За это время мы закончили корпус корабля и благополучно спустили его на воду. Теперь нужно было оборудовать судно внутри и построить мол для погрузки. К концу второго года пребывания на Теллусе наш первый корабль отправился в пробное плавание. Он хорошо принимал волну, имел незначительную бортовую качку, однако его крейсерская скорость не превышала шести узлов. Мишель и Бреффор совершили быстрый рейс до окрестностей Кобальт-Сити; они взяли с собой семена земных трав, чтобы к тому времени, когда мы перевезем скот, на месте уже было достаточно привычного для

наших животных корма. С ними поплыл Взлик, которому мы поручили переговоры с его племенем. Потом он должен был нас встретить у слияния Дордони с Дронной. Перед отплытием Взлик открыл нам одну интересную подробность: оказывается, в Дронну впадает узкий, но довольно глубокий приток, который протекает всего километрах в тридцати от облюбованного нами места. Мишель исследовал эту речку: наш корабль не дошел до Кобальт-Сити на пятьдесят километров, но ниже по течению река была вполне судоходной.

Тем временем мы построили баржу с небольшой осадкой, которую можно было вести на буксире. И вот через два с половиной земных года жизни на Теллусе начался великий исход: на юг отплыл первый караван. На судне было семьдесят пять человек, оружие, инструменты, рельсы, листы дюрали и стали. Я был капитаном, Мишель и Мартина — моими помощниками. На баржу мы погрузили заводской паровозик, разобранный подъемный кран и горючее. Плыли осторожно, ощупью, все время измеряя глубину. Иногда приходилось удаляться от побережья, но море оставалось спокойным.

Обычно я находился на носу корабля или на капитанском мостике. Вода была удивительно зеленой. Неясные тени мелькали в ней вокруг судна, и сердце мое каждый раз сжималось от беспокойства: кто знает, какие чудовища могут обитать в этих глубинах! «Конкеран» — «Победоносный» — так мы окрестили нашего первенца — был вооружен двадцатимиллиметровкой и пулеметом, но все облегченно вздохнули только тогда, когда наконец дошли до устья Дордони.

Мы двинулись вверх по течению самым малым ходом, и, как оказалось, не зря. Несмотря на небольшую осадку, я дважды натыкался на мели в устье реки — к счастью, было время отлива, и с приливом судно пошло дальше.

Члены нашего экипажа, кроме Мишеля и нас с Мартиной, еще не сталкивались с животным миром Теллуса, если не считать гидр. Легко представить, с каким изумлением смотрели они на невиданных зверей. Как-то вечером одному тигрозавру удалось перепрыгнуть с берега прямо на палубу и ранить двух людей, прежде чем его расстреляли в упор из пушки. А когда мы были недалеко от устья Дронны, по берегу галопом промчались два ссвиса. Несколько минут спустя в том направлении, куда они скрылись, поднялись три столба дыма: условный сигнал Взлика.

Он ожидал нас один на мысу при слиянии двух рек. Около пятидесяти ссвисов его племени, построившись клином, стояли метрах в ста позади.

— Привет! — проговорил Взлик своим свистящим голосом.

— Привет, Взлик, — ответил я.

«Конкеран» застопорил машины, но якорь мы не бросали, опасаясь всяких неожиданностей.

— Поднимайся к нам, — предложил я.

Взлик бросился в воду и взобрался на борт по пассажирскому трапу. В этот момент механик высунулся из люка машинного отделения и разинул рот.

— Неужели нам придется жить с этими чудаками?

Взлик повернулся и ответил:

— Не бойся, они добрые.

У механика была такая изумленная физиономия, что невозможно описать.

— Вот это да! Он говорит по-французски?! Его поведение меня удивило, но потом я вспомнил, что большинство жителей деревни видели ссвиса лишь мельком: он почти все время проводил со мной, а я большую часть времени пропадал в экспедициях. Ко мне подошли Мишель и Мартина.

— Ну как? — спросила Мартина. — Что вы ответите на наши предложения?

— Мы выбрали мир. Мы даем вам Сигнальную гору, по-нашему Нсса, даем всю землю между Везером, Дордонью и Дронной до Неведомых гор, по-нашему Бссер. За нами остается право прохода через эти земли. Взамен вы даете нам железо, сколько понадобиться для нашего оружия, и будете помогать нам в борьбе с черными ссвисами, или слвипами, с тигрозаврами и голиафами. Вы можете проходить через наши земли и рыть в них свои ямы, но не охотиться. Для этого нужно спрашивать разрешения у совета племени.

— Мы согласны, — сказал я. — Только насчет железа — нам понадобится время, чтобы его добыть.

— Знаем. Я рассказал ссвисам, как вы его достаете из земли. Вожди хотят вас видеть.

— Хорошо, идем.

Мы спустили на воду ботик и сели в него втроем: Взлик, Мишель и я. Мартина осталась на судне, незаметно приблизившись к пушке.

— Не нервничай, будь настороже, — сказал я на скверном английском языке, чтобы Взлик не понял.

Четыре хороших гребка — и ботик ткнулся носом в берег. Дюжина ссвисов приблизилась, разглядывая нас. Нам казалось, что все они совершенно похожи друг на друга, и, если бы Взлик смешался с остальными, мы уже не смогли бы его найти. Позднее, попривыкнув к их виду, мы, конечно, отличали знакомых ссвисов, хотя, по совести, говоря, разница между ними была гораздо меньше, чем между людьми.

Взлик в нескольких словах передал, что мы приняли все условия. Ссвисы ответили традиционным приветствием, которое нисколько не напоминало цветистой речи земных дикарей из приключенческих романов моего детства. Тогда в залог дружбы я вручил каждому по отличному стальному ножу, какой уже был у Взлика. Судя по словам благодарности, подарок им понравился, но ни одна черточка не дрогнула в их лицах.

Мы вернулись на судно вместе с Взликом и медленно двинулись вверх по течению. Там, где Изель — так я назвал эту новую речку — изгибается широкой излучиной, нам пришлось остановиться: дальше начинались пороги. Здесь река образовала спокойную заводь шириной метров двести; в северный берег вдавалась небольшая бухточка, словно наметка будущего порта. Лучшего места было не сыскать. Я решил приступить к разгрузке, но уже темнело; мы бросили якорь и переночевали посредине реки.

Весь следующий день мы валили деревья для постройки пристани. Через неделю она была готова. Уложив рельсовый путь, мы приступили к самой сложной операции — выгрузке подъемного крана. Даже в разобранном виде он был невероятно тяжел, и нам не удалось избежать несчастья: около полудня молодой рабочий (всего двадцати пяти лет) Леон Белльер поскользнулся и был раздавлен упавшей на него балкой. Но даже горевать нам было некогда; мы похоронили юношу и в память о нем назвали эту бухту Порт-Леон.

Когда кран встал на место, работать стало сразу легче. Тем не менее выгрузка паровозика и трех вагонов доставила нам немало хлопот. Зато потом все остальное мы разгрузили играючи.

Мишель принял от меня команду судном, и «Конкеран» уплыл, а мы, оставшиеся шестьдесят человек, приступили к постройке бревенчатого форта, в котором можно было бы укрыться от тигрозавров и даже от ссвисов, если те почему-либо вздумают на нас напасть. Мы держали постоянную связь с Советом по радио. Бригада дорожников сразу начала укладывать рельсы железнодорожной ветки длиной пятьдесят километров, которая должна была связать Порт-Леон с Кобальт-Сити.

Мы успели уложить всего четыре километра пути, использовав на это весь запас рельсов, когда «Конкеран» вернулся с новым грузом. Этот рейс продолжался двадцать три дня. Нам доставили большое количество горючего, рельсов и маленький экскаватор. На судне прибыло также пятьдесят человек рабочих. С третьим рейсом приплыли первые семьи, женщины с детьми. Положение в деревне к тому времени немного улучшилось, однако гидры продолжали прилетать каждый день.

Со следующим рейсом прибыло несколько коров и овец, которых мы выпустили на участок, засеянный земными травами. Каждый вечер их загоняли в хлев при форте, опасаясь бродивших поблизости тигрозавров. Нам пришлось убить штук пять-шесть, прежде чем удалось их отвадить от наших пастбищ.

По мере того, как прибывали новые переселенцы, для них сразу строили временные хижины из расчета две комнаты на семью. Холостяки, которых, кстати, становилось все меньше и меньше, жили в общежитии. Постепенно Порт-Леон приобретал облик типичного городка американских пионеров Дикого Запада, только без стрельбы из револьверов и без салунов.

Настроение у всех было приподнятое: все были счастливы избавиться наконец от гидр. Железнодорожная ветка удлинялась с каждым днем. Сначала был отвоеван двадцатый километр, потом тридцатый, потом сороковой. На крайней точке железнодорожного пути выросла целая деревушка-крепость, которая двигалась вперед вместе с дорогой.

И вот пришел день, когда дорога дошла до долины, где должна была вырасти наша столица. К тому времени в земной деревне осталось всего человек полтораста; в основном это были рабочие, разбиравшие под руководством инженеров заводское оборудование. С ними были мои дядя и Менар: зная, что перевезти обсерваторию невозможно, они решили уехать только с последним рейсом. Перед отъездом все здания были тщательнейшим образом законсервированы до поры до времени, пока у нас не появятся более совершенные транспортные средства.

Мы, разумеется, не могли взять с собой большой телескоп с зеркалом пять с половиной метров диаметром, но два других телескопа, в полметра и метр восемьдесят сантиметров, нам все-таки удалось перевезти.

О тех днях новоселья у меня остались самые светлые воспоминания.

Наши дома, построенные наполовину из бревен, наполовину из дюраля, стояли по склонам долины в живописном беспорядке. Многочисленные животные бродили вокруг, но среди них не было ни тигрозавров, ни голиафов: чаще всего мы видели мирных травоядных или мелких хищников, напоминавших наших лисиц или кошек. Кстати сказать, земные деревенские кошки размножались необычайно и очень помогали нам, уничтожая маленьких грызунов, покушавшихся на посевы.

Мы начали добывать цемент из мергелей ближайших скал. В первую очередь построили цеха металлургического завода в трехстах метрах от выходов каменного угля. Как только прибывали станки, их немедленно устанавливали на подготовленные места. И скоро завод заработал.

В тот памятный день я женился на Мартине. Свадьба была очень простой, чисто гражданской, потому что ни я, ни она не верили в бога. И это была не первая свадьба на Теллусе: Бельтер и Ида поженились в Кобальт-Сити на два месяца раньше нас. Но поскольку наша женитьба была, по словам Взлика, «свадьбой вождей», ссвисы прислали целую делегацию с подарками. Взлик рассказал им, что я больше всего люблю камни, и передо мной высыпали целую кучу всевозможных образцов, среди которых оказалось несколько очень красивых полудрагоценных камней и кусок превосходной медной руды. Последняя меня обрадовала больше всего. Я спросил, где ее нашли, и ссвисы показали мне место к юго-востоку от пика Тьмы. Месторождение оказалось необычайно богатым.

Давно уже я хотел посетить племя Взлика, да все не было случая, а тут свадьба, и мы решили отправиться к ссвисам «в свадебное путешествие» на нашем верном броневике. Мост, который мы построили когда-то через Везер, сохранился: ссвисы пользовались им и берегли его. К вечеру мы добрались до пещер. Они были расположены под самым гребнем довольно крутого, обращенного на запад обрыва, у подножия которого струился ручей.

Взлик заранее предупредил соплеменников о нашем приезде. Нас встретили и провели к вождю племени — очень старому ссвису с зеленоватой от времени кожей. Он лежал на толстой подстилке из сухих трав в большой открытой пещере, все стены которой были покрыты удивительно живыми изображениями голиафов и тигрозавров, пронзенных стрелами. Среди этих изображений, наверняка имевших магическое значение, мы вдруг увидели себя: люди и грузовики были нарисованы довольно точно. Однако стрелы

здесь были тщательно стерты! Эта деталь нас позабавила и одновременно обрадовала.

Я был поражен чистотой, царившей в пещерах ссвисов. Входы в них довольно плотно закрывались щитами из кож, натянутых на деревянные рамы. Внутри горели светильники, заправленные растительным маслом.

— Культура у них совсем человеческая! — заметила Мартина.

— Ты права. И я даже думаю, что их образ жизни почти ничем не отличается от жизни наших предков в каменном веке. Разве что чистоплотностью.

Старый Слиук — так звали вождя — при виде нас встал и через Взлика обратился к нам со словами привета. За спиной Слиука на каменной стене висело его оружие: большой лук, стрелы и дротики. На вожде не было никакой одежды, если не считать ожерелья из сверкающих камней.

Я вручил ему нож и стальные наконечники для стрел, а также маленькое зеркальце, которое поразило ссвиса больше всего. В продолжение всего ужина — теперь мы знали, что теллусийская дичь съедобна, и ели без опаски — он не выпускал зеркало из рук.

Ссвисы очень внимательны к своим женам и вообще проявляют о них заботу, даже удивительную для такого примитивного уровня развития. «Женщины» — ссвиски меньше ростом, более коренасты, и кожа у них светлее, чем у «мужчин». Мне показалось, что Взлик и

дочь вождя, Ссуай, знают друг друга более чем хорошо, и это меня искренне порадовало. Если Взлик после смерти своего «тестя» станет вождем племени, наш союз должен упрочиться.

Мы пробыли у ссвисов восемь дней. Я подолгу разговаривал с Взликом, расспрашивая обо всем, о чем не успел спросить раньше.

Постепенно я уяснил себе устройство их общества. В отличие от слвипов, черных ссвисов, коричневые ссвисы придерживаются единобрачия. В племени четыре рода с родовыми вождями; роды объединяются только в случае войны или для большой охоты. Всего племя насчитывает около восьми тысяч ссвисов, включая «женщин» и детей. Племя входит в союз, насчитывающий еще десять племен, однако все они собираются вместе лишь в случае особой опасности.

Основное занятие ссвисов — охота, но они занимаются также примитивным «земледелием», которое заключается в том, что они разбрасывают семена и собирают урожай два раза в год. Они умеют коптить мясо и могут таким образом делать запас впрок.

Со всех сторон, кроме северной, племя ссвисов окружают их исконные враги — черные слвипы. Далеко на юге обитают другие

племена красных ссвисов. Легенды говорят, что когда-то там была их прародина.

Ссвисы относятся к разряду яйценосных. Самки откладывают в год по два яйца величиной со страусиное. Через тридцать дней из насиженного яйца появляется совершенно сформированный маленький ссвис, который сразу может питаться самостоятельно.

Родственные связи за пределами семьи у ссвисов практически отсутствуют. Живут ссвисы очень долго, по сто — сто десять земных лет, если только не погибают раньше на войне, что, впрочем, случается довольно редко. Как правило, все они отличаются беззаветной храбростью. В то же время ссвисы слишком воинственны. Они свято соблюдают верность союзникам и убивают врагов не из ненависти, а только потому, что это враг. Воровство среди ссвисов — вещь совершенно неизвестная. По отношению к врагам — другое дело! Здесь они мастера. С точки зрения интеллекта ссвисы почти ничем не уступают людям и по сравнению с людьми обладают поразительной восприимчивостью. Но прошу меня извинить, я рассказываю о том, что вы давно уже знаете, ибо со временем ссвисы настолько вошли в нашу повседневную жизнь, что сегодня многие из них стали рабочими, а некоторые даже математиками.

На обратном пути от ссвисов мы завернули в Порт-Леон. «Конкеран» только что вернулся из последнего рейса с грузом черепицы и кирпича. Он привез также средний телескоп диаметром сто восемьдесят сантиметров и последних жителей деревни. С ними были мой дядя и Менар.

САМОЛЕТ

Прошло более двенадцати месяцев по земному времени. Если мерить старой мерой, мы жили на Теллусе уже пятый год. Менар подсчитал, что это должно соответствовать трем теллусийским годам.

Кобальт-Сити постепенно преображался. Теперь он походил на оживленный поселок городского типа, окруженный полями, на которых колосились пшеница и скин — местный злак ссвисов. В поселке было две с половиной тысячи жителей, своя электростанция, маленькая клиника, где Массакр готовил будущих врачей, и даже зародыш университета, где я преподавал пять часов в неделю. Земные травы все больше вытесняли в окрестностях теллусийскую растительность, и на ближайших холмах паслись тучные стада.

Мы добывали различные металлы и уголь, полностью удовлетворяя свои нужды: железнодорожная ветка длиной пятьдесят пять километров соединила нас с Алюминиевым холмом, на котором сорок человек работали в карьере, поставляя заводу бокситы. В Порт-Леоне насчитывалось шестьсот жителей. Одержимый мечтой о дальнейших исследованиях, я заложил там верфь, на которой достраивался более быстроходный корабль, чем наш «Конкеран». Инженеры прилагали все усилия, чтобы с помощью сохранившейся техники изготовить побольше новых совершенных станков.

Каждые двадцать дней по уже наезженной дороге к Нефтяному источнику отправлялись два нефтевоза. До скважины было неблизко — восемьсот километров. Впрочем, она быстро истощалась, и я знал, что скоро можно будет отозвать шестьдесят человек, которые ее обслуживали. Но меня это нисколько не волновало: у нас в запасе были десятки тонн бензина и мазута, а самое главное — я открыл новый нефтеносный район всего в сотне километров от города.

Короче говоря, все шло так, что, если бы не случайные встречи со ссвисами на улицах, да не два солнца и три луны в небе, можно было бы подумать, будто мы вернулись на Землю. Именно в это время произошло самое значительное событие. После нашего прибытия на Теллус.

В тот вечер я засиделся в своем кабинете на первом этаже нашего маленького дома: нужно было разобрать заметки и привести в порядок наспех набросанные черновики геологических карт. Уже поздно ночью я вызвал по радио, мастера нефтяных вышек, дал ему задание на завтрашний день и поднялся наверх, позабыв выключить стоявший в углу приемник. Проспал я примерно полчаса, когда меня разбудила Мартина:

— Послушай, внизу кто-то разговаривает!

— Должно быть, это на улице...

Я подошел к окну, распахнул его, прислушался. Снаружи было темно и тихо. Город спал. В окнах не было ни огонька. Только прожектор на сторожевой вышке описывал медленные круги, выхватывая из мрака дом за домом.

— Тебе, наверное, почудилось, — проговорил я, укладываясь обратно в постель.

— Послушай, вот опять!..

Я прислушался: действительно, снизу доносились какие-то звуки.

— Ерунда! — пробормотал я уж в полусне и спокойно объяснил полузабытыми земными словами:

— Просто я забыл выключить радио...

И тут сон мой как рукой сняло.

— Черт побери, кто может вызывать в такой час? Кубарем скатился я по лестнице и бросился к приемнику. Лампы горели, но эфир молчал. Через окно я видел небо, усеянное звездами; луна, должно быть, уже зашла. И вдруг из динамика прозвучал голос, говоривший по-английски:

— Говорит ЮА, Вызывает Нью-Вашингтон! Говорит ЮА. Вызывает Нью-Вашингтон! Тишина. И опять:

— Говорит ЮА!

Звук был очень чистый. Видимо, передающая станция находилась где-то поблизости.

— Слушай! — снова сказала мне Мартина.

Я замер, затаив дыхание. Что-то тихо жужжало вдалеке.

— Неужели самолет?

Я подбежал к окну. Крохотный огонек медленно полз среди звезд. Метнувшись к аппарату, я начал лихорадочно крутить ручки настройки, пытаясь найти волну, на которой шла передача.

— ЮА, ЮА, кто вы? — кричал я в передатчик на ломаном английском языке. — Кто вы? Наконец нужная волна найдена.

— ЮА, кто вы? Говорит Новая Франция! Я услышал приглушенный возглас и ответ на великолепном французском языке:

— Говорит самолет ЮА. Где вы находитесь?

— Прямо под вами. Следите, я зажгу снаружи свет. Теперь самолет кружился над нашими головами.

— Вижу ваши огни. Ночью сесть невозможно, мы прилетим потом. Сколько вас, и кто вы?

— Около четырех тысяч, все французы. А вас?

— В самолете семь, в Нью-Вашингтоне — одиннадцать тысяч американцев, французов, канадцев и норвежцев. Оставайтесь на той же волне. Мы будем вас вызывать.

— Давно вы в полете?

— Десять часов. Мы вылетали на разведку. Днем вернемся к вам, а сейчас идем на юг. Не вызывайте нас, но пусть все время кто-нибудь дежурит у приемника. Сейчас будем вызывать Нью-Вашингтон. Искренне рады, что мы здесь не одни. До скорого!

И голос снова перешел на позывные.

— Говорит ЮА!

Вскоре начался двусторонний разговор по-английски, который я плохо понимал. По-видимому, пилот сообщал о нас.

Не в силах усидеть дома, мы бросились будить моего брата, Луи и Бреффора, которые жили все вместе метрах в ста от нас. Потом мы

вытащили из постелей Мишеля, Менара, всех членов Совета и наконец переполошили весь город. Новость распространилась молниеносно. Я позвонил даже в Порт-Леон и, сообщив о самолете, приказал ускорить оборудование «Темерера» — «Смелого». Мы едва могли дождаться рассвета.

С утра жители Кобальт-Сити начали готовиться к встрече летчиков. Чтобы не ударить лицом в грязь, мы расчистили обширную площадку с твердой почвой и выложили белую стрелу, указывающую направление ветра. Потом я вернулся к приемнику, у которого дежурила Мартина.

— Ну что?

— Пока ничего.

— Не могло же нам это присниться!

Два часа прошло в томительном ожидании. Вокруг приемника собралась целая толпа. Мой рабочий стол, к которому даже Мартина не смела прикоснуться, бесцеремонно толкали, бумаги сдвинули, но мне было не до этого. То же самое происходило и в мэрии, где был такой же приемник-передатчик. И вдруг:

— ЮА вызывает Новую Францию! ЮА вызывает Новую Францию!

— Новая Франция слушает! Говорите! Прием!

— Мы летим над материком близ экватора. Два мотора отказали. Вернуться, по-видимому, не сможем. Связь с Ньо-Вашингтоном прервана. Слышим вас очень плохо. На тот случай, если мы погибнем, вот координаты Нью-Вашингтона: 41 градус 32 минуты северной широты, 62 градуса 12 минут западной от вас долготы.

— Где вы находитесь сейчас?

— Примерно на восьмом градусе северной широты и двенадцатом от вас градусе долготы.

— У вас есть оружие?

— Да. Пулеметы на турели и ружья.

— Постарайтесь сесть. Мы вас найдем. Нам понадобится (я сделал в уме быстрый подсчет) двадцать — двадцать пять дней, чтобы добраться до вас. У животных, похожих на слонов, мясо съедобное. Только не ешьте незнакомых фруктов.

— На строгом пайке нам хватит наших бортовых запасов на тридцать дней. Идем на посадку, третий мотор тоже сдает.

— Остерегайтесь гидр! Главное, не подпускайте их близко!

— Что такое гидры?

— Вроде летающих пиявок. Если увидите, сами догадаетесь. Стреляйте в них сразу!

— Ясно. Снижаемся на равнину между очень высокими горами и морем. До скорой...

Передача оборвалась. Сдерживая растущую тревогу, мы ждали. Где-то там, за шесть с лишним тысяч километров от нас, семеро смельчаков боролись со смертью. Мы прождали так целый час, и лишь тогда динамик снова заговорил:

— Посадка удалась. Самолет сильно поврежден, но мы все живы. К несчастью, нам пришлось вылить почти весь бензин, а наши аккумуляторы сильно разряжены. Поэтому будем передавать изредка только наши позывные, чтобы вы не теряли направление. Прием.

— Мы известим вас, когда тронемся в путь. Будем связываться с вами каждые сутки по земному времени. Сейчас 9 часов 37 минут. Мужайтесь! До встречи.

Я немедленно выехал в Порт-Леон, где «Темерер» был уже на плаву. В тот же день мы провели испытания. Это был маленький кораблик длиной сорок восемь метров при ширине пять, грузоподъемностью всего около ста сорока тонн. Два мощных дизеля с демонтированного завода сообщали ему скорость до двадцати пяти узлов. При средней скорости двенадцать узлов он мог проплыть без заправки более десяти тысяч миль. Учитывая наши скромные возможности, это был настоящий шедевр кораблестроения!

«Темерер» имел на вооружении тяжелый двадцатимиллиметровый пулемет, а поскольку патронов к нему было мало — еще и ракетную артиллерию. Со времен героической битвы с гидрами мы значительно усовершенствовали это оружие. На носу и корме судна стояли спаренные направляющие установки, с которых могли одновременно взлетать четыре ракеты весом по двенадцать килограммов каждая: они били на пять километров с завидной точностью. По бортам находились установки для более легких ракет, которые, зато имели дальность боя до семи километров.

Наскоро испытав корабль — мы прошли на нем до устья Дордони и обратно, — я приказал грузить продовольствие и боеприпасы.

Команда состояла из двенадцати человек. Штурманом был Мишель, старшим механиком — Бирон. Из остальных пятеро служили когда-то на флоте, а что касается меня, то я трижды переплыл Средиземное море на маленькое паруснике одного своего приятеля и кое-как постиг основы кораблевождения.

Мы взяли с собой маленький, специально оборудованный грузовичок — уменьшенную копию нашего верного броневика, оборудованного радиопередатчиком.

Тихим ходом «Темерер» спустился по реке. На выходе из устья Дордони я послал позывные; экипаж самолета коротко отозвался. И вот наш корабль закачался на волнах — мы вышли в океан.

Отойдя на милю от берега, я взял курс на юг. Побережье здесь представляло собой плоскую равнину с высокими травами. По словам немногих ссвисов, которые побывали на этой вражеской территории, принадлежащей слвипам, и сумели вернуться оттуда живыми, такая же степь простиралась далеко в глубь материка до горного хребта, но с моря этот хребет нельзя было даже разглядеть.

Мы с Мишелем стояли на мостике. Судно шло со скоростью двенадцать узлов, моторы работали бесперебойно, море было спокойным. Чтобы не терять даром времени, я взял пробы морской воды и сделал анализ в нашей маленькой лаборатории: вода оказалась сильно насыщенной хлором. Замедлив ненадолго ход, мы выбросили за борт примитивный трал; когда его вскоре вытащили на палубу, он был полон рыбы всевозможных пород: одни походили на земных рыб, другие имели самые неожиданные формы.

Вечером солнце утонуло в сиянии багряного заката. Несмотря на то, что Гелиос по сравнению с нашим старым земным Солнцем кажется совсем голубым, закаты на Теллусе отличаются обилием красных тонов, потому что здесь слой атмосферы гораздо толще.

С наступлением ночи мы сбавили ход до шести узлов, хотя луны светили достаточно ярко. Я совсем не хотел, чтобы «Темерер» напоролся на какой-нибудь неизвестный нам риф. К утру мы были уже в четырехстах пятидесяти километрах от порта отправления. Берег по-прежнему оставался низким и плоским.

К полудню перед нами возник лабиринт островов, островков и песчаных мелей; не решаясь углубиться в неведомые проливчики, где нас на каждом шагу подстерегали опасности, я предпочел взять курс в открытое море, и скоро земля исчезла из виду. Мы установили три вахты: Я дежурил первым, за мной — Мишель, а третью вахту стоял наш боцман, старый моряк, прослуживший пятнадцать лет на военных кораблях.

На четвертый день вдали опять показалась земля, хотя мы все время шли одним курсом — прямо на юг. По-видимому, материк изгибался на юго-запад, если только это не был какой-нибудь остров. Мы пересекли 32 градуса северной широты. Было жарко, но пока вполне терпимо. Вечером того же дня мы увидели, как среди волн ныряет и плещется какая-то огромная черная туша. На всякий случай я приказал завести ракеты в направляющие желоба и быть наготове, но морское чудище скрылось, не обратив на нас внимания. Вызвав по

радио Кобальт-Сити, я узнал, что, несмотря на все усилия, установить связь с Нью-Вашингтоном пока не удается. Берег снова скрылся из глаз. Утром, когда я уже хотел приказать «курс-ост», наблюдатель заметил землю прямо па носу. Я решил сделать разведку. Вымеряя глубину лотом, мы осторожно подошли на двести метров к пустынному голому берегу. Мишель определил координаты: 19 градусов 5 минут 44 секунды северной широты, 18 градусов 22 минуты западной долготы по отношению к Кобальт-Сити. Скорее всего это был мыс какого-то острова. Сначала я хотел высадиться, но потом отказался от этой мысли, и мы взяли курс на юго-восток.

Мы вызвали самолет и долго не получали ответа. Через два часа они сами связались с нами, объяснив, что только что отбили нападение гидр, не зеленых, а коричневых, но гигантских размеров — от двенадцати до пятнадцати метров длиной.

Без особых происшествий, если не считать крупной зыби, которая «Темереру» была нипочем, мы достигли земли, где опустился самолет. По словам летчиков, это был материк, отделенный от нашего широким проливом. Чтобы отыскать этот пролив, пришлось ощупью подниматься на север, обогнув длинный полуостров. Мы прошли вдоль берега по крайней мере еще десять градусов широты. Зной стоял невыносимый: всем пришлось надеть широкополые шляпы и то и дело поливать водой металлическую палубу. Временами море исчезало в густом, душном тумане, куда более страшном, чем ослепительное сияние Гелиоса.

Когда мы доплыли до намеченного пункта, наступил вечер; отсюда, по нашим расчетам, до самолета по суше было ближе всего. Но берег нас разочаровал: здесь были настоящие мангровые заросли, деревья поднимались прямо из моря, теснились на илистых, топких отмелях, где кишели всякие гады, а воздух был отравлен невыносимо зловонными испарениями. О высадке не могло быть и речи. Далеко на горизонте мы видели гигантский горный хребет, центральная вершина его поднималась больше чем на пятнадцать тысяч метров.

Мы поплыли вдоль побережья, отыскивая местечко погостеприимнее, и через несколько километров достигли устья мутной реки. Несмотря на быстрое течение, нам удалось в него войти и подняться километров на девяносто. Здесь илистые наносы окончательно преградили нам путь.

Мы привели все наше оружие в полную боевую готовность, удвоили посты наблюдателей. Вокруг на заболоченных берегах шевелились, хлюпали и кишели в тине омерзительные, почти протоплазменные создания. Странные серые или ядовито-зеленые

кучи живого студня амебовидными движениями переползали из лужи в лужу. Мы задыхались от запаха гнили; термометр показывал плюс сорок восемь градусов в тени! Когда настала ночь, берега осветились фосфоресцирующими пятнами разных цветов, размеров и форм, которые медленно передвигались в удушливом мраке.

После долгих поисков мы обнаружили на правом берегу скалистый выступ, на котором, судя по всему, не было живых существ. Маневрируя двумя винтами, «Темерер» пристал к нему, и мы пришвартовали судно канатами, вбив в мягкий сланец железные клинья. С борта на берег лег бревенчатый помост, по которому грузовичок осторожно съехал на сушу.

— Кто поедет? — спросил Мишель. — Ты, я и еще кто с нами?

— Ты не поедешь, — возразил я. — На «Темерере» должен остаться кто-нибудь, кто сможет при случае довести судно до порта.

— Значит, ты и останешься. Астрономов у нас целая куча, а ты единственный наш геолог.

— Здесь я командир. Приказываю тебе остаться! Ты поедешь вместо меня вторым рейсом. Свяжись с самолетом, узнай, сколько до него километров и в каком направлении нам ехать.

Связь установили быстро. Мишель произвел подсчет:

— Километров тридцать, курс зюйд-вест.

Узнав, что мы от них так близко, американцы завопили от радости.

— У нас всего два литра питьевой воды и ни одной таблетки для стерилизации, — пожаловались летчики.

— Мы доедем за пару часов, — ответил я. — Приготовьтесь. Если у вас осталось горючее, зажгите костер: дым будет служить нам ориентиром.

Я сел за руль, матрос Андре Этьен встал к турели со спаренными желобами для ракет. Я обнял Мишеля, махнул рукой остальным, и мы тронулись.

ФИОЛЕТОВАЯ СМЕРТЬ

Не спуская глаз с компаса, я вел бронированный грузовик на юго-запад. Каменистая полоса тянулась километра два-три, потом пошел мягкий, скользкий грунт. Этьену пришлось слезть и натянуть на колеса грузовика цепи. Несмотря на мое запрещение, он все-таки попытался схватить амебовидную тварь диаметром сантиметров сорок и обжег руку, словно кислотой. Эти слизняки буквально

кишели вокруг. Некоторые достигали более метра в диаметре. То и дело на наших глазах происходили жестокие, безмолвные и медленные схватки, в результате которых побежденный исчезал и растворялся в желудке победителя.

Мы двигались с трудом, вода фонтанами вылетала из-под колес. К счастью, редкая растительность послушно сгибалась перед машиной. Запах тухлых яиц, вызванный гниением трав и, может быть, желатинообразных существ, преследовал нас неотступно. Через два часа такой мучительной езды мы увидели наконец далеко впереди столб дыма.

Окружающий нас пейзаж изменялся, и отвратительные ползучие твари исчезли. На твердом грунте цепи можно было снять. Теперь грузовик пошел быстрее. И наконец я увидел вдалеке силуэт самолета со сломанными крыльями.

Заметив нас, американцы забыли об осторожности и бросились навстречу машине. Все они, кроме одного, одетого в авиационный комбинезон, были в форме военно-морского флота США. Я открыл заднюю дверцу и впустил их внутрь. Вдевятером мы еле уместились в маленьком грузовике, но это не помешало бурным излияниям американцев. Они едва не сломали мне пальцы восторженными рукопожатиями! Вытащив из-под сиденья бутылку, я налил им по кружке коньяку с водой, пусть не очень свежей, зато вполне пригодной для питья (что мои гости не замедлили оценить).

Самому старшему из них было лет тридцать пять. Как начальник экспедиции, он представил мне остальных, начав с белокурого гиганта, который был выше меня на целую голову: капитан Эллиот Смит. За ним шел коренастый брюнет капитан Рональд Брюстер. Огненно-рыжего расхлябанного парня звали Дональд О'Хара, он был лейтенантом. У инженера Роберта Уилкинса, тридцатилетнего шатена, быстрые, черные глазки так и сверкали из-под широкого нависшего лба с залысинами. Широкоплечий сержант Джон Пари оказался канадцем. Оставался человек в летном комбинезоне. Указав на него, американец сказал:

— А это для вас сюрприз: Андре Бирабан, географ и ваш соотечественник.

— Вот это действительно приятная неожиданность! — воскликнул я. — На Земле мне частенько доводилось слышать ваше имя.

— И наконец, разрешите представиться самому: Артур Джейнс.

В свою очередь я познакомил всех со своим механиком и сказал:

— А теперь, друзья, надо снять с вашего самолета все, что можно спасти, и поскорее отправиться в обратный путь. Гигантские гидры не прилетали?

— Нет, — ответил Джейнс. — Трупы тех, что мы сбили, валяются по ту сторону самолета.

Мы объехали вокруг помятого фюзеляжа: позади него догнивали горы коричневого мяса.

— Вы уже сталкивались с подобными тварями? — спросил Бирабан.

— Конечно! Только наши гидры были зеленые и поменьше, хотя такие же опасные. Они не могут проникнуть внутрь самолета?

— Нет, кабина надежная.

— В таком случае я возьму с собой четверых; трое и мой матрос останутся. Снимите тем временем все вооружение. Патронов у вас хватит?

— Полный боекомплект.

— Оружие и боеприпасы заберем последним рейсом. Джейнс оставил со мной Смита, Брюстера, Бирабана и Уилкинса, а сам с остальными заперся в самолете.

Я посадил Смита рядом: по-английски я говорил плохо, но, как выяснилось, он довольно прилично знал немецкий язык, которым я владел свободно, и мы могли по дороге поговорить. Я узнал, что Нью-Вашингтон представлял собой участок территории Соединенных Штатов, угодивший в середину Теллусийского океана. Из пятидесяти пяти тысяч человек у них осталось в живых всего десять тысяч. Их остров был длиной тридцать семь километров при ширине двадцать; на нем оказались наполовину разрушенный катастрофой авиационный завод, который американцам удалось до какой-то степени восстановить, поля, пригодные для обработки, большие запасы оружия и продовольствия и — это самое странное — довольно много судов: французский легкий крейсер «Сюркуф», американский эскадренный миноносец «Поуп», канадский торпедоносец и два торговых судна — норвежское полугрузовое и аргентинский танкер. На «Сюркуфе» служил мой школьный товарищ; с горечью я узнал, что после катастрофы он исчез и значится пропавшим без вести. Все эти суда находились в открытом океане и только потом кое-как добрались до Нью-Вашингтона. Некоторые пришли под самодельными парусами, помятые, растерзанные, как после сражения, но все-таки пришли! Морякам катастрофа представлялась в виде гигантской волны, поднявшейся от самого океанского дна.

— Почему же вы только сейчас вылетели на разведку?

— Были дела поважнее. Пришлось хоронить жертвы, расчищать развалины, строить дома. У нас осталось очень мало бензина, и весь он ушел на заправку одного из семнадцати самолетов, самого сохранившегося. А теперь и этот разбился.

— Вы ни разу не слышали наши передачи?

— Нет, ни разу. А между тем мы обшаривали эфир целый год.

— Странно! Как же вы жили все это время?

— У нас было много консервов, пшеница росла хорошо. Мы ловили рыбу: кое-какие земные породы выжили и быстро размножились. Вот молока у нас не было, — добавил Смит с грустью. — Из-за этого погибло много детишек.

Я в свою очередь рассказал ему о наших делах.

Часа в три пополудни мы добрались до «Темерера». Я высадил спасенных людей и немедленно отправился во второй рейс, несмотря на протесты Мишеля. Если бы я только знал, какая жуткая сцена меня ожидала!

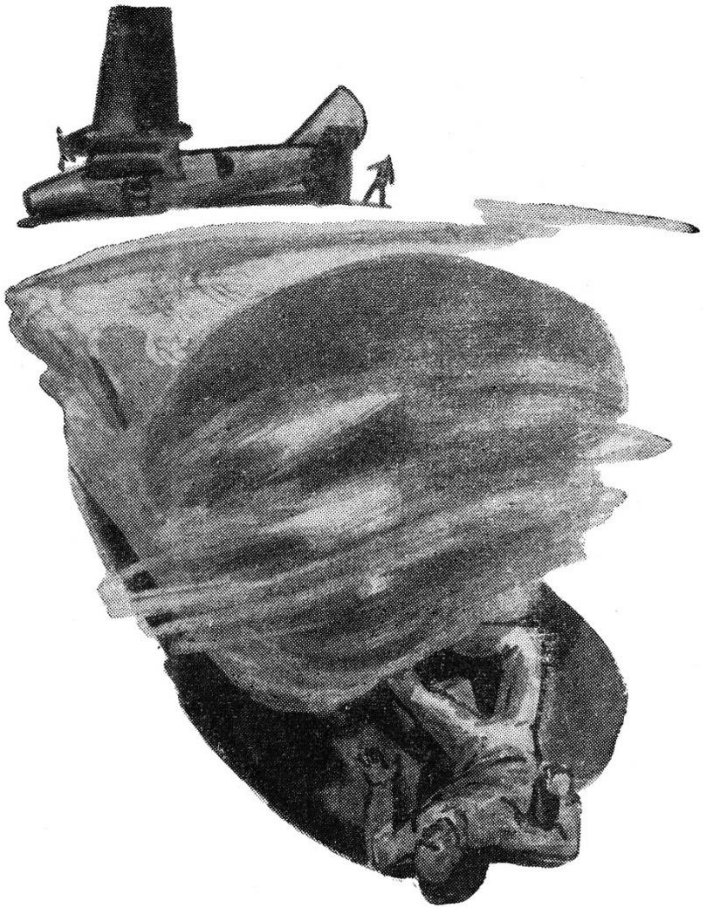
Я уже приближался к самолету, когда заметил огромную студенистую массу изумительного светло-фиолетового цвета, которая с большой быстротой ползла в том же направлении, делая, наверное, километров тридцать-сорок в час. По форме она напоминала чудовищную амебу диаметром не менее десяти метров и около метра высотой.

Заинтересовавшись, я остановил машину. Не обращая на меня внимания, фиолетовая тварь продолжала ползти к самолету.

В этот момент дверца фюзеляжа открылась, и оттуда выглянул канадец. Он увидел остановившийся грузовичок, помахал рукой и двинулся нам навстречу. За ним из самолета вылезли Этьен, О'Хара и Джейнс.

Я перевел взгляд на чудовище: его роскошная фиолетовая окраска исчезла, теперь оно было матово-серым, округленным и походило на огромный, покрытый плесенью валун. Пари приближался. Предчувствуя какую-то опасность, я двинулся к нему, беспрерывно сигналя. Механик улыбнулся, еще раз помахал мне рукой и ускорил шаг. Я мчался к нему на полном газу! И все-таки опоздал.

Внезапно чудовище снова озарилось фиолетовым светом и ринулось на канадца. Пари увидел его, заметался, потом побежал назад к самолету. И тогда произошло нечто страшное и непонятное: послышался сухой треск, в воздухе мелькнуло нечто вроде синеватой искры, и канадец рухнул наземь. Еще через мгновение он исчез, поглощенный фиолетовым слизняком.



Остолбенев от ужаса, я нажал на тормоза. Чудовище повернуло и приближалось к машине. Я сорвался с сиденья, вскарабкался в башню к направляющим желобам, где еще с утра лежали ракеты, и лихорадочно закрутил ручки наводки. Снова выскочила синеватая искра, ударив в радиатор. Меня сильно тряхнуло. Это не было похоже на удар электрического тока — ледяной холод судорогой свел мое тело. И тут же я нажал кнопку спуска. Обе ракеты нырнули в живую слизь, находившуюся всего в десяти метрах от грузовика. Послышались два глухих взрыва, громкий искровой треск разрядов, и в воздух полетели клочья фиолетового студня. Чудовище скорчилось и замерло.

Я тронул грузовичок, осторожно подъехал ближе. Фиолетовое желе слабо вздрагивало, и последние искорки пробегали в его глубине. Но канадец исчез бесследно. Приоткрыв дверцу, я метнул в

студенистую массу две зажигательные гранаты; от сильного жара она затрещала, сжалась и перестала трепетать.

Тем временем подошли остальные.

— Какой ужас! — пробормотал Джейнс.

— Боюсь, что мы ничего уже не можем сделать для вашего механика, — сказал я. — Разве что его похоронить.

Но когда мы разрубили топором сморщенное и ставшее словно деревянным тело этой твари, внутри оказался лишь золотой перстень с печаткой — и больше ничего!

В подавленном настроении мы погрузили два пулемета. Американские летчики сели в кузов, Этьен занял свое место у ракетной установки, и мы вернулись на корабль.

На следующий день нам пришлось сделать еще несколько рейсов, чтобы забрать остальное оружие, боеприпасы, электромоторы и все, что могло пригодиться. Последним повел грузовик Мишель и снова столкнулся с фиолетовой смертью. Он расстрелял издали четыре таких отвратительных и страшных слизняка.

Едва грузовичок вернулся на палубу, мы снялись с якоря и немедленно отплыли, угостив на прощание ракетным залпом слишком любопытную гигантскую гидру, которая разлетелась на куски. Теперь я чувствовал себя куда увереннее, нежели вначале. Во-первых, мы удачно выполнили свою миссию, а во-вторых, отныне я мог доверить управление людям, из которых по крайней мере двое действительно знали, что такое корабль и как им управлять.

Я ПОВИДАЛ НЕВЕДОМЫЕ ЗЕМЛИ

Препоручив техническое командование полностью Джейнсу и его офицерам, мы с Мишелем оставили за собой лишь общее руководство экспедицией. Я отправил радиограмму в Кобальт-Сити, потом по совету Уилкинса попытался связаться с Нью-Вашингтоном. Как ни странно, мне это сразу удалось. Джейнс коротко доложил обо всем, передал нам благодарность правительства и приглашение посетить остров.

— Очень сожалею, — ответил я, — но сейчас принять приглашение не могу. До Нью-Вашингтона самое меньшее десять тысяч километров; у нас просто не хватит горючего. Сначала мы вернемся в Кобальт-Сити.

— Почему вы, французы, назвали так свой город? — спросил О'Хара.

— Да потому, что он больше всего походит на ваши города Дикого Запада восьмидесятых годов, во всяком случае мы их представляем именно такими.

Выбравшись из зловонной реки, «Темерер» взял курс на северо-запад. Дул сильный ветер, и наш кораблик низко кланялся волнам, несмотря на протесты кое-чьих желудков. Наполовину по-английски, наполовину по-французски мы продолжали разговор. Когда не хватало какого-нибудь слова, Бирабан выступал в роли переводчика. Первый день плавания прошел без происшествий.

К ночи море успокоилось, однако мы все же сбавили ход. Я оставил на мостике Смита и лег спать.

Пробудила меня необычная качка. Я прислушался, пытаясь сообразить, в чем же дело, потом понял: моторы не работали — и мы стояли. Торопливо натянув одежду, я поднялся на палубу.

— Что случилось? — спросил я у рулевого.

— Не знаю. Мы только что остановилась.

— Где американский капитан?

— На корме вместе с инженером.

Из люка высунулась голова Мишеля:

— В чем дело? Почему стоим?

— Сам не знаю. Иди сюда! — Сейчас... иду. Едва он произнес последнее слово, как раздался громкий всплеск и весь корпус судна вздрогнул. Я услышал звонкое английское ругательство, потом удивленный возглас и крик, страшный крик:

— Все вниз! Вниз!

В то же мгновение Смит сбил меня с ног и скатился в люк. Уилкинс буквально нырнул вслед за нами. Смит высунул голову, убедился, что на палубе никого не осталось, и задраил дверцу. При свете лампы я разглядел белые, искаженные лица американцев. С грохотом захлопнулась дверь матросского кубрика. Последовал новый толчок, и «Темерер» накренился на правый борт. Споткнувшись, я больно ударился о переборку.

— Говорите же, что это, черт побери?

Уилкинс наконец ответил:

— Гигантские кальмары!

Я почувствовал, что холодею от ужаса. С самого детства, когда я впервые прочитал «Двадцать тысяч лье под водой», эти животные наводили на меня панический страх. Еле ворочая языком, я проговорил по-английски.

— Пойдемте со мной!..

На подгибающихся ватных ногах мы поднялись по лесенке на закрытый мостик, выглянув сквозь большие иллюминаторы, я увидел, что залитая лунным светом палуба пуста. Только на носу за рамой раке гной установки извивалось нечто вроде толстого каната. Потом метрах в десяти от левого борта из черной воды всплыла на мгновение какая-то масса и щупальца замелькали в воздухе на фоне восходящей луны. Мне показалось, что длиной они были не менее двадцати метров!

К нам присоединился Мишель, потом остальные американцы. Смит рассказал, как все произошло. Когда оба винта сразу застопорило, он с Уилкинсом пошел на корму и нагнулся, чтобы узнать, в чем дело. Прямо на него смотрели огромные, чуть светящиеся глаза. Чудовище взмахнуло щупальцами, и тогда он закричал...

Мы попробовали запустить машину; винты вспенили воду, «Темерер» прополз несколько метров, потом моторы снова заглохли и последовала новая серия толчков и рывков.

— Подождем, — посоветовал Уилкинс.

Казалось, эта ночь никогда не кончится. Но только на рассвете мы увидели, как велика опасность. По крайней мере тридцать «кальмаров» окружили судно со всех сторон. Разумеется, это были не кальмары, хотя с первого взгляда любой мог ошибиться. У них было вытянутое, заостренное сзади тело без хвостового плавника длиной от десяти до двенадцати метров и диаметром от двух до трех метров. Спереди росло шесть огромных щупалец двадцатиметровой длины и толщиной до полуметра каждое. Щупальца были вооружены блестящими когтями, заостренными на концах и чуть расширяющимися в середине, как наконечники пик. У основания щупалец располагалось шесть глаз.

— Похоже, это двоюродные братья гидр, — заметил я.

— На их родство мне сейчас в высочайшей степени наплевать, — отозвался Мишель. — Если они все разом уцепятся за борт, тогда, старина, наш «Темерер» ...

— Какой же я идиот! Надо было поставить ракетные установки на турели!

— Раскаиваться поздно. А что, если просунуть в иллюминатор пулемет с самолета? И надо будет поместить винты в тоннель... если только мы выберемся!

Я крикнул матросам:

— Тащите сюда пулемет и ленты! Только не выходите на палубу!

— Осторожно!.. — предупредил нас Мишель.

Одно чудовище приближалось, пеня воду щупальцами.

Вот оно уцепилось за поручень правого борта и оторвало его напрочь.

— Может быть, если нам удастся убить хоть одного, остальные займутся им?

Прозвучал звонок, я подошел к переговорной трубке.

— Капитан, винты освободились.

— Хорошо, будьте наготове. Как только скажу, давайте вперед до полного.

Трое матросов втащили по трапу пулемет. Я приспустил одно стекло, выставил наружу ствол и уже хотел открыть огонь, когда Мишель хлопнул меня по плечу.

— Постой! Пусть стреляет американец: они лучше знают свое оружие.

Я уступил место Смиту: пулемет в его ручищах казался детской игрушкой. Он тщательно прицелился в «кальмара», дремавшего на волнах, и дал очередь. Раненое животное буквально выпрыгнуло из воды, потом пошло ко дну. Смит уже целился во второго, как вдруг разразилась настоящая буря: десятки гигантских рук бушевали на палубе, сокрушая все на своем пути. Сорванные поручни летели за

борт, щиток носового пулемета был смят, со звоном вылетело стекло, и одно щупальце просунулось в отверстие иллюминатора, сорвав при этом раму. Чудовищный отросток яростно извивался. Мишеля швырнуло о стену, мы с Уилкинсом от ужаса не могли шевельнуться, и только Смит сразу пришел в себя. Сорвав с крюка пожарный топорик, он размахнулся широким жестом дровосека и начисто отсек щупальце. Через полуоткрытую дверцу я бросился к радиопередатчику, чтобы успеть послать сигнал бедствия, пока еще целы мачты антенны. «Темерер» все сильнее раскачивался с борта на борт. Я слышал, как один матрос крикнул: «Спасайтесь! Тонем!» Все море вокруг бурлило от ударов змеевидных отростков, так что жутко было смотреть. И тут случилось чудо, которое спасло нам жизнь.

Метрах в двухстах от нас на поверхность высунулась огромная плоская голова более десяти метров длиной и словно раскололась вдоль, открыв прожорливую пасть, усаженную белыми острыми зубами. Одним взмахом она надвое перехватила первого «кальмара» и устремилась к следующему. Рядом вынырнули еще две такие же головы, и между вновь прибывшими и «кальмарами» началась битва, такая свирепая и жестокая, что я до сих пор не знаю, сколько она продолжалась, минуту или целый час!

Так же внезапно море успокоилось: лишь обрывки щупалец и мертвые туши покачивались на волнах. Прошло минут десять, прежде чем мы наконец поняли, что спасены. И когда это дошло до нашего сознания, мы на полном ходу пустились на север.

К вечеру слева по борту показался скалистый архипелаг; утесы его на фоне заката напоминали развалины замков. Мы осторожно приблизились. Когда до берега оставалось совсем немного, я заметил между двумя зазубренными скалами подозрительное волнение. Еще через минуту мы разглядели стаю «кальмаров» и, резко свернув направо, дали полный ход, оставив чудовищ за кормой.

Светлая лунная ночь позволяла идти, не снижая скорости. Мы чуть не задели одинокого «кальмара», дремавшего на волнах, и тут же разнесли его в клочья ракетным залпом. Утром впереди был замечен остров.

О'Хара залез на рубку, захватив с собой карту, составленную по аэрофотоснимкам в инфракрасных лучах. Нам удалось отыскать на ней этот узкий клочок земли, вытянутый с востока на запад и расположенный между экваториальным континентом, который мы оставили позади, и северным материком.

Фотоснимки, сделанные с большой высоты, были очень нечеткими, однако на них ясно проступали пятна больших лесов и осевая линия горной цепи. На северо-востоке за широким проливом в поле объектива попала оконечность еще какой-то земли. Я решил обследовать восточный берег первого острова, дойти до западного мыса второго, а затем повернуть к большому полуострову на юге северного материка.

Мы пошли вдоль южного берега острова. Он был скалистый, крутой и выглядел не очень-то гостеприимно. В глубине острова тянулась цепь невысоких гор. Добравшись к концу дня до восточного мыса, мы встали на якорь в маленьком заливе.

Взошло красное солнце, осветив унылое плоское побережье, почти лишенное растительности. Когда в небе засиял Гелиос, мы смогли разглядеть подробнее безрадостную степь, отделенную от воды узкой полосой белого песка. Когда сделали промеры, выяснилось, что этот узенький пологий пляж через несколько метров почему-то круто обрывается вниз и почти у самого берега глубина достигает примерно восемнадцати метров. «Темерер» подошел вплотную. Мы легко перекинули помост, и грузовичок съехал на берег. Заменив ракетную установку более подвижным пулеметом с самолета, мы снарядили в разведку Мишеля, Уилкинса и Джейнса. Не без тревоги смотрел я вслед машине, скрывшейся за первым подъемом. Хорошо еще, что на примятой траве остались следы шин: в случае чего по ним будет нетрудно отыскать товарищей.

Под прикрытием бортовых ракет я сошел на берег и осмотрел ближайшие окрестности. В траве мне удалось собрать десятки любопытнейших образчиков теллусийских «насекомых». Следы на песке указывали, что здесь водятся звери и покрупнее. Часа через два шум мотора возвестил о возвращении грузовичка. Из кабины выскочил один Мишель.

— Где остальные? — спросил я.

— Остались там.

— Где это «там»?

— Поедем, увидишь. Мы кое-что нашли.

— Что такое?

— Увидишь сам...

Любопытство оказалось сильнее рассудка: я передал командование Смиту и сел в машину. Мы ехали по волнистой степи с редкими рощицами. Возле одной из них паслось стадо животных, похожих на безрогих голиафов. Еще через час езды я увидел скалу высотой метров десять; на ее плоской вершине стоял Джейнс.

Мишель остановил грузовичок у самого подножия. Мы сошли, обогнули скалу и, с другой стороны, проникли в грот.

— Что ты об этом думаешь? — спросил Мишель.

На стенах скального грота были выбиты ряды странных знаков, удивительно напоминающих санскритский алфавит. Сначала я подумал, что друзья просто решили надо мной подшутить, но неподдельный налет времени на камне быстро убедил меня в обратном. Здесь было сотни три-четыре знаков.

— Это еще не все. Пойдем дальше.

— Подожди, я возьму оружие.

Захватив из машины автомат, я пошел за Мишелем и Джейнсом. Метрах в двухстах от скалы оказалась небольшая, словно вымершая, долина, на дне которой громоздилась гора металлических листьев и скрученных балок — остатки какого-то огромного сигарообразного аппарата.

Уилкинс задумчиво бродил вокруг.

— Это еще что за штука? Самолет?

— Может быть. Только наверняка не наш, не земной.

Я подошел и протиснулся в щель между нагромождением обломков. Листы обшивки глубоко вдавились в сыпучий песок. Они были из незнакомого мне толстого металла; Уилкинс сказал, что это какой-то алюминиевый сплав.

Пока я скреб обшивку, пытаясь определить, что же это за металл, американский инженер направился к тому месту, где должна была находиться носовая часть. Мы услышали его удивленный возглас, потом он нас позвал. Спереди повреждения были не столь значительны, и здесь странный аппарат все же сохранил очертания кончика огромной сигары. В уцелевшей перегородке виднелась дверца без замков. Она легко открылась, и мы проникли внутрь.

В кабине, имевшей форму усеченного конуса, положенного на бок, царил полумрак, и сначала я ничего не различал, кроме силуэтов своих товарищей. Постепенно глаза привыкли к полутьме. Я увидел нечто вроде щита управления с такими же знаками, какие были высечены на скале, узкие металлические кресла, порванные медные провода, свисающие с потолка. На рулевом рычаге из белого металла застыла высохшая кисть руки. Она была огромной, черной, все еще мускулистой, несмотря на мумификацию тканей, и имела всего четыре пальца, по-видимому, с выпускными когтями. У запястья рука была оторвана.

Не сговариваясь, мы склонили головы. Сколько времени эта рука сжимает рычаг управления последним невероятным усилием?

Сколько лет прошло с тех пор, как она все-таки посадила корабль на этот затерянный остров? Что за существа управляли кораблем? Может быть, это были исследователи с одной из планет Гелиоса, может быть, пришельцы из космоса, с отдаленной звезды, а может быть, жертвы, выброшенные на Теллус из своей вселенной — такие же, как мы? Лишь много лет спустя нам удалось найти ответ на эти вопросы, да и то далеко не полный.

Мы рылись в обломках аппарата до наступления сумерек. Ничего особенного обнаружить не удалось: несколько пустых банок, части каких-то приборов, книга с алюминиевыми страницами, но, увы, без всяких иллюстраций, да еще молоток вполне земной формы — вот и все наши находки. В кормовой части, где должны были помещаться двигатели, громоздились оплавленные ржавые глыбы, и среди них в толстой свинцовой трубе кусок тяжелого белого металла. Позднее анализ, сделанный в Нью-Вашингтоне, показал, что это был уран.

Мы сделали несколько фотоснимков и вернулись на корабль. Удивляться скудости наших находок было нечего: судя по надписи на скале, часть экипажа спаслась, и, естественно, они забрали все, что могло иметь хоть какую-то ценность. Подробно обследовать остров у нас уже не было времени. Мы назвали его «остров Тайны» и отплыли к соседнему, расположенному дальше на северо-востоке.

Здесь нам с трудом удалось причалить, но выгрузить машину мы так и не смогли. Небольшая часть побережья, которую мы осмотрели, оказалась безводной и голой. Если не считать «насекомых», на острове кишели одни плоские «гадюки». Впрочем, мы нашли несколько каменных орудий ссвисов. Исследование южной оконечности северного материка принесло нам куда больше открытий и ... тревог.

Ранним утром «Темерер» стал на якорь в бухте, защищенной высокими скалами самых фантастических очертаний. Спустить грузовичок было непросто, и к тому времени, когда он наконец выехал на берег, Гелиос стоял уже высоко. Мишель, Смит и я сели в машину и двинулись в путь.

Не без труда поднялись мы на плато, простиравшееся в северном и восточном направлении до самого горизонта. С юга плато обрамляла цепь невысоких гор, к которым мы и направились по саванне с редкими группами деревьев. Здесь был настоящий звериный заповедник: голиафы, «слоны», а также более мелкие животные то и дело попадались навстречу поодиночке и большими стадами. Мы разбудили парочку тигрозавров, но те, к счастью для нас,

были настроены мирно: наш грузовичок не выдержал бы столкновения.

В три часа пополудни, когда мы доедали запоздалый завтрак, вдали показалось многочисленное и какое-то странное стадо. Когда оно приблизилось, мы узнали больших красных ссвисов из расы Взлика. Я вспомнил, как тот неоднократно говорил мне, что их племя пришло с юга, отделившись от остальных по непонятным причинам. Произошло это не так давно, всего за несколько поколений до нашего «перелета» на Теллус.

Эта встреча нас огорчила: ссвисы преграждали нам путь к горам, а, зная их воинственный характер, ехать напролом было опасно — дело неминуемо кончилось бы столкновением. Но ссвисы, по-видимому, нас не заметили; они свернули влево и скрылись за линией горизонта.

Мы устроили короткий военный совет. Я стоял за немедленное возвращение, так как мы и без того слишком удалились от «Темерера» в глубь неведомой страны. Однако Смит и Мишель хотели проехать еще немного вперед, с тем чтобы вернуться на следующий день. Пришлось подчиниться большинству.

Мы поехали дальше и часов около четырех различили на юге скалу: высотой три десятка метров, она стояла далеко впереди горной цепи. Вершина ее показалась мне покрытой зубцами. Подъехав ближе, мы убедились, что эти зубцы на самом деле были башнями высотой метров по десять, расположенными с интервалами примерно в двадцать шагов. Пространство вокруг скалы в радиусе полукилометра с лишним было совершенно оголено, здесь не росло ни деревца, ни кустика. Между башнями скакали ссвисы. Казалось, они сильно встревожены, и через бинокль я разглядел, как они показывают на нас пальцами. Не зная, что думать, я замедлил ход.

Внезапно прямо напротив нас с вершины одной из башен, до которой оставалось метров четыреста, взвился в небо какой-то длинный черный предмет и, описав дугу, с нарастающим свистом ринулся вниз. Гигантская стрела или дротик, весом килограммов тридцать врезался в землю всего в трех шагах от нас. Я резко затормозил, потом, опомнившись, крутанул руль и дал газу.

— Зигзагами, жми зигзагами! — крикнул Мишель.

Оглянувшись, я увидел в небе дюжину черных молний. Они вонзались в почву вокруг машины, и от одной из них мы увернулись буквально чудом. За моей спиной залаял пулемет: Смит взялся за дело! Надо сказать, что в свое время он был чемпионом по стрельбе

из авиационного пулемета. Позднее Мишель рассказывал, что американец в мгновение ока поджег шесть башен.

Я ничего этого не видел. Вцепившись в руль, выжав до предела педаль акселератора, я гнал грузовичок по рытвинам и ухабам, каждую секунду ожидая, что огромное копье вонзится мне в спину.

Мы были от этого на волосок! Когда вокруг уже мелькали первые деревья, стоящие на краю оголенной зоны, позади послышался удар, треск и скрежет лопнувшего металла. Я резко вильнул в сторону. Минут через десять, когда Мишель сменил меня за рулем, я увидел, что дротик пробил бронированную крышу, прошел между ног у Смита и засел наконечником в большой банке консервированной говядины, пригвоздив ее к полу. Не останавливаясь, мы отпилили древко и вытащили наконечник: треугольной формы с зазубринами, он был выкован из стали!

Уже ночью мы сделали короткую остановку, чтобы закусить и обсудить непонятное происшествие.

— Самое странное, — сказал я, — не то, что эти ссвисы знакомы с металлом, а то, что у них есть сталь превосходной закалки! По-видимому, это тот самый народ, от которого отделилось племя Взлика. Значит, всего несколько поколений назад они тоже были еще в каменном веке. Конечно, ссвисы очень умны, но такой быстрый прогресс меня просто поражает!

Мишель задумался.

— А нет ли какой-нибудь связи между развитием этих ссвисов и нашей находкой на острове?

— Все может быть. Вы заметили, у них ведь катапульты, вернее баллисты, которые бьют на полкилометра с лишним!

— Я, во всяком случае, разбил им самое малое шесть башен, — проговорил по-английски Смит.

— Да, да. А сейчас давайте отсюда удирать. Здесь небезопасно.

Мы ехали всю ночь, Я пережил немало тревожных ночей на Теллусе, но ни одна еще не была до такой степени наполнена опасностями. Все три луны вышли на небо, и, казалось, все чудища планеты собрались на этом клочке земли. Свет фар привлек внимание «слонов», и нам пришлось прокладывать между ними дорогу. Потом появился огромный тигрозавр, ищущий добычу; мы встретили его очередью из пулемета, впрочем, не причинившей хищнику вреда — он просто перепугался, должно быть не меньше нас. Голиафы трижды преграждали нам путь, заставляя делать объезды. «Гадюки» бросались под колеса грузовичка, и мы сменили два прогрызенных ими баллона. Лишь перед самым рассветом мы

увидели сигнальные ракеты, взлетавшие с палубы «Темерера», и уже на заре поднялись наконец на борт.

ПОСЛЕДНЯЯ ОПАСНОСТЬ

Спустя несколько дней мы достигли устья Дордони без особых приключений, если не считать неполадок с моторами, которые заставили нас сутки идти под парусами. О своем возвращении мы известили Кобальт-Сити по радио и поэтому не особенно удивились, когда при слиянии Дордони с Изелем нас встретила лодка, где сидели Мартина, Луи и Взлик. Все трое поднялись на борт, мы взяли лодку на буксир и спокойно дошли до Порт-Леона. Мы отсутствовали целый месяц! Нечего и говорить, как я обрадовался встрече с Мартиной. Сколько раз за это путешествие я думал, что никогда не увижу ее!

Луи показал мне текст последней радиограммы из Нью-Вашингтона. Я прочел ее, не веря своим глазам, потом передал ее американцам — Бирабан перевел нам суть. А суть заключалась в следующем: по непонятным причинам Нью-Вашингтон медленно погружался в океан, и, если скорость погружения не замедлится, остров исчезнет под волнами самое большее через полгода. Поэтому правительство посылало нам сигнал бедствия.

Собрался совет с участием американцев. Джейнс выступил первым. Он сказал:

— В порту Нью-Вашингтона стоят два эсминца, французский крейсер «Сюркуф», грузовоз и маленький танкер. Кроме того, у нас есть шестнадцать самолетов, из них четыре винтовых и три геликоптера. Но у нас нет ни бензина, ни солярки. Можете ли вы продать нам горючее? Главное — с доставкой на место!

— Ни о какой продаже не может быть и речи, — ответил мой дядя. — Помочь вам — самая элементарная обязанность. Все дело в транспорте. У нас есть только одно судно «Темерер», а он для это цели слишком мал.

— А корпус «Конкерана»? — спросил я. — По-моему, он еще послужит. Кроме того, баржи, если только их можно оборудовать для перевозки горючего. Что скажете вы? — обратился я к нашим инженерам.

Этранж подумал, потом заговорил:

— На изготовление цистерн уйдет от десяти до двенадцати дней. По крайней мере столько же — на специальное противопожарное оборудование. Итого месяц. Две цистерны длиной десять метров,

шириной три и высотой два — итого сто двадцать тысяч литров: шестьдесят тонн бензина и шестьдесят тонн дизельного топлива.

— Предпочитаем больше солярки и меньше бензина, — вмешался Джейнс.

— Это можно. Сколько точно горючего у нас в запасе?

— Шесть миллионов литров, — ответил я. — Все резервуары полны, поэтому я приостановил добычу.

— Каково расстояние от Порт-Леона до Нью-Вашингтона?

— Примерно четыре с половиной тысячи километров.

— Да, но это напрямик, через открытый океан, — уточнил я.

Дядя обратился к Джейнсу:

— Если мы вам доверим «Темерер» и свой экипаж, сумеете вы довести судно до вашего острова.

— Отвечаю за это головой. Ваш маленький корабль просто превосходен!

— Хорошо, рискнем.

Месяц спустя «Темерер» отплыл, ведя на буксире баржу со ста сорока пятью тысячами литров горючего. Как потом рассказывал мне Мишель, все плавание было удивительно спокойным: ни бурь, ни «кальмаров», ни прочих морских чудовищ.

Нью-Вашингтон оказался едва возвышающейся над водой равниной с двумя прибрежными холмами, на которых теснились дома. Прибывших встретили залпами из всех орудий. Оркестр крейсера сыграл американский гимн. Потом под звуки «Марсельезы» маленький «Темерер» проскользнул со своей баржей в порт, провожаемый удивленными взглядами морских офицеров. Солярку сразу перекачали в баки аргентинского танкера, который немедленно снялся с якоря, а бензин отправили на грузовиках на аэродром.

Президент Нью-Вашипгтона Линкольн Дональдсон торжественно принял Мишеля. Потом французы пригласили его на «Сюркуф». Когда офицеры и моряки узнали, что вскоре смогут увидеть кусочек Франции, радости их не было предела!

Для жителей Нью-Вашингтона настала напряженная пора: чтобы демонтировать и погрузить на суда все, что можно было спасти, люди работали от зари и до зари не покладая рук. Потом вернулся танкер и первый караван — «Сюркуф», норвежский грузовоз и два эсминца, все перегруженные до предела людьми и оборудованием, — отплыли на материк.

Об этом Мишель предупредил меня по радио. В ответ я смог ему сообщить, что мы тем временем договорились со Взликом, который после смерти своего «тестя» стал главным племенным вождем.

Ссвисы уступили американцам территорию, по правде говоря, принадлежавшую черным ссвисам, или слвипам, не входившую в охотничьи угодья племени, и часть своих исконных земель между Дронной и Неведомыми горами. Кроме того, я выговорил для нас самих коридор до самого устья, где мы намеревались построить Западный порт. Пока шли эти переговоры, французы тоже не сидели без дела. У подножия гор мы строили американцам дома на землях, действительно принадлежавших красным ссвисам, главным образом по ту сторону Дронны, как раз напротив нашего маленького поста Хром.

И вот первый караван прибыл. Наблюдательный пост в устье Дронны сообщил о его приближении рано утром, когда корабли были еще на подходе. Грузовое судно и крейсер «Сюркуф» из-за слишком большой осадки стали на якоря на самой Дронне, а эсминцы поднялись по Изелю. Потом американцы уплыли большим караваном, составленным из крупных лодок. Мы отбуксировали переселенцев к их новым владениям. Было решено, что американцы удовлетворятся пока землями красных ссвисов, отложив завоевание территории слвипов пока до лучших времен именно потому, что за нее пришлось бы еще воевать.

Мишель прилетел на самолете незадолго до прихода седьмого, и последнего, каравана. Остров к тому времени почти полностью затонул, но в Новой Америке уже вырос город и семь деревень, а на полях созрел и был убран первый урожай. Город Нью-Нью-Вашингтон, как его называли в шутку американцы, насчитывал пять тысяч жителей.

Население Новой Франции тоже увеличилось за счет шестиста моряков с «Сюркуфа» и шестидесяти аргентинцев, пожелавших жить в «латинской стране». Кроме того, к нам присоединилось человек пятьдесят канадских французов. Сначала их отпугнуло наше коллективное хозяйство, хотя это распространялось только на промышленные предприятия, а скоро они убедились, что никто не мешает им ходить в церковь, если их туда тянет.

Норвежцы (сразу же после катастрофы они подобрали в море пассажиров тонувшего норвежского лайнера, и теперь их было человек двести пятьдесят) попросили отвести им часть нашей территории близ устья Дордони. Там они и обосновались, выстроив рыболовный порт.

В действительности никакого строгого разделения не существовало и смешанные браки были самым обычным делом. К счастью, у американцев оказалось гораздо больше женщин, чем

мужчин, и многие наши моряки переженились еще в Старом Нью-Вашингтоне. Спустя год после Великого Исхода у меня родился первенец, мой сын Бернар, а Мишель женился на семнадцатилетней красавице норвежке Инге Унсет, дочери капитана норвежского грузового судна.

Мы помогли американцам смонтировать заводы. Они в свою очередь уступили нам часть своих станков и четыре самолета. Вместе с двумя американскими коллегами я обнаружил на их территории, но на землях слвипов, значительные нефтяные месторождения. А еще через пять лет мы объединились в Союз Республик Теллуса. Но до этого нам еще пришлось отвоевывать земли у слвипов. И был момент, когда едва не началась война с американцами, когда судьба нас всех висела на волоске.

Слвипы первыми открыли боевые действия. Однажды вечером сотни их воинов внезапно напали на маленький американский пост и перебили десять человек из двенадцати. Двум американцам удалось спастись на автомашине. Как только об этом стало известно, в воздух поднялись два самолета, но отыскать убийц не удалось: степи опустели, а непроницаемые для глаза леса покрывали слишком обширные пространства. Американцы снарядили легко вооруженную колонну, понесли большие потери и вернулись ни с чем. Тогда они обратились за помощью к нам, учитывая наш богатый опыт, и к нашим союзникам ссвисам.

Трудно представить себе более странную войну и более сказочное войско! В центре ехали на грузовиках мы и американцы, над нами кружили два самолета, впереди летел геликоптер-разведчик, а вокруг гарцевали существа иного мира, вооруженные луками и стрелами!

Кампания была трудной, не обошлось без потерь. Быстро сообразив, что в очередном бою они сразу будут разбиты, слвипы начали опустошать приграничные районы, отравлять источники и колодцы, совершать налеты на Новую Америку, на земли ссвисов и даже на Новую Францию, пробираясь к нам через горы.

В ответ эсминцы обстреляли две обнаруженные на побережье деревни слвипов. Самолеты нашли и разбомбили еще несколько селений. Но все это ничего не давало. Лишь когда мы углубились во вражескую территорию, перейдя даже будущую границу Новой Америки, слвипы решили, что пришел час решающей битвы.

На рассвете к нашему лагерю сразу со всех сторон галопом устремилось более пятидесяти тысяч черных бестий. Джейнс, который был командиром отряда, немедленно вызвал авиацию, и самолеты тотчас взлетели с аэродромов Нью-Вашингтона и Кобальт-

Сити. При скорости около тысячи километров в час они должны были долететь быстро, но нам надо было суметь продержаться. Пятьсот американцев и триста французов, пусть даже прекрасно вооруженных, и пять тысяч ссвисов против пятидесяти тысяч разъяренных врагов, стрелы которых разят на четыреста метров! Положение было критическим! И главное — мы не могли использовать маневренность грузовиков: ссвисы окружали нас кольцом по тридцать рядов в глубину! Мы поставили все пятьдесят машин, кроме нашего старого бронированного грузовика, в круг, легли за пулеметы и стали ждать.

Мы открыли огонь, когда враг был уже в шестистах метрах, и это чуть не стоило нам всем жизни. Нельзя было выжидать так долго! Слвипы едва не захлестнули нас черной волной. Автоматы и пулеметы косили врагов, как спелую пшеницу, ссвисы посылали в них стрелу за стрелой, но все напрасно! Через мгновение у нас было уже десять человек убитых и более восьмидесяти раненых, у ссвисов — сто убитых, а раненых вдвое больше.

Безумная отвага слвипов наводила ужас, а их живучесть казалась просто невероятной. Один из них продолжал мчаться даже после того, как двадцатимиллиметровая пуля оторвала ему руку вместе с плечом, и свалился замертво в двух шагах от американца. Это я видел своими глазами.

За первой атакой последовала вторая. Когда слвипы пошли на приступ в третий раз, наконец подоспели самолеты, но толку от них было мало: все смешалось в невообразимой свалке и летчики просто не знали куда стрелять.

Во время третьей атаки Мишель получил стрелу в правую руку, а мне наконечник пробил левую икру; впрочем, оба наших ранения оказались легкими. Как только враги были отброшены, самолеты начали поливать их пулеметным огнем и забрасывать бомбами и ракетами. Начался разгром! В открытой степи ряды слвипов расстроились, и мы гнались за ними на грузовиках, расстреливая в упор, в то время как Взлик со своими воинами вылавливал и добивал одиночек.

Кое-где враг еще пытался переходить в контратаки. Вечером мы нашли грузовик, где остались только трупы, сплошь утыканные стрелами. Но под покровом темноты уцелевшие слвипы бежали и больше не возвращались.

Зато вместо них появились сотни тигрозавров, привлеченных запахом крови, и нам пришлось выдержать еще одно сражение, стоившее жизни шестерым. Всего мы потеряли двенадцать человек,

американцы — двадцать два, и ссвисы — двести двадцать семь. У нас было восемьдесят семь раненых; у американцев — сто сорок пять, у ссвисов — девятьсот шестьдесят. Слвипы, по самым грубым "подсчетам, оставили на поле боя не менее двадцати тысяч.

После этого похода американцы построили цепь фортов вдоль всей своей границы, защита которой облегчалась еще тем, что она шла по гребню естественного сброса, протянувшемуся от моря до самых гор на расстоянии почти семьсот километров.

Два следующих года прошли спокойно, в мирном труде. Однако мы с сожалением видели, что американцы все больше и больше замыкаются в себе. К нам они почти не приезжали, если не считать единичных случаев: прилетит один самолет, и все. Да и мы стали бывать у них только по делу: для обмена сырьем или промышленными изделиями. К тому времени американцы открыли у себя угольные шахты, правда, не столь богатые, как у нас, но с лихвой покрывавшие все их нужды. К тому же среди нас мало кто говорил по-английски. Ну, и так далее и тому подобное.

И мы, и они жили по-своему, обычаи были разные. Они шарахались от нашего вполне умеренного и разумного коллективизма и называли наш Совет диктатурой. Кроме того, у американцев сохранялись глупые предубеждения против «туземцев», которые мы никак не разделяли: более двухсот молодых ссвисов учились в наших школах.

А вот с норвежцами у нас установились превосходные отношения. Мы поставляли им металл, необходимый для постройки рыбацких судов, а они в изобилии снабжали нас всеми дарами моря. Уцелевшие земные рыбы размножились в невероятном количестве, да и теллусийские были просто великолепны на вкус.

«Героический период» подходил к концу. Чтобы в дальнейшем не давать американцам повода для критики, мы произвели ряд изменений. После долгих — в чисто французском духе-дискуссий было решено, что отныне Новая Франция будет состоять из следующих департаментов:

1) Департамент Кобальт (5000 человек), столица Кобальт-Сити (800 человек) и город Порт-Леон (324 человека);

2) Департамент Западный порт, столица того же названия (600 человек);

3) Департамент Нефтяных скважин (там осталось всего 50 рабочих);

4) Департамент Болье-Шахтерский, включающий Волшебное озеро с городом Болье (400 человек) и Северным портом (60 человек);

Таким образом, население Новой Франции достигло почти шести тысяч человек. В Порт-Леоне, Болье и Западном порту были свои муниципальные советы. Центральное правительство состояло из пятидесяти депутатов парламента, избираемых всеобщим прямым голосованием, и несменяемого Совета, состоящего из семи человек; вначале это были дядя, Мишель, Этранж, Бевэн, Луи, наш новый кюре и я. Парламент имел право вносить законопроекты, назначать министров и утверждать их решения. Совет помимо законодательных прав имел право вето, приостанавливавшее любые решения сроком на шесть месяцев. В случае объявления чрезвычайного положения, вынесенного не менее чем двумя третями голосов. Совет сосредотачивал всю полноту власти в своих руках сроком на шесть месяцев; при необходимости этот срок мог быть продлен. Образовались три политические партии; партия коллективистов во главе с Луи получила в парламенте двадцать мест, консервативная крестьянская получила столько же, а остальные десять мест достались организованной Этранжем либеральной партии. Ей же, как правило, доставались и все министерские портфели по старой французской традиции, гласящей, что править должно меньшинство.

Все эти изменения нисколько не отразились на нашей жизни. Завод, машины, шахты, суда и прочее по-прежнему оставались народной собственностью, а земля всегда принадлежала тем, кто ее обрабатывал.

Мы расширили сеть рельсовых и шоссейных дорог. Американцы последовали нашему примеру. Они строили больше паровозов, зато нам удалось создать очень мощные электромоторы. Самая длинная железнодорожная линия связывала Кобальт-Сити с Западным портом через Порт-Леон.

Тем временем отношения с американцами продолжали портиться. Первая серьезная размолвка произошла из-за канадского эсминца, на котором служили главным образом канадские французы. Решив поселиться с нами, французы, естественно, захотели привести к нам и свой корабль. Американцы начали чинить им бесчисленные препятствия. В конечном счете мы отдали им все вооружение и превратили эсминец в быстроходное грузовое судно.

Вторым поводом для недовольства послужил наш отказ совместно разрабатывать нефтяное месторождение, расположенное на землях ссвисов близ пика Тьмы. У американцев были свои месторождения, хотя и более глубокие. Но из-за этого напрасно тревожить ссвисов мы не желали.

И наконец, 5 июля 9 года теллусийской эры произошло открытое столкновение.

В тот день десяток ссвисов хотели, согласно договору о праве беспрепятственного прохода, пересечь восточную оконечность американской территории, которая в этом месте врезалась в их собственные земли длинным языком.

Они направлялись к нашему посту Болье-Горному, чтобы обменять дичь на стальные наконечники для стрел. И вот ссвисы проникли в Америку на виду нашего поста, находившегося на другом берегу в верховьях Дронны. Вдруг их остановили три американца с автоматами и грубо приказали повернуть обратно. Требование было совершенно идиотское, так как до Болье по прямой оставалось метров сто, а до границы в обратном направлении — километров пятнадцать. Глава ссвисов Авиц сказал им по-французски, что он на этот счет думает. Обозленные американцы дали три автоматные очереди; двух ссвисов убили, двух ранили, и среди них Авица, которого захватили в плен. Остальные ссвисы под градом пуль пересекли Дронну и сообщили обо всем начальнику поста Пьеру Лефрану.

Чтобы разобраться на месте, Лефран со ссвисами спустился к реке. И горько об этом пожалел! С противоположного берега ударила автоматная очередь, убив еще одного ссвиса и ранив самого Лефрана. Вне себя от ярости, его друзья ответили десятком ракет, которые подожгли и превратили в развалины ферму на американском берегу.

По счастливой случайности мы с Мишелем проезжали в это время неподалеку. Погрузив Лефрана и раненых ссвисов на грузовик, я погнал машину прямиком в Кобальт-Сити. Немедленно было созвано заседание парламента и Совета. После голосования было объявлено чрезвычайное положение. Лежа на носилках, Лефран рассказал о случившемся, и ссвисы подтвердили его слова. Мы еще спорили, не зная, что предпринять, когда пришла радиограмма с поста Ссвиский мост на Везере: наблюдатели отчетливо слышали грохот боевых барабанов, и по всей территории ссвисов поднимались дымные столбы сигнальных костров. Каким-то непонятным способом Взлик был уже извещен обо всем и теперь собирал своих воинов.

Зная мстительный и совершенно беспощадный нрав ссвисов, я прежде всего подумал об изолированных американских фермах, расположенных вдоль границы. Что там будет через несколько часов! Немедленно к Взлику вылетел геликоптер с моим письмом, в котором я просил подождать один день, а сам я вместе с остальными членами Совета бросился на радиостанцию, чтобы связаться с Нью-Вашингтоном.

События между тем нарастали. На станции радист встретил меня с новой радиограммой в руках: американский эсминец обстреливал Западный порт. «Темерер» и «Сюркуф» завязали с ним артиллерийскую дуэль.

На всякий случай Совет отдал приказ о всеобщей мобилизации. Самолеты с полными баками и боекомплектом были готовы взлететь по первому сигналу.

Установив связь, мы обратились по радио к американскому правительству с просьбой приостановить военные действия и начать переговоры. Американцы согласились. Обстрел нашего порта прекратился. Кстати, эсминец рад был убраться восвояси, потому что радиоуправляемая ракета с «Сюркуфа» разворотила ему всю носовую часть.

Мишель, мой дядя и я, не теряя времени, сели на самолет и через полчаса были уже в Нью-Вашингтоне.

Переговоры начались бурно. Американцы вели себя так заносчиво, что Мишель вынужден был им напомнить, что без нас они давно бы уже были съедены морскими чудовищами или умерли от голода на своих лишенных горючего кораблях. В конце концов была создана комиссия для расследования, в которую вошли Джейнс, Смит, мой дядя, я и брат Взлика, Иссци. Оба американца проявили достаточно благородства и признали вину своих соотечественников, которые были приговорены к десяти годам заключения каждый. Ссвисы в виде компенсации получили десять тысяч стальных наконечников для стрел.

Любопытно отметить, что после этой стычки, едва не кончившейся трагически, отношения между нами сразу улучшились. К концу 10 года они стали настолько дружественными, что появилась реальная возможность объединения в Союз Свободных Республик Теллуса.

7 января 11 года собралась конференция представителей американцев, канадцев, аргентинцев, норвежцев и французов. Была выработана и принята федеральная конституция. Она предоставляла каждой республике широкую автономию, но предусматривала одно общее правительство, резиденцией которого стал новый город Унион, выстроенный при слиянии Дордони с Дронной, как раз в том месте, где мы когда-то убили первого тигрозавра. Окружающая территория площадью двести квадратных километров была объявлена федеральной землей.

Самым сложным оказался вопрос об охотничьих угодьях ссвисов. Тут американцы показали всю свою несговорчивость! Лишь после

долгих споров был принят закон о неприкосновенности земель наших союзников, а также других племен, которые примкнут к нам в течение ближайших ста лет. Все будущие колонии, основанные на новых местах, будут считаться федеральными землями, пока их население не достигнет пятидесяти тысяч человек, после этого они переходят в разряд Свободных Республик с правом установления своих собственных законов.

25 августа 12 года состоялось первое заседание федерального парламента, на котором мой дядя был избран первым президентом Союза Свободных Республик Теллуса. Впервые развернулось наше государственное знамя — бело-синее полотнище с пятью белыми звездами (по числу республик: Нью-Америка, Новая Франция, Аргентина, Теллусийская Канада и Норвегия). Два языка были объявлены государственными — английский и французский.

Я не стану входить в подробности принятых тогда законов, они действуют до сих пор, и вы их прекрасно знаете. Скажу только, что армия, флот, авиация и производство оружия были целиком переданы в ведение федерального правительства. Заглядывая далеко вперед, ему передали также атомную энергию, ибо настанет день, когда мы и на Теллусе овладеем этой могучей силой.

НАЧЕРТАННЫЙ ПУТЬ

С тех пор прошло пятьдесят с лишним лет. Да, Теллус крутится, не зная устали!

Все первые семь лет, пока президентом был мой дядя, ушли на организационные работы. Мы расширяли железнодорожную сеть, скорее для потомков, чем для себя, потому что наше население не достигало и двадцати пяти тысяч. Впрочем, оно росло быстро. Природные запасы были неисчерпаемы, поля давали богатейшие урожаи, и семьи становились все многочисленнее. У меня одиннадцать детей, и все они живы; у Мишеля — восемь. Средняя семья в первом поколении состояла из шести человек, а во втором — уже из семи. Одновременно мы отметили поразительное увеличение человеческого роста. На нашей старушке Земле, согласно статистике, средним считался рост сто шестьдесят пять сантиметров. Примерно таким же был средний рост французов. А сегодня для Новой Франции эта цифра поднялась до ста семидесяти восьми сантиметров, для Нью-Америки — до ста восьмидесяти двух, а для Норвегии — до ста

восьмидесяти шести! Только аргентинцы и их чистокровные потомки отстали со средним ростом — сто семьдесят один сантиметр.

При следующих президентах, американце Кроуфорде и норвежце Хансене, главные наши усилия были направлены на развитие промышленности. Мы построили авиационный завод. Помимо выпуска уже освоенных самолетов там разрабатывали и новые модели. Здесь, на Теллусе, американскому инженеру Стоуну удалось осуществить одну идею, которую он вынашивал еще на Земле, и его самолет «Комета» побил все рекорды высоты.

Одновременно мы продолжали исследовать планету. Остаток своей жизни я провел в бесконечных экспедициях, составляя геологические и топографические карты. Иногда я работал один, иногда — с моими американскими коллегами, а потом — со своими тремя старшими сыновьями: Бернаром, Мартином и Жаком.

Я облетел всю планету, плавал почти на всех океанах, вел раскопки на всех материках и бесчисленных островах. Какие открытия выпали на нашу долю!

Впрочем, и техника у нас была такая, о какой ни Христофор Колумб, ни Васко да Гама не могли даже мечтать!

В шестидесятиградусную жару я задыхался на экваторе, замерзал на обоих полюсах, сражался или заключал союзы с красными, черными и желтыми ссвисами, еще не раз вступал в бой с «кальмарами» и гидрами, которые по-прежнему внушали мне непреодолимый страх. И всегда со мной рядом был Мишель, а Мартина ждала меня, иной раз долгими месяцами.

Я не могу приписать славу сделанных мной открытий себе одному. Без мужества и находчивости моряков или летчиков, которые участвовали в экспедициях, я немногого бы достиг! О неоценимой помощи Мишеля не стоит и говорить, да и самоотверженность моей жены сыграла немалую роль: по возвращении из третьей экспедиции я свалился в жестокой болотной лихорадке, приковавшей меня к постели на целых полгода, и если бы не Мартина, я, наверное, отдал бы богу душу. Моя верная Мартина трижды сопровождала меня, без единой жалобы разделяя со мной все тяготы и опасности путешествий.

И таких исследователей, как я, было много! Все услышали манящий зов неведомого. Что сказать, допустим, о беспримерном подвиге Поля Бренже и Натаниэля Готорна? Вдвоем на автомашине они отправились на юг, объехали по побережью весь Старый Материк, разбили автомобиль за семь с лишним тысяч километров от Новой Франции и все-таки вернувшись пешком, пройдя все эти

тысячи километров среди голиафов, тигрозавров и враждебных племен! А что сказать о приключениях капитана Унсета, свояка Мишеля, который со своим сыном Эриком и тринадцатью матросами за семь месяцев двадцать один день совершил первое кругосветное плавание на борту «Темерера»?

Двадцать лет спустя мы с Мишелем еще раз посетили остров Тайны. Там все осталось по-прежнему, только песок еще больше занес обломки странного аппарата. Мы снова вошли в кабину, где высохшая черная рука все еще сжимала рычаг управления, и увидели на полу свои собственные следы, сохранившиеся в закрытом помещении.

На обратном пути мы посетили Город Башен. Теперь с нами был сын Взлика, Ссиу, и с его помощью нам удалось вступить в переговоры со ссвисами, знающими сталь. Их вождь показал примитивные домны, где ее выплавляли, и после долгих расспросов рассказал нам легенду.

Пятьсот с лишним теллусийских лет назад к песчаной отмели южнее теперешнего поселения ссвисов пристала «лодка, которая шла по воде сама». Из нее вышли три странных существа. Когда ссвисы хотели их захватить, они рассеяли нападающих, «метая пламя». «Не короткие стрелы, которые делают „бум“, как у вас, — уточнил вождь, — а голубое длинное пламя!»

Через несколько дней ссвисы застигли их ночью врасплох и захватили в плен. Из-за этих существ в племени поднялся яростный спор. Уже неизвестно, по какому поводу, но половина красных ссвисов откололась и ушла на север. Это были предки Взлика.

Пришельцы выучили язык ссвисов и научили их плавить металл. Дважды они спасали наполовину ослабленное племя от нападения слвипов, «метая синее пламя». Казалось, они все время чего-то ждут с неба. Потом пришельцы умерли один за другим. Перед смертью они написали большую книгу, которая, как реликвия, хранится вместе с другими их вещами в священной пещере.

Я попросил описать пришельцев. Вождь не смог этого сделать, но зато повел нас в священную пещеру. Там еле живой от старости ссвис показал нам настенные фрески: на них были изображены три черные фигуры с головой и телом, похожими на человеческие, но с очень длинными руками, свисающими до земли, и всего одним четко нарисованным глазом посредине лба. Если изображенные рядом ссвисы были взяты в правильных пропорциях, рост этих существ должен был достигать, по моим расчетам, двух с половиной метров.

Мы попросили показать нам их вещи. Это были три книги с металлическими страницами, похожие на ту, что мы нашли на острове Тайны, несколько довольно примитивных инструментов и остатки оружия, которое «метало пламя». Это оказались три трубки длиной семьдесят сантиметров, расширявшиеся на концах и выложенные изнутри платиновыми чешуйками. Обрывки проводов на других концах должны были соединять трубки с исчезнувшей частью. По-видимому, пришельцы не пожелали оставить полудиким ссвисам свое слишком мощное оружие.

И наконец, мы увидели книгу, написанную на пергаменте. Примерно пятьдесят ее листов были испещрены такими же значками, как в металлических книгах. Я горько посетовал, что вряд ли кто-нибудь сможет их разобрать, но тут старый ссвис заявил, будто эта книга написана на их языке и он умеет ее читать. После долгих уговоров ссвис взял книгу, может быть, даже вверх ногами, и начал говорить нараспев:

— Тилир, Тилир, Тилир! Тем, кто придет слишком поздно, привет! Мы надеялись до последнего часа. Теперь двое уж мертвы. Мы никогда не увидим Тилир. Будьте добры к ссвисам, они приняли нас хорошо...

Он умолк.

— Дальше я не могу читать, — прибавил старый ссвис после долгой паузы.

Мне удалось от него узнать, что первые выученные наизусть строки книги передаются от жреца к жрецу вот уже много поколений, и это слово «Тилир» должно послужить как бы паролем, если соотечественники пришельцев снова высадятся на Теллус.

Он открыл мне также, что книга была двойной: первая ее половина написана на языке ссвисов, а вторая — на языке пришельцев. Как бы то ни было, это давало бесценный ключ к расшифровке, и я тщательно скопировал всю книгу.

Сколько раз потом я задумывался, склоняясь над потемневшими от времени страницами с затейливыми значками! Сколько раз я забрасывал повседневные дела, чтобы с помощью Взлика приступить к переводу! Но в конечном счете мне никогда не хватало времени. С трудом разобрав отдельные фразы, я лишь разжег свое любопытство, так ничего толком и не узнав.

В книге шла речь о Тилире, о чудовищах, о катастрофах, о ледяном холоде и страхе... Теперь она хранится в городе Унионе, где мой внук Анри и внук Взлика, «очеловеченный» ссвис Хои, пытаются ее расшифровать. Существа, которые написали эту книгу, прилетели скорее всего с ближайшей от нас внешней планеты, названной нами, Арес по аналогии с Марсом старой солнечной системы. Может быть, я еще доживу до того дня, когда эта тайна будет разгадана нашими внуками. Но пусть они поторопятся!

Внуки мои! Нами начертан путь, по которому вам предстоит идти. Мы сделали все, что могли, но осталось еще много нерешенных проблем, и среди них — две самые главные.

Первая — это проблема сосуществования на одной планете двух видов разумных существ. Тут может быть лишь три выхода:

уничтожение людей — для нас это самое страшное; уничтожение ссвисов — этого мы никоим образом не хотим; и, наконец, самое разумное — признание за ссвисами полного равенства и включение их в Союз Свободных Республик Теллуса. Американцы пока противятся этому, но мы надеемся, что и они поумнеют. Для меня этот вопрос давно ясен. Ссвисы такие же разумные существа, как мы, а кое в чем они даже нас превосходят. Взять хотя бы математический трактат Хои — лишь немногие из людей способны в нем разобраться!

И вторая проблема — сосуществование двух разумных рас на планетах одной солнечной системы, если только пришельцы с острова Тайны действительно прилетали с Ареса. Предположим, они снова явятся на Теллус, прежде чем мы сумеем покорить Космос! В таком случае совсем неплохо будет иметь ссвисов своими союзниками.

ЭПИЛОГ

Вот и все. Мой рассказ окончен, и я только что сжег черновики. Соль уже закатился, в небе сияет Гелиос. Из окна своего дома на окраине Кобальт-Сити я вижу поля, где колышется еще зеленая пшеница. Мой правнук Жан вернулся из школы. Пролетел самолет, и снова все тихо. Ссвисы на улицах разговаривают по-французски с горожанами. В Кобальт-Сити теперь двадцать пять тысяч жителей. Из моей комнаты видна обсерватория на вершине горы Мон-Париж; там моему дяде выпало счастье завершить изучение Ареса с помощью большого телескопа, который мы все-таки перевезли сюда сорок с лишним лет тому назад. Вот под окнами прошла внучка Мишеля, Мартина, до боли, до слез похожая на мою Мартину, но только она блондинка. У нее с моим внуком Клодом... Впрочем, не мне говорить о будущем. Будущее принадлежит вам, граждане Союза Республик Теллуса...

Роберт Хайнлайн

ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ

Экспедиция к Проксиме Центавра, организованная Фондом Джордана в 2119 году, была первой в истории попыткой достичь ближайших звезд нашей Галактики.

О судьбе, постигшей экспедицию, можно только догадываться...

Фрэнк Бак.

Романтики современной астрографии, изд-во «Люкс Лимитед»

ЧАСТЬ I
ВСЕЛЕННАЯ

– Осторожно, мьют!

Кусок железа врезался в переборку прямо над головой Хью с такой силой, что, не промахнись пращник, пробил бы ее наверняка. Хью Хойланд резко пригнулся, оттолкнулся ногами от пола и, пролетев несколько метров по коридору, выхватил нож.

Перевернувшись в воздухе у поворота, он встал на ноги. За поворотом коридор был пуст. Оба товарища догнали его.

– Ушел? – спросил Алан Махони.

– Ушел, – ответил Хойланд. – Я видел, как он нырнул в люк. Кажется, у него было четыре ноги.

– Четыре или две, нам все равно теперь не поймать мьюта, – сказал Морт Тайлер.

– Вот еще, ловить его! – воскликнул Махони. – На кой Хафф он нам сдался!

– А я был бы не прочь поймать его, чтобы потолковать кое о чем, – ответил Хойланд. – Клянусь Джорданом, возьми он на два дюйма ниже, быть бы мне в Конвертере.

– Перестаньте через каждые два слова богохульничать, укоризненно сказал Тайлер. – Слышал бы вас Капитан! – И он благоговейно приложил ладонь ко лбу, как и подобает при упоминании Капитана.

– Джордана ради, – резко ответил Хойланд, – не умничай, Морт. Тебя еще не произвели в ученые, а я вряд ли менее благочестив, чем ты, но не вижу греха в том, чтобы

иногда дать выход чувствам. Даже ученые так выражаются в сердцах, я сам слышал.

Тайлер открыл было рот, но промолчал.

– Слушай, Хью, – Махони дернул Хойланда за руку. – Давай уйдем отсюда. Мы так высоко никогда еще не забирались. Я хочу вернуться туда, где нормальная тяжесть.

Хойланд, сжимая рукоять ножа, жадно смотрел на люк, в котором скрылся противник.

– Ладно, малыш, – согласился он. – Впереди дорога долгая, пора возвращаться.

Он повернулся и пошел к люку, через который они выбрались на этот ярус. Вверх приходилось подниматься по крутым лестницам, но сейчас Хью просто оттолкнулся от крышки люка и начал плавно спускаться на палубу пятнадцатью футами ниже.

Тайлер и Махони последовали за ним. Так они продвигались вниз – через десятки люков и зловещих, слабо освещенных палуб. С каждым разом прыжок чуть-чуть ускорялся, и приземлялись они чуть-чуть тяжелее. В конце концов Махони не выдержал:

– Хью, хватит прыгать. Я ногу зашиб. Давай пойдем лестницами.

– Ладно, но так будет дольше. Кстати, далеко нам еще?

– Отсюда до фермы палуб семьдесят, – ответил Тайлер.

– А ты почем знаешь? – подозрительно спросил Махони.

– Знаю, потому что считал, балда ты этакая. – Ну да!

Считать умеют только ученые. Ты думаешь, если тебя учат читать и писать, так ты уже все знаешь?

Хойланд вмешался, прежде чем спор перерос в ссору:

– Заткнись, Алан. Может, он действительно умеет считать.

Морт на такие дела мастак. Да и, судя по тяжести, он прав. – А лезвия в моем ноже он посчитать не хочет? – не унимался Алан.

– Заткнись, тебе говорят. Ты что. Закона не знаешь? За пределами деревни дуэли запрещены.

Они продолжали свой путь в тишине, легко бежали по лестницам, пока возросшая сила тяжести не заставила перейти на шаг. Вскоре показался ярко освещенный ярус, где расстояние между палубами было раза в два больше, чем наверху. Воздух здесь был влажный и теплый.

– Наконец-то... – сказал Хью. – Однако я не вижу нашей фермы. Мы, наверное, вышли с другой стороны.

– А вон и какой-то фермер, – сказал Тайлер. Сунув мизинцы в рот, он свистнул, а потом крикнул: – Эй, приятель? Куда это мы попали?

Крестьянин, не спеша оглядел всех троих, потом объяснил, как найти Главную дорогу, ведущую к их деревне. Они прошли с полторы мили энергичным шагом по широкому, довольно оживленному тоннелю. Навстречу им попадались по большей части крестьяне, толкавшие перед собой груженые тележки. Потом они увидели, как в носилках, которые держали четверо здоровенных слуг, с достоинством покачивался ученый. Его оруженосец шествовал впереди, разгоняя с дороги простолюдинов... А вскоре вся тройка пришла в общинную своей деревни – просторное помещение в три палубы высотой. Здесь они разошлись. Хью направился в казармы кадетов – молодых холостяков, живущих отдельно от родителей.

Он умылся, потом отправился к дяде, Эдуарду Хойланду, у которого работал за еду. Когда Хью вошел, тетя взглянула на него, но ничего не сказала: женщине подобало хранить молчание.

– Привет, Хью, – сказал дядя. – Опять бродил по окрестностям?

– Доброй еды, дядя... Конечно, бродил...

Эдуард Хойланд, солидный здравомыслящий человек, снисходительно усмехнулся:

– Где были, что видел?

Тетя бесшумно выскользнула за дверь и вернулась с ужином для Хью, поставила перед ним тарелку, но ему даже и в голову не пришло поблагодарить за заботу. Он проглотил кусок прежде, чем ответить.

– Был наверху. Добрались почти до невесомости. А потом мьют чуть не разнес мне череп. Дядя хмыкнул:

– Свернешь себе шею в этих трущобах, парень. Ты бы лучше занимался хозяйством и ждал дня, когда я умру и оставлю его тебе.

На лице Хью появилось упрямое выражение.

– А вам разве не любопытно, дядя?

– Мне? Ну, когда я был молодым, тоже много шатался.

Прошел всю Главную дорогу, потом вернулся обратно в деревню...

И в Темном Секторе бывал, меня там мьюты разве что за пятки не хватали. Видишь шрам?

Хью видел этот шрам не в первый раз, а дядин рассказ уже наскучил ему до тошноты. Подумаешь, прошел однажды Главную дорогу! Сам-то Хью хотел побывать везде, все увидеть и все узнать. Взять хотя бы верхние ярусы. Если человеку не дано так высоко забираться, то с чего Джордану было их создавать?

Но мысли эти он держал при себе и продолжал есть. Эдуард Хойланд сменил тему:

– Мне надо повидать Свидетеля. Джон Блэк заявил, что я ему должен трех свиней. Хочешь пойти со мной?

– Да нет, пожалуй. Хотя да, пойду.

– Поспешай тогда.

По дороге они зашли в казарму, и Хью отпросился идти с дядей по делу.

Свидетель жил в маленьком вонючем помещении на краю общинной, где был легкодоступен всем, нуждающимся в его услугах. Он сидел на пороге, ковыряя ногтем в зубах. Его ученик, прыщавый близорукий подросток сидел на корточках за его спиной.

– Доброй еды, – сказал дядя.

– И тебе доброй еды, Эдуард Хойланд. Ты пришел по делу или просто составить старику компанию?

– И то и другое, – дипломатично ответил дядя, а затем изложил суть своего визита.

– Так в чем проблема? – сказал свидетель. – В контракте ведь ясно сказано:

Джон Блэк дал Эдуарду овес, Чтоб Эд свиней ему принес.

Как поросята подрастут, из них двух Джону отдадут.

Подросли поросята, Эдуард Хойланд? – Подросли, – ответил дядя. – Но Блэк требует трех, а не двух.

– Порекомендуй ему холодную примочку на голову. Свидетель свое слово сказал, – и старик жиденько рассмеялся.

Они немного посплетничали. Эдуард Хойланд как мог удовлетворял ненасытную жажду старика ко всякого рода подробностям. Хью хранил благопристойное молчание во время беседы старших. Но когда дядя наконец поднялся, он сказал:

– Я задержусь ненадолго.

– Как хочешь. Доброй еды. Свидетель.

– Доброй еды, Эдуард Хойланд.

Когда дядя отошел достаточно далеко, Хью сказал:

– Я принес вам подарок. Свидетель.

– Покажи.

Хью вынул кисет с табаком, который захватил, когда заходил в казарму. Свидетель принял его, не сказав ни слова, и бросил ученику, чтобы тот спрятал.

– Заходи, – сказал Свидетель и повернулся к ученику: – А ты принеси-ка кадету стул.

Хью начал рассказ, и старик тщательно выпытывал все касающееся его последних вылазок, ругая при этом Хью за неумение запомнить события до мельчайших подробностей.

– Ничего вы, молодые, не умеете. Даже этот паршивец, Свидетель ткнул пальцем в ученика. – Даже он ничего не умеет, хоть и способней тебя раз в десять. Поверишь ли, и тысячи строк в день запомнить не может, а ведь должен занять мое место, когда умру. Да когда я был учеником, мне тысячи строк едва хватало, чтобы заговорить себя и поскорее уснуть. Свистки вы все без горошины.

Хью не возражал, он ждал, пока старик выговорится.

– Ты хотел что-то спросить у меня, паренек?

– Вообще-то да. Свидетель.

– Ну так выкладывай. Язык, что ли, проглотил?

– Вы когда-нибудь поднимались в невесомость?

– Кто, я? Конечно нет. Я же учился на Свидетеля. Мне нужно было запомнить все, что написали Свидетели до меня, а на мальчишеские забавы у меня времени не было.

– Я думал, может, вы мне скажете, что там есть.

– А, ну это совсем другое дело. Нет, сам я туда никогда не забирался, но слышал рассказы многих людей, которые там побывали. Очень многих, тебе столько людей не увидеть и за всю жизнь. Я ведь старый. Я помню отца твоего отца и его отца тоже.

Что же именно ты хочешь знать?

– Что именно? – Как задать вопрос? Как выразить словами смутную боль в груди? И все-таки: – Какое в этом во всем предназначение. Свидетель? Зачем все эти ярусы над нами?

– Что? Джордан с тобой, сынок, я же Свидетель, а не ученый.

– Я думал, что вы, может быть, знаете... Извините...

– Но я действительно знаю. Строки из Книги Начала – вот что тебе нужно...

– Их я уже не раз слышал.

– Так послушай еще раз. Ответы на все вопросы есть в этих строках, если только у человека хватает мудрости увидеть их.

Внемли мне. Хотя нет, дадим возможность моему ученику показать себя. Эй ты! Прочти нам из «Начала», да с выражением. Ученик облизал губы и начал:

Вначале был Джордан в раздумье глубоком,
Вначале был Джордан во тьме одинокой,
Из тьмы и безлюдства родилось желание,
Желанье затем перешло в ожиданье.
Из ожиданья родился План -
Джордан решил, и час настал:
Из тьмы и мрака Он Корабль создал!
Миля за милей уютных жилищ
И для плодов золотых хранилищ.
Палубы, люки, свет и воздух -
Все для людей, еще не созданных.
Вот человека сотворил Он
И учредил для него Закон:
Создателя должен чтить человек,
Плану великому посвятить свой век.
Каждому Законом отведено место,
Каждому строго определен удел.
Человеку не дано знать цели,

Главное – чтобы он Создателю
Повиноваться умел.
Одним – говорить, другим – слушать.
Среди людей воцарился порядок.
Он создал Экипаж для черной работы
И ученых для соблюдения Плана.
Помазанник Джордана – Капитан -
Человеческим родом стал править сам.
Непорочен лишь Джордан, а люди грешны.

Зависть, жадность и гордость загрязнили умы.
Первым Хафф согрешил, будь он проклят навек!
От него эту скверну вкусил человек.
Разразился мятеж, и погиб Капитан.
Кровью мучеников…

Мальчик запнулся, и старик наотмашь ударил его по лицу.

– Начинай снова!

– С самого начала?

– Нет, с той строки, с которой сбился. Мальчик продолжал монотонно декламировать строфу за строфой, пространно рассказывая древнюю историю греха, мятежа и смутного времени.

Как мудрость в конце концов взяла верх и как тела вождей мятежа скормили Конвертеру. Как некоторым мятежникам удалось избежать Полета и положить начало племени мьютов. Как после молитв и жертвоприношений был избран новый Капитан.

Хью беспокойно заерзал, шаркая ногами по полу. Без сомнения, в Священных Строках были ответы на все его вопросы, на то они и священные, но у него, видно, ума не хватало найти их. Но почему? В чем же вообще смысл жизни? Неужели жить значит всего лишь есть, спать и в конце концов отправиться в дальний Полет? Разве Джордан не желал, чтобы его поняли? Откуда же тогда боль в груди? Этот голод, который нельзя утолить даже доброй едой?

Утром к дверям дядиного жилища подошел посыльный.

– Ученый хочет видеть Хью Хойланда, – Отчеканил он.

Хью понял, что его вызывает Лейтенант Нельсон – ученый, отвечающий за духовное и физическое состояние сектора Корабля, в котором располагалась родная деревня Хью. Он быстро собрался и заторопился вслед за посыльным.

– Кадет Хойланд прибыл, – доложил он.

Ученый оторвался от завтрака и сказал:

– А, да. Входи, мой мальчик. Садись. Ты ел?

Хью утвердительно кивнул головой, не отрывая глаз от диковинных фруктов, лежащих на тарелке. Нельсон проследил его взгляд.

– Попробуй эти финики. Новая мутация. Я приказал доставить их с дальней стороны. Ешь, пожалуйста. В твоем возрасте всегда можно съесть еще немножко.

Хью с гордостью принял приглашение. Делить трапезу с Ученым ему еще не приходилось. Лейтенант откинулся в кресле, вытер пальцы о рубашку, оправил бороду и приступил к делу:

– Последнее время я совсем, не видел тебя, сын мой.

Расскажи мне, чем ты занимаешься.

Не успел Хью ответить, как Ученый заговорил снова:

– Хочешь, я сам тебе скажу? Ты изучаешь верхние ярусы, мало беспокоясь о том, что это запретная зона. Так или нет?

Хью пытался что-то промямлить, но ученый снова перебил:

– Ну ничего, ничего. Я вовсе не сержусь. Но просто все это заставило меня подумать, что тебе пора выбрать свое место в жизни. Есть ли у тебя какие-либо планы на будущее?

– Сказать по правде, определенных планов нет, сэр.

– А что у тебя с этой девушкой, Идрис Бакстер?

Собираешься жениться?

– Не знаю, сэр. Я бы не прочь, да и отец ее тоже, насколько мне известно. Вот только…

– Что «только»?

– Он хочет, чтобы я пошел к нему на ферму в ученики.

Предложение, конечно, неплохое. Его ферма да дядин надел – это хорошее хозяйство.

– Но ты не уверен, что тебе именно этим хочется заниматься…

– Сказать по правде, не знаю.

– Правильно. Ты не для этого создан. У меня относительно тебя другие планы. Скажи, ты никогда не задумывался, почему я тебя научил читать и писать? Ага, задумывался? Но держал свои мысли при себе? Вот и молодец. А теперь слушай меня внимательно. Я наблюдал за тобой со дня твоего рождения.

Воображение твое развито намного лучше, чем у других простолюдинов. В тебе больше, чем в них, любопытства, больше энергии. Ты прирожденный лидер и уже ребенком выделялся среди других детей. Когда ты родился, твоя слишком большая голова сразу вызвала пересуды. Некоторые даже предлагали закончить дело Конвертером. Но я не согласился. Мне было очень интересно, что из тебя получится. Жизнь крестьянина не для тебя. Твой удел быть ученым.

Лейтенант смолк и внимательно посмотрел на растерянного, потерявшего дар речи Хью. Потом заговорил снова:

– Именно так дела и обстоят. Человека твоего склада следует сделать либо одним из правителей, либо отправить в Конвертер.

– Если я правильно вас понял, сэр, то у меня и выбора нет?

– Откровенно – да. Оставлять мыслящих людей в рядах Экипажа – значит сеять ересь. Это недопустимо. Однажды так случилось, и род человеческий чуть было не погиб. Ты выделился из общей массы

своими дарованиями. Теперь твое мышление следует направить на путь истинный, открыть секреты чудес, дабы ты стал охранителем устоев, а не источником смуты и беспокойства.

Вошел посыльный, нагруженный узлами, и сложил их в углу.

– Да это же мои пожитки! – воскликнул Хью.

– Совершенно верно, – подтвердил Нельсон. – Я за ними послал. Теперь ты будешь жить здесь, заниматься под моим наблюдением, если, конечно, у тебя на уме нет чего-либо другого.

– О нет, сэр, что вы! Должен сознаться, я просто немного растерян. Скажите, я теперь… Ну, то есть вы против моей женитьбы?

– А, вот ты о чем… – безразлично ответил Нельсон. – Если хочешь, просто возьми девку себе. Отец теперь возражать не посмеет. Но позволь предупредить, тебе будет не до нее.

Хью пожирал одну за другой древние книги, которые давал ему наставник, забыл даже о Идрис Бакстер и своих дальних экспедициях. Часто ему казалось, что он напал на след какой-то тайны, но каждый раз оказывался в тупике и чувствовал себя еще больше запутавшимся, чем раньше. Постичь премудрости науки и тайны ученых было более трудным делом, чем он предполагал.

Однажды, когда он ломал голову в размышлениях о непостижимо странных и непонятных характерах предков и пытался разобраться в их запутанной риторике и непривычной терминологии, в его комнатушку вошел Нельсон и отцовским жестом положил руку на плечо.

– Как идет учеба, мальчик?

– Да, пожалуй, нормально, сэр, – ответил Хью, отложив книгу в сторону. – Но кое-что я не совсем понимаю. А сказать по правде, не понимаю совсем.

– Чего и следует ожидать, – невозмутимо ответил Нельсон. – Я умышленно оставил тебя наедине с мудростью, чтобы ты увидел ловушки, расставленные для природного ума, не вооруженного знанием. Многое из того, что ты прочел, не понять без разъяснений и толкований. Чем ты сейчас занят? – Он взял книгу и посмотрел на обложку: – «Основы современной физики».

Это одно из самых ценных древних писаний, но непосвященному не разобраться в нем без помощи. Прежде всего ты должен понять, мой мальчик, что наши предки при всем их духовном совершенстве придерживались иных взглядов на мир, чем мы. В отличие от нас, рационалистов до мозга костей, они были неисправимыми романтиками, и те незыблемые истины, которые оставлены нам в наследство, часто излагались у них аллегорическим языком.

Возьми, например. Закон Всемирного Тяготения. Дошел ты уже до него?

– Да, я читал о Нем. – Понял ли ты его? Мне кажется, что нет.

– Я не увидел в нем никакого смысла, – робко сказал Хью. – Прошу прощения, сэр, но все это показалось мне какой-то белибердой.

– Вот блестящий пример того, о чем я тебе говорил. Ты воспринял этот Закон буквально, «Два тела притягивают друг друга пропорционально квадрату расстояния между ними». Казалось бы, эта формула звучит как правило, констатирующее элементарное состояние физических тел. Но нет! Ничего подобного! Перед нами не что иное, как древнее поэтическое изложение закона близости, лежащего в основе чувства любви. Тела, о которых идет речь, – это человеческие тела. Масса – это их способность к любви. У молодых потенциал любви намного выше, чем у стариков; если их свести вместе, они влюбятся друг в друга, но, если разлучить, чувство любви быстро проходит. Все очень просто. А ты пытался найти какой-то скрытый глубокий смысл там, где его нет.

Хью усмехнулся:

– Такая трактовка мне и в голову не приходила...

– Если тебе что-либо неясно, спрашивай.

– У меня много вопросов, так сразу я даже с ними и не соберусь. Но вот что я хотел бы знать, отец мой. Можно ли считать мьютов людьми?

– Так... Вижу, ты наслушался праздной болтовни... И, да и нет. Верно то, что мьюты когда-то произошли от людей, но они ведь давно уже не относятся к Экипажу, ведь они согрешили и нарушили Закон Джордана. О, это очень сложный вопрос, – продолжал учитель, увлекшись. – Здесь можно спорить и спорить. Дискутируется даже этимология слова «мьют». Некоторые ученые считают, что было бы более правильным называть эти существа «мяты», поскольку и это, безусловно, верно – начало их роду было положено избежавшими Конвертера мятежниками. Но, верно, также и то, что в их жилах течет кровь многочисленных мутантов, расплодившихся в Темные века. Отсюда и «мьют» «мутант». В те давнишние времена, как ты сам понимаешь, не существовало еще нашего мудрого обычая – осматривать каждого новорожденного и отправлять в Конвертер тех, кто отмечен печатью греха, а значит, родился мутантом. Хью обдумывал услышанное, потом спросил: – А почему же среди нас, людей, все еще появляются мутанты?

– Это как раз легко понять. Семя греха все еще живет в нас и временами воплощается в людей. Уничтожая этих паршивых овец, мы оберегаем стадо и тем самым приближаемся к осуществлению великого Плана Джордана – завершению Полета в нашем доме небесном. Далеком Центавре.

Хойланд напряженно свел брови:

– Это мне тоже не совсем ясно. Многие из древних писаний говорят о Полете как о действительном процессе движения куда-то. Как если бы сам Корабль был бы какой-то тележкой, которая может двигаться из одной деревни в другую. Как это понять? Нельсон хмыкнул:

– Как понять? Вот уж действительно вопрос. Как может двигаться то, внутри чего движется все остальное? Ответ ясен.

Ты опять спутал древнюю аллегорию с реальностью. Само собой разумеется, что Корабль неподвижен. Корабль – это Вселенная.

Но, конечно, она движется в духовном смысле слова. С каждым нашим праведным поступком мы продвигаемся все ближе и ближе к божественному предначертанию Плана Джордана.

– Я, кажется, понимаю, – кивнул Хью.

– Видишь ли, Джордан мог создать Вселенную и не в виде Корабля. Он мог придать ей любую форму. На заре человечества, когда наши предки были более поэтичными, чем мы, святые соперничали друг с другом, строя гипотезы о возможных мирах, которые мог бы создать Джордан, будь на то его воля.

Существовала даже школа, разработавшая целую мифологию о перевернутом вверх дном мире, состоящем из бесчисленного множества пустых пространств, в которых только кое-где мерцали огоньки и жили бестелые мифологические чудовища. Они называли этот вымышленный мир «небом», или «небесным миром», видимо, по контрасту с реальной действительностью Корабля. Я думаю, что все это делалось к вящей слав Джордана. И кому дано судить, по нраву Ему были эти мечты или нет? Но в наш просвещенный век на нас возложена более серьезная работа, чем на наших предков. Астрономия Хью не интересовала. Даже его нетренированному уму было ясно, насколько она нереальна и не от мира сего. Он же был занят вопросами более практическими.

– Если мьюты – плод греха, то почему же мы не предпримем попыток уничтожить их? Разве такое деяние не ускорит выполнение Плана?

После короткой паузы ученый ответил:

– Ты задал прямой вопрос и заслуживаешь прямого ответа.

Подумай сам: ведь в Корабле достаточно места только для определенного числа членов Экипажа. Если мы начнем размножаться безо всяких ограничений, то наступит время, когда доброй еды на всех не хватит. Так не будет ли лучше, если некоторые погибнут в стычках с мьютами, чем допустить ситуацию, при которой нас станет так много, что мы будем вынуждены убивать друг друга из-за еды? Видишь, в Плане Джордана даже мьютам отведено место.

Аргументация казалась убедительной, но все же не до конца.

Во всяком случае для Хью.

Но когда его как младшего ученого допустили к практической деятельности по управлению жизнью Корабля, он обнаружил, что существуют и другие теории. Согласно установленному обычаю, он некоторое время обслуживал Конвертер. Работа была необременительная. В основном приходилось принимать отходы, доставляемые носильщиками изо всех деревень, да вести учет поступлениям. Но, работая там, он познакомился с Биллом Эртцем, Заместителем Главного Инженера, который был совсем ненамного его старше.

Хью обсуждал с ним теории, усвоенные из бесед с Нельсоном, но реакция Эртца просто потрясла его.

– Заруби себе на носу, малыш, – сказал ему Эртц, – что наша работа – это практическое дело для практически мыслящих людей. Забудь всю ту романтическую чепуховину. План Джордана, тоже мне! Все эти россказни только и годятся для того, чтобы держать крестьян в повиновении, но ты-то на это не клюй.

Никакого Плана и в помине нет, кроме, конечно, наших собственных планов. Кораблю нужны свет, тепло и энергия, которыми ведаем мы, ученые. Экипажу без них не прожить, что касается этой мягкотелой терпимости по отношению к мьютам, то, помяни мое слово, скоро кое-что изменится. Держи язык за зубами, а сам будь поближе к нам.

Из этого разговора Хью понял, что ему следует примкнуть к группировке молодых ученых. Молодые создали свою собственную крепко спаянную организацию, состоящую из практически мыслящих, работающих людей, которые были намерены улучшить условия жизни во всем Корабле. Они были крепко спаяны потому, что каждый молодой кандидат в ученые, не оказавшийся способным воспринимать их взгляды, либо вскоре оказывался снова среди крестьян, либо, что случалось еще чаще, был обвинен в серьезном служебном проступке и оказывался в Конвертере.

И Хойланд начал понимать, что молодые ученые были правы.

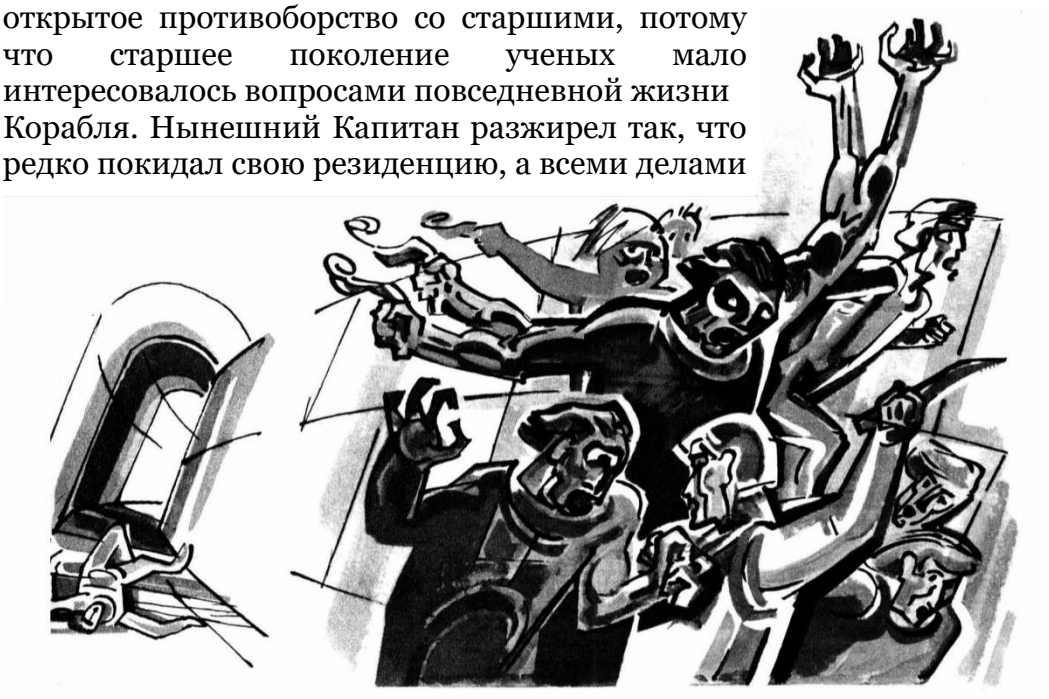
Они были реалисты. Корабль есть Корабль. Факт, не требующий толкования. А что касается Джордана, то кто Его видел? Кто с Ним хоть раз беседовал? И в чем это заключается Его малопонятный План? Смысл жизни в том, чтобы жить. Человек рождается, живет и уходит в Конвертер... Все очень просто, безо всяких мистерий, божественных Полетов и Центавров. Все эти мифы и сказки не что иное, как пережитки детства рода человеческого, тех времен, когда человек еще не умел разобраться в реальности бытия и не обладал достаточной смелостью, чтобы смотреть правде в глаза и объективно ее воспринимать.

Хью перестал забивать себе голову астрономией, мистической физикой и прочее мифологией, которую ранее привык почитать.

Священные строки из Книги Начала и все эти старые сказки о Земле – это еще что за хаффовщина, «Земля» какая-то? – теперь только забавляли его. Он знал, что верить в них могут лишь дети да тупицы.

Дай работы у него теперь было по горло. Молодые вынашивали свои проекты, среди которых первое место занимало планомерное истребление мутантов. Они и сами толком не представляли себе, чем займутся после этого, но рассчитывали полностью использовать все ресурсы Корабля, включая и верхние ярусы.

Молодежи удавалось проводить свои планы в жизнь, не вступая в открытое противоборство со старшими, потому что старшее поколение ученых мало интересовалось вопросами повседневной жизни Корабля. Нынешний Капитан разжирел так, что редко покидал свою резиденцию, а всеми делами



от имени Капитана вершил его Старпом, член группы молодых. Главного Инженера Хью за все это время видел всего один раз, дай то на религиозной церемонии сдачи вахты у Конвертера.

Проект истребления мьютов требовал систематических рекогносцировок верхних ярусов. В одной из таких вылазок Хью и попал в засаду.

Этот мьют стрелял из пращи лучше, чем первый. Спутники Хойланда сочли его мертвым и оставили на поле боя, отступив под давлением превосходящих сил противника.

Джо – Джим Грегори играл сам с собой в шашки. Раньше он играл сам с собой в карты, но Джо -правая голова заподозрил, что Джим-левая голова – передергивает. Они поссорились, но потом помирились, поскольку давно уже поняли, что двум головам на одной паре плеч просто необходимо уметь находить компромиссы.

Шашки были куда как лучше. Обе головы видели доску, и почвы для конфликта не возникало.

Игру прервал громкий стук в дверь. Джо-Джим обнажил метательный нож и согнул руку для броска.

– Входи! – рявкнул Джим.

Дверь открылась, и стучавший вошел спиной – все знали, что к Джо-Джиму входить можно было только так, чтобы сразу не угостили ножом.

Вошедший был приземист – не выше четырех футов – и коренаст. В нем чувствовалась гигантская физическая сила. На широких его плечах лежало обмякшее человеческое тело. Джо -Джим убрал нож.

– Положи его на пол, Бобо, – приказал Джим.

– И закрой за собой дверь, – добавил Джо.

– Съедим, а? – На полуоткрытых губах Бобо выступила слюна.

– Может быть, и съедим, – неуверенно ответил Джим. – Это ты его подбил?

Бобо кивнул маленькой головой.

– Хорошо, Бобо, – одобрительно сказал Джо. – Куда попал.

– Бобо попал ему сюда, – карлик ткнул толстым пальцем чуть ниже грудной клетки пленника.

– Метко, – одобрил Джим. – Мы, пожалуй, и ножом бы лучше не попали.

– Бобо меткий, – охотно согласился карлик. – Показать? И он достал пращу.

– Уймись, – беззлобно сказал Джо. – Нам показывать не надо. А вот его хорошо бы заставить говорить.

– Бобо сделает, – согласился коротышка и по простоте душевной попытался ткнуть лежащего без сознания человека ножом под ребра.

Джо – Джим отогнал его пинком и сам занялся телом, применяя методы хотя и болезненные, но значительно менее радикальные, чем методы Бобо. Юноша открыл глаза.

– Съедим, а? – стоял на своем Бобо.

– Нет, – ответил Джо.

– Ты когда ел в последний раз? – осведомился Джим.

Бобо потер живот и печально затряс головой, всем своим видом показывая, что это было, увы, давно. Джо-Джим открыл шкаф и вынул оттуда кусок мяса, Джим понюхал его, Джо брезгливо отвернулся. Джо-Джим бросил кусок Бобо, который, радостно подпрыгнув, поймал его на лету.

– А теперь убирайся, – приказал Джим.

Бобо засеменил к выходу и закрыл за собой дверь.

Джо– Джим повернулся к пленнику и пнул его ногой.

– Говори, – сказал Джим, – кто ты, Хафф тебя дери?

Юноша вздрогнул, медленно провел рукой по голове, потом, увидев вдруг Джо-Джима, попытался рывком вскочить, но непривычно малая сила тяжести нарушала координацию движений.

Поднявшись, однако, на ноги, он потянулся к ножнам. Ножа на поясе не было. Зато Джо-Джим обнажил свой.

– Веди себя хорошо, и тебя не обидят. Твое имя? спросил Джо.

Юноша облизал запекшиеся губы и обвел глазами комнату.

– А что с ним возиться? – сказал Джим. – На мясо только и годится. Давай лучше позовем Бобо.

– С этим всегда успеется, – ответил Джо. – Я хочу с ним потолковать. Как тебя зовут? Пленник снова посмотрел на нож и пробормотал:

– Хью Хойланд.

– Это нам ничего не говорит, – заметил Джим, – Чем ты занимаешься? Из какой ты деревни? И что делал в стране мьютов?

На эти вопросы Хойланд не отвечал, даже когда его кольнули ножом под ребро.

– Хафф с ним, – буркнул Джо. – Он, видно, всего лишь глупый крестьянин. Плюнь на него.

– Так что, прикончим?

– Не сейчас. Пока просто запрем.

Джо– Джим открыл дверь маленькой каморки, впихнул в нее Хью и, заперев, вернулся к игре.

Хью растянулся на полу и погрузился в невеселые и бесплодные раздумья, благо времени у него оказалось более чем достаточно. Сколько он пробыл взаперти, Хью уже не мог понять.

Он много раз засыпал и просыпался, терзаемый голодом и жаждой.

Когда Джо-Джим снова почувствовал интерес к пленнику и открыл дверь, Хью валялся в углу в полуобмороке. Джо-Джим выволок его наружу.

Встряска немного оживила Хью. Он сел и огляделся по сторонам.

– Будешь говорить? – поинтересовался Джим. Хойланд открыл рот, но не мог вымолвить ни звука.

– Он так обезвожен, что у него язык к гортани прилип, – сказал Джо своему близнецу. Потом он повернулся к Хью: – Если мы тебе дадим воды, будешь говорить?

Хойланд обалдело посмотрел на него и изо всех оставшихся сил закивал головой.

Джо– Джим протянул ему кружку с водой. Хью жадно припал к ней.

– Хватит с тебя, – вырвал наконец кружку из его рук Джо-Джим. – Говори!

Хью начал и выложил все до мельчайших подробностей.

Он ожидал, что его образование и ранг ученого произведут впечатление на Джо-Джима. Но ожидания эти не оправдались.

Близнецы были прирожденными скептиками и спорщиками. Особенно Джим. Они быстро выкачали из Хью все, что могли и махнули на него рукой. Хойланд чувствовал себя уязвленным. Разве он не ученый, в конце концов? Разве он не умеет читать и писать?

– Заткнись, ты! – сказал ему Джим. – Чтение – дело плевое. Я умел читать, когда твой отец еще не родился. Думаешь, ты у нас первый ученый пленник? Вот еще невидаль – ученые!

Шайка невежд!

Пытаясь завоевать уважение к своему интеллектуальному «эго», Хью начал излагать теории молодых ученых, отметающие все религиозный интерпретации и воспринимающие Корабль как он есть.

Он ожидал, что Джо-Джиму такой подход будет по душе, но близнецы лишь еще больше стали издеваться над ним. – Вот уж действительно, – фыркнул Джим, закашлявшись от смеха, – вы, молодые идиоты, еще хуже старых.

– Но ты же сам говорил, – обиженно ответил Хью, – что все наши религиозные догмы просто чепуха. Мои друзья именно из этого и исходят. Они хотят положить конец всей этой устаревшей ерунде. Джо начал было отвечать, но Джим перебил его:

– Что ты с ним возишься, Джо? Он же безнадежен. – Нет, он вовсе не безнадежен. Мне нравится с ним спорить. Впервые нам попался человек хоть с какими-то проблесками ума. Просто интересно посмотреть, голова у него на плечах или держалка для ушей.

– Ладно, спорь с ним, – согласился Джим. – Может, он и поймет, что к чему. Но только, пожалуйста, потише. Я пока сосну.

Левая голова закрыла глаза и захрапела. Джо и Хью продолжали вполголоса беседовать.

– Все вы дурни, и старые, и молодые, – говорил Джо, – но каждый на свой лад. То, что молодые не могут понять, они просто отрицают. Не существует, мол, этого, и все дела. А старцы – те, наоборот. Они не отрицают непонятное, они просто подгоняют его под свои догмы, а потом уверяют и себя и вас, что все правильно поняли и что именно так дела и отстоят. Но никто из вас никогда и не пытался просто поверить прочитанному и воспринять все как есть в действительности. Как же, вы ведь слишком умны, чтобы упрощать! Если вы чего не поняли, значит, следует искать совсем противоположный смысл!

– Что ты имеешь в виду? – спросил Хью подозрительно.

– Что я имею в виду? Возьми хотя бы этот пресловутый Полет. Как ты его себе представляешь?

– Никак. Полет, по-моему, вообще ничего не означает. Так, басня для крестьян. – Хорошо, пусть будет басня. Но в чем она заключается?

– Полет – это место, куда человек попадает, когда умрет, или даже то, что он делает после смерти. Человек умирает и отправляется в Полет на Центавр.

– А что такое Центавр?

– Центавр, – это... Но учти, что я тебе просто излагаю ортодоксальные доктрины. Сам-то я в них давно не верю. Так, значит. Центавр-это то место, куда человек попадает в конце Полета после смерти, место, где все всегда счастливы и где много доброй еды.

Джо фыркнул. Джим перестал храпеть, открыл один глаз, потом закрыл его и опять заснул.

– Именно это я и имел в виду, – продолжал шепотом Джо. – Не хочешь ты шевелить мозгами. Неужели тебе никогда не приходило в голову, что Полет и есть именно полет, а не что-либо другое? И что старые книги следует понимать буквально: как в них и написано. Корабль вместе со своим Экипажем просто летит куда-то, передвигается в пространстве.

Хойланд обдумал слова Джо.

– Ты просто смеешься надо мной. То, что ты говоришь, никак невозможно физически. Как же Корабль может передвигаться в пространстве, когда он сам и есть пространство? Мы можем передвигаться внутри Корабля, но, говоря о Полете, мы, конечно же, вкладываем в это слово чисто духовное содержание. Джо призвал на помощь имя Джордана.

– Послушай, – сказал он, – вбей, наконец, в свою тупую башку такую мысль. Представь себе пространство, намного большее, чем наш Корабль. И что Корабль движется в Нем. Хью честно попытался вообразить себе такую картину. Потом покачал головой.

– Бессмыслица, – сказал он. – Как же может существовать нечто большее Корабля? Корабль – это и есть Вселенная.

– Хафф тебя побери! Вне Корабля, поймешь ты наконец или нет? Вообрази себе пространство вне Корабля. Иди мысленно вниз до самого последнего яруса, а потом представь, что ты прошел сквозь него.

– Но ведь дальше нижнего яруса некуда идти. Поэтому он и есть нижний.

– Представь себе, что ты взял нож и начал сверлить дыру в полу нижнего яруса. Что получится?

– Что? Сломаю нож, вот и все. Пол же очень твердый.

– Вообрази, что пол мягкий. Вообрази, что ты проковырял дыру. Что ты обнаружишь? Подумай!

Хью закрыл глаза и попытался представить, как он сверлит дыру в полу нижнего яруса. Смутно, очень смутно в сознании его забрезжила картина, переворачивающая всю душу, все привычные представления. Он вышел в сделанную им дыру и падает, падает, падает в нее, в бесконечную пустоту.

– Нет, нет, я не верю, – выдохнул он. – Это ужасно!

Джо– Джим встал.

– Я тебя заставлю поверить, – хмуро сказал он. – Заставлю, если даже придется свернуть тебе для этого шею. – Он подошел к двери и крикнул: – Бобо, эй, Бобо!

Джим дернулся и открыл глаза.

– Что происходит? Что случилось?

– Мы сейчас отведем Хью в невесомость.

– Это еще зачем?

– Вбить в его глупую голову немного ума.

– В следующий раз.

– Нет, сейчас.

– Хафф с тобой, ладно. Да не трясись ты, я уже все равно проснулся.

Умственные способности Джо-Джима Грегори были так же уникальны, как и его физический облик. Он был бы выдающейся личностью при других обстоятельствах, и неудивительно, что держал себя хозяином и заставлял мутантов служить себе.

Испытывай он жажду власти, ему ничего не стоило бы сплотить мутантов и покорить Экипаж Корабля. Но властолюбием Джо-Джим не страдал. Он был прирожденным интеллектуалом, наблюдателем, стоящим в стороне. Его стремление к действию ограничивалось созданием уютной и удобной обстановки, способствующей размышлениям.

Родись он двумя обычными близнецами среди Экипажа, их наверняка ожидал бы сан ученых. Сейчас же Джо-Джим мучился, отсутствием достойного партнера для интеллектуальных упражнений и утешался, как мог, чтением книг, наворованных его служками, три поколения которых он уже пережил.

Прочитанное всегда живо обсуждалось обеими половинами его двойной личности. В итоге Джо и Джим выработали весьма разумную и связную концепцию физической природы мира и его исторического развития. Понятие художественной литературы было, пожалуй, единственным, чего они не смогли усвоить, романы, которыми когда-то была снабжена библиотека Фонда Джордана, они воспринимали за такую же достоверную информацию, как справочник и научную литературу. На этой почве они серьезно расходились во взглядах. Джим считал величайшим в истории человеком Алана Квотермейна. Джо придерживался того же мнения о Джоне Генри.

Оба страстно любили поэзию, Киплинга они читали на память целыми страницами. Почти наравне с Киплингом оба чтили Райлинга, «слепого певца космических дорог».

Вошел Бобо. Джо-Джим показал на Хью.

– Он сейчас выйдет отсюда, – сказал Джо. Бобо радостно захлопал себя по животу.

– Вот ведь обжора, – Джо двинул его кулаком в бок. – Нет, ты его не трогай. Ты и он – кровные братья. Понял?

– Нельзя есть? – Нельзя. Ты будешь драться за него, он за тебя.

– Хорошо. – Карлик пожал плечами, покоряясь неизбежному. – Кровные братья. Бобо знает.

– Тогда пошли. Туда, где все летает. Ты иди вперед.

Они лезли вверх гуськом, один за другим. Карлик шел первым и внимательно осматривал дорогу. За ним следовал Хойланд.

Джо– Джим замыкал шествие. Джо смотрел вперед, Джим через плечо назад.

С каждой пройденной палубой вес все уменьшался. И вот они достигли яруса, выше которого дороги не было – потолок был глухой, без люка. Силы тяжести здесь почти не чувствовалось.

Хью особой радости от экспедиции не испытывал – с непривычки его начало мутить. Зато Бобо заметно наслаждался парением в невесомости. Он передвигался в воздухе подобно большой неуклюжей рыбе, хватаясь за вделанные в стены поручни.

Так же хватаясь за поручни, расположенные в определенном порядке, Джо-Джим продвигался вперед, как паук по паутине. Хью пытался подражать им. Постепенно он приноровился отталкиваться, пролетать значительное расстояние, отталкиваться снова.

Остановились они, когда путь им преградила стена. Джо-Джим двинулся по стене направо, ощупывая ее рукой. Наконец он нашел то, что искал, – дверь высотой в человеческий рост, запертую так плотно, что и обнаружить ее можно было только по сложному геометрическому узору на поверхности. Джо-Джим посмотрел на дверь и почесал свою правую голову. Потом правая и левая головы тихонько о чем-то пошептались. Джо-Джим нерешительно поднял руку.

– Нет, нет, – сказал Джим. Джо-Джим снова посмотрел на дверь.

– Как так? – спросил Джо.

Они снова начали шептаться. Наконец Джо кивнул, и Джо-Джим опять поднял руку. Он обводил пальцами контуры рисунка на двери, не прикасаясь, однако, к нему. Потом уперся ладонью в стену, оттолкнулся от двери и замер в ожидании. Через секунду раздался еле слышный свист проходящего через щель воздуха.

Дверь вздрогнула, приоткрылась дюймов на шесть и остановилась.

Джо– Джим был заметно обескуражен. Он осторожно всунул пальцы в образовавшуюся щель и потянул дверь за край. Дверь не двигалась с места.

– Бобо, открой ее! крикнул Джо. Сморщив лоб, Бобо оглядел щель. Потом уперся ногами в стену, вцепился в дверь руками, поднатужился и потянул. По лицу его катился пот, спина напряглась, на шее выступили жилы. Хью услышал, как у карлика затрещали суставы. Было похоже, что он сейчас лопнет от натуги, потому что отказаться от этой невозможной затеи у него не хватит ума.

Но дверь неожиданно скрипнула и подалась, вырвавшись из крепко сжатых пальцев Бобо. Ноги карлика, упертые в стену, пружиной швырнули его в сторону, и он растопырил руки, пытаясь схватиться за поручень в полете. Через секунду Бобо вернулся обратно, потирая сведенную от напряжения икру. Джо-Джим первым вошел в проход. Хью за ним.

– Где мы находимся? – потребовал объяснений Хью, любопытство которого разгорелось настолько, что даже заставило забыть о подобающих случаю манерах.

– В Главной рубке, – ответил Джо.

Главная рубка! Священнейшее и запретнейшее помещение Корабля, само расположение которого забылось и стало тайной!

Для старых Ученых она была либо слепым догматом веры, либо предметом мистических толкований, а молодые Ученые вообще перестали верить в ее существование.

Хотя Хью и считал себя человеком просвещенным, одни эти слова привели его в благоговейный трепет. Главная рубка! Да ведь здесь же, говорят, обитает дух самого Джордана!

– Что стоишь столбом? Пошли! – оглянулась голова Джо.

– Но ведь дух Джордана…

– Вот те на! – воскликнул Джо раздраженно. – Ты же говорил, что вы, молодые, в Джордана больше не верите.

– Конечно, но ведь…

– Прекрати. Иди вперед, а не то прикажу Бобо тащить тебя.

Хью неохотно последовал за Джо-Джимом. Они прошли коридор, достаточно широкий, чтобы в нем могли разминуться два человека, и очутились в арке, ведущей непосредственно в Главную рубку.

Любопытство перебороло страх, и Хью выглянул из-за плеч Джо-Джима. Глазам его открылось просторное, футов двести длиной, хорошо освещенное помещение сферической формы внутреннее пространство огромного шара. Поверхность этого шара светилась тусклым матовым серебром. В геометрическом центре сферы Хью обнаружил скопление приборов футов пятнадцати в поперечнике. Увиденное ничего не говорило его неопытному глазу, он бы и описать его не смог. Просто приборы висели неподвижно без какой бы то ни было опоры.

От арки, в которой они стояли, шел только один путь тоннель из металлической решетки.

Джо– Джим приказал Бобо оставаться на месте, а сам полез в тоннель. Он лез по решеткам, как по лестнице. Хью последовал за ним внутрь непонятного сооружения. Постепенно из общей массы оборудования пульта управления стали видны отдельные детали, но Хью они все равно ничего не говорили. Он отвернулся и принялся рассматривать поверхность шара, окружавшего их.

Это было ошибкой. Белая матовая поверхность не давала чувства перспективы. Может быть, она отстояла от него всего на сотню футов, а может быть, на всю сотню миль. Хью никогда не видел ни высоты,

большей чем расстояние между двумя палубами, ни открытого пространства, большего, чем общинная его деревни.

Его охватил ужас, усугублявший тем, что причин этого чувства он не мог понять. Дух давно забытых лесных предков пробудился в нем, и первобытный страх свел судорогой живот. Хью вцепился в Джо-Джима.

Джо– Джим резко ударил его по лицу.

– Ты что это?! – рявкнул Джим.

– Я не знаю, что со мной, – выдавил наконец Хью. – Не знаю, но мне здесь не по себе. Давайте уйдем отсюда.

Джим посмотрел на Джо и сказал брезгливо:

– Можем и уйти. Попусту только время тратим на эту мокрицу, все равно он ничего не поймет.

– Прекрасно поймет, – ответил Джо. – Лезь в кресло, Хью, вот сюда.

Пока братья спорили, Хью внимательно осмотрел тоннель, которым они достигли пульта управления, проследив взглядом весь путь, проделанный ими от арки. Сфера неожиданно сфокусировалась в его глазах, и страх исчез. Все еще дрожа, он повиновался приказу Джо.

Кресла пульта были установлены так, чтобы все приборы и панели находились в пределах досягаемости космонавтов, но Хью, разумеется, не имел об этом ни малейшего представления. Он откинулся в кресле, радуясь, что устроился наконец прочно и надежно.

На панели перед креслом Джо-Джима происходило что-то таинственное. Внезапно зажглись красные буквы: «Второй навигатор пост принял». Что такое «второй навигатор»?

Вдруг Хью увидел на панели перед его креслом те же слова и понял, что это человек, который должен сидеть здесь. Но что же означает «второй навигатор»? Буквы на приборной доске перед Джо-Джимом погасли. В левом углу светилась лишь большая красная точка.

– Приготовься, – сказал Джо. – Сейчас погаснет свет.

– Нет, не надо, не выключай, – запротестовал Хью.

– А я и не собираюсь. Ты сам выключишь. Посмотри слева от себя. Видишь маленькие белые огоньки?

Хью повернулся и увидел на левом подлокотнике восемь маленьких огоньков, расположенных двумя группами по четыре одна над другой.

– Каждый контролирует освещение одного квадранта, – объяснил Джо. – Прикрой их рукой, и свет погаснет.

Неохотно, но, уже не в силах подавить растущее любопытство, Хью повиновался. Матовые стены потемнели, а потом их свечение угасло совсем. В кромешной тьме мерцали лишь огоньки приборной доски. Хью била нервная дрожь. Он убрал руку, восемь маленьких огоньков горели теперь голубым светом.

– Сейчас я покажу тебе звезды, – сказал Джо. В темноте рука Джо-Джима легла на другой узор из восьми огоньков. Мироздание..

Со стен стеллариума на Хью смотрели отражения звезд, со скрупулезной достоверностью воспроизведенные зеркалами телескопов; звезд, испускающих ровный безмятежный свет.

Бриллианты, с небрежной щедростью рассыпанные по искусственному небу, – бесчисленные светила лежали перед ним, над ним, окружали его со всех сторон. Один посреди звездной вселенной!

– О-о-о? – невольно выдохнул Хью и вцепился в ручку кресла, чуть не обломав ногти, но даже не заметил боли. Страха больше не испытывал. Только одно чувство владело им. Грубые будни Корабля не убили в нем стремления к прекрасному, и сейчас он впервые в жизни переживал невыносимо сладостную муку встречи с ним. Прекрасное ошеломило его и вызвало боль.

Только окончательно придя в себя, Хью заметил сардоническую усмешку и услышал едкое покашливание Джо.

– Хватит или еще? – осведомился Джо. Не дожидаясь ответа, Джо-Джим включил освещение дублирующим устройством, расположенным в левом подлокотнике его кресла.

Хью вздохнул. У него болела грудь и бешено билось сердце.

Он вдруг понял, что за все это время он не перевел дыхания.

– Ну, умник, – сказал Джим, – убедился?

Хью снова вздохнул, сам не зная почему. Когда зажегся свет, ему опять стало хорошо и уютно, но он никак не мог избавиться от ощущения невосполнимой потери. Сердцем он чувствовал, увидев однажды звезды, он никогда уже не будет счастлив, как прежде. Тупая боль в груди, смутная, неосознанная тоска по утраченному никогда уже не оставят его, хотя в невежестве своем Хью еще не мог осознать этого.

– Что это было? – тихо спросил он.

– Оно самое, – ответил Джо. – Мир, Вселенная. Именно то, о чем я тебе говорил.

Хью отчаянно пытался понять, что имел в виду Джо.

– Это и есть мир вне Корабля – красивые маленькие огоньки?

– Совершенно, верно, только они не маленькие. Они просто очень далеко от нас, за десятки тысяч миль, а может быть, и больше.

– Что?!

– То, что ты слышал, – усмехнулся Джо. – Космос огромен. А некоторые из этих звезд размером с Корабль, если не больше.

– Больше Корабля? – выдохнул Хью.

– Без толку все это, – нетерпеливо сказал Джим. – Только время зря на него, остолопа, теряем.

– Полегче, братец, полегче, – возразил Джо. – Не надо заставлять малыша бегать, прежде чем он научится ползать. Мы ведь тоже не сразу все поняли. Насколько я помню, ты долго не хотел верить своим глазам.

– Ложь, – сердито буркнул Джим. – Это тебя пришлось долго убеждать.

– Ну ладно, дело прошлое, – согласился Джо. – Все же нам с тобой тоже понадобилось время разобраться, что к чему.

Хойланд слушал близнецов краем уха. Их споры были делом обычным. Хью же сейчас думал только о том, что произошло с ним.

– Джо, – спросил он, – что случилось с Кораблем, когда мы увидели звезды? Он стал прозрачным?

– Не совсем так, – ответил Джо. – Ты видел не сами звезды, а их изображение. Есть такие устройства с зеркалами. И тебе дам потом прочесть книгу о них.

– Но можно посмотреть и на настоящие звезды, – вклинился в разговор Джим, уже остывший от минутной размолвки. – Здесь есть одно место…

– Точно, – подтвердил Джо. – Я совсем забыл о Капитанской рубке. Она сделана из стекла, и оттуда все хорошо видно.

– Капитанской?

– Разумеется, не нынешнего Капитана. Этот сюда ногой не ступал. Просто там на двери написано: «Капитанская рубка».

– Мы пойдем туда?

Джо было согласился, но Джим запротестовал:

– В следующий раз. Сейчас пора возвращаться. Я есть хочу.

Они спустились по тоннелю в арку, разбудили Бобо и отправились в долгий путь вниз.

Не скоро удалось Хью уговорить Джо-Джима на новую экспедицию, но он не расстраивался – время не пропало даром.

Джо– Джим пустил его в свою библиотеку. Такого количества книг Хью за всю свою жизнь не видел. А немногие из них, которые он читал раньше, теперь наполнились живым смыслом и воспринимались совсем по-другому.

Хью не мог оторваться от библиотеки. Он жадно впитывал новые мысли, переваривал их, пытался усвоить. Хью забывал про еду, от него бежал сон, только раскалывающаяся от боли голова и резь в пустом желудке напоминали ему, что надо заботиться и о теле. Утолив голод, он снова брался за книги и читал, пока буквы не начинали расплываться перед глазами.

Служить Джо-Джиму было не так тяжело. Хотя Хью и полагалось находиться при хозяине все время, тот позволял ему читать сколько угодно, лишь бы пленник оказывался всегда под рукой. Хью вменялось в основную обязанность играть в шашки с одной из голов, когда другой голове игра надоедала. Но и это время никак нельзя было считать всецело потерянным, потому что, играя, Хью почти неизменно переводит разговор на обсуждение истории Корабля, его устройства и оборудования.

Беседовали они и о людях, построивших его и отправившихся на нем в путь, об их прошлом, о Земле – этом странном и непонятном для них мире, где жили снаружи, а не внутри.

Хью пытался понять, как люди удерживались на Земле. Он спросил об этом Джо и наконец получил представление о гравитации.

Душой он в нее так и не поверил – слишком уж она казалась невероятной, но впоследствии, когда перед ним забрезжили первые смутные проблески искусства космической навигации и управления Кораблем, принял ее рассудком.

Наконец он уговорил Джо-Джима сводить его еще раз в Главную рубку. Джо рассказал Хью то немногое, что знал сам, о приборах управления.

Давно забытым инженерам-проектировщикам Фонда Джордана было дано задание построить корабль, который будет функционировать, даже если полет затянется на срок больший, чем предполагаемые шестьдесят лет. Ученые с блеском выполнили эту задачу. При создании главного двигателя, систем управления и механизмов, предназначенных для обеспечения нормальных жизненных условий, был разработан принцип, в корне отличающийся от всех, существовавших когда-либо. Корабль – это творение человеческого гения – был построен навечно. Даже если бы погиб весь экипаж, он продолжал бы полет, по-прежнему освещенный, по-прежнему со свежим, хорошо очищенным воздухом, с двигателями, готовыми к пуску. И теперь, когда лифты, конвейеры и другие вспомогательные устройства были давно забыты и заброшены, вся основная оснастка Корабля обслуживала свой невежественный человеческий груз и ждала пробуждения ума достаточно острого, чтобы найти к ней ключ.

Вот почему, когда неопытная, но ищущая рука Хью легла на квадратик огоньков под подписью «Ускорение», ответ пришел немедленно. Вспыхнул красный свет над креслом Главного пилота, и на табло зажглась надпись: «Главный двигатель – вахта не на посту»

– Что это значит? – спросил Хью.

– Трудно сказать, – ответил Джо, – Мы однажды проделали то же самое в двигательном отсеке, и там зажглась надпись:

«Главная рубка – вахта не на посту».

Хью задумался, потом спросил:

– Интересно, а что получится, если ты пойдешь в двигательный отсек, а я в это время буду в Главной рубке?

– Трудно сказать, – повторил Джо.

Хойланд молчал. В его мозгу зрело решение. Он тщательно обдумывал его.

Хью долго ждал подходящего момента – надо было застать близнецов в благодушном настроении. Однажды, когда они сидели в Капитанской рубке, он решил наконец рискнуть. Джо-Джим только

что хорошо поел, удобно развалился в кресле и рассматривал в иллюминатор безмятежные звезды. Хью парил рядом.

– Послушай, Джо-Джим, – начал Хью.

– Что тебе, юнец? ответил Джо.

– Красиво, правда?

– Что красиво?

– Звезды… – Хью махнул рукой в сторону иллюминатора и тут же схватился за спинку кресла, чтобы не отлететь в сторону.

– Конечно, красиво. На душе от них хорошо становится.

Как ни странно, это сказал Джим. Хью понял, что момент, которого он ждал, наступил. Собравшись с духом, он выпалил:

– Почему бы нам не довести дело до конца?

– Какое дело? – спросил Джо.

– Полет. Почему бы нам не запустить Главный двигатель и не взять на себя управление? «Ведь где-то там», – Хью говорил быстро, чтобы его не успели перебить, – где-то там есть похожие на Землю планеты, во всяком случае, так считали наши предки. Мы должны найти их.

Джим расхохотался, Джо затряс головой.

– Мальчик, – сказал он, – ты в своем уме? Такого даже от Бобо не услышишь. Забудь об этом и думать.

– Но почему?

– Потому что нам это не по плечу. Для такого дела необходим грамотный экипаж, обученный управлению Кораблем.

– А много ли нам нужно людей? На Корабле ведь не больше десяти постов управления. Я думаю, что десять-двенадцать человек вполне могут управлять им. Если, конечно, они будут такими же знающими, как вы оба, – добавил он лукаво.

– Что, Джо, поймал он тебя? А ведь парень прав, – усмехнулся Джим.

Джо пропустил шпильку мимо ушей.

– Ты переоцениваешь наши знания и возможности, Хью, – сказал он. – Я допускаю, что можно научиться управлять Кораблем, но что потом? Нам неизвестно даже, где мы находимся.

Корабль дрейфовал один Джордан знает сколько веков. Мы не имеем ни малейшего представления о его курсе и скорости.

– Но ты сам показывал мне навигационные приборы, – стоял на своем Хью. – Я уверен, что вам обоим ничего не стоило бы в них разобраться, Джо, если бы вы только захотели.

– Это уж точно, – согласился Джим.

– Не хвастай, братец, – одернул его Джо.

– А я и не хвастаюсь, – отрубил Джим. – Я в любом приборе разберусь, если он действует.

Джо только хмыкнул.

Первая маленькая победа. Они уже спорят друг с другом, а Хью только этого и надо. И хорошо, что наименее сговорчивый из них уже на его стороне. Теперь следует закрепить успех…

– Я знаю, где взять людей, если вы согласитесь их обучить.

– Где же? – недоверчиво спросил Джим.

– Помните, я рассказывал вам о молодых Ученых?

– А, эти кретины…

– Но они же не знают того, что знаете вы. И по-своему они люди здравомыслящие. Если бы я мог вернуться к ним и рассказать, о чем узнал, то я набрал бы вполне подходящую команду для обучения.

– Посмотри-ка на нас внимательней, Хью, – перебил его Джо. – И скажи, кого ты перед собой видишь?

– Джо-Джима, кого же еще?

– Ты видишь мутанта, – поправил его Джо голосом, полным сарказма. – Ты видишь мьюта, ясно тебе? Ученые не станут с нами сотрудничать.

– Неправда, – запротестовал Хью. – Я же не предлагаю обращаться к крестьянам. Они, конечно, ничего не поймут, но ученые, о которых я говорю, – наиболее разумные изо всех там, внизу. Они поймут. От вас всего лишь потребуется обеспечить безопасный проход через страну мьютов. Ведь для вас это совсем не проблема, – добавил он, инстинктивно перенося суть спора на более твердую почву.

– Это для нас раз плюнуть, – согласился Джим.

– Прекрати, – сказал Джо.

– Конечно, конечно, – заспешил Хью, почувствовав, что его настойчивость всерьез рассердила Джо. – Но вообще было бы интересно попробовать…

С этими словами он отодвинулся подальше от братьев. Ему было слышно, как они оживленно шепчутся, но он сделал вид, что их разговор его не интересует. Двойственность всегда была главной проблемой Джо-Джима. Будучи скорей группой, чем индивидуумом, он с трудом переходил от слов к делу, так как каждый его поступок требовал принятия совместного решения.

Немного погодя Хью услышал, как Джо повысил голос:

– Ладно, пусть будет по-твоему! Хью, плыви-ка сюда!

Хью оттолкнулся от стены и одним прыжком очутился близ Джо-Джима, вцепившись обеими руками в спинку капитанского кресла, чтобы затормозить.

– Мы решили отпустить тебя вниз и дать тебе шанс попробовать, – сказал Джо. – Но все равно ты идиот, – добавил он хмуро.

Бобо проводил Хью через опасные ярусы страны мьютов и оставил его в необитаемой пограничной зоне.

– Спасибо, Бобо, – сказал ему Хью на прощанье. – Доброй тебе еды.

Карлик усмехнулся, кивнул и устремился вверх по лестнице, по которой они только что спустились. Хью рассчитывал найти Билла Эртца, Заместителя Главного инженера, вождя группы молодых Ученых. До беседы с ним Хью хотел по возможности избежать каких бы то ни было объяснений с другими.

Скоро Хойланд оказался в знакомом коридоре. Поворот налево, еще ярдов сто, и он очутился у двери, охраняемой часовым. Хью рванулся было вперед, но часовой преградил ему дорогу.

– Стой, ты куда?

– Мне нужен Билл Эртц.

– Главный инженер? Нет его здесь.

– Билл Эртц – Главный инженер? А что случилось с прежним? – Хью сразу смекнул, что выдал себя, но часовой был глуп и ленив. – С прежним? Да он давно ушел в Полет, – зевнул страж. – А Главный инженер Эртц у себя в резиденции.

– Спасибо. Доброй еды.

– Доброй еды.

Хью пришлось подождать в приемной, прежде чем его впустили к Главному инженеру. Увидев Хью, Эртц привстал из-за стола.

– Вернулся, значит, – сказал он. – Вот так сюрприз. А мы-то думали, ты давно мертв, и списали как ушедшего в Полет.

– Это естественно.

– Садись, рассказывай. У меня сейчас есть немного времени. Здорово ты изменился, я бы тебя не узнал. Совсем седой стал. Видно, нелегко пришлось?

Седой? Хью и не подозревал этого. Но ведь и Эртц сильно изменился. Морщины, брюшко. Джордан, сколько же он был в плену?

Эртц побарабанил пальцами по столу, скорчив гримасу.

– Возникает проблема, – сказал он. – Боюсь, что на старый пост я назначить тебя не могу, его занимает Морт Тайлер. Но мы подыщем тебе место, подобающее твоему рангу.

У Хью не сохранилось никаких приятных воспоминаний о Морте Тайлере. Лицемер. Только и заботится о том, чтобы соблюсти все приличия и угадить начальству. Так-так, значит, Тайлер выбился все-таки в Ученые и занял прежнюю должность Хью. Но сейчас это не имеет значения.

– Послушай, Билл, – начал он. – Я хотел бы с тобой переговорить о...

– Конечно, возникает и проблема старшинства, – продолжал свое Главный инженер. – Пожалуй, следует передать дело на рассмотрение Совета как вопрос, не имеющий прецедента. Мьюты и раньше, случалось, захватывали наших Ученых, но, насколько мне известно, ты первый, кому удалось вернуться от них живым.

– Есть более важная тема для разговора, – опять перебил его Хью. – Я увидел много удивительного, Билл. Удивительного и жизненно важного. Ты обязательно должен все это знать. Поэтому я прямо к тебе и пришел. Слушай, мне... Эртц внезапно стал сосредоточенным: – Конечно же! И как я сразу не сообразил? У тебя ведь была небывалая возможность досконально изучить страну мьютов. Выкладывай все, что знаешь!

– Я совсем не о том, – ответил Хью. – Все гораздо сложнее, чем просто информация о мьютах, хотя дело касается и их тоже. Я думаю, нам придется изменить теперь всю политику по отношению к ним.

– Говори, говори, я слушаю.

Хью начал рассказывать о великом открытии, об истинной природе Корабля, выбирая слова как можно тщательнее и стараясь говорить убедительно. Он лишь мельком коснулся трудностей, связанных с реорганизацией жизни Корабля, но затоне жалел красок, расписывая почет и уважение, которые достанутся тому, кто этот процесс возглавит.

Говоря, Хью наблюдал за лицом Эртца. Когда он выложил главное – что Корабль всего лишь движущееся тело в безбрежном пространстве, – лицо Эртца выразило крайнюю растерянность.

Однако потом на нем застыла маска бесстрастного спокойствия, по которой ничего нельзя было понять. Только в глазах вспыхивали искорки, когда Хью говорил, что Эртц как раз и есть тот человек, который мог бы возглавить новое движение, опираясь на свой авторитет заслуженного руководителя и признанного вождя прогрессивно мыслящих Ученых.

Кончив говорить, Хью напряженно ждал ответа. Эртц молчал, продолжая барабанить пальцами по крышке стола. Наконец, сказал:

– Это очень важные вопросы, чтобы судить о них второпях, Хойланд. Мне необходимо тщательно обдумать услышанное.

– Разумеется, – согласился Хью. – Только я хочу добавить, что о безопасном проходе наверх уже есть договоренность. Я могу отвести тебя туда, чтобы ты все увидел собственными глазами.

– Да, это было бы лучше всего, – ответил Эртц. – Ты голоден?

– Нет.

– Тогда нам обоим нужно отдохнуть. Давай поспим немного, а потом будем думать на свежую голову. Можешь расположиться здесь, в комнате за моим кабинетом. Но говорить ты ни с кем не должен, пока я не обдумаю все сам. Если твои новости разгласить без должной подготовки, может начаться смута.

– Ты прав, – снова согласился Хью.

Эртц провел Хью в комнату за своим рабочим кабинетом, в которой, по всей видимости, отдыхал иногда, и сказал:

– Выспись, а там поговорим. – Спасибо, – ответил Хью.

– Доброй еды.

– Доброй еды.

Только оставшись один, Хью почувствовал, как он устал.

Нервное возбуждение в беседе с Эртцем сменилось депрессией. Он растянулся на кровати и сразу уснул.

Проснувшись, Хью обнаружил, что дверь комнаты заперта снаружи. Более того, исчез его нож.

Прошло очень много времени, прежде чем он услышал шаги у двери. Вошли два угрюмых стражника.

– Вставай, пойдешь с нами, – сказал один из них.

Хью смерил их взглядом и отметил, что оба безоружны. Так, значит, шанса сорвать нож с пояса одного из них нет. Но если у безоружных конвоиров нельзя добыть оружие, то можно попробовать вырваться и уйти от преследования. Однако в следующей комнате стояли еще двое, такие же массивные и угрюмые. Эти были вооружены. Один изготовил нож к броску, другой был готов в любой момент всадить свой под ребра Хью с близкого расстояния.

Теперь Хойланд понял, что деваться некуда. Все предусмотрено. Давно уже привыкнув не противиться неизбежному, он спокойно пошел вперед. Увидев Эртца и убедившись, что именно тот и командует арестовавшими его людьми, Хью сказал:

– Привет, Билл. С чего вдруг такие предосторожности? Что случилось?

Эртц чуть-чуть замешкался с ответом:

– Ты сейчас предстанешь перед Капитаном. – Хорошо, Билл, спасибо, – ответил Хью, – но разумно ли обращаться с таким делом к нему, не подготовив предварительно кое-кого?

Эртц даже не стал скрывать раздражения, вызванного столь очевидной тупостью:

– Если ты этого еще не понял, позволь объяснить, что ты предстанешь перед Капитаном для суда за ересь!

Хью реагировал так, как будто ничего подобного ему раньше и в голову не приходило.

– Тогда меня не по адресу ведут, Билл, – спокойно заметил он. – Обвинение в ереси и суд, может быть, и правильный подход к сложившейся ситуации, но я ведь не крестьянин какой-нибудь, чтобы волочить меня под конвоем к Капитану. Меня должен судить Совет, я Ученый.

– Ты в этом уверен? – усмехнулся Эртц. – Я уже консультировался по этому вопросу. Хью Хойланд давно исключен из списков. Кто ты и что ты, будет теперь решать Капитан-Помазанник.

Хью сохранял спокойствие. Ситуация складывалась не в его пользу, и не было смысла раздражать Эртца. Главный инженер подал знак, безоружные конвоиры схватили Хью за руки, и он, не сопротивляясь, пошел за ними.

Хью с интересом разглядывал Капитана. Старик мало изменился, разве еще больше растолстел.

Капитан удобно устроился в кресле и взял со стола рапорт.

– В чем дело? – спросил он брюзгливо. – Я ничего не понимаю.

Обвинителем против Хойланда выступал Морт Тайлер. Такого поворота событий Хью отнюдь не предвидел, и этот факт не мог не усугубить его опасений. Он даже покопался в памяти, пытаясь найти хоть какую-нибудь зацепку, способную пробудить сочувствие к нему

со стороны Тайлера, но так ничего и не нашел. Морт прочистил горло и начал:

– Речь идет о некоем Хью Хойланде, Капитан, который был одним из ваших младших Ученых.

– Ученых? Почему же его делом не занимается Совет?

– Потому что он больше не Ученый, Капитан. Он перебежал к мьютам, а сейчас вернулся, чтобы сеять ересь и смуту и подрывать вашу власть.

Капитан окинул Хью откровенно враждебным взглядом человека, не терпевшего покушения на свои прерогативы.

– Это правда? – прорычал он. – Что ты сам скажешь, Хойланд?

– Это ложь. Капитан, – ответил Хью. – Все, что я говорил, лишь подтверждает истинность наших древних верований, по которым мы живем. Я никогда не пытался отрицать наше Учение, напротив, я сумел найти доказательства его правоты, еще более глубокие…

– Ничего не могу понять, – перебил его Капитан. – Его обвиняют в ереси, а он утверждает, что верит в Учение. Если ты не виновен, то как же здесь очутился?

– Я могу объяснить, – сказал Эртц.

– Надеюсь, что хоть ты это сможешь, – буркнул Капитан. – Давай выкрадывай.

Эртц доложил о возвращении Хойланда и о его странных рассказах. Придерживаясь фактов. Главный инженер сумел все же придать им определенную окраску. Хью немедленно заговорил:

– Суть моих утверждений. Капитан, состоит в том, что в верхних ярусах есть места, где воочию можно увидеть убедиться в истине нашей веры: в том, что Корабль действительно движется; где можно увидеть План Джордана в действии. Это не опровержение, это подтверждение веры. Я не прошу верить мне на слово, сам Джордан подтвердит мою правоту.

Почувствовав нерешительность Капитана, в разговор вклинился Морт Тайлер:

– Капитан, я считаю своим долгом проанализировать и изложить все возможные версии этого невероятного дела. Есть два наиболее разумных объяснения смехотворной истории, рассказанной Хойландом: либо это просто-напросто закоренелый еретик, либо тайный мьют и участник заговора, имеющего целью заманить нас в ловушку и предать в руки мьютов. Но есть и третье объяснение, более милосердное по отношению к обвиняемому, и в глубине души мне кажется, что справедливо именно оно. В досье Хойланда указано, что при рождении Инспектор был серьезно обеспокоен размером головы

ребенка и ставил вопрос об отправке в конвертер. Но поскольку отклонение от нормы было незначительным, Инспектор все-таки пропустил Хойланда. Мне кажется, что ужасные мучения, которые он претерпел в плену у мьютов, окончательно повредили его и так неустойчивый от природы разум. Бедняга просто не ведает, что творит.

Хойланд посмотрел на Тайла не без уважения. Он и репутацию ему очистил полностью, и обвинение в ереси снял и Полет на сто процентов обеспечил!

Капитан махнул рукой:

– Хватит отнимать у меня время. – Он обернулся к Эртцу. – Рекомендации по этому делу есть?

– Так точно. Капитан. Конвертер.

– Ну и хорошо. Но я не понимаю, Эртц, почему меня обязательно нужно беспокоить по всяким мелочам? Ты должен сам уметь поддержать дисциплину в своем ведомстве.

– Слушаюсь, Капитан.

Капитан отвернулся от стола, готовясь встать.

– Рекомендация принята и утверждена. Все свободны.

Хью охватила ярость от такой глупой несправедливости. Они даже не захотели познакомиться с реальными доказательствами его правоты и невиновности. Он услышал, как кто-то крикнул:

«Подождите!» – и понял, что кричал он сам. Капитан поглядел на него.

– Подождите, – продолжал Хью. Слова сыпались сами собой:

– Подождите! Дела это не меняет, вы ведь так уверены в своей мудрости, что даже глаз не

раскроете, когда вам всего лишь предлагают посмотреть! Но все-таки, все-таки, он движется!

Времени на размышление у Хью было предостаточно. Он опять сидел под арестом и ждал, пока Конвертеру потребуется очередная порция массы для производства энергии, и частью этой порции должен быть как раз он сам. Хью снова и снова анализировал свои ошибки. То, что он сразу, без подготовки, выложил все Биллу Эртцу, оказалось самым главным просчетом. Не стоило полагаться на старую дружбу, которая, скажем прямо, никогда не была особенно близкой. Следовало прощупать его сначала, а не лезть сломя голову. Второй просчет – Морт Тайлер. Услышав имя Тайлера, Хью опять же следовало выяснить, насколько Эртц прислушивается к его мнению и каким влиянием пользуется Морт.

Он же Тайлера знал давно и должен был помнить, что его следует опасаться.

Вот Хью и сидит теперь здесь, заклейменный то ли как мутант, то ли как еретик. Ярлык, впрочем, дела не меняет – все едино, за что казнить. Хью подумал, что мог бы попробовать объяснить судьям, откуда взялись мутанты. Самой узнал об этом, читая старые записи в тщательно наворованной библиотеке Джо-Джима. Нет, эту идею придется отвергнуть... Рождение мутантов было вызвано космической радиацией, но как рассказать людям о радиации извне, если они вообще не могут понять, что такое «извне»? Нет, он сам все испортил до того, как его поволокли к Капитану.

Скрип двери прервал мысленное самобичевание. Кормили Хью не часто, и для очередной еды было еще рано. Неужели за ним уже пришли? Хью твердо решил, что в Конвертер отправится не один.

Хоть кого-нибудь из них прихватит с собой.

Но он ошибся. Раздался голос, преисполненный мягкого достоинства:

– Сынок, сынок, как же это ты?

Его первый учитель Лейтенант Нельсон, изможденный и постаревший, склонился над ним.

Встреча очень расстроила обоих. Старик, у которого собственных детей не было, возлагал на своего ученика большие надежды, лелея даже мечту, что когда-нибудь Хью достигнет места Капитана. Самому Хью он об этом никогда не говорил, не хотел портить юношу зазнайством. Старик страшно горевал, когда его мальчик исчез. И вот вернулся мужчиной, но опозорен и приговорен к смерти.

– Хью был огорчен не меньше старика. Он очень любил своего учителя, нуждался в его одобрении и хотел бы доставить ему радость,

но, рассказывая свою историю, он с горечью убедился, что Нельсон просто не способен расценивать ее иначе как сумасшествие, и скорее предпочтет, чтобы Хью принял быструю смерть в Конвертере, чем жил и высмеивал древнюю веру.

Встреча была такой мучительной для них обоих, что вскоре старик поднялся, чтобы уходить.

– Могу я чем-нибудь помочь, сынок? Кормят тебя хорошо?

– Вполне, – солгал Хью.

– Прислать что-нибудь?

– Нет, спасибо. Впрочем, не могли бы вы прислать мне немного табаку? Я уже давно не жевал.

– Хорошо. Хотел бы ты повидать кого-нибудь из близких?

– Разве можно? Я думал, здесь свидания запрещены.

– Вообще-то запрещены, но я могу добиться исключения.

Только дай мне слово, что никому не расскажешь о своей ереси.

Хью схватился за новый шанс. Дядя? Нет, не годится. Они всегда ладили, но никогда друг друга не понимали. Друзья? Он плохо сходился с людьми и друзей заводил с трудом. Да и Эртца он ведь считал другом! Неожиданно Хью вспомнил приятеля своего деревенского детства, с которым частенько играл. Алан Махони.

Он, правда, почти не виделся с Аланом с тех пор, как переселился к Нельсону, но все-таки…

– Алан Махони все еще живет в нашей деревне?

– Да.

– Если он согласится прийти, я был бы рад с ним повидаться.

Придя к Хью, Алан нервничал, чувствовал себя не в своей тарелке, но откровенно был рад видеть старого товарища и очень расстроился, узнав о приговоре. Хойланд хлопнул его по спине.

– Молодец! Я не сомневался, что ты придешь.

– Как только узнал. В деревне ведь никому ничего о тебе не известно, даже Свидетелю.

– Расскажи, как ты жил все это время. Женился?

– Да нет. Давай не будем тратить время на разговоры обо мне. Расскажи лучше, в чем тебя обвиняют?

– Не могу. Алан. Я дал слово Лейтенанту Нельсону.

– Чего стоят слова, когда надо выбиться из беды! Влип ты ведь крепко.

– А то я сам не знаю.

– Кто-нибудь имеет на тебя зуб, Хью?

– Видишь ли… Во всяком случае, скажем так: наш старый дружок Морт Тайлер и пальцем не пошевелил, чтобы мне помочь.

Алан присвистнул и кивнул.

– Это проясняет дело.

– То есть? Тебе что-то известно?

– Как тебе сказать... Он женился на Идрис Бакстер после того, как ты исчез.

– Да, действительно проясняет. – Хью помолчал.

– Слушай, Хью, – сказал Алан. – Не сидеть же сложа руки и ждать, когда тебя поволокут в Конвертер. Тем более, что здесь замешан Морт Тайлер. Надо вытащить тебя отсюда.

– Как?

– Не знаю еще. Налет устроить, что ли. Есть несколько хороших ребят, которые не прочь помахать ножами.

– Боюсь, что тогда вместе со мной в Конвертере окажешься и ты, и твои хорошие ребята. Нет, это не пойдет.

– Так что же, дать им бросить тебя в Конвертер?

Хью смотрел на Алана. Имеет ли он право обращаться к нему с подобной просьбой? И он решился:

– Слушай, готов ли ты на все, чтобы выручить меня?

– Ты же знаешь, – обиженно ответил тот.

– Тогда ты пойдешь наверх и найдешь карлика по имени Бобо...

Алан лез все выше и выше. Так далеко он не забирался даже в юношеские годы, когда Хью водил в отчаянные, полные безрассудного риска экспедиции. Сейчас он был старше, менее подвижен и не испытывал никакого желания находиться здесь. К вполне естественному страху перед реальными опасностями примешивался и испуг, вызванный предрассудками и невежеством.

Но все же он продолжал идти вперед.

Карлик увидел его первым. Снаряд пращи угодил Алану прямо в живот, он только успел крикнуть: «Бобо, Бобо!» – и потерял сознание.

Бобо спиной вошел в жилище Джо-Джима и сбросил свою ношу к ногам хозяина.

– Свежее мясо? – гордо объявил он.

– Ну и возьми его себе, безразлично ответил Джим.

Карлик поковырял скрюченным пальцем в ухе.

– Смешно, – сказал он. – Знает Бобо.

– Подожди-ка, – оторвался от книги Джо.

Хью подготовил Алана к встрече с двухголовым мутантом, поэтому тот, придя в себя, рассказал обо всем, что случилось.

Джо– Джим слушал молча и бесстрастно. Бобо тоже слушал внимательно, но ничего не понимал.

Когда Алан кончил, Джим заметил:

– Твоя была правда, Джо. Ничего у него не вышло. – Повернувшись к Алану, он добавил: – Останешься вместо Хью. В шашки играть умеешь?

Алан переводил взгляд с одной головы на другую.

– Вы даже не попробуете помочь ему? – спросил он.

– А с какой стати? – удивился Джо.

– Но он же рассчитывает на вас. Ему больше неоткуда ждать помощи. Я поэтому и пришел, разве вы не понимаете?

– Даже если бы мы согласились, – рявкнул Джим, – что бы мы могли сделать, дурья твоя голова? Отвечай!

– Да нападем на них просто-напросто и отобьем Хью!

– А чего ради мы должны рисковать шкурой, спасая твоего друга?

– Что, драться будем? – навострил уши Бобо.

– Нет, Бобо, нет. Просто разговоры, – ответил Джо.

– А-а... – разочарованно протянул Бобо и смолк.

Алан посмотрел на него.

– Ну хоть Бобо отпустите со мной?

– Нет, – отрезал Джо. – Об этом и речи быть не может.

Алан сидел в углу, обхватив в слепом отчаянии колени. Как вырваться отсюда? Внизу он мог бы еще найти помощь. Карлик, казалось, спал, хотя наверняка этого сказать не мог никто. Хоть бы Джо-Джим уснул.

Но близнецы и не думали спать. Джо пытался сосредоточиться на книге, но Джим все время отрывал его от чтения. О чем они говорили. Алан не слышал. Вдруг Джо громко сказал:

– Хорошенькое у тебя представление насчет «позабавиться»!

– Все одно веселей, чем шашки, – ответил Джим.

– Веселее, да? А если ты ножом в глаз получишь, что будет со мной?

– Стареешь ты, Джо. Кровь у тебя жидкая стала.

– Не старее тебя.

– У меня, зато мысли молодые.

– Знаешь, что, меня от тебя с души воротит. Ладно, будь, по-твоему, но меня потом не вини. Бобо!

Карлик вскочил:

– Слушаю, хозяин!

– Приведи Кабана, Длиннорукого и Коротышку.

Джо– Джим подошел к шкафу доставать ножи.

Под самой дверью тюрьмы возникла какая-то сумятица. Хью встрепенулся. Уже пришли за ним, чтобы отвести в Конвертер?

Вряд ли конвой будет так шуметь. А может быть, этот шум в коридоре вообще не имеет к нему отношения? А может быть...

Точно! Влетевший в распахнувшуюся дверь Алан сунул Хью в руку пояс с ножами, одновременно выталкивая пленника наружу.

Стоящий в коридоре Джо-Джим даже не заметил Хью сразу, потому что был сильно занят – методично и спокойно метал ножи, как будто упражнялся с мишенью у себя в комнате. Ухмылка Бобо казалась шире обычной из-за ножевой раны у самого рта, что, однако, никак не повлияло на меткость его пращи.

Хью узнал еще троих головорезов из обычного окружения Джо-Джима.

– Сматываемся, живо! – крикнул Алан. – Их сейчас набежит целая орава! – и устремился в правый коридор. Джо-Джим последовал за ним. Хью наудачу, не целясь, метнул нож в стражника, показавшегося из левого коридора, не успев даже посмотреть, попал или нет. Бобо, прикрывавший отступление с тыла и раздосадованный слишком быстрым завершением потехи, бежал вслед. Алан снова свернул направо.

– Здесь лестница! – крикнул он. Но ярдах в десяти от лестницы прямо перед ним захлопнулась герметическая дверь, о существовании которой Алан совсем забыл: этой лестницей почти никогда не пользовались. Бобо вцепился в дверь, но только обломал себе ногти.

– Попались, – мягко сказал Джо. – Надеюсь, Джим, что хоть это развлечение придется тебе наконец по вкусу.

Из– за поворота сзади высунулась голова одного из преследователей. Хью метнул нож, но расстояние было слишком велико: нож ударился о сталь стены. Голова исчезла.

Длиннорукий, держа пращу наготове, не спускал с коридора глаз.

– Видишь светящуюся трубу на потолке? – Хью схватил Бобо за плечо.

Бобо кивнул. Хью показал ему на трубку освещения, проходящую над разветвлением коридоров, которые они только что проскочили.

– Можешь попасть в место, где эта трубка соединяется с другой?

Бобо прикинул расстояние на глаз. Далековато. Он ничего не ответил. Хью услышал лишь свист пращи и треск. В коридоре стало темно.

– За мной! – крикнул Хью и побежал назад по коридору.

Приблизившись к перекрестку, он закричал: – Не дышать!

Осторожно! Газ!

Из разбитой трубы лениво вываливались зеленоватые клубы радиоактивного испарения.

Хью мог только благодарить судьбу за то, что когда-то работал инженером осветительных систем и хорошо знал их устройство. Направление он выбрал правильное – линия освещения этого коридора шла как раз от соединения, разбитого Бобо, и поэтому сейчас здесь было темно. Вокруг только слышался топот бегущих людей – друзей ли, врагов ли, он не знал.

Наконец они выскочили на освещенный участок, где не было никого, кроме насмерть перепуганного крестьянина, тут же пустившегося наутек. Все были на месте, но Бобо шатался и тяжело дышал. Джо посмотрел на него.

– Газу нанюхался, – сказал он. – Кабан, стукни его по спине. Кабан охотно повиновался.

– Отойдет, – сказал Джо.

Эта маленькая заминка позволила одному из преследователей догнать их. Он вылетел из темного коридора прямо на Кабана, то ли не сообразив, что один оказался против целого отряда, то, ли не придав этому значения.

Кабан поднял было пращу, но Алан, узнавший Морта Тайлера, схватил Кабана за руку:

– Не тронь его! Он мой!

– Один на один? – предложил Алан Тайлеру, прижав пальцем лезвие ножа.

Тайлер двинулся вперед. Алан был тяжелее и явно сильнее.

Однако Тайлер был гибче и подвижнее. Он пытался ударить Алана коленом в живот, но Алан увернулся и сбил Тайлера с ног, упав на пол вместе с ним. Мгновение спустя Алан встал и вытер нож о бедро.

– Пошли, – сказал он.

Они поднимались вверх. Кабан и Длиннорукий выходили на каждую новую палубу первыми, осматривались по сторонам и охраняли лестницу с флангов, пока не поднимутся все остальные.

Коротышка прикрывал отход с тыла.

Хью уже думал, что они совсем оторвались от погони, но неожиданные крики и свист ножа, пролетевшего прямо над головой, когда он вылезал из люка на очередную палубу, убедили его в обратном. Тем более что этот нож хоть и не сильно, но задел его щеку.

Нож торчал из правого плеча Длиннорукого, но это его не беспокоило, – он раскручивал пращу. У Кабана свои ножи кончились, он поднимал с пола клинки, брошенные в него, и метал их обратно. Следы его работы были налицо: три трупа в коридоре да футах в двадцати от них раненный в ногу человек опирался рукой о стену, тщетно шаря другой в пустой перевязи. Хью узнал Билла Эртца.

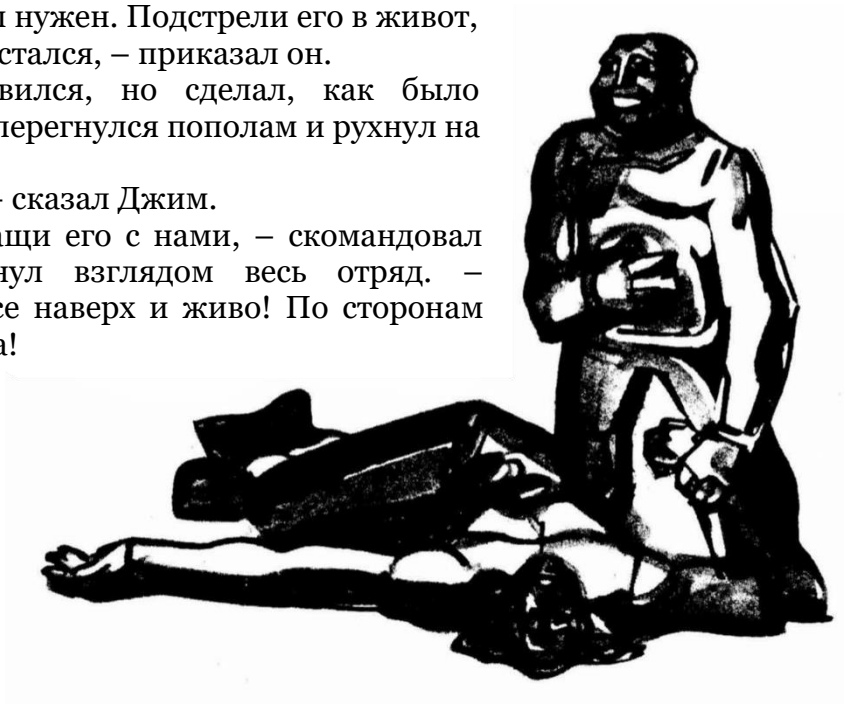
На свое несчастье, Эртц прошел по другой лестнице, чтобы перерезать путь беглецам и устроить засаду. Бобо поднял пращу, но Хью остановил его:

– Этот нам нужен. Подстрели его в живот, но чтоб жив остался, – приказал он.

Бобо удивился, но сделал, как было ведено. Эртц перегнулся пополам и рухнул на пол.

– Метко, – сказал Джим.

– Бобо, тащи его с нами, – скомандовал Хью и окинул взглядом весь отряд. – Внимание! Все наверх и живо! По сторонам смотреть в оба!



Группа двинулась дальше, сохраняя прежний порядок. Джо выглядел

раздраженным. Происходило что-то странное – Хью вдруг начал командовать его собственными людьми, да и им самим тоже.

«Впрочем, сейчас не до споров», – подумал он.

Джиму же, казалось, все это было безразлично. Он развлекался.

Они прошли еще десять палуб, не встречая сопротивления.

Хью приказал без нужды не трогать крестьян. Три головореза повиновались безропотно, а Бобо был слишком занят Эртцем, чтобы нарушать дисциплину. Только палуб через тридцать, когда они оказались в нейтральной зоне, Хью позволил остановиться и заняться ранами.

Серьезно пострадали только Длиннорукий и Бобо. Джо-Джим перевязал их заранее запасенными бинтами. Хью, раненный в щеку, от перевязки отказался.

– Кровь уже остановилась, – сказал он, – и нечего тратить время на царапины. У меня дел по горло.

– Каких еще дел? Мы идем домой, и хватит ерундить, – сказал Джо.

– Ты как хочешь, – сказал Хью, – но Алан, я и Бобо идем на самый верх, в Капитанскую рубку. – Это еще зачем? спросил Джо. – Иди с нами, тогда увидишь сам. Ребята, привал окончен. Вперед!

Джо хотел что-то сказать, но Джим безмолвствовал, поэтому промолчал и Джо. Близнецы последовали за Хью. Они вплыли в дверь рубки.

– Вот, – сказал Хью Алану" показывая в иллюминатор, – вот то, о чем я тебе рассказывал. Алан увидел звезды.

– Великий Джордан! – простонал он. – Мы же выпадем! – И закрыл глаза. Хью встряхнул его. – Не бойся, посмотри, как красиво. Джо-Джим взял Хью за руку.

– Что ты задумал и зачем приволок сюда этого? – он показал на Эртца.

– Когда он очнется и увидит звезды, мы докажем ему, что Корабль движется в пространстве. – Зачем?

– Когда он убедится сам, я пошлю его убеждать остальных.

– И с ним случится то же, что и с тобой?

– Тогда, – пожал плечами Хью, – тогда мы просто начнем все сначала. И так до тех пор, пока не убедим всех. Видишь ли, у нас просто нет другого выхода

ЧАСТЬ II
ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

Джо, правая голова Джо-Джима, посмотрел на Хью Хойланда.

– Ну, ладно, умник. Главного инженера ты убедил, – Двухголовый ткнул в сторону Билла Эртца ножом и вновь принялся ковырять им в зубах левой головы. – Ну и что? Какой тебе с того прок?

– Я уже тысячу раз объяснял, – раздраженно ответил Хью. – Будем продолжать, пока все Ученые, от самого зеленого стажера до Капитана, не убедятся в том, что Корабль движется и что его движением можно управлять. Тогда мы завершим Полет и исполним волю Джордана. Сколько у тебя наберется бойцов?

– Тебе, никак, взбрело в голову, что мы согласимся участвовать в твоих идиотских затеях?

– Естественно. Без вас ведь ничего не выйдет.

– В таком случае, можешь поставить на своих планах крест.

Бобо, давай шашки!

– Сейчас, хозяин. – Микроцефал поплелся за шашками.

– Погоди, Бобо, – сказал Джим, левая голова. Карлик застыл на месте, сморщив узкий лоб. Неспособность дать ему согласованный и непротиворечивый приказ, временами проявляемая его двухголовым

хозяином, вносила единственную нотку неуверенности в безмятежное существование Бобо.

– Дай Хью сказать, – продолжал Джим, – похоже, есть шанс поразвлечься.

– Развлечься? Ничего себе развлеченьице – получить ножом под ребро! Позволь тебе заметить, Джим, что это и мои ребра тоже. Нет, я никак не согласен.

– Я еще не предлагал тебе соглашаться. Всего лишь просто выслушать. И, знаешь, не говоря уж о развлечениях, это, может быть, и есть наш единственный шанс избежать ножа под ребро. То есть?

– Ты же слышал, что сказал Эртц. Офицеры Корабля намерены очистить верхние ярусы. Интересно, как тебе понравится Конвертер, Джо? Боюсь только, что нам не сыграть уже в шашки, когда нас разложат на атомы.

– Не паникуй! Экипажу мьюты не по плечу. Сколько раз уже они пробовали с нами справиться? – А ты что скажешь? обернулся Джим к Эртцу.

Эртц отвечал осторожно, ни на секунду не забывая, что теперь он военнопленный, а не старший офицер Корабля. К тому же он был выбит из колеи – слишком много всего случилось и слишком быстро. Налет, схватка, плен – и звезды. Звезды!

В его практичной трезвомыслящей голове не только понятия о них – места такому понятию никогда не было! Более того, Эртц отлично понимал, что жизнь его висит на волоске. Стоит только Джо-Джиму сделать знак этому карлику…

– Я думаю, что на этот раз Экипаж своего добьется. – Эртц тщательно подбирал слова. – Мы… они хорошо подготовились.

Если только вас не больше и, если вы не организованы лучше, чем предполагалось, Экипаж победит. Видите ли… Видите ли… В общем, всю подготовку вел я.

– Ты?

– Да. Большинство в Совете выступило против политики, позволяющей мьютам жить вне нашего контроля. Она, может, и соответствует нашим религиозным доктринам, но мы время от времени теряем людей и животных.

– А чем, по-твоему, мьюты должны кормиться? – грозно рявкнул Джим. – Воздухом?

– Должен отметить, что новый политический курс вовсе не предусматривал поголовного уничтожения мьютов. Сдавшихся в плен предполагалось приобщить к цивилизации и раздать членам

Экипажа в качестве рабов. Речь идет, конечно, о тех мьютах, кто…Эртц запнулся, растерявшись, и опустил глаза.

– Ты хотел сказать: «О тех, кто не деформирован физическими мутациями», как я, например, – сказал Джо голосом, от которого мороз прошел по коже. – Так, что ли? Для таких, как я, одна дорога – в Конвертер. – Лезвием ножа Джо-Джим плашмя ударил себя по ладони.

Эртц инстинктивно дернулся вбок, его рука легла на пояс.

Но ножа на поясе не было. Без оружия Эртц почувствовал себя беспомощным.

– Я всего лишь честно ответил на твой вопрос и объяснил истинное положение дел, – сказал он.

– Оставь его, Джо. Он правду говорит. И поэтому у нас нет выбора. Если мы не присоединимся к Хью, нас загонят в угол.

Даже не думай его убивать, он нам еще здорово пригодится.

Говоря, Джим пытался вложить нож в ножны. Между братьями вспыхнула быстрая и молчаливая схватка за контроль над нервными центрами правой руки схватка воли, незаметная для глаза. Джо сдался.

– Ладно, – хмуро сказал он, – но, когда меня потащат в Конвертер, я прихвачу его с собой.

– Уймись, – ответил Джим. – Я-то уж в любом случае тебе составлю компанию.

– С какой стати ты вообще ему веришь?

– Ему незачем врать. Он ничего этим не выиграет.

Порасспроси Алана.

Алан Махони, закадычный дружок детских лет Хью Хойланда, слушал этот разговор, вытаращив глаза. Встреча со звездами потрясла его не меньше Эртца, но темный крестьянский ум не обладал гибкостью мышления Главного инженера. Эртц не мог не понять почти мгновенно, что само существование мира вне Корабля опровергает все, во что он когда-либо верил, и в корне меняет его жизнь и все планы. Алан же просто испытывал благоговейный восторг. – Алан, что тебе известно о походе на мьютов?

– Что мне может быть известно? Я же не Ученый. Хотя постойте-ка. В нашу деревню прибыл новый офицер, чтобы помочь Лейтенанту Нельсону, – он запнулся и обескуражено обвел всех взглядом.

– Продолжай.

– Ну да, он начал проводить занятия с кадетами и женатыми молодыми крестьянами. Заставлял нас упражняться с ножами и пращами. Но зачем, не говорил.

– Убедились наконец? – всплеснул руками Эртц.

– Убедились, – хмуро кивнул Джо.

Хью Хойланд спросил его с надеждой:

– Теперь ты согласен быть со мной заодно?

– Придется, – ответил Джо.

– Согласен, – сказал Джим.

– А ты, Билл?

– Разве у меня есть выбор?

– Есть. Я всем сердцем хочу, чтобы ты был с нами. План у меня такой – Экипаж в счет не идет. Нам надо убедить офицеров. Те, у кого хватит ума поверить в очевидное, увидев звезды и Главную рубку, останутся с нами. Остальных, – он провел по горлу большим пальцем, – в Конвертер.

Бобо радостно усмехнулся и повторил его жест. Эртц кивнул.

– А дальше?

– Под руководством нового Капитана мьюты и Экипаж вместе поведут Корабль к Далекому Центавру. Да свершится воля Джордана!

Эртц смотрел на Хью. То, что тот предлагал, было настолько грандиозно, что не сразу укладывалось в голове. Но мысли Хью приходились по душе Эртцу. Опершись о стол руками, он наклонился вперед.

– Я с тобой, Хью Хойланд.

Один из ножей Джо-Джима лег на стол между его ладонями.

Джо встрепенулся, хотел что-то сказать брату, но передумал.

Эртц взглядом поблагодарил близнецов. Близнецы пошептались между собой, потом Джо громко сказал:

– Если идем, так до конца.

Зажав лезвие ножа между большим и указательным пальцами так, что наружу торчало лишь острие, Джо-Джим вонзил его в предплечье левой руки.

Глаза Эртца зажглись. Схватив только что обретенное оружие, он надрезал себе левую руку в том же месте. Хлынула кровь.

– Спиной к спине? – Отпихнув стол, Эртц прижался раной к ране Джо-Джима.

Выхватив ножи. Алан, Хью и Бобо совершили обряд кровной клятвы. Они стояли, прижавшись плечами друг к другу, и кровь их стекала на пол одной струей.

– Нож за нож!

– Спиной к спине!

– Кровь за кровь!

– Кровные братья до конца Полета!

Ученый– вероотступник, ученый-пленник, темный крестьянин, двухголовый монстр и безмозглый карлик -пять ножей, считая Джо-Джима за один, и пять голов, считая Джо-Джима за две и не считая Бобо, – пять голов и пять ножей против всего «цивилизованного мира».

– Не хочу я туда возвращаться, Хью, – понуро сказал Алан. – Почему мне нельзя остаться с тобой? Я хороший боец.

– Боец ты отличный, дружище, но сейчас от тебя будет больше пользы как от лазутчика.

– Для этого есть Билл Эртц.

– Без тебя ему не обойтись. Билл на виду: если он все время будет мотаться вверх-вниз, могут пойти пересуды. Вот тут-то ты и нужен: будешь у него связным.

– А как я, Хафф побери, объясню в деревне, где столько времени пропадал?

– Говори как можно меньше. Главное, держись подальше от Свидетеля. – Хью вдруг представил себе, как Алан пытается выкрутиться, а Свидетель, обуреваемый своей вечной жаждой подробностей, загоняет его в угол умелыми вопросами.

– Держись от старика подальше, – повторил Хью. – Он тебя сразу расколет.

– Старик-то? Да ведь он давно уже помер. А новый Свидетель еще зелен и глуп.

– Вот и хорошо. Будь осторожен и ничего не бойся. – Хью повысил голос: – Билл! Ты готов?

– Готов. – Эртц поднялся и неохотно отложил книгу, которую читал, – иллюстрированное издание «Трех мушкетеров».

– Книга просто чудесная, – сказал он. – Слушай, Хью, неужели на Земле действительно все так и есть?

– Конечно. Книги Джо-Джима не врут.

Задумавшись, Эртц закусил губу:

– Как по-твоему, что такое «площадь»?

– «Площадь»? Насколько я понимаю – огромная общинная, где может сразу собраться много людей.

– Сначала, читая, я тоже так думал, но... как же можно тогда ездить на ней верхом? – Что-что?

– Да вот в книге они только и делают, что залезают на площадь и скачут куда-нибудь.

– Дай-ка мне книгу, – приказал Джо. Быстро перелистав ее, он рассмеялся. – Ну и идиот же ты. Ездят на лошадях, а не на площадях. Можно сесть на лошадь и проехаться по площади, но не наоборот, понял ты, дурень?

– А что такое «лошадь»?

– Животное, величиною с корову. Ты усаживаешься ему на спину и едешь, куда хочешь.

Эртц обдумал новую информацию:

– Непрактично как-то. Когда едешь в носилках, просто говоришь Главному носильщику, куда идти, и все. А как объяснит дорогу корове?

– Легче легкого. Твой носильщик ее поведет в нужном направлении.

Эртц поразмыслил и над этим:

– Все равно непрактично. Можно ведь упасть. Нет уж, лучше пешком.

– Дело наживное, – объяснил Джо. – Требует привычки.

– А ты умеешь ездить на лошади?

Джим фыркнул.

– Где ты видел лошадей в Корабле? – разозлился Джо.

– Ладно, не будем про лошадей. Но я хотел еще кое-что спросить. Эти парни, Атос, Портос и Арамис, дрались необычайно длинными...

– Об этом поговорим в следующий раз, – перебил его Хью. – Бобо уже вернулся, пора идти.

– Подожди, Хью. То, что я говорю, очень важно. Они дрались необычайно длинными ножами.

– Ну и что с того?

– Но ведь их ножи гораздо лучше наших. Длиной с руку, а то и больше. Подумай только, какое преимущество дадут нам такие ножи, если придется драться с Экипажем.

Хью обнажил свой нож и задумчиво посмотрел на него:

– Может, ты и прав. Но зато длинный нож не метнешь.

– А кто мешает сохранить наши метательные ножи?

– Да никто, пожалуй.

Близнецы молчали, прислушиваясь к их разговору. Наконец Джо сказал:

– Билл прав. Подумай о ножах, Хью, а нам с Джимом надо кое-что почитать.

Обе головы лихорадочно вспоминали все прочитанные книги, подробно и со знанием дела перечисляющие разнообразные методы, используемые людьми для сокращения жизни своих недругов. Джо-Джим и не заметил, как учредил Факультет исторических изысканий военного колледжа, тем более что такое цветистое название ему и в голову бы никогда не пришло.

– Читай, конечно, – согласился Хью. – Но поговори сначала со своими людьми.

– Пошли.

Они вышли в коридор, где Бобо собрал десятка два головорезов, составляющих опору Джо-Джима в стране мутантов. Для всей этой шайки, кроме Длиннорукого, Кабаны и Коротышки, Хью, Билл и Алан были чужаками, а чужакам встречаться с ними было опасно для жизни.

Джо– Джим приказал мьютам хорошенько запомнить троих людей с нижних палуб. Запомнить и знать, что их следовало пропускать везде и всюду беспрепятственно, оказывая помощь и содействие.

Более того, в отсутствие Джо-Джима мьютам надлежит повиноваться им, как ему самому. Среди мьютов начался гул. До сих пор они привыкли повиноваться только Джо-Джиму, и никому, кроме него.

Один из них, с огромным носом, поднялся и заговорил:

– Я – Джек Носатый. Мой нож остр и мой глаз меток.

Джо– Джим-двухголовый мудр за десятерых, он мой хозяин, и я за него сражаюсь. Но хозяин он, а не эти трое с нижних палуб. Что вы скажете, молодцы?

Он выжидающе замолк. Мьюты нервно переминались с ноги на ногу, поглядывали на Джо-Джима. Джо уголком рта пробормотал что-то Бобо. Джек Носатый открыл было рот, чтобы продолжать, но раздался лишь треск разбитых зубов и переломанной шеи – снаряд пращи Бобо заткнул ему глотку.

Бобо снова изготовил пращу. Джо-Джим оглядел притихших мьютов:

– Длиннорукий! Ты, Сороковой и Топор пойдете вниз с Бобо, Аланом и Биллом. Остальным разойтись.

Трое мьютов отделились от отряда и проследовали за Бобо.

Перед тем как прыгнуть в люк, Эртц обернулся.

– Да хранит вас Джордан, братья, – сказал он.

Джо– Джим помахал ему рукой.

– И тебя, – ответил Джо.

– Доброй еды, – добавил Джим.

Бобо вел их вниз. Через сорок с лишним палуб они оказались на ничьей земле между мьютами и Экипажем. Бобо обернулся к своим рубакам:

– Мудрые Головы приказали вам стоять здесь по очереди на посту. Ты первый, – показал он на Длиннорукого.

– Алан и я идем вниз, – добавил Билл. – А вы трое по очереди будете караулить здесь и передавать мои послания Джо-Джиму. Ясно?

– Ясно, – ответил Длиннорукий.

– Приказ Джо-Джима! – отметил Сороковой, пожимая плечами, как бы говоря: «Что ж тут рассуждать!»

Топор просто хмыкнул в знак согласия. Бобо от души похлопал Билла и Алана по спинам.

– Доброй еды, – напутствовал он их, Обшаривая столы исчезнувшего Главного инженера, Старший помощник Капитана-Помазанника Финеас Нарби обнаружил, к своему изумлению, что Билл Эртц тайком хранил парочку Ненужных книг. Были у него в столе, конечно, и обычные Священные книги, такие, как бесценные «Профилактика вспомогательного Конвертера» и "Справочник систем освещения и кондиционирования звездолета «Авангард» – самые священные из всех Священных книг: на них стояла печать самого Джордана, и они по праву могли принадлежать только Главному инженеру.

Нарби считал себя скептиком и рационалистом. Вера в Джордана – дело праведное и благое… для Экипажа. И все же слова «Фонд Джордана», оттиснутые штемпелем на титульном листе, будили в душе трепет, которого он не помнило тех пор, как был удостоен сана Ученого.

Нарби восхищался прекрасным четким шрифтом старинных книг. Вот ведь были писцы у древних! Не то, что современные неряхи, которым и двух букв одинаково ровно не написать.

Он решил обязательно изучить подробно эти ценнейшие справочники инженерного ведомства, прежде чем передать их преемнику Эртца. Было бы очень полезно, решил Нарби, избавиться от необходимости слепо полагаться на слова Главного инженера, не зависеть от него, когда он, Нарби, сам станет Капитаном.

Нарби не очень почитал Инженеров в основном потому, что сам инженерными способностями не блистал, Когда он стал Ученым, одним из тех, кто охранял духовное и материальное благополучие Корабля, когда дал клятву служить верой и правдой делу Джордана, то быстро понял, что более склонен к руководству кадрами и разработке политической линии, чем к обслуживанию Конвертера. Он занимал посты клерка, администратора деревни, секретаря Совета, кадровика и, наконец, поднялся до должности Старшего помощника самого Капитана-Помазанника. Это место он получил сразу же после таинственного происшествия, значительно сократившего жизнь его предшественника.

Решение заняться инженерными делами до избрания нового Главного инженера напомнило ему о необходимости подобрать подходящую кандидатуру. В обычной ситуации на пост Главного инженера, ушедшего в Полет, назначался старший Вахтенный офицер, но вахтенный Морт Тайлер сам ушел в Полет – его хладный труп нашли в коридоре, по которому отступали мьюты, освободившие еретика Хью Хойланда. Вопрос о кандидатуре оставался открытым, и Нарби еще не решил, кого рекомендовать Капитану.

Одно было ясно – новый Главный инженер не должен обладать таким чрезмерно развитым чувством инициативы, как Эртц. Нарби отдавал последнему должное и признавал его заслуги в отличной организации подготовки Экипажа к намеченному истреблению мьютов, но именно эти его качество хорошего организатора и руководителя беспокоили Нарби – они могли сделать Эртца слишком сильным кандидатом на пост Капитана в случае… Наедине с самим собой Нарби мог признаться, что жизнь нынешнего Капитана так неопределенно затянулась только потому, что он, Нарби, не был на

все сто процентов уверен, кого Совет изберет следующим Капитаном – Эртца или его. А сейчас старому Капитану было бы в самый раз отправиться к Джордану.

Старый толстый дурак давно уже отжил свое, и толку от него…

Нарби просто устал улещивать старика, чтобы тот отдавал нужные распоряжения. Да, если перед Советом встанет необходимость выбора нового Капитана именно в настоящий момент, то подходящая кандидатура будет только одна…

Нарби захлопнул книгу. Решение было принято. Замыслив убрать Капитана, Нарби отнюдь не испытывал ни стыда, ни угрызений совести, ни мыслей о грехе и предательстве. Капитана он презирал, но никаких злых чувств к нему никогда не испытывал, так что в его намерениях убить Капитана не было и следа личной ненависти или неприязни. Нарби строил свои планы, исходя из самых благородных побуждений государственного деятеля. Он искренне верил, что действует на благо всего Экипажа, что его цель – здравомыслящая администрация, порядок, дисциплина и добрая еда для каждого. Необходимость отправить кое-кого в Полет ради достижения великих целей и всеобщего блага не вызывала у него ни малейшего сожаления, и зла никакого к этим людям он не питал.

– Какого Хаффа ты роешься в моем столе? Нарби обернулся и увидел покойного Билла Эртца, с недовольным видом склонившегося над ним. Сначала Нарби уставился на Билла, потом медленно закрыл рот. Нарби настолько был уверен в смерти Главного инженера после его исчезновения во время налета, что увидеть Эртца сейчас перед собой живым и сердитым было для него тяжелым ударом. Но он быстро взял себя в руки.

– Билл! Джордан с нами! Мы же думали, что ты ушел в Полет! Садись, садись, да расскажи поскорее, что с тобой приключилось.

– Сяду, конечно, если ты уберешься из моего кресла, – ядовито ответил Эртц.

– Извини. – Нарби быстро вылез из-за стола и пересел в кресло напротив. – А теперь, – продолжал Эртц, занимая свое место, – будь любезен объяснить, почему ты копаешься в моих бумагах.

Нарби ухитрился изобразить обиду:

– Но разве это не ясно? Мы же считали тебя погибшим.

Кто– то должен же руководить твоим ведомством до назначения нового Главного инженера. Я выполнял приказ Капитана.

Эртц смотрел ему прямо в глаза.

– Не заливай, Нарби. Мы-то с тобой знаем, кто думает за Капитана, сами частенько это делали. Даже если ты действительно

считал меня мертвым, мог бы и подождать еще немножко, прежде чем лезть в мой стол.

– Но в самом деле, старина, ты уж слишком. Если человек исчезает после налета мьютов, то вполне логично предположить, что он ушел в Полет.

– Ладно, оставим это. Почему мое место не занял Морт Тайлер, как и должно быть во время моего отсутствия?

– Морт в Конвертере.

– Что, убит? Но кто приказал отправить его в Конвертер?

Такая масса даст слишком сильную нагрузку.

– Приказал я. Масса его тела почти совпала с массой тела Хойланда, а Хойланд в Конвертер так и не попал.

– «Почти» и «совсем» – не одно и то же, особенно когда имеешь дело с Конвертером. Придется мне проверить. – И Эртц поднялся с места.

– Не беспокойся, – сказал Нарби, – я ведь все-таки тоже не крестьянин и в инженерном деле немного соображаю. Я приказал подогнать массу Тайлера под график переработки, который ты составил для тела Хойланда.

– Хорошо. Потом проверю. Лишний вес терять впустую нам тоже нельзя.

– Кстати, насчет рационального использования веса, – невинно сказал Нарби, – я у тебя в столе нашел пару Ненужных книг. – Ну и что с того?

– Тебе ведь известно, что они определены как масса, подлежащая конвертерной переработке для производства энергии.

– Известно. А тебе известно, кто отвечает за производство энергии.

– Ты. Но зачем эти книги находятся в твоем столе?

– Позволь заметить, дорогой любимчик Капитана, что только мне одному дано право судить, где хранить вещи, предназначенные для Конвертера.

– Конечно, конечно, ты прав. Послушай, если они не нужны для Конвертера прямо сейчас, можно я возьму их почитать?

– Бери, пожалуйста, но будь благоразумен. Я выдам их под расписку, а ты не распространяйся об этом.

– Спасибо. Живое было воображение у древних. Полный бред, конечно, но приятно на досуге позабавиться.

Эртц рассеянно приготовил расписку на две книги и протянул ее Нарби прочитать. Мысли Эртца были заняты совсем другим, как и когда начать обработку Нарби. Он хорошо понимал, что в деле,

которое замыслили он и его кровные братья, без Финеаса не обойтись. Его позиция может иметь решающее значение. Перетянуть бы его на свою сторону…

– Фин, – сказал он наконец, когда Нарби положил на стол подписанную расписку, – я начал сомневаться в разумности нашего поведения в деле Хойланда.

Нарби удивленно взглянул на него.

– Да нет, я отнюдь не верю всем этим бредням, которые он наплел, – добавил Эртц торопливо. – Но сдается мне, что мы упустили шанс. Надо было поиграть с Хойландом и выйти через него на мьютов. Мы хотим присоединить их территорию, но все наши планы строятся на предположениях, а не на достоверной информации. Сколько их, каковы их силы, как они организованы толком мы ничего не знаем. Более того, нам придется драться на чужой территории. Но верхние палубы для нас вообще «белое пятно». Надо бы притвориться, что мы верим Хойланду, и выкачать из него как можно больше сведений.

– На которые вряд ли можно было бы полагаться, – отметил Нарби.

– Полагаться только на его слова не было нужды. Он ведь предлагал нам безопасный проход через страну мьютов, можно было бы самим посмотреть, что к чему.

– Ты это всерьез? Любой член Экипажа, доверившийся мьюту, – отправится не в Невесомость, а в Полет! – Нарби был ошеломлен.

– Не знаю, не знаю, – возразил Эртц. – У меня сложилось впечатление, что Хойланд сам верил в то, что говорил. Помимо того…

– Что «помимо того»? Весь этот бред о движении Корабля?

Незыблемого Корабля? – Нарби ударил кулаком по стенке. – Да кто поверит в подобную чушь?

– Хойланд поверил. Ну, хорошо, он религиозный фанатик, я согласен. Но ведь его фанатизм на чем-то основан? Он увидел, наверху, что-то невероятное и воспринял его по-своему, в виде той истории, которую нам рассказал. Мы должны были использовать его предложение пойти наверх и познакомиться с его открытием хотя бы для того, чтобы разведать по дороге страну мьютов. – Полнейшее безрассудство!

– Вот и нет. Судя по всему, он пользуется огромным влиянием среди мьютов, а то, с чего бы им заваривать эту кашу и спасать его? Если он говорит, что гарантирует безопасный проход через их страну, значит, знает, что говорит.

– С чего это ты изменил свое мнение?

– Мое мнение изменил налет. Я бы в жизни не поверил, что шайка мьютов рискнет шкурами, чтобы спасти одного человека. Но коль скоро это произошло, я вынужден пересмотреть свои взгляды.

Абстрагируясь от рассказа Хью, могу сказать только одно: мьюты готовы за него драться и, по всей вероятности, готовы подчиняться ему. А если это так, на его религиозный фанатизм следовало смотреть сквозь пальцы и использовать Хью для установления контроля над мьютами, не прибегая к войне.

Нарби пожал плечами:

– Твои рассуждения не лишены логики. Но стоит ли тратить время на рассуждения о том, что могло бы произойти. Если шанс и был, то он уже упущен.

– Как знать. Хойланд ведь бежал к мьютам. Бели бы я мог как-нибудь связаться с ним, может, и удалось бы еще начать все сначала.

– И как же ты предполагаешь сделать это?

– Сам пока не знаю. Можно, например, взять охрану, полезть наверх, поймать какого-нибудь мьюта и отправить его к Хойланду.

– Рискованная затея.

– Но я не прочь попробовать.

Нарби задумался. Весь план казался ему донельзя глупым и неоправданно рискованным. Но если Эртц не прочь рискнуть...

Шансов, конечно, мало, но чем Хафф не шутит? Если Эртцу удастся осуществить свой план, то у него, у Нарби, будут развязаны руки для выполнения самых заветных планов. Уж кто-кто, а Нарби понимал, что покорение мьютов силой будет делом долгим и кровавым, да и вообще вряд ли осуществимым. А если у Эртца ничего не выйдет, то опять же Нарби ничего не теряет, кроме самого Эртца. А на нынешнем этапе игры о жизни Главного инженера вообще вряд ли стоит сокрушаться. Та-ак...

– Возьмись за это дело, Билл, – сказал он. – Человек ты смелый, а дело стоящее.

– Хорошо, – согласился Эртц. – Доброй еды.

Нарби понял намек.

– Доброй еды, – ответил он и, забрав книги, ушел. Только вернувшись к себе он сообразил, что Эртц так и не дал никакого объяснения своему исчезновению и долгому отсутствию.

Эртц тоже понимал, что и Нарби не был с ним полностью откровенен. Но, зная Нарби, принимал это как должное. Основа для будущих действий была заложена.

Главный инженер провел текущую проверку Конвертера и назначил исполняющего обязанности Вахтенного. Убедившись, к

своему удовлетворению, что его подчиненные справятся с работой и во время его дальнейших отлучек, он приказал вызвать к себе Алана Махони. Он хотел было выехать навстречу Алану в носилках, но решил не привлекать внимания к встрече.

...Алан бурно приветствовал его. Для все еще не женатого, работающего на более удачливых людей кадета, все сверстники которого давно уже обзавелись семьями и собственностью, кровное братство с одним из главных Ученых Корабля стало самым выдающимся событием в жизни. Оно затмевало даже все недавние приключения, полный смысл которых его невежественный ум все равно не мог постичь. Эртц прервал его и быстро закрыл дверь.

– Стены имеют уши, – тихо сказал он, – а у клерков, помимо ушей, еще и языки. Ты что, хочешь, чтобы нас с тобой сунули в Конвертер?

– Прости, Билл, я не сообразил.

– Ладно, оставь. Встретимся на лестнице, по которой мы спускались от Джо-Джима, десятью палубами выше этой. Считать умеешь?

– Даже в два раза больше, чем до десяти. Один да один два, еще один – получится три, еще один – четыре...

– Молодец. Хватит. Но я больше полагаюсь на твою верность и умение обращаться с ножом, чем на твои математические способности. Встретимся как можно быстрее, и постарайся, чтобы тебя никто не видел.

В месте встречи на посту стоял Сороковой. Эртц окликнул его по имени издалека, держась вне пределов досягаемости ножа и пращи – совсем не лишняя предосторожность, когда имеешь дело с существом, дожившим до своих лет только благодаря умению обращаться с оружием.

Приказав мутанту найти и привести Хойланда. Эртц вместе с Аланом присел отдохнуть.

В жилище Джо-Джима не было ни хозяина, ни Хью. Сороковой застал там Бобо, но что с него толку? Бобо сказал, что Хью пошел на самый верх, туда, где все летают. Но на самый верх Сороковой забирался лишь раз в жизни и верхних палуб толком не знал. Где там найти Хью? Сороковой растерялся. Нарушать приказы Джо-Джима было небезопасно, а Сороковой раз и навсегда вбил в свою буйную голову, что приказ Эртца – то же самое, что приказ Джо-Джима. Он снова растолкал Бобо.

– Где Мудрые Головы?

– У оружейницы. – Бобо закрыл глаза и захрапел.

Это уже лучше. Где живет оружейница, знал каждый мьют. Все имели с ней дела. Оружейница была незаменимой мастерицей, торговкой и посредницей. Нет нужды говорить, что личность ее была неприкосновенной, а мастерская – нейтральной территорией, где все схватки были запрещены. Туда и направился Сороковой.

Дверь с табличкой «Термодинамическая лаборатория. Вход строго воспрещен» была распахнута настежь. Читать Сороковой не умел, а если бы и умел, все равно бы ничего не понял. Услышав голоса оружейницы и одного из близнецов, он вошел внутрь.

– Хозяин, – начал было он.

– Закройся, – ответил Джо. Джим даже не обернулся, занятый беседой с Матерью Клинков. – Сделаешь, как тебе говорят, – прорычал он, – и хватит попусту болтать.

Оружейница уставилась на него, уперев все четыре мозолистые руки в широкие бедра. Глаза у нее были красные, ей все время приходилось следить за плавильной печью – по морщинистому лицу на седые редкие усы стекал пот и капал на обнаженную грудь.

– Я делаю ножи, да! – отрезала она. – Честные ножи, а не дрючки для свиней, которые ты от меня требуешь. Придумают тоже – нож длиной с руку, тьфу! – и она плюнула в раскаленную докрасна печь.

– Слушай ты, падаль, – ровным голосом ответил Джим, – или сделаешь, что говорят, или я тебе пятки поджарю в твоей же печке. Ясно?

У Сорокового отвисла челюсть. Да, могущественней его хозяина не было! Никто и никогда, кроме него, не посмел бы так разговаривать с Матерью Клинков! Оружейница сразу сдалась.

– Но так ведь делать ножи не положено, – жалобно всхлипнула она. – Их же не метнешь. Да я вам сейчас покажу. – Она схватила со стола пояс с ножами и метнула ножи через всю комнату в крестообразную мишень – все четыре сразу. Лезвия вонзились в четыре конца крестовины. – Видел? А твой дрючок разве так метнешь?

– Хозяин, – снова начал Сороковой, но Джо-Джим не оборачиваясь, заткнул ему рот кулаком.

– Ты права, – ответил Джим оружейнице, – но мы вовсе не собирается метать длинные ножи. Мы ими собираемся колоть и резать на близком расстоянии. Принимайся за работу; пока не сделаешь для меня первый нож, есть не сядешь. Старуха закусила губу.

– Плата обычная? – резко спросила она.

– Обычная. Десятину с каждого убитого твоим ножом, пока не будет выплачена их стоимость, и хорошая кормежка на все время работы.

Старуха пожала кривыми плечами.

– Ладно. – Она вытянула из-под стола длинный кусок стали и сунула его в печь.

Джо– Джим обернулся к Сороковому.

– В чем дело? спросил Джо.

– Хозяин, Эртц велел мне найти Хью.

– Так что же ты его не ищешь?

– Бобо сказал, что Хью ушел в Невесомость.

– Ну и иди за ним туда. Хотя нет, заблудишься. Придется мне самому его найти. А ты возвращайся к Эртцу и скажи, чтобы ждал.

Сороковой заспешил вниз. Хозяин был у него что надо, но мешкать в его присутствии не стоило.

...Обнаружив Кабана и Коротышку, спавших у двери, ведущей в Главную рубку, Джо-Джим понял, что Хью там – он сам назначил их личными телохранителями Хью. Но и так было ясно, что если Хойланд пошел наверх, то наверняка в Главную рубку. Она волшебной силой притягивала его к себе. С того момента, как Джо-Джим в буквальном смысле слова втащил Хью за шиворот в рубку и ткнул носом в действительность, в то, что Корабль отнюдь не весь мир, а всего лишь песчинка, затерянная в гигантской Вселенной, судно, движением которого можно управлять, одна лишь мысль владела Хью Хойландом, тогда еще пленником-рабом Джо-Джима, одно лишь желание обуревало его сесть за пульт управления и вести Корабль! Мечты Хью и в сравнение не шли с мечтами земных астронавтов. Стремление в космос, жажда полетов на космических кораблях, подражание романтическим героям-астронавтам были естественными для всех земных мальчишек еще с тех пор, как взлетела первая ракета. Но Хью-то мечтал вести в Полет не просто космический корабль, а весь свой мир! Замысли земляне оснастить свою планету двигателями и ринуться сквозь Галактику, и то их мечта уступала бы в дерзновенности намерениям Хью.

Новый Архимед обрел рычаг. Теперь он искал точку опоры.

Джо– Джим остановился на пороге гигантского стеллариума Главной рубки и заглянул внутрь. Хью он не видел, но был уверен, что тот расположился в кресле Главного навигатора, огни были включены. На стенах ярко мерцало изображение звездного неба, воспроизводимого телескопами с пунктуальной точностью.

Хью, сидя в кресле, гасил сектор за сектором, оставляя лишь один на противоположной себе стороне, отличавшийся от других изображением большого сверкающего шара, затмевающего своей яркостью соседние звезды. Джо-Джим полез к креслу Хью.

– А, это ты, – обернулся тот.

– Вылезай, тебя ждет Эртц.

– Хорошо, но сначала посмотри...

– Да пошли ты его... – сказал брату Джо, но Джим ответил:

– Будет тебе, право, давай посмотрим. Дело ведь недолгое.

Джо– Джим вскарабкался на соседнее с Хью кресло.

– Что еще там? – буркнул Джо.

– Посмотри на эту звезду, – показал Хью на яркий шар. – Она намного больше, чем была в прошлый раз.

– Да она давно уже растет, – ответил Джим. – Когда мы сюда пришли в первый раз, ее почти совсем не было заметно.

– Значит, мы приближаемся к ней.

– Разумеется, – согласился Джо. – Факт давно известный.

Еще одно доказательство, что Корабль движется.

– А почему ты мне раньше не говорил?

– О чем?

– О звезде. О том, что она растет.

– Что нам проку с того, что она растет?

– «Что нам проку!» Да в этом же все дело! Это же конец Полета, место, указанное Джорданом!

Слова Хью привели обе головы Джо-Джима в замешательство.

Мысли близнецов не шли дальше обеспечения собственной безопасности и привычных удобств, им трудно было понять, что Хью, да и Билл Эртц руководствовались совсем другими соображениями – желанием возродить утраченные достижения далеких предков и довести до конца их дело – давно забытый, превратившийся в мистику Полет на Далекий Центавр.

Первым пришел в себя Джим:

– Почему ты думаешь, что именно эта звезда и есть Далекий Центавр?

– Плевать мне. Центавр она или не Центавр. Но мы к ней ближе, чем к остальным и продолжаем приближаться. Одна звезда ничем не хуже другой, когда все равно не знаешь, где которая из них. Слушай, Джо-Джим, а ведь древние умели различать звезды.

– Умели, – ответил Джо. – Но нам-то что с этого? Выбрал ты себе звезду, ну и добро пожаловать. А я пошел вниз.

– Хорошо, я тоже спускаюсь, – неохотно поднялся с кресла Хью.

Эртц изложил Джо-Джиму и Хью содержание своей беседы с Нарби.

– Вот что я предлагаю, – продолжал он. – Я пошлю Алана обратно к Нарби и велю ему передать, что мне удалось вступить с тобой в контакт, Хью, и что я прошу его подняться сюда на ничейную палубу, где покажу ему кое-что очень важное.

– Почему бы тебе самому за ним не пойти и не привести его сюда? – спросил Хью.

– Потому, что так пытался сделать ты, когда пришел ко мне и хотел все объяснить. – Эртц смутился. – Ты вернулся от мьютов с

невероятными рассказами, и я тебе не поверил, отдав под суд по обвинению в ереси. Если бы не Джо-Джим, быть бы тебе сейчас в Конвертере. И если бы ты не взял меня в плен и не затащил бы в Рубку, где я все увидел собственными глазами, я бы так тебе и не поверил. Пойми, что Нарби – орешек не менее твердый, чем был я. Мы должны заманить его сюда, а потом показать ему звезды и заставить его их увидеть. Добром, если получится, силой, если потребуется.

– Не понимаю, – сказал Джим, – чего с ним цацкаться. Куда проще перерезать ему глотку.

– Перерезать ему глотку было бы славно, но вряд ли практично. Ты даже не представляешь, Джим, насколько Нарби может быть вам полезен. В Совете нет офицера авторитетнее Нарби. Более того, он давно уже вершит делами от имени Капитана. Перетянув его на свою сторону, мы вообще сможем избежать войны, в исходе которой я, честно сказать, не совсем уверен.

– Сомневаюсь, что Нарби придет. «У него нюх на ловушки», – сказал Хью.

– Тем более должен идти Алан, а не я. Меня Нарби сразу начнет «копать», а с Алана взятки гладки. Он ничего не скажет Нарби, кроме того, о чем мы договоримся.

– Точно. Знать ничего не знаю, видеть ничего не видел, – сказал Алан и добавил честно и откровенно: – Я вообще никогда особенно важного не знал.

– Джо-Джима ты не видел, о звездах слыхом не слышал. Ты просто мой телохранитель и ординарец. Нарби передашь следующее. – Эртц подробно объяснил Алану, как и что следует говорить. Удостоверившись в том, что тот все понял, он пожелал ему доброй еды.

– Доброй еды, – ответил Алан, стиснув рукоять ножа, и отправился в путь.

Послание Эртца Алан изложил Нарби шепотом, чтобы не подслушал слуга, стоявший за дверью.

– Эртц хочет, чтобы я шел с тобой в страну мьютов? ошеломленно уставился на него Нарби.

– Не совсем туда, сэр. На ничейную палубу, где можно будет встретиться с Хью Хойландом.

– Что за абсурд! Да я просто пошлю стражу арестовать его и доставить сюда! – взорвался Нарби.

Алан понял, что наступил решающий момент. Он нарочно повысил голос, чтобы слуга за дверью, а может быть, и клерки, услышали его:

– Эртц велел передать, что если вы испугаетесь идти, то можете оставить эту затею. Он сам подымет вопрос на заседании Совета.

Своим дальнейшим существованием Алан был обязан только тому, что Нарби был человеком интеллекта, а не грубой силы.

Посматривая на нож на поясе Нарби, Алан с тоской вспоминал свое оружие, которое сдал начальнику охраны, входя в покои Старпома.

Нарби сдержал гнев. Он был слишком умен, чтобы отнести оскорбление на счет стоящего перед ним придурка, хотя и пообещал себе уделить этой деревенщине немного особого внимания в более подходящее время. Сейчас же на принятом им решении сказались в равной мере и задетое самолюбие, и любопытство, и потенциальная угроза потери лица.

– Ты отведешь меня к Эртцу, – сказал ой сурово, – и я проверю, правильно ли ты передал его слова.

Нарби хотел было взять с собой конвой, но передумал. Не стоило обнародовать дело, не разобравшись во всех его политических аспектах, да и взять охрану в данном случае все равно что не пойти совсем. Но он нервно спросил Алана, когда тот получал обратно свое оружие:

– Ты хорошо владеешь ножом?

– Даже очень, – бодро ответил Алан.

Нарби от души понадеялся, что Алан не хвастун. Последнее время он часто жалел, что раньше пренебрегал военной подготовкой. Следуя за Аланом, он постепенно успокоился.

Во– первых, ничего особенного не случилось, во-вторых, Алан производил впечатление опытного и надежного разведчика.

Двигался он бесшумно, никогда не забывая тщательно обшарить палубу взглядом, прежде чем вылезти на нее из люка. Нарби вряд ли бы сохранил свое с трудом обретенное спокойствие, услышь он то, что слышал из тускло освещенных проходов Алан – шорохи, из которых было ясно, что за их продвижением следят с флангов. Алана эти шорохи настораживали, хотя он их и ожидал, понимая, что Хью и Джо-Джим слишком опытны, чтобы оставить проходы без прикрытия. Но, будучи настороже, он все же не испытывал беспокойства – это пришлось бы делать, не сумей он прикрытия обнаружить. Дойдя до условленного места. Алан, остановился и свистнул. Раздался ответный свист.

– Это я. Алан, – крикнул он.

– Выйди на открытое место и покажись!

Алан вышел вперед, не теряя, однако, бдительности.

Убедившись, что его встречают друзья – Эртц, Хью, Джо-Джим и Бобо, он сделал Нарби знак следовать за ним.

При виде Джо-Джима и Бобо восстановившееся было самообладание Нарби лопнуло. Он понял, что попал в ловушку.

Выхватив нож, Старпом метнулся назад, однако Бобо крутанул свою пращу еще быстрее. На мгновение все застыли, но Джо-Джим резко выбил из его рук оружие.

Нарби удирал что было сил. Хью и Эртц тщетно звали его назад.

– Бобо, возьми его! Живьем, – скомандовал Джим.

Бобо рванулся вперед.

Вскоре он вернулся и, уложив Нарби на пол, заметил:

– Быстро бегает.

Нарби лежал, почти не двигаясь, стараясь восстановить дыхание. Бобо вытащил из-за своего пояса отнятый у Старпома нож и попробовал его на жестких волосах своей левой руки.

– Хороший клинок, – одобрительно хмыкнул он.

– Верни ему нож, – приказал Джо.

Бобо удивился, но выполнил приказ, забрав у Джо-Джима свою пращу.

Нарби был удивлен не меньше Бобо тем, что получил свое оружие обратно. Но чувства свои он умел скрывать намного лучше карлика. Он даже сумел изобразить достоинство, принимая нож обратно.

– Послушай, – обеспокоенным голосом начал Эртц, – мне очень жаль, что так вышло. Но другого пути удержать тебя не было.

Усилием воли Нарби восстановил холодное самообладание, с которым обычно воспринимал жизнь со всеми ее поворотами.

«Проклятье, – подумал он, – ситуация просто идиотская. Ну, ладно».

– Забудем об этом, – сказал он вслух. – Просто я шел на встречу с тобой, а увидел вооруженных мьютов. В странные ты игры играешь, Эртц.

– Приношу свои извинения. Следовало, конечно, предупредить тебя, – Эртц позволил себе маленькую дипломатическую ложь. – Но позволь представить тебе Джо-Джима, он у мьютов все равно что у Экипажа офицер. А с Бобо ты уже познакомился.

– Доброй еды, – вежливо сказал Джо.

– Доброй, еды, – машинально ответил Нарби. Наступило неловкое молчание. Нарби первым нарушил его.

– Я полагаю, Эртц, что у тебя были серьезные причины послать за мной.

– Серьезные, – согласился Эртц. – Настолько, что даже не знаю, с чего начать. Слушай, Нарби, ты мне не поверишь, но я видел собственными глазами: все, что нам сообщил Хью, было абсолютной правдой. Я был в Главной рубке. Я видел звезды.

Нарби уставился на него.

– Эртц, – сказал он размеренно, – ты сошел с ума.

– Ты говоришь так, потому что не видел, – взволнованно выпалил Хью, – но Корабль движется. Корабль…

– Погоди, Хью, дай я сам, – остановил его Эртц. – Слушай меня внимательно. Нарби, сам решай, что к чему, сам делай выводы, но сейчас я хочу рассказать тебе то, что видел и понял я. Меня отвели в Капитанскую рубку – помещение со стеклянной стеной. И за стеной –

необъятное пустое черное пространство, такое большое, что ничего больше быть не может, больше Корабля!

И в нем горят звезды! Звезды, о которых мы читали в древних мифах!

– Ты ведь считаешься Ученым. – На лице Нарби изумление смешивалось с отвращением. – Где же твоя логика? «Больше Корабля»! Абсурд! Одно понятие противоречит другому: Корабль есть Корабль. Весь остальной мир лишь его часть. Ты увидел или убедил себя, что увидел что-то из ряда вон выходящее, но чем бы ни было явление, увиденное тобой, оно не может быть больше того объема, в котором содержится. Таковы элементарные законы физической природы мира.

– Словами этого не объяснишь… – снова начал Эртц.

– Конечно, не объяснишь, и я про то же.

Близнецы перешептывались друг с другом с видом полнейшего омерзения. Наконец Джо громко сказал:

– Хватит болтать! Пошли!

– Верно, – охотно согласился Эртц, давай отложим спор до тех пор, пока ты не удостоверишься собственными глазами, Фин, пора в путь, идти нам далеко.

– Идти? Куда еще идти?

– Наверх, в Главную рубку.

– Не смеши меня. Я иду вниз.

– Нет, Нарби. Вниз ты сейчас не пойдешь. Я и вызвал тебя сюда только для того, чтобы отвести в Рубку.

– Не валяй дурака. Мне туда идти незачем, у меня и так хватает здравого смысла во всем разобраться. Тем не менее ты заслуживаешь поощрения за установление дружественных контактов с мьютами. Полагаю, мы можем выработать определенные принципы сотрудничества с ними…

Джо– Джим шагнул вперед.

– Попусту тратишь время, – ровным голосом сказал Джим. – Мы идем наверх, и ты идешь с нами.

– Об этом не может быть и речи, – покачал головой Нарби. – Но не исключено, что я соглашусь позже, когда мы выработаем принципы сотрудничества.

С противоположной стороны к нему придвинулся Хью Хойланд.

– Если ты не понял, что к чему, то позволь тебе объяснить: ты идешь с нами наверх. Сейчас.

Нарби взглянул на Эртца. Эртц кивнул:

– Именно так дела и обстоят, Нарби.

Нарби злобно выругался про себя. Великий Джордан! Ну и влип. Где только была его голова, когда он согласился идти на встречу с Эртцем? Идиотская ситуация, просто идиотская. А этот двухголовый только и ждет, чтобы он, Нарби, полез в драку. Он опять выругался про себя и сдался, сохраняя, насколько было возможно, хорошую мину при плохой игре.

– Хорошо, я пойду, чтобы не затевать бессмысленных споров. Показывайте дорогу.

– Держись за мной, – ответил Эртц.

Джо– Джим подал условный сигнал пронзительным свистом, и к отряду мгновенно присоединились с полдюжины мутантов, то ли выросшие из-под палубы, то ли горохом скатившиеся с потолка.

Нарби даже стало плохо от страха, внезапно охватившего его с новой силой: он только сейчас понял до конца, как далеко завела его неосторожность.

Шли они долго – Нарби с непривычки еле тащился за остальными. По мере подъема равномерное ослабление силы тяжести помогало ему, но оно же и вызывало приступы тошноты. Конечно, как и все, рожденные на борту Корабля, он в какой-то мере адаптировался к ослабленной силе тяжести, но на верхние палубы не забирался со времен бесшабашной юности, и сейчас ему приходилось нелегко. Незадолго до конца пути он совсем выбился из сил. Джо-Джим отослал охрану вниз и приказал было Бобо нести его, но Нарби отмахнулся. Согласно плану Хью, они пошли прямо в Капитанскую рубку. В какой-то мере Нарби уже был подготовлен к тому, что его ожидает, как сбивчивыми объяснениями Эртца, так и оживленными рассказами Хью, который держался подле него большую часть пути. Хью даже проникся симпатией к Нарби – наконец-то нашелся свежий слушатель!

Хью вплыл в дверь первым, сделал аккуратное сальто в воздухе и уцепился рукой за кресло. Другой рукой он широким жестом обвел гигантское окно.

– Смотри, вот они! Разве это не прекрасно?

Лицо Нарби сохраняло прежнюю невозмутимость, но он долго и пристально смотрел на звезды.

– Занятно, весьма занятно, – заметил он наконец. – Никогда не доводилось мне видеть ничего подобного.

– «Занятно» – воскликнул Хью. – Это не то слово.

Чудесно, великолепно!

– Пусть будет чудесно, – согласился Нарби. – Эти маленькие огоньки и есть те самые звезды, о которых говорится в мифах?

– Да, – ответил Хью, испытывая какое-то смутное беспокойство, – но они вовсе не маленькие. Они огромны, как Корабль. Они кажутся маленькими из-за гигантского расстояния.

Видишь ту, которая поярче? Она больше, чем другие, потому что ближе. Я думаю, это и есть Проксима Центавра, хотя точно не уверен, – сознался он в приливе откровенности.

Нарби быстро глянул на него, потом снова на большую звезду.

– Как далеко до нее?

– Не знаю. Но буду знать. В Главной рубке есть специальные приборы для измерения расстояния, только я пока еще в них не разобрался. Дело не в этом. Главное – мы прилетим туда, Нарби!

– Вот как?

– Вот именно! И завершим Полет!

Нарби хранил непроницаемое молчание. Старпом обладал хорошо дисциплинированным умом и в высшей степени логичным

мышлением. Способный администратор, он умел при необходимости принимать мгновенные решения, но по характеру был склонен по мере возможности воздерживаться от выводов и суждений, пока как следует не переварит и не усвоит полученную информацию. Сейчас, в капитанской рубке, Нарби был еще более неразговорчивым, чем обычно. Он внимательно смотрел и слушал, но почти ни о чем не спрашивал. Хью не обращал внимания на это. Рубка была его гордостью, его любимой игрушкой. Он был счастлив одним тем, что мог показать ее новому зрителю и без умолку рассказывать о ней.

На обратном пути по предложению Эртца все остановились у Джо-Джима. Кровным братьям было просто необходимо, вовлечь в свое дело Нарби, в противном случае вся операция теряла смысл.

Старпом против задержки возражать не стал, придя к выводу, что его безопасности во время этой беспрецедентной вылазки в страну мутантов действительно ничто не угрожает.

Он выслушал Эртца, изложившего их намерения. Но хранил молчание до тех пор, пока у того не лопнуло терпение.

– Мы ждем ответа!

– Ждете моего ответа?

– Разумеется. От тебя многое зависит.

Это Нарби знал. Знал он и то, какой ответ от него ожидается, но по привычке тянул время.

– Что же, – Нарби важно выпятил губу и сплел пальцы. – Мне кажется, что проблему следует разделить на два пункта. Если я правильно понял, Хью Хойланд не может выполнить задуманное и исполнить древний План Джордана, пока весь Корабль не будет объединен под единой властью, пока на всем пространстве от страны Экипажа до Главной рубки не воцарятся единый порядок и дисциплина. Так?

– Именно. Мы должны подобрать вахту для Главного двигателя и...

– Извини, я не кончил. Да и, говоря откровенно, пробелы образования не позволяют мне понять техническую сторону вашего плана. Поэтому здесь я целиком полагаюсь на мнение Главного инженера. Техническое исполнение Плана Джордана это как раз второй пункт общей проблемы. Естественно предположить, что ради его осуществления ты неизбежно заинтересован в первом.

– Безусловно.

– В таком случае давай ограничимся сейчас первым этапом.

Здесь перед нами стоят вопросы чисто политического и административного характера, в которых я разбираюсь лучше,

нежели в инженерных. Итак, Джо-Джим ищет возможности добиться мира между мьютами и Экипажем. Мира и доброй еды для всех, не так ли?

– Верно, – согласился Джим.

– Отлично. Я и ряд других офицеров давно уже стремимся к тому же. Но должен признать, что мне и в голову никогда не приходили иные пути достижения этой цели, кроме применения силы. Мы готовились к долгой, тяжелой и кровавой войне. Ведь в самых древних наших летописях, которые Свидетели передают друг другу по наследству еще с незапамятных времен Мятежа, не найти и упоминания ни о каких других отношениях между нами и мьютами, кроме войны. Но я рад от всей души, что открываются возможности более разумных отношений.

– Так, значит, ты с нами! – воскликнул Эртц.

– Спокойно, спокойно, не все сразу. Здесь многое необходимо обдумать. И ты, Эртц, и я, и Хойланд отлично понимаем, что отнюдь не все офицеры Корабля пойдут за нами. Как быть с ними?

– Проще простого, – вставил Хью. – Будем их приводить по одному в рубку, показывать звезды и объяснять, что к чему.

– У тебя носилки несут носильщиков, – отрицательно покачал головой Нарби. – Я ведь сказал уже, что во всем этом деле вижу два этапа. Нет нужды убеждать человека в том, во что он никак не поверит, когда тебе требуется прежде всего его согласие на более практичные, вполне доступные его пониманию действия. Вот когда мы действительно объединим Корабль под одним руководством, тогда – и только тогда – мы сумеем без затруднений открыть офицерам тайну Рубки и звезд.

– Но…

– Он прав, – остановил Хойланда Эртц. – Не стоит ввязываться в бесконечные религиозные дебаты, когда на первом плане стоит проблема чисто практическая. Очень многие офицеры станут на нашу сторону, если мы выдвинем программу умиротворения и объединения Корабля, но они же, безусловно, выступят против нас, если мы начнем с посягательств на основные каноны религии и заявим, что Корабль движется.

– Но…

– Никаких «но». Нарби прав. Его точка зрения продиктована здравым смыслом. Теперь я изложу Нарби наши соображения по поводу тех офицеров, которых мы не сумеем убедить. Ну, во-первых, конечно, наш с тобой долг провести разъяснительную работу среди

них, завербовать как можно больше сторонников. Что до остальных, то Конвертер нуждается в сырье постоянно.

Нарби кивнул. Мысль об убийствах и расправах как о методах проведения политического курса нисколько не смущала его.

– Это, конечно, подход самый надежный и деловой, но будут трудности в его осуществлении.

– Вот тут-то и пригодится Джо-Джим. За ним будут стоять лучшие бойцы Корабля.

– Ясно. Стало быть, Джо-Джим властен над всеми мьютами?

– С чего ты это взял? – прорычал Джо, неизвестно почему задетый за живое.

– У меня сложилось такое впечатление.

Нарби замолчал. Ему ведь действительно никто не говорил, что Джо-Джим – владыка всех верхних палуб, просто он так уверенно держался... Нарби стало не по себе. Неужели все эти переговоры были напрасны? На кой Хафф ему сдался пакт с двухголовым монстром, если он не представлял всех мьютов?

– Я должен был объяснить сразу, – торопливо вставил Эртц, – Сейчас Джо-Джим самый сильный вождь среди мьютов. Он поможет нам захватить власть, а там при нашей поддержке станет владыкой всех верхних палуб.

Нарби быстро проанализировал ситуацию, исходя из новых данных. Мьюты против мьютов при незначительном участии бойцов Экипажа – это, пожалуй, наилучший способ ведения войны. К тому же такой вариант более приемлем, чем немедленное перемирие, хотя бы потому, что к концу войны мьютов в любом случае станет меньше, чем сейчас. И их будет легче взять под контроль, что значительно сократит опасность любых потенциальных мятежей.

– Ваша идея мне ясна, – заявил он. – А как вы себе представляете последующее развитие событий?

– Что ты имеешь в виду? – поинтересовался Хойланд.

Эртц отлично понимал, куда гнет Нарби, Хойланд же только начал смутно догадываться.

– Кто будет новым Капитаном? -Нарби смотрел Эртцу прямо в глаза.

Заранее Эртц этого вопроса не обдумал и лишь сейчас понял его важность. Только решив вопрос о Капитанстве, можно предотвратить кровавую борьбу за власть после переворота. Эртц и сам питал иногда надежды на пост Капитана, но он хорошо знал, что Нарби метит на него давно. Теперь же Эртц также глубоко, как и Хойланд, был захвачен романтикой плана возобновления управляемого полета

Корабля. Осознав, что былое честолюбие может помешать осуществлению новой мечты, он отказался от него почти без малейшего сожаления.

– Капитаном будешь ты, Фин. Ты согласен?

Финеас Нарби принял предложение с великодушием.

– Пожалуй, да, коль скоро таковы ваши мнения. Ты и сам был бы отличным Капитаном, Эртц.

Эртц покачал головой, отлично понимая, что с этого мгновения Нарби с ними целиком и полностью.

– Я останусь на посту Главного инженера: хочу заняться двигателями во время Полета.

– Экие вы быстрые, – перебил их диалог Джо. – Я, между прочим, не согласен. С какой это стати Капитаном будет Нарби?

Финеас смерил его взглядом:

– Ты претендуешь на этот пост? Он произнес свои слова осторожно, избегая малейшего намека на сарказм. Подумать только, мьют лезет в Капитаны!

– Нет, Хафф побери! Но при чем здесь ты? Почему не Эртц или не Хью?

– Я не могу, – заявил Хью. – Мне придется заниматься навигацией, и на административные вопросы у меня времени не останется.

– Пойми, Джо-Джим, Нарби единственный из нас, кто способен склонить на нашу сторону других офицеров, – сказал Эртц.

– Не перейдут к нам, так перережем им глотки, и дело с концом!

– Если Нарби будет Капитаном, обойдемся без кровопролития.

– Не нравится мне это, и все тут, – прорычал Джо, но его брат возразил:

– С чего ты заводишься? Видит Джордан, нам-то такая ответственность не нужна.

– Я вполне понимаю ваши опасения, – вкрадчиво начал Нарби, – но думаю, что они беспочвенны. Без вашей помощи мьютами я управлять все равно не смогу. Я оставлю за собой управление нижними палубами, это для меня дело привычное, а вы, если согласитесь, будете Вице-Капитаном страны мьютов. Глупо с моей стороны браться за управление страной, которую я не знаю, и народом, обычаи которого мне неизвестны. Нет, я не приму пост Капитана, если вы не согласитесь помочь мне. Итак, ваше решение?

– Нет, – отрезал Джо.

– Очень жаль. В таком случае я вынужден отказаться от Капитанства. Вез вашей помощи оно мне не по плечу.

– Перестань, Джо, – стоял на своем Джим, – давай согласимся, хотя бы временно. Не можем же мы бросить все на полпути.

– Ладно, пусть будет так, – сдался Джо, – но не нравится мне все это.

Нет нужды пересказывать утомительные подробности дальнейших переговоров. Было решено, что Эртц, Алан и Нарби вернутся вниз к своим обычным обязанностям и займутся тайной подготовкой переворота.

Хью выделил им охрану до нижних палуб.

– Значит, пошлешь к нам Алана, когда все будет готово? спросил он Нарби.

– Да, но не жди его скоро. Нам с Эртцем потребуется время, чтобы навербовать сторонников. Даже убедить старого Капитана созвать общее собрание всех офицеров Корабля будет непросто.

– Что ж, это твое дело. Доброй еды.

– Доброй еды.

В тех редких случаях, когда объявлялся общий сбор всех Ученых-жрецов и офицеров Корабля, заседание проводилось в большом зале, расположенном на самой верхней палубе цивилизованного мира. В стародавние забытые времена, еще задолго до Мятежа, возглавленного младшим механиком Роем Хаффом, здесь размещался гимнастический зал, место развлечения и спорта, о чем нынешние его хозяева и понятия не имели.

Нарби, прячущий тревогу за бесстрастным выражением лица, наблюдал за дежурным клерком, регистрирующим прибывающих. Как только придут несколько опоздавших, он вынужден будет доложить Капитану, что все в сборе, и не сможет больше оттягивать начало собрания, а сигнала от Хью и Джо-Джима все нет и нет. Неужели этот дурень Алан дал себя убить, когда шел наверх с посланием?

Упал ли он с трапа и свернул свою никчемную шею? Или нож мьюта проткнул ему живот?

Вошел Эртц. Прежде чем занять свое место среди высших чинов, он подошел к Нарби, сидящему перед креслом Капитана.

– Ну как? – тихо спросил он.

– Все готово, – ответил Нарби, – но ответа пока нет.

Эртц и Нарби оглядели зал, подсчитывая своих сторонников. Не большинство, конечно, но все же... Однако в данном случае дело решится не голосованием, так что...

Дежурный клерк тронул Нарби за рукав:

– Все на месте, сэр. Нет только больных и офицера дежурной вахты Конвертера.

Нарби приказал об этом уведомить Капитана; самого его охватило предчувствие беды – что-то пошло не так.

Капитан, как обычно, не считаясь ни с кем, не торопился на собрание. Нарби был рад отсрочке, но переживал ее мучительно.

Наконец старик вплыл в зал, развалясь в окруженных стражей носилках.

Как всегда, с первой минуты совещания он нетерпеливо ждал конца, поэтому, знаком приказав всем сесть, он сразу же обратился к Нарби:

– Изложите повестку дня, Нарби. Надеюсь, вы ее подготовили?

– Так точно. Капитан.

– Так огласите же ее, огласите! Чего вы ждете?

– Есть, сэр. – Нарби обернулся к клерку-чтецу и вручил ему пачку исписанных листков. Клерк просмотрел их, на лице его промелькнуло удивление, но, не получив от Нарби никаких других указаний, он приступил к чтению.

– Петиция Совету и Капитану. Лейтенант Браун, администратор деревни сектора э 9, просит уволить его в отставку по причине преклонного возраста и плохого состояния здоровья...

Клерк подробно перечитал рекомендации соответствующих офицеров и ведомств. Капитан раздраженно ерзал в кресле и наконец, не вытерпев, перебил чтеца:

– В чем дело, Нарби? Вы что, не можете разобраться с текущими делами сами?

– У меня сложилось впечатление, что Капитан был недоволен решением, принятым мною в прошлый раз по аналогичному вопросу.

Я не имею намерения посягать на прерогативы Капитана.

– Что за бред! Вы еще, может быть, Уставу меня учить вздумаете? По этому вопросу должен принять решение Совет и представить его на мое утверждение.

– Так точно, сэр.

Нарби забрал у клерка листки и дал ему другие, содержащие не менее пустячное дело. Деревня сектора э 3, ссылаясь на неожиданную болезнь, поразившую растения их гидропонных ферм, просила оказания помощи и временной отмены налогов. Капитан взорвался при первых же словах клерка. И если бы в этот момент Нарби не получил известия, которого так ждал, ему пришлось бы туго. Человек из его охраны пересек зал и вложил ему в руку клочок бумаги с одним

только словом: «Начинай». Нарби мельком глянул на нее, сделал знак Эртцу и обратился к Капитану:

– Сэр, поскольку вы не намерены выслушивать петиции своего Экипажа, я сразу же перейду к основному вопросу повестки дня. – Еле прикрытая наглость этих слов заставила Капитана впиться взглядом в его лицо, но Нарби продолжал как ни в чем не бывало: – Уже давно, в течение жизни многих поколений. Экипаж страдает из-за враждебности мьютов. Наш скот, наши дети, наконец, мы сами находимся в постоянной опасности. На верхних палубах не чтут Устава Джордана. Даже сам Капитан-Помазанник не имеет туда свободного доступа. Из поколения в поколение мы слышим, что такова была воля Джордана – дети должны расплачиваться за грехи отцов. Однако я никогда не мог принять постулат веры, согласно которому Экипаж должен жить в вечных муках. Нарби сделал паузу.

Старый Капитан ушам своим не верил. Подняв руку и с трудом обретя голое, он выкрикнул:

– Ты оспариваешь Учение?

– Нисколько. Я лишь считаю, что действие Устава должно быть распространено и на мьютов. – Вы, вы... Вы освобождены от своих обязанностей, сэр – Ну нет, ответил Нарби, на этот раз и не думая скрывать издевку. – Нет. Сначала я выскажусь до конца.

– Взять его!

Но охранники Капитана не сдвинулись с места, хотя и чувствовали себя неловко. Охрану Капитана Нарби всегда подбирал сам. Повернувшись к ошеломленному Совету и поймав взгляд Эртца, Нарби сказал:

– Приступайте.

Эртц ринулся к двери. Нарби продолжал:

– Многие из присутствующих здесь разделяют мои взгляды, но мы всегда исходили из того, что за их утверждение придется воевать. По воле Джордана мне удалось наладить контакты с мьютами и заключить мир. Их вожди прибыли для переговоров с нами. Прошу. – И он указал на дверь.

Эртц вернулся в зал, за ним шли Хью Хойланд, Джо-Джим и Бобо. Хойланд свернул направо. Следовавшие за ним гуськом отборные головорезы Джо-Джима взяли зал в полукольцо. По левой стороне зала такая же цепочка выстроилась вслед за Джо-Джимом и Бобо. Зал был окружен.

Джо– Джим, Хью и по полдюжины бойцов в обеих колоннах были одеты в грубо сработанные железные доспехи, спускающиеся ниже пояса. Головы их прикрывали неуклюжие шлемы, сделанные из стальных решеток, чтобы не затруднять обзора. Одетые в доспехи бойцы, как и многие другие, были вооружены невиданными ножами в руку длиной.

Офицеры без труда остановили бы вторжение в узких дверях зала, но, застигнутые врасплох, обескураженные и растерянные, они были беспомощны, тем более что нежданных гостей привели их собственные наиболее авторитетные вожди. Беспокойно шевелясь в креслах, хватаясь за ножи, офицеры искали во взглядах друг друга совета. Но ни у кого не хватило решимости сделать шаг, который послужил бы сигналом к началу битвы.

– Так что же, согласны вы принять мирную делегацию мьютов? – повернулся к Капитану Нарби.

Казалось бы, что возраст и привычка к безбедной жизни удержат Капитана от ответа, вообще удержат его от каких бы то ни было ответов на будущее, но он прохрипел:

– Убрать их! Убрать! А ты, ты отправишься за это в Полет!

Обернувшись к Джо-Джиму, Нарби поднял вверх большой палец.

Джо– Джим шепнул что-то Бобо -и нож по самую рукоять вошел в жирное брюхо Капитана. Тот даже не вскрикнул, только жалобно всхлипнул, и лицо его приняло выражение крайнего удивления и растерянности. Неловко нащупав рукоять ножа, как бы желая убедиться, что в животе у него действительно сидит клинок.

Капитан прохрипел: «Мятеж, мя...» – и тяжело рухнул лицом на стол.

Нарби ногой спихнул труп на пол и приказал двум охранникам убрать его. Те беспрекословно повиновались, обрадованные, что нашелся наконец хозяин, который будет ими командовать. Нарби обратился к застывшему в молчании залу: – Кто еще возражает против мира с мьютами? Престарелый офицер, в спокойствии и уюте проживший жизнь в отдаленной деревне, встал и выпятил костлявый палец в сторону Нарби. Седая борода его тряслась от возмущения.

– Джордан накажет тебя за это! Грех и мятеж! Ты продал душу Хаффу!

Нарби сделал знак, и слова старика застряли в горле.

Острие ножа, пронзив шею, вышло у уха. Бобо был доволен собой.

– Хватит, поговорили, – объявил Нарби. – Лучше обойтись малой кровью сейчас, чем большой кровью потом. Те, кто согласен со мной встаньте и выйдите вперед.

Эртц показал пример, шагнув первым и увлекая за собой самых верных своих сторонников. Он поднял нож острием вверх.

– Салют Финеасу Нарби, Капитану-Помазаннику! Его сторонникам ничего не оставалось, кроме как провозгласить здравицу новому Капитану.

Нарби хором салютовали и молодчики из его клики – костяк блока рационалистов Ученых-жрецов. Увидев, куда склоняется чаща весов, к ним начали присоединяться и остальные. Лишь незначительная кучка офицеров, в основном стариков и религиозных фанатиков, осталась на местах.

Увидев, что Нарби приказал собрать их всех вместе и сделал знак головорезам Джо-Джима, Эртц взял его за руку.

– Их мало, и опасности они не представляют, – сказал он. – Давай просто разоружим их и уволим в отставку.

Нарби неприязненно посмотрел на него.

– Оставить их в живых – значит посеять семена раздора и мятежа. Я вполне способен принимать решения самостоятельно, Эртц.

– Хорошо, Капитан, – закусил губу Эртц.

– Так-то оно лучше, – Нарби подал знак Джо-Джиму.

Длинные ножи работали быстро. Хью держался подальше от места расправы. Его старый учитель Лейтенант Нельсон, администратор их деревни, заметивший когда-то способности Хью и отобравший его для учебы, был в числе убитых. Такого поворота событий Хью не предвидел.

За покорением мира следует его объединение. Верой или мечом. Бойцы Джо-Джима, усиленные людьми Капитана Нарби, прочесывали средние и верхние палубы. Мьютам, закоренелым индивидуалистам, по самому образу жизни не способным, подчиняться ни кому, кроме вождя собственной маленькой шайки, было не по плечу противостоять плано - мерному наступлению Джо-Джима, да и оружие их не шло ни в какое сравнение с длинными ножами, разящими насмерть, когда обороняющийся только готовился еще парировать удар.

По стране мьютов поползла молва, что лучше всего без боя покориться армии Двух Мудрых Голов – сдавшимся будет обеспечена добрая еда. Иначе верная смерть.

Но дело шло медленно – столько было палуб, столько миль мрачных коридоров, бесчисленных жилищ, в которых могли укрыться непо - коренные мьюты. Операция замедлялась и по мере продвижения вперед, поскольку Джо-Джим ввел патрули-

рование и внутреннюю охрану в каждом завоеванном секторе, на каждой палубе и у каждого люка.

К глубокому огорчению Нарби, Двухголовый из этих боев выходил живыми невредимым. Джо-Джим уяснил из своих книг, что генералу нет нужды принимать непосредственное участие в схватках.

Хью не покидал Рубки. И не только потому, что был поглощен головоломными приборами, в которых пытался разобраться. Смерть Лейтенанта Нельсона вызвала у него отвращение к кровавой чистке. К насилию он привык давно, оно и на нижних палубах было в порядке вещей, но сейчас что-то смутно мучило его, хотя осознанно он себя в гибели старика не винил. Просто он бы предпочел, чтобы обошлось без этого.

Но приборы, приборы! Да, вот чему стоило отдать свое сердце! Он ведь взялся за дело, перед которым спасовал бы любой грамотный землянин, заведомо зная, что управление звездолетом требует глубокой подготовки и богатого опыта полетов на более простых кораблях.

Но Хью Хойланд этого не знал. Поэтому он смело взялся за дело и добился своего.

На каждом шагу ему помогал гений создателей этого корабля.

Управление большинством механизмов всегда основано на простейших движениях: вперед-назад, направо-налево, вверх-вниз и бесчисленном множестве их комбинаций. Настоящие трудности в работе с механизмами и машинами лежат в их эксплуатации, ремонте, профилактике и обслуживании.

Однако приборы и двигатели звездолета «Авангард» не нуждались в ремонте или замене сносившихся частей. Их изощренность превышала обычный уровень, движущиеся детали в них вообще не использовались, и трение не играло роли; они не нуждались в настройке. Хью никогда бы не смог разобраться в этом оборудовании, никогда не научился бы ремонтировать его. Но этого и не требовалось.

«Авангард» в ремонтниках не нуждался. За исключением разве что вспомогательного оборудования – подъемников, конвейеров, линий доставки еды, автомассажеров и так далее. Все это оборудование, в котором применение движущихся частей было неизбежным, сносилось и пришло в негодность еще задолго до появления первого Свидетеля. Детали и целые механизмы, потерявшие значение и смысл, либо были отправлены в Конвертер как бесполезный хлам, либо были приспособлены для практических нужд. Хью и знать не знал, что это когда-то существовало; остатки

каких-то разобранных приспособлений в различных помещениях Корабля были в его глазах естественным природным явлением.

Проектировщики «Авангарда» исходили из того, что он достигнет цели не ранее чем через два поколения. Они ставили своей задачей по мере возможности облегчить судьбу будущих, еще не рожденных пилотов, которые доведут «Авангард» до Проксимы Центавра. Хотя такого упадка технической культуры, какой имел место в действительности, проектировщики не предвидели, они все же старались, как умели, максимально упростить управление Кораблем" сделать его наглядным, легкодоступным.

Земной подросток, в меру смышленый, выросший в развитой стране и с детства знакомый с самой идеей космических полетов, разобрался бы в пульте управления «Авангарда» за несколько часов. Хью, выросший в невежестве, в вере, что Корабль – это и есть весь мир, долгие годы не умевший выйти в своем воображении за пределы палуб и коридоров, был вынужден потратить на это много времени. Основным камнем преткновения были две абсолютно чуждые его восприятию концепции – глубокое пространство и метрическое время. Он научился обращаться с дистанциометром прибором, специально разработанным для «Авангарда» – и снял с него данные о расстоянии до нескольких ближайших звезд, но это все равно ничего не говорило ему. Они измерялись в парсеках и в его глазах были бессмысленны. Попытавшись с помощью Священных книг перевести их в линейные единицы, он получил цифры, которые ему казались смехотворными и заведомо неверными. Проверка за проверкой чередовались долгими раздумьями, прежде чем перед ним забрезжило хоть какое-то туманное представление об астрономических величинах.

Эти величины ошеломили и напугали его. Им овладели чувства отчаяния и безнадежности. Он покинул Рубку и занялся выбором жен. Впервые с тех давних пор, как он попал в плен к Джо-Джиму, он почувствовал интерес к женщинам и получил возможность его, удовлетворить. Выбор был большой. Подросло новое поколение деревенских девушек, да и к тому же военные операции Джо-Джима сделали многих женщин вдовами. Хью воспользовался своим высоким положением в новой иерархии Корабля и выбрал себе двух жен: молодую вдову, сильную и умелую самку, привыкшую создавать домашний уют мужчине. Он поселил ее в своем новом жилище предоставил свободу действий в доме и позволил ей сохранить свое прежнее имя – Хлоя. Вторая была девушкой необузданной и дикой, как мьют. Хью и сам не знал, почему он выбрал именно ее.

Уметь она ничего не умела, но чем-то привлекала его. Имени ей он так и не придумал.

Метрическое время заставило его поломать голову не меньше, чем астрономические величины, но эмоциональных потрясений не вызвало. В мире Корабля и понятия такого не было. Экипаж имел представление об обиходных основных понятиях: «сейчас», «прежде», «было», «будет», даже такие, как «медленно» и «быстро», но идея измеряемого времени была утрачена. На Земле даже первобытные племена имели понятия измеряемого времени, хотя бы только дней и времен года, но ведь все земные концепции измеряемого времени строятся на астрономических явлениях, а Экипаж был от них изолирован давным-давно.

На пульте управления Хью нашел единственные сохранившиеся в Корабле часы, но ему долго пришлось ломать голову, прежде чем он понял их назначение и связь с другими приборами. Пока он не разобрался в этом, управление Кораблем было ему недоступно.

Скорость и ее производное – ускорение – основываются на понятии измеряемого времени.

Но, как следует разжевав и усвоив две новые концепции и перечитав заново в их свете древние книги, он стал, хотя и в очень ограниченном смысле слова, астронавтом.

Хью искал Джо-Джима, чтобы спросить совета. Головы Джо-Джима всегда поразительно быстро соображали, особенно если ему была охота их напрячь. Но поскольку это случалось с ним не часто, он так и оставался во всем дилетантом.

У Джо– Джима Хью застал Нарби, уже собравшегося уходить.

Для успешного проведения кампании по умиротворению мьютов Нарби и Джо-Джиму часто приходилось совещаться. К их взаимному удивлению, они хорошо ладили. Нарби был умелым администратором.

Доверяя кому-то определенную ответственность, он не стоял над душой и не требовал отчета по каждой мелочи. Джо-Джим, в свою очередь, удивлял и радовал Нарби, что был намного способнее всех его офицеров. Симпатий они друг к другу отнюдь не испытывали, но чувствовали взаимное уважение к уму партнера и понимали, что их личные интересы совпадают.

– Доброй еды, Капитан, – по-уставному приветствовал Хью Нарби.

– А, привет, Хью, – ответил Нарби и снова повернулся к Джо-Джиму. – Так я буду ждать доклада.

– Да, мы его подготовим, – ответил Джо. – Вряд ли их там осталось больше дюжины. Мы их или выбьем оттуда, либо заморим голодом.

– Я не мешаю? – спросил Хью.

– Нет, я уже ухожу. Как идут твои грандиозные дела, дружище? – Он улыбнулся, и эта улыбка разозлила Хью.

– Дела идут хорошо, но медленно. Представить доклад?

– Не к спеху. Да, кстати, я наложил табу на обе руки и на двигатель, в общем, на весь ярус невесомости. И для Экипажа, и для мьютов. – Пожалуй, это правильно. Никому, кроме офицеров, не следует там пока шататься.

– Ты меня не понял. Я имею в виду всех, и офицеров тоже.

Исключая нас, разумеется.

– Нет, так не пойдет. Единственная реальная возможность убедить офицеров в нашей правоте – это показать им звезды!

– Именно поэтому я и наложил табу. Сейчас, когда я занят консолидацией власти, я не могу позволить смущать умы моих офицеров столь радикальными идеями. Разгорятся религиозные страсти, а это подорвет дисциплину.

Хью был настолько ошеломлен и расстроен, что даже не сразу нашелся с ответом.

– Но ведь это наша цель, – сказал он наконец. – Именно для этого тебя и сделали Капитаном.

– И как Капитану мне придется принимать окончательные решения по политическим вопросам. Данный вопрос исчерпан. Тебе не разрешается водить людей в невесомость до тех пор, пока я не сочту это возможным. Придется потерпеть.

– Он прав, Хью, – заметил Джим. – Не стоит создавать почву для разногласий, пока мы не закончим войну.

– Дайте-ка мне разобраться до конца, – стоял на своем Хью. – Эти меры носят временный характер?

– Можешь считать так.

– Что ж, ладно. Но постой-ка, ведь Эртцу и мне необходимо немедленно начать обучение помощников. – Хорошо, представь мне список кандидатов на утверждение.

Кого именно ты имеешь в виду?

Хью задумался, ему-то помощник не особенно был нужен. Хотя в рубке шесть кресел, один человек в кресле навигатора вполне мог управиться с пилотированием Корабля. То же касалось и Эртца...

– Эртцу потребуются носильщики, чтобы доставлять массу к Главному двигателю.

– Пусть составит список. Я подпишу. Проследи за тем, чтобы все носильщики были подобраны из мьютов, уже бывавших в запретной зоне ранее.

Нарби повернулся и вышел с видом правителя, завершившего аудиенцию. Хью посмотрел ему вслед.

– Не нравится мне это все, – сказал он Джо-Джиму. – Ну да ладно. Я ведь пришел поговорить совсем о другом.

– Что у тебя на уме, приятель?

– Слушай, как мы... Ну, понимаешь, завершим мы Полет. Мы сведем Корабль с планетой, как... – он соединил сжатые кулаки.

– Верно, продолжай.

– Так вот, когда мы сделаем это, что будет потом? Как мы выйдем из Корабля?

Этот вопрос застал близнецов врасплох и вызвал спор между ними. Наконец Джо перебил брата.

– Погоди-ка, Джим. Давай рассуждать логично. Если Корабль был построен для Полета, то ведь должна быть дверь, не так ли?

– Верно.

– Но на верхних палубах дверей нет. Следовательно, они должны быть внизу.

– Но там их тоже нет, – возразил Хью, – мы там все исследовали. Двери где-нибудь у вас, в стране мьютов. – В таком случае, – продолжал Джо, – их следует искать либо в передней, либо в задней части Корабля. Но за помещением Главного двигателя нет ничего, кроме переборок. Следовательно, искать надо в передней части:

– Глупо, – заметил Джим. – Там Главная и Капитанская рубки, и больше ничего...

– Ничего? А о запертых жилищах ты забыл?

– Там-то уж точно дверей наружу нет.

– Непосредственно наружу нет, но, может быть, через эти жилища к ним можно выйти, балда ты.

– От балды и слышу. Даже если ты прав, как ты их откроешь, умник?

– Что такое «запертые жилища»? – спросил Хью.

– Ты не знаешь? В переборке, за которой расположена дверь, ведущая в Главный двигатель, есть еще семь дверей.

Открыть их нам так и не удалось.

– Пойдем посмотрим. Может быть, это и есть то, что мы ищем.

– Время только терять, – буркнул Джим.

Но они пошли, прихватив с собой Бобо. Его сила могла пригодиться. Но даже вздувшиеся мышцы Бобо не справились с рычагами, которые, по-видимому, приводили двери в движение.

– Убедился? – иронически сказал брату Джим.

Джо пожал плечами:

– Ты был прав. Пошли отсюда.

– Подождите немножко, – взмолился Хью. – Кажется, на второй двери ручка чуть-чуть повернулась. Давай попробуем еще раз.

– Без толку это все, – ответил Джим.

– Раз уж пришли, давай попробуем еще, – возразил Джо.

Бобо приналег, вжавшись плечом под рычаг и упершись в пол ногами. Неожиданно рычаг подался, но дверь не открылась.

– Сломал, – сказал Джо.

– Похоже, что так, – согласился Хью и оперся на дверь рукой. Дверь распахнулась.

К счастью для всех троих, она не вела в Космос. В их жизненном опыте неоткуда было взяться представлению об открытом вакууме и его опасностях.

Короткий узкий коридор привел к еще

одной, на этот раз полуоткрытой двери. Силач Бобо распахнул ее без труда.

Еще шесть футов коридора, и они уперлись в очередную дверь.

– Не понимаю, – пожаловался Джим, пока Бобо занимался ею, – к чему эти бесконечные двери?

– Подожди, может, поймешь, – посоветовал ему брат.

За третьей дверью открылось помещение, состоящее из нескольких странных, маленьких, непривычной конфигурации жилищ.

Бобо двинулся вперед на разведку с ножом в зубах. Хью н Джо-Джим шли медленно, это странное место заворожило их.

Бобо вернулся, погасил скорость полета, опершись о переборку, вынул нож изо рта и доложил:

– Нет двери. Больше нет. Бобо смотрел.

– Должна быть, – настаивал Хью, раздраженный тем, что карлик разбил его надежды.

– Бобо хорошо смотрел, – пожал плечами мутант.

– Проверим сами.

Хью и Джо-Джим разошлись в противоположные стороны, внимательно осматривая и изучая помещение.

То, что Хью нашел вместо двери, заинтересовало его больше.

Находка просто была невозможной. Он хотел было позвать Джо-Джима, но Джим как раз в этот момент крикнул:

– Хью, иди сюда!

Хойланд неохотно оторвался от своей находки и пошел к близнецам.

– Слушайте, я там такое нашел...

– Плюнь на то, что ты нашел, – перебил его Джо. – Смотри сюда.

Хью посмотрел. Перед ним был конвертер. Маленький, но, несомненно, конвертер.

– Бессмыслица какая-то, – сказал Джим. – Зачем нужен конвертер в таком маленьком жилище? Ведь эта штуковина может обеспечить энергией и светом добрых полкорабля. Что ты об этом думаешь, Хью?

– Не знаю даже, что и думать, но если ваша находка кажется вам странной, то взглянем на мою.

– А ты что нашел?

– Пойдем покажу.

Хойланд привел Джо-Джима в маленькую комнату, одна стена которой была сделана из стекла. Стекло было темным, как будто извне что-то загораживало вид. Напротив стены стояли два кресла, в

подлокотниках которых и на приборных досках нередкими светились такие же квадратики маленьких огоньков, как в Главной рубке.

Джо– Джим попытался найти прибор, который воспроизвел бы панораму звездного неба на стеклянной стене перед ними. Попытки не увенчались успехом. Не мог же он знать, что это стекло не экран, а иллюминатор, заслоненный корпусом самого Корабля.

Манипулируя наугад пальцами, Джо-Джим включил приборы, над которыми зажглась надпись «Пуск». Слово это ничего не говорило ему, и он не обратил на него внимания. Тем более что ничего существенного не произошло, разве что замигал красный огонек и вспыхнула еще одна надпись: «Открыт герметический шлюз».

Джо– Джиму, Хью и Бобо очень повезло, что шлюз был открыт.

Затвори они за собой двери и оставь их далекие предки в Конвертере хоть несколько граммов массы, пригодной для превращения в энергию, все трое весьма неожиданно для себя очутились быв корабельной шлюпке, запущенной в космос без какой бы то ни было подготовки к полету: в маленьком космическом суденышке, систему управления которым они лишь смутно начали постигать по аналогии со схемой приборов Главной рубки.

Им вряд ли удалось бы ввести шлюпку обратно в док, вероятнее всего они разбились бы о Корабль.

И никто из них не подозревал, что найденное ими «жилище» само по себе было маленькой космической ракетой. Им и в голову никогда не приходило, что Корабль может быть оснащен шлюпками.

– Выключи свет, – попросил Хью.

Джо– Джим выполнил его просьбу.

– Итак?... – продолжал Хью. – Что вы думаете по поводу этой находки?

– Дело ясное, – ответил Джим. – Это вторая рубка. Раньше мы не знали о ней, потому что не могли открыть дверь.

– Нелогично, – возразил Джо. – Зачем Кораблю две рубки?

– А зачем человеку две головы? ответил вопросом на вопрос его брат. – С моей точки зрения, твое явное излишество.

– Не сравнивай, мы с тобой такими родились. Но Корабль-то строили по проекту.

– Ну и что? Мы же носим два ножа, разве нет? Мы что, так и родились с ними? Запас карман не тянет.

– Но как отсюда управлять Кораблем? – запротестовал Джо. – Ничего же не видно. Уж если дублировать управление, то в Капитанской рубке, оттуда видны звезды.

– А это что? – спросил Джим, показывая на стеклянную стену.

– Пошевели мозгами, – ответствовал Джо. – Эта стена выходит внутрь Корабля, а не наружу. Здесь нет приборов для воспроизведения звездного неба.

– Может, мы их просто не нашли.

– Хорошо, но тогда зачем здесь Конвертер? Уверяю тебя, его установили не случайно.

– Ну и что?

– Наверняка он как-то связан со всеми этими приборами…

– Почему ты так думаешь?

– А потому! С чего бы устанавливать в одном отсеке и приборы и Конвертер, если они друг к другу никакого отношения не имеют?

Хью, все время обескуражено молчащий, поднял голову. В аргументах братьев даже противоречия казались обоснованными и логичными. Запутанная ситуация. Но Конвертер, Конвертер…

– Послушайте! – вдруг выпалил Хью.

– Чего ты там еще надумал?

– А что, если… а что, если эта часть Корабля движется?

– Естественно. Весь Корабль движется.

– Да нет же, – сказал Хью нетерпеливо. – Я совсем о другом. Что, если эта часть Корабля может двигаться самостоятельно? Пульт управления и Конвертер! Вот в чем секрет – эта секция сможет отделиться от Корабля и летать сама по себе!

– Сомнительно.

– Возможно. Но если я все же прав, то мы нашли искомое.

Это и есть выход наружу.

– Как так? – спросил Джо. – Что за чушь! Здесь же нет двери.

– Но если эту штуку отвести от Корабля, то наружу можно выйти через дверь, в которую мы вошли!

Две головы одновременно повернулись к нему, потом посмотрели друг на друга. Джо-Джим повторил свой эксперимент с приборной доской.

– Видишь? – сказал Джим. – «Пуск». Пуск это значит привести корабль в движение.

– Почему же ничего не происходит?

– «Открыт герметический шлюз». Имеется в виду дверь, все двери, через которые мы прошли.

– Попробуем закрыть?

– Надо сначала включить Конвертер.

– Давай.

– Не спеши, не спеши. Кто знает, что получится? Вылетим еще, чего доброго, а обратно вернуться не сможем. Помрем тогда с голода.

– Х-мм-м, верно. Надо осмотреться, продумать все хорошенько.

Прислушиваясь к спору близнецов, Хью внимательно исследовал приборную доску, пытаясь разобраться, что к чему.

Увидев ящичек на панели перед креслом, он сунул в него руку. Смотрите, что я нашел!

– Книга? – сказал Джо.

– Да их у Конвертера целая куча.

– Покажи, – сказал Джим.

Хью открыл найденную книгу.

– "Бортовой журнал звездолета «Авангард», – прочитал он. – "2 июня 2172 года. Полет продолжается при прежней крейсерской скорости ".

– Что?! – завопил Джо. – Дай посмотреть!

– «3 июня. Полет продолжается при прежней крейсерской скорости».

«4 июня. Полет продолжается при прежней крейсерской скорости. В 13.00 капитан объявил список поощрений и дисциплинарных взысканий. См. Административный журнал».

«5 июня. Полет продолжается с прежней крейсерской скоростью». – Дай сюда!

– Подожди, – ответил Хью. – «6 июня. В 04.31 вспыхнул мятеж. Младший механик Хафф захватил несколько ярусов и, объявив себя Капитаном, предложил вахте сдаться. Вахтенный офицер объявил его арестованным и вызвал каюту Капитана. Ответа не было».

«04.35. Связь прервана. Вахтенный офицер отправил трех рассыльных известить Капитана, а также найти коменданта гауптвахты и содействовать аресту Хаффа».

«04.41. Конвертер отключен, перешли в свободный полет».

«05.02. Рассыльный Лэси, один из троих, посланных ранее вниз, вернулся врубку. Доложил на словах, что остальные двое Малькольм Янг и Артур Оирс – убиты, а его отпустили только для того, чтобы предложить вахте сдаться. Мятежники дают нам срок на размышления до 05.15».

Следующая запись в журнале была сделана другим почерком.

«05.45, Я сделал все возможное» чтобы связаться с другими постами и офицерами Корабля, но мои попытки не увенчались успехов. Исходя из сложившихся обстоятельств, считаю своим долгом покинуть рубку управления, не дожидаясь смены, и попытаться восстановить порядок в нижних ярусах. Поскольку мы не вооружены"

мое решение может быть ошибкой, но ничего другого мне не остается. Джин Болдуин, пилот третьего класса, вахтенный офицер".

– Это все? – спросил Джо.

– Нет, – ответил Хью.

"1 октября (приблизительно) 2172 года. Я, Теодор Маусон, бывший рядовой интендантской службы, был сегодня избран Капитаном «Авангарда». Со времени занесения в этот журнал последней записи многое изменилось. Мятеж был подавлен или, вернее, угас сам собой, но последствия его трагичны. Погиб весь командный состав, перебиты все пилоты и инженеры. Поэтому меня и выбрали Капитаном – не нашлось никого, более подходящего.

Мы потеряли около 90 процентов экипажа. Со дня мятежа не производились новые посевы, гидропонные фермы запущены, запасы продовольствия приближаются к концу. Среди не сдавшихся еще мятежников уже были отмечены случаи людоедства.

Моя первостепенная задача – установить хоть какое-то подобие порядка и дисциплины среди экипажа. Следует возобновить посевы и установить постоянную вахту у Вспомогательного конвертера, который теперь стал нашим единственным источником света, тепла и энергии".

Дата следующей записи не была указана.

"Последнее время мне было не до аккуратного ведения журнала. Сказать по правде, я даже приблизительно не представляю, какое сегодня число. Корабельные часы давно остановились. То ли из-за неполадок в Вспомогательном конвертере, то ли из-за внешней радиации. Поскольку Главный конвертер не функционирует, мы утратили поле радиационной защиты вокруг Корабля. Мой Главный инженер уверяет, что Главный конвертер можно пустить, но у нас нет навигаторов. Я пытался обучиться навигации по сохранившимся книгам, но математика слишком сложна для меня. Из-за радиации примерно каждый двадцатый ребенок рождается уродом. Я ввел спартанский кодекс – эти дети не должны жить. Суровая необходимость.

Я становлюсь стар и дряхл, пора подыскивать себе преемника. Я – последний на борту, кто родился на Земле, но и я мало что о ней помню – мне было пять лет, когда мои родители отправились в полет. Я не знаю, сколько мне лет сейчас, но ясно понимаю одно – до Конвертера мне осталось совсем немного.

В психологии моих людей происходит любопытный сдвиг. Они никогда не жили на планете, поэтому с течением времени им все труднее становится воспринимать какие-либо концепции, не

связанные непосредственно с Кораблем, или представлять себе природные явления, не связанные с жизнью в нем. Я оставил всякие попытки пробудить их воображение и мысль; они вряд ли пойдут на пользу, если у меня все равно нет надежды хоть когда-нибудь вывести мой экипаж из мрака. Жизнь у моих людей тяжелая, они выращивают урожай только для того, чтобы потом драться за него, отбивая налеты отщепенцев, все еще прячущихся в верхних палубах. Так зачем же растравлять их душу рассказами о лучшем бытии?

Я принял решение не передавать этот бортжурнал моему преемнику. Лучше я спрячу его в единственной сохранившейся после бегства мятежников шлюпке. Там он будет в безопасности, здесь же какой-нибудь идиот, не задумываясь, пустит его на топливо для Конвертера. Недавно я застал вахтенного в тот момент, когда он закладывал в Конвертер последний экземпляр бесценной «Внеземной энциклопедии». Проклятый дурень неграмотен, не умеет ни читать, ни писать. Надо издать закон об охране книг".

«Это моя, последняя запись. Я долго откладывал приход сюда, чтобы спрятать журнал в безопасное место, – подниматься на верхние палубы очень опасно. Но жизнь моя значения больше не имеет, а я хочу умереть уверенный в том, что сохранится правдивая летопись событий. Теодор Маусон, Капитан».

Когда Хью кончил читать, близнецы против обыкновения долго молчали. Наконец Джо глубоко вздохнул и сказал:

– Вот, значит, как оно все было.

– Жаль его, беднягу, – тихо вымолвил Хью.

– Кого? Капитана Маусона? Почему?

– Нет, не его. Я имел в виду пилота Болдуина.

Представляешь, каково ему было выходить за дверь, где его поджидал Хафф.

– Хью передернуло. Человек он был просвещенный, но при всей широте своих взглядов подсознательно представлял себе Хаффа – «Первым Хафф согрешил, будь он проклят вовек!» существом ростом с двух Джо-Джимов, силой с двух Бобо и с клыками вместо зубов. Хью заимствовал у Эртца несколько носильщиков, которые стаскивали трупы жертв военных действий к Главному конвертеру на топливо, и приказал им доставить в шлюпку запасы воды, продовольствия и массу для Конвертера. Нарби он об этом не сообщил и вообще утаил от него найденную шлюпку. Почему – сам не знал, просто Нарби раздражал его.

Между тем звезда на экране Главной рубки росла и росла, пока не превратилась в яркий сверкающий диск. Такой яркий, что на него больно было смотреть. Изменилось и ее положение – она переместилась почти в центр. Если Корабль продолжит свой неуправляемый дрейф, то опишет вокруг звезды гиперболу и снова исчезнет в глубинах космоса.

Хью долго, очень долго вычислял траекторию полета.

Сохранись на Корабле земное исчисление времени, он увидел бы, что у него ушло на это несколько недель. Еще дольше Эртц и Джо-Джим проверяли его расчеты и с трудом заставили себя поверить в правильность полученных ими цифр – до того они казались нелепыми. И еще больше времени ушло на то, чтобы убедить Эртца, что для сближения двух тел в пространстве необходимо прилагать силу, направленную в сторону, противоположную желаемой, то есть упереться пятками, изо всех сил затормозить и погасить силу инерции. Пришлось провести целый ряд экспериментов в свободном полете в невесомости, прежде чем Эртц поверил в это. Сам-то он просто собирался разогнать Корабль и на полном ходу направить его на звезду.

Хью и Джо-Джим рассчитали силу торможения, необходимую для погашения скорости «Авангарда» и вывода его на орбиту вокруг звезды, чтобы затем начать поиск планет. Эртц с трудом усвоил разницу между звездой и планетой. Алан вообще ничего не понял.

– Если мои расчеты верны, – сказал Эртцу Хью, – пора разгонять Корабль.

– Главный двигатель готов, – ответил Эртц. – У нас уже достаточно массы.

– Нужно идти к Нарби за разрешением.

– Это еще зачем?

– Он же Капитан, – пожал плечами Хью.

– Хорошо. Зови Джо-Джима и пойдем.

В помещении Джо-Джима они нашли Алана. – Коротышка сказал, что Двухголовый ушел к Капитану, – сообщил им Алан.

– Прекрасно. Мы как раз хотели позвать его туда. Алан, старик, мы начинаем!

– Уже? Вот здорово! – выпучил глаза Алан.

– Идем с нами к Капитану.

– Подождите, я только предупрежу свою бабу. – И он побежал в свое жилище, находившееся рядом.

– Балует он ее, – заметил Эртц.

– Иногда это от нас не зависит, – ответил Хью с отсутствующим взглядом.

Алан быстро вернулся, успев, однако, переодеться.

– Пошли! – крикнул он возбужденно.

Алан гордо вышагивал к кабинету Капитана. Он теперь стал значительным лицом – идет себе рядом с влиятельными друзьями, а охрана, знай, честь отдает. Давно прошли времена, когда его держали на побегушках.

Но часовой у двери не отступил, как обычно, в сторону, хотя и отдал честь.

– Дорогу! – резко сказал Эртц.

– Слушаюсь, сэр, – ответил часовой, не двигаясь с места. – Ваше оружие, пожалуйста.

– Ты что, идиот, не узнаешь Главного инженера?

– Так точно, сэр, узнаю. Прошу сдать оружие. Таков приказ.

Эртц пихнул его в плечо. Часовой уперся ногами в пол.

– Прошу извинить, сэр. Капитан строго-настрого приказал всем входящим к нему оставлять оружие у входа. Всем без исключения – Проклятье!

– Он хорошо помнит, что случилось с прежним Капитаном, – тихо вставил Хью. – Умный он парень, наш Нарби. – С этими словами он отстегнул нож и. отдал его часовому.

Эртц пожал плечами и сделал то же самое. Обескураженный Алан последовал их примеру, смерив стража испепеляющим взглядом.

Когда они вошли в кабинет, Нарби беседовал с Джо-Джимом.

На лицах близнецов застыло угрюмое выражение. Бобо казался голым без привычных пращи и ножей.

– Вопрос закрыт, Джо-Джим, – продолжал Нарби. – Таково мое решение. Я оказал вам любезность, изложив причины, побудившие меня к нему, но ваше согласие или несогласие не имеет значения.

– В чем дело? – поинтересовался Хью. Нарби поднял взгляд.

– Хорошо, что ты пришел, Хью, а то твой друг мьют начинает забывать, кто здесь Капитан.

– В чем дело? – повторил Хью. – Что здесь происходит?

– Он, – прорычал Джим, тыча пальцем а Нарби, – думает разоружить всех мьютов. – Но ведь война окончена, не так ли?

– Не было такого уговора. Мьюты должны были влиться в Экипаж. Разоружи сейчас мьютов, и Экипаж их всех перережет. У него-то ножи останутся.

– Придет время, у всех отберем, – заверил Нарби, но я сделаю это тогда, когда сочту нужным. Что у тебя, Эртц?

– Спроси Хью.

Нарби обернулся к Хойланду.

– Я пришел уведомить вас, Капитан, – по-уставному отчеканил Хью, – что мы намерены запустить Главный двигатель и перейти к управляемому Полету.

Если слова Хью и удивили Нарби, то никак уж не привели в растерянность.

– Боюсь, что вам придется обождать. Я все еще не считаю возможным допускать офицеров в невесомость.

– В атом нет необходимости, – сказал Хью. – Поначалу Эртц и я вполне справимся сами. Ждать больше нельзя. Если мы не начнем сейчас, то при жизни, нашего поколения Полет завершен не будет.

– Не будет так не будет.

– Что?! – выкрикнул Хью. – Нарби, ты что, не хочешь завершить Полет?

– Я не намерен проявлять поспешность.

– Что за ерунда, Фин? – спросил Эртц. – Что это на тебя нашло? Нам действительно пора начинать.

Нарби молча барабанил пальцами по столу. Потом сказал:

– Поскольку здесь высказываются некоторые сомнения относительно того, кому принадлежит власть, придется мне вам разъяснить, что к чему. Хойланд, в той мере, в какой твои забавы не мешали мне управлять жизнью Корабля, я был готов смотреть на них сквозь пальцы и позволять тебе развлекаться, ибо по-своему ты был весьма полезен. Но поскольку твои бредовые идеи становятся источником разложения Экипажа, угрозой моральному здоровью, спокойствию и безопасности народа Корабля, я вынужден положить им конец.

От изумления Хью лишился дара речи. Наконец он выдавил:

– Бредовые? Ты сказал, «бредовые»?

– Вот именно. Только псих или невежественный религиозный фанатик может уверовать, будто Корабль движется. Но поскольку и ты и Эртц имели честь удостоиться научного образования и невеждами вас считать нельзя, вы оба, безусловно, свихнулись.

– Во имя Джордана! – воскликнул Хью. – Ты сам, собственными глазами видел бессмертные звезды, и ты же называешь нас безумцами!

– Что все это значит, Нарби? – холодно спросил Эртц. – Ты что финтишь? И не вкручивай нам мозги, мы-то знаем, что ты был наверху и удостоверился в том, что Корабль движется.

– Я с интересом наблюдал за тобой, Эртц, – сказал Нарби – Но никак не мог понять: то ли ты решил использовать психоз Хойланда в своих интересах, толи сам сошел с ума, как и он.

Только теперь мне стало ясно, что ты тоже свихнулся.

Эртц сдержал гнев. – Будь любезен объясниться. Ты же был в Рубке, и как ты можешь утверждать, что Корабль не движется?

– Я был о тебе лучшего мнения как об инженере, усмехнулся Нарби. – Рубка не что иное, как ловкая мистификация. Фокус! Ты сам видел, что огни в ней включаются и выключаются – очень остроумное приспособление с инженерной точки зрения, надо сказать. Судя по всему, оно служило для культовых отрядов, чтобы возбуждать в верующих благоговение перед древними мифами. Но нам оно ни к чему. Вера Экипажа, итак, крепка. Сейчас Рубка может лишь возбудить нездоровые страсти, поэтому я ее уничтожу, а двери, ведущие в нее, опечатаю.

Не удержи его Эртц, Хью вцепился бы в Нарби.

– Спокойно, Хью, – сказал Эртц и продолжал: – Допустим даже, что Главный двигатель просто муляж, но что ты скажешь о Капитанской рубке? Ты ведь видел там настоящие звезды, а не их изображение.

– Эртц, да ты еще глупее, чем я думал! – Нарби расхохотался. – Должен сознаться, однако, что сначала Капитанская рубка и меня заинтриговала, хотя во все эти звезды я никогда не верил! Но Главная рубка помогла мне во всем разобраться. Капитанская рубка такой же фокус, как и она. Очень остроумное инженерное решение, безусловно. За ее иллюминатором находится еще одно помещение примерно такого же размера, но неосвещенное. На фоне этой тьмы маленькие огоньки действительно создают эффект бездонного пространства. Принцип тот же, что и в Главной рубке. Я просто поражен тем, что вы сами этого не поняли. Если очевидные факты противоречат логике и здравому смыслу, это означает, что вы

неправильно истолковали их, они лишь кажутся вам очевидными. Единственный, по-настоящему очевидный, основной факт природы – реальность Корабля, прочного, незыблемого, неподвижного мира. Все, что противоречит этой объективной реальности, не более чем иллюзия, самообман.

Вооруженный этим Учением, я начал искать секрет показанного мне фокуса и нашел его!

– Ты хочешь сказать, – спросил Эртц, – что действительно нашел путь по ту сторону стеклянной стены и собственными глазами видел механизмы, создающие иллюзию звезд?

– Нет, – ответил Нарби, – в этом нет необходимости. Не обязательно порезаться, чтобы убедиться в остроте ножа.

– Та-а-к, – протянул Эртц. И сказал после короткой паузы:

– Предлагаю тебе компромисс. Если Хью и я действительно сошли с ума, то вреда от нас все равно не будет, поскольку мы держим язык за зубами. Но мы попробуем запустить двигатели и доказать, что Корабль движется. Если ничего не выйдет, ты был прав, а мы ошибались. – Капитан не торгуется, – заявил Нарби. – Однако я обдумаю твое предложение. Вы свободны.

Эртц повернулся уходить, сдержав негодование, но взгляд его упал на каменные лица Джо-Джима.

– А как же с мьютами? – спросил Главный инженер. – Почему ты позволяешь себе так обращаться с Джо-Джимом? Не забывай, что ты стал Капитаном благодаря его ребятам.

На мгновение Нарби утратил выдержку, и маска собственного превосходства исчезла с его лица.

– Не вмешивайся не в свое дело, Эртц. Я не позволю держать здесь банды вооруженных дикарей. Таково мое окончательное решение.

– С пленными можешь поступать как хочешь, – сказал Джим, – но наш отряд оружие не сдаст. Таково мое окончательное решение. Им всем была обещана добрая еда до конца жизни, если они будут драться за тебя. Разоружаться мы не будем.

Нарби смерил его взглядом.

– Джо-Джим, – сказал он. – Я всегда считал, что хороший мьют – это мертвый мьют. Ты делаешь сейчас все, чтобы укрепить меня в этом мнении. Думаю, тебе небезынтересно будет знать, что к настоящему времени твою банду уже разоружили и перерезали.

Ворвалась ли стража по сигналу или по заранее отданному приказу, понять было трудно. В спины захваченных врасплох безоружных кровных братьев уперлись клинки ножей.

– Арестовать их, – приказал Нарби. Бобо взвизгнул и взглядом спросил Джо-Джима, что делать.

– Давай, Бобо! – крикнул Джо. Лягнув держащего его стражника, карлик прыгнул на человека, приставившего нож к спине Джо-Джима.

Растерявшись, тот потерял драгоценные полсекунды. Сбив его на пол ударом в живот, Джо-Джим вырвал у него из рук нож.

Хью катался по полу в обнимку со своим противником, сжав его кисть, державшую оружие. Джо-Джим нанес стражнику удар, и Хью вскочил на ноги с ножом в руках. Двухголовый огляделся и увидел кучу из четырех человек – Эртца, Алана и еще двоих.

Удары он наносил осторожно, чтобы не перепутать какой голове принадлежит чье тело.

– Возьмите их ножи, – приказал он своим друзьям, поднявшимся на ноги.

Его слова потонули в диком вопле. Бобо, так и не успевший отобрать оружие у врага, прибегнул к своему природному оружию.

Раскромсанное его зубами лицо охранника залилось кровью.

– Где его нож? – спросил Джо.

– Не могу дотянуться, – виновато ответил Бобо. Причина была очевидна – нож торчал из-под правой лопатки карлика.

Джо– Джим легонько потянул за рукоять. Лезвие было всажено глубоко и не выходило.

– Идти сможешь?

– Конечно, – прохрипел Бобо.

– Пусть пока останется в ране. Алан! За мной! Хью и Билл прикрывайте с тыла. Бобо – центр.

– Где Нарби? – спросил Эртц, прижав рукой рассеченную щеку.

Но Нарби исчез – выскользнул в дверь позади своего стола.

И эта дверь была заперта снаружи.

Клерки бросились врассыпную, когда кровные братья вырвались в приемную. Джо-Джим всадил нож в часового у двери, прежде чем тот успел поднять тревогу. Быстро разобрав свое оружие, они устремились на верхние ярусы.

Двумя палубами выше нежилых территорий Бобо зашатался и упал. Джо-Джим поднял его. – Выдержишь?

Карлик молча кивнул, на губах его выступила кровь. Еще палуб через двадцать стало ясно, что Бобо дальше идти не сможет, хотя его и поддерживали по очереди. Сила тяжести уже заметно уменьшилась. Алан поднатужился и поднял силача как ребенка. Они продолжали

лезть вверх. Алана сменил Джо-Джим. Они продолжали лезть вверх. Джо-Джима сменил Эртц. Затем Эртца сменил Хью.

Наконец они дошли до яруса, на который переселились после переворота. Хью, положив Бобо на пол, направился было в сторону жилищ, но Джо-Джим остановил его.

– Ты куда?

Домой, куда же еще?

– Ну и дурак. Именно туда за нами и придут.

– Куда же идти?

– В Корабле нам больше нет места. Пора отсюда сматываться.

Идем в шлюпку.

– Верно, – согласился Эртц. – Теперь на нас ополчится весь Корабль.

– Шанс на спасение сомнительный, но другого все равно нет, – сдался Хью. И опять повернул к жилищам.

– Нам же в другую сторону! – крикнул Джим.

Надо забрать наших женщин.

– К Хаффу женщин! Тебя схватят. Нельзя терять ни мгновения!

Но Эртц и Алан побежали за Хью.

– Ладно, – фыркнул им вслед Джим, – идите за вашими бабами. Но поторапливайтесь.

Джо– Джим сел, положив голову карлика на колени, и тщательно осмотрел его. Лицо Бобо посерело, на правой лопатке огромным красным пятном расплывалась кровь. Он вздохнул и потерся головой о бедро Джо-Джима.

– Бобо устал, хозяин.

Джо– Джим гладил его по голове, -Терпи, – сказал Джо, – сейчас будет больно.

Приподняв раненого, Джо-Джим выдернул нож. Струей хлынула кровь.

Джо– Джим посмотрел на смертельно длинное лезвие и прикинул глубину раны.

– Ему не выжить, – шепнул Джо.

Джим поймал его взгляд.

– Значит?

– Да, – кивнул Джо.

Джо– Джим ткнул извлеченным из раны ножом в свое бедро, но остался недоволен и выбрал один из собственных, острых как бритва ножей. Левой рукой он поднял подбородок Бобо и приказал:

– Смотри на меня, Бобо.

Бобо поднял на него глаза, пытаясь что-то сказать. Джо не сводил с него взгляда.

– Бобо молодец, Бобо сильный.

Карлик слабо ухмыльнулся. Нож вонзился в яремную вену, не задев горла.

– Бобо молодец, – повторил Джо.

Бобо снова раздвинул губы в усмешке. Когда глаза карлика остекленели и он перестал дышать, Джо-Джим поднялся и пошел в ту сторону, откуда должны были вернуться остальные. На ходу он проверил все свое оружие, подгоняя его так, чтобы было сподручнее.

Хью выбежал ему навстречу, запыхавшись.

– Заминка вышла, – переведя дыхание, пояснил он. – Коротышка мертв. И никого из твоих бойцов нет. Видно, Нарби не соврал, их и вправду перерезали. Держи. – И он протянул Джо-Джиму длинный нож и специально изготовленные доспехи с большим решетчатым шлемом, способным прикрыть обе головы сразу.

И Эртц, и Алан, и Хью тоже надели доспехи. Джо-Джим заметил свежий кровоподтек на губе младшей жены Хью. Держалась она мирно, а в глазах ее бушевала буря. Старшая жена, Хлоя, воспринимала все спокойно. Жена Эртца тихонько всхлипывала, жена Алана была так же обескуражена, как и ее хозяин.

– Как Бобо? – спросил Хью, помогая Джо-Джиму застегнуть доспехи.

– Бобо больше нет.

– Ясно. Ну что ж, пойдем.

Идти им было трудно, женщины не привыкли к невесомости. У Переборки, отделяющей шлюз шлюпки от Корабля, засады не было, хотя Джо и показалось, что он увидел человека, нырнувшего в люк. Но никому, кроме брата, он об этом не сказал.

Дверь опять заело, а Бобо теперь с ними не было. Мужчины налегли на нее. Наконец она поддалась.

– Заталкивай женщин внутрь, – скомандовал Джим.

– Да поживей, – добавил Джо. – Гости пожаловали.

Он был на страже, пока его брат занимался дверью. Крики из глубины коридора подтвердили его слова.

Джо– Джим прикрывал тыл, пока остальные вталкивали в шлюпку женщин. Младшая жена Алана, как всегда, в самый подходящий момент забилась в истерике и попыталась рвануться назад, но в невесомости это трудно было сделать. Хью от всего сердца пнул ее ногой и загнал в шлюпку.

Джо– Джим метнул нож, чтобы сдержать наступающих врагов. С полдюжины атакующих отпрянули назад. Потом, видно по команде, шесть ножей одновременно прорезали воздух.

Джим почувствовал удар, но боли не было. Он решил, что нож угодил в броню.

– Кажется, пронесло Джо! – крикнул он, но ответа не услышал. Джим повернул голову к брату. В нескольких дюймах от его глаз из прутьев решетки шлема торчал нож. Его лезвие ушло глубоко в лицо Джо. Джо был мертв. Хью высунулся в дверь.

– Скорее, Джо-Джим!

– Закрой дверь! – рявкнул Джим.

– Но…

– Закрой дверь, тебе говорят! – С этими словами Джим отпихнул его и закрыл дверь.

Хью лишь мельком увидел нож, воткнутый в лицо. Потом он услышал, как повернулся рычаг. Джим встретил атакующих лицом к лицу. Оттолкнувшись от переборки непривычно отяжелевшими ногами, он ринулся на врагов, сжав обеими руками свой страшный, в руку длиной клинок. Ножи противника сыпались на него, отскакивая от стальных доспехов. Он крутанул клинком и рассек одного стражника почти надвое.

– За Джо!

Удар отбросил его в сторону. Он перевернулся в воздухе, выпрямился и размахнулся снова.

– За Бобо!

Враги нависли над ним со всех сторон. Окруженный, он бил наугад, лишь бы попасть.

– А этот, на закуску, за меня!

Нож вонзился ему в бедро, но он даже не заметил этого.

– Один за всех!

Кто– то прыгнул ему на спину. Неважно, вот перед ним еще один, сталь возьмет его не хуже любого другого.

– Все за од… – он не договорил. Хью пытался открыть дверь, запертую снаружи, но у него ничего не получалось. Если здесь и был управляющий дверью механизм, то, где его искать? Он приложил ухо к стальной плите, но герметичная дверь звуков не пропускала. Эртц дернул его за руку.

– Где Джо-Джим? – Остался там.

– Что?! Открывай дверь, живо, втащим его сюда.

– Не могу, она не поддается. Он хотел там остаться, он сам захлопнул дверь.

– Но мы должны спасти его, мы же кровные братья!

Внезапно Хью осенило.

– Вот поэтому он и остался, – тихо сказал Хью и рассказал Эртцу то, что успел увидеть. – Для него Полет закончился. Займись Конвертером, Вилл. Нам нужна энергия.

Они вышли из шлюза и задраили за собой последнюю дверь.

– Алан, – крикнул Хью, – загони баб в угол, чтоб под ногами не путались!

Усевшись в кресло пилота, он выключил огни. Зажглась надпись: «Двигатель готов». Эртц делал свое дело.

– Пошел! – сказал сам себе Хью и включил пуск.

Толчок, прилив тошноты и он с ужасом почувствовал, что все начало вращаться. Откуда ему было знать, что это разворачивалась пусковая шахта?

Иллюминатор перед ними наполнялся звездами. Они летели! Но часть экрана закрывала огромная бесформенная масса, которую Хью никогда не видел, разглядывая звезды в иллюминатор Капитанской рубки. Сначала он не мог понять, что это такое, но, когда наконец сообразил, преисполнился благоговейным восторгом – это был Корабль, и он смотрел на него снаружи! Хотя разум его давно уже воспринял истинную природу Корабля, мысль о том, что он увидит Корабль извне, никогда не приходила ему в голову. Звезды – да, поверхность планеты – да, к этому он был уже готов, но наружную поверхность Корабля... Хью с трудом оправился от шока.

– Что это? – спросил Алан.

Хойланд пытался объяснить. Алан лишь покачал головой.

– Не понять мне этого.

– Ничего. Позови Эртца. И женщин тоже, покажем им.

– Ладно. Но только, – в Алане вдруг заговорил здравый смысл, – бабам показывать не стоит. Напугаются, дуры, они ведь никогда не видели звезд.

Удача, инженерный гений предков и крохи знания. Повезло, что Корабль оказался у звезды с планетной системой, повезло, что они смогли спустить шлюпку; повезло, что Хью сумел разобраться в пульте управления, прежде чем они затерялись в глубоком космосе и умерли от голода.

Гений предков снабдил их суденышко огромным запасом энергии и большой скоростью. Его создатели предвидели, что звездоплавателям все это понадобится для исследовательских экспедиций в солнечной системе, к которой направлялся «Авангард». Они строили шлюпку с максимальным запасом прочности, и Хью использовал его до предела.

Повезло им и в том, что они очутились в сфере планетарного притяжения, и в том, что орбита, по которой Хью направил шлюпку, совпадала с орбитами планет. Описывая эллипс, он вышел к гигантской планете. Хью долго маневрировал, забыв о сне и еде,

чтобы выйти на орбиту вокруг нее, но вышел в конце концов так близко, что увидел ее спутники. Удача сопутствовала ему до конца. Он намеревался было в своем невежестве совершить посадку на гигантскую планету. Удайся ему это, им всем осталось бы жить ровно столько, сколько требуется времени, чтобы открыть люк. Но отчаянное маневрирование, выход на орбиту вокруг планеты съели почти все топливо Конвертера.

Обложившись древними книгами, Хью без отдыха решал и решал уравнения, составленные предками для определения законов движения тел, считал и пересчитывал, выведя из терпения даже всегда спокойную Хлою. Вторая жена, безымянная, держалась от него подальше.

Но все полученные им ответы гласили, что ему придется пустить на топливо часть его бесценных книг, чтобы выйти к большой планете, даже если они сунут в Конвертер всю свою одежду и оружие. Он скорее сунул бы в Конвертер своих жен. В конце концов Хью решил совершить посадку на один из спутников планеты.

И опять везение, совпадение настолько невероятное, что трудно в него поверить. Спутник гигантской планеты был пригоден для жизни. Но подумайте сами – ведь для возникновения планеты такого типа, как наша Земля, тоже требуется комбинация обстоятельств, столь же невероятных. Наш собственный мир под нашими ногами тоже относится к разряду «Такого не бывает!».

Вероятность его существования просто смехотворно мала.

Так вот, именно такое везение и сопутствовало Хью Хойланду – везение невероятное.

Гений земных предков завершил дело. Хотя Хойланд и освоил маневрирование в космосе, при посадке он наверняка разбил бы любой корабль, построенный до «Авангарда». Однако проектировщики «Авангарда» знали, что шлюпками корабля будут управлять в лучшем случае пилоты второго поколения, и строили их, исходя из этого.

Хью ввел шлюпку в атмосферу и с видом победителя лег на курс, который доставил бы их всех прямиком в могилу, не возьми управление на себя включившийся автопилот.

Хью мотался в кресле и ругался так, что даже заставил Алана оторваться от иллюминатора и перенести свое удивленное восхищение с планеты на друга. Но вернуть управление шлюпкой он был бессилен. Чтобы он ни пытался делать, шлюпка шла сама по себе и на высоте тысячи футов легла на параллельный поверхности курс.

– Хью, звезды исчезли.

– Сам вижу.

– Джордан, что же это? Куда они делись, Хью?

Хью рявкнул на Алана:

– Не знаю и знать не хочу! Катись на корму к бабам и не приставай с идиотскими вопросами.

Алан неохотно ушел, посматривая в иллюминатор на ясное небо и на поверхность планеты. Ему было интересно, но не более, он давно уже потерял способность восторгаться.

Только через некоторое время Хью сообразил, что группа приборов, которыми он раньше и не пытался манипулировать, не понимая их назначения, как раз и отдает автопилоту приказ о посадке. Поскольку выяснилось это методом проб и ошибок, место для посадки Хью выбрал почти наугад. Но немигающие стереоглаза автопилота беспрерывно подавали информацию в селекторное устройство, которое исследовало ее и приняло решение. Корабль мягко приземлится в прерии неподалеку от опушки леса. Эртц кинулся к Хойланду.

– Что произошло, Хью?

Хью устало махнул рукой в сторону иллюминатора.

– Приехали.

Он был слишком измотан и духовно, и физически, чтобы обставить посадку какой-нибудь торжественной церемонией. Годы борьбы, суть которой он сам понимал более чем смутно, голода и жажды, годы пожирающих его душу стремлений почти не оставили ему способности испытывать радость, когда наконец он добился своего и достиг цели. Но они приземлились, они завершили Полет, начатый Джорданом. Хью чувствовал себя не то, чтобы счастливым, но умиротворенным и усталым бесконечно.

– Выйдем? – спросил Эртц.

– Давай.

Алан подошел, когда они отдраивали люк, за его спиной толпились женщины.

– Прилетели, Капитан?

– Заткнись, – ответит Хью.

Женщины глядели в иллюминатор. Алан гордо и неправильно объяснял им что к чему. Эртц открыл наружную дверь. Они вдохнули свежий воздух.

– Холодно, – заметил Эртц.

На самом деле температура была в лучшем случае градусов на пять ниже никогда не меняющейся температуры на борту «Авангарда». Но откуда было знать Эртцу, что такое погода?

– Чепуха, – буркнул Хью, неосознанно раздосадованный малейшей критикой в адрес «его» планеты.

– Это тебе кажется.

– Возможно, – не стал спорить Эртц.

Наступила неловкая пауза.

– Пойдем, – сказал он наконец.

– Пойдем.

Превозмогая нерешительность, Хью оттолкнул его и спрыгнул вниз. До земли было всего футов пять.

– Прыгайте, здесь здорово!

Эртц присоединился к нему. Оба невольно жались к Кораблю.

– Мир огромен, – прошептал Эртц.

– Мы же знали, что он именно такой и есть, – отрезал Хью, обеспокоенный охватившим его чувством потерянности.

– Эй! – Алан осторожно выглянул наружу. – Можно спускаться?

– Прыгай!

Алан одним прыжком присоединился к ним.

– Вот это да! – присвистнул он. Их первая вылазка закончилась футах в пятидесяти от Корабля. Они шли, держась кучкой, смотря под ноги, чтобы не споткнуться и не упасть на этой странной неровной палубе. Все было нормально, но Алан поднял голову и вдруг впервые в жизни не увидел потолка над собой. Головокружение и острый приступ агорафобии. Он застонал, закрыл глаза и упал.

– Что случилось? – спросил Эртц и тоже посмотрел вверх.

Приступ свалил и его.

Хью боролся с головокружением. Страх и боль бросили его на колени, но, упершись рукой в землю, он пытался подняться. Ему было легче – он так долго смотрел на бескрайние просторы планеты в иллюминатор.

– Алан! – завизжала его жена, высунувшись из люка. – Алан! Вернись!

Алан открыл один глаз, посмотрел на Корабль и пополз к нему на брюхе.

– Алан! – скомандовал Хью. – Прекрати! Сядь!

Алан повиновался с видом человека, от которого требуют слишком многого.

– Открой глаза!

Алан осторожно открыл глаза, но поспешно зажмурился снова.

– Сиди спокойно – и придешь в себя, – добавил Хью. – Я уже в порядке.

Чтобы доказать это, он выпрямился в полный рост. Голова у него еще кружилась, но он стоял. Эртц, лежащий до этого ничком, приподнялся и сел.

Солнце перевалило зенит. Прошло достаточно времени, чтобы сытый проголодался, а они отнюдь сытыми не были. Крайне простым способом уговорили выйти наружу женщин – вытолкав их пинками.

Отходить от Корабля те боялись и сгрудились в кучу. Но мужчины уже освоились и расхаживали даже в одиночку. На виду у женщин Алану было нипочем отойти от Корабля на целых пятьдесят ярдов. Во время одной из этих демонстраций он заметил маленького зверька, позволившему своему любопытству взять верх над осторожностью. Нож Алана сбил его, и зверек закувыркался в траве. Схватив жирную тушку за лапы, Алан гордо подбежал к Кораблю.

– Смотри, Хью, смотри! Добрая еда!

Хью одобрительно взглянул на него. Первый испуг прошел, и сейчас его охватило теплое чувство, как будто он наконец вернулся в свой далекий дом.

– Верно, – согласился он. – Добрая еда. Теперь, Алан, у нас всегда будет много доброй еды.

Гарри Гаррисон

Посвящается Джону У. Кемпбеллу, без чьей помощи никогда не была бы написана эта книга, как и изрядная доля современной фантастики.

Глава 1

Трубопровод пневмопочты тихо выдохнул в приемную чашку – патрон размером с карандаш. Сигнальный звонок тренькнул и смолк. Язон динАльт уставился на безобидный патрон так, словно это была бомба с часовым механизмом.

Тут какой-то подвох... Он почувствовал, как внутри все напряглось. В чашке лежал не официальный бюллетень и не извещение от гостиничной администрации, а запечатанное личное письмо. Но ведь он никого не знает на этой планете, еще и восьми часов не прошло, как он прибыл сюда на космическом корабле. У него даже имя новое – он сменил его в предпоследнем космопорту, – значит, никакого личного письма быть не должно. А между тем вот оно, лежит в чашке. Он сорвал ногтем печать и снял крышку. Искаженный записью металлический голос нельзя было опознать:

«Керк Пирр хотел бы встретиться с Язоном динАльтом. Жду в вестибюле».

Явный подвох, и, однако, никуда не денешься. Хоть бы оказалось, что это какой-нибудь безвредный тип. Скажем, коммивояжер. Или что его с кем-то спутали. Все же Язон спрятал под подушкой пистолет, сняв его с предохранителя: мало ли что может случиться... После чего передал дежурному администратору, чтобы гостя направили в его номер. Когда дверь отворилась, Язон полулежал на краю кушетки и прихлебывал какой-то напиток из высокого стакана.

«Бывший борец», – подумал Язон, глядя на вошедшего в номер седого богатыря. Так вот он какой, Керк Пирр. Не человек – скала, сплошные литые мышцы. Строгий серый костюм напоминал форменную одежду. К правому предплечью пристегнута шершавая потертая кобура, из которой холодно смотрело дуло пистолета.

– Ты – динАльт, игрок! – произнес незнакомец без тени учтивости. – У меня к тебе предложение.

Глядя на него поверх стакана, Язон проигрывал в уме возможные варианты. Это либо полиция, либо конкуренты, а он предпочел бы не иметь дела ни с теми, ни с другими. И во всяком случае, надо побольше разузнать, прежде чем ввязываться в какие-либо сделки.

– Простите, приятель, – Язон улыбнулся, – но вы ошиблись дверью. Я бы рад вам помочь, да только от моей игры больше выгадывают казино, чем я. Так что…

– Не будем играть в кошки-мышки, – перебил его властный, рокочущий голос Керка. – Ты динАльт, и ты же Боухилл. Если тебе этого мало, могу назвать планету Мэхаут, казино «Туманность» и кучу других. У меня есть предложение, от которого мы оба выиграем, так что лучше выслушай меня.

Язон продолжал улыбаться, словно речь шла не о нем, но весь напружинился. Этот мускулистый незнакомец знает вещи, которых ему знать не положено… Пора менять тему разговора.

– А у вас недурной пистолет, – сказал Язон. – Да только вид пистолетов действует мне на нервы. Я буду вам признателен, если вы его снимете.

Керк хмуро скосился на кобуру, как будто только сейчас ее заметил.

– Я никогда его не снимаю, – буркнул он с оттенком недовольства.

Прощупывание кончилось. Пора брать руль в свои руки, если он хочет выйти живым из этой переделки. Язон наклонился вперед, чтобы поставить стакан на стол, в это же время его правая рука как бы невзначай очутилась под подушкой. Пальцы нащупали рукоятку пистолета.

– Боюсь, что я буду вынужден настоять на своем. А то мне всегда как-то не по себе в обществе вооруженных людей.

Говоря это, Язон выхватил свой пистолет. Его рука двигалась мягко и быстро.

С таким же успехом он мог изображать замедленное кино. Керк Пирр стоял будто монолит, глядя, как пистолет появляется из-под подушки и поворачивается в его сторону. Он оставался безучастным до последней секунды. Но дальше он действовал молниеносно.

Только что его пистолет был в кобуре – и вот уже смотрит прямо в лоб Язону. Тяжелое, грозное оружие, дуло рябое от частого пользования. Язон понимал, что ему не жить, если он поднимет свой пистолет еще хоть на дюйм. И он осторожно опустил руку, браня себя за то, что дал порыву взять верх над рассудком. Керк вернул свое оружие в кобуру так же играючи, как выхватил его.

– Ну, хватит шутки шутить, – сказал Керк. – Займемся делом.

Язон протянул руку за стаканом и отпил добрый глоток для успокоения нервов. Он умел обращаться с оружием, быстрая реакция не раз спасала ему жизнь, а тут ему впервые утерли нос. Больше всего его злило то, как легко, походя, это было сделано.

– Никаких дел, – произнес он ледяным тоном. – Я прилетел на Кассилию отдыхать, у меня отпуск.

– Не будем морочить друг другу голову, динАльт, – нетерпеливо сказал Керк. – За всю жизнь ты и дня не занимался честным трудом. Ты профессиональный игрок, потому я и пришел к тебе.

Язон подавил ярость и швырнул пистолет на другой конец кушетки, чтобы не было соблазна покончить жизнь самоубийством. А он-то был уверен, что его никто не знает на Кассилии, приготовился взять большой куш в игорном доме... Ладно, потом разберемся. У этого атлета явно все продумано. Пусть прокладывает курс, и посмотрим, что он замыслил.

– Хорошо, что вам угодно?

Керк опустился в кресло, которое жалобно скрипнуло от такого груза, достал из кармана конверт, вскрыл его и бросил на стол пачку мерцающих галактических банкнотов. Язон взглянул на них и сразу выпрямился.

– Фальшивки? – спросил он, поднося один банкнот к свету.

– Самые настоящие, – заверил его Керк. – Сам получал их в банке. Двадцать семь штук – двадцать семь миллионов кредов. Мне нужно, чтобы ты играл на эти деньги в казино сегодня вечером. И нужно, чтобы ты выиграл.

Билеты и впрямь выглядели настоящими, к тому же можно было свериться в банке. Язон задумчиво перебирал их, глядя на своего собеседника.

– Не знаю ваших намерений, – сказал он. – Но учтите, что я ничего не могу гарантировать. Да, я играю, однако не всегда выигрываю.

– Ты играешь – и выигрываешь, когда очень хочешь выиграть, – отчеканил Керк. – Мы постарались удостовериться в том, прежде чем я обратился к тебе.

– Если вы хотите сказать, что я жульничаю...

Язон вовремя спохватился и взял себя в руки. Кажется, сейчас возмущаться вредно для здоровья...

А Керк, игнорируя нарастающий гнев Язона, продолжал ровным голосом:

– Хорошо, пусть это, по-твоему, не жульничество, а мне, по правде говоря, все равно. По мне, так хоть тузы в рукавах, хоть электромагниты в ботинках, лишь бы выигрыш был твой. Я пришел сюда не мораль с этикой обсуждать. У меня деловое предложение. Эти деньги дались нам тяжелым трудом, но все равно их слишком мало. Нам нужно три миллиарда кредов, ни больше ни меньше. Единственный способ их добыть – игра. Ставка – вот эти самые двадцать семь миллионов.

– А я что получу? – сухо спросил Язон, как будто в этом фантастическом предложении была хоть толика смысла.

– Все, что сверх трех миллиардов, можешь оставить себе. По-моему, это вполне справедливо. Сам ничем не рискуешь, а выиграешь – можешь обеспечить себя на всю жизнь.

– А если я проиграю?

Керк на миг задумался, мысль о проигрыше явно была ему не по вкусу.

– Да, это верно, ты можешь и проиграть. Я об этом не подумал… – Решение последовало сейчас же: – Что ж, проиграешь так проиграешь, приходится рисковать. Только боюсь, что тогда мне придется убить тебя. Во имя тех, кто отдал жизнь, чтобы добыть эти двадцать семь миллионов. – Он сказал это спокойно, без тени злобы, не угрожая, а констатируя факт.

Язон вскочил с кушетки, снова наполнил свой стакан, налил и Керку, который кивнул в знак благодарности, и нервно заходил по комнате. Ему не сиделось, слова Керка разозлили его, и в то же время так трудно было устоять против соблазна. На заядлого игрока такие речи действовали, как вид наркотика на наркомана.

Вдруг он остановился, поняв, что в душе давно уже все решил. Проигрыш, выигрыш, жизнь, смерть – да разве можно отказаться, когда речь идет о таких деньгах! Язон круто повернулся и направил указательный палец на атлета в кресле:

– Я согласен. Да вы, наверно, с первой минуты знали, что я соглашусь. Но с одним условием. Я хочу знать, кто вы такой, и кто эти люди, о которых вы все время говорите. И откуда деньги… Они краденые?

Керк осушил стакан и отодвинул его в сторону.

– Краденые? Ничего похожего. Эти деньги – плод двух лет упорного труда в рудниках и обогатительных цехах. Руда добыта на Пирре и продана здесь, на Кассилии. Проверить это ничего не стоит. Я сам ее продал. Я посланник Пирра на этой планете. – Он улыбнулся и продолжал: – Впрочем, не придавай слишком большого значения

этому титулу. Я числюсь посланником еще на пяти-шести планетах. Это очень сподручно, когда занимаешься бизнесом.

Язон поглядел на седовласого богатыря в поношенной одежде военного покроя и решил воздержаться от смеха. Ему доводилось слышать удивительные вещи про пограничные планеты, и не исключено, что каждое слово было правдой. Правда, про Пирр он никогда не слыхал, но это ничего не значит. Только в обитаемой части вселенной больше тридцати тысяч планет.

– Я проверю ваши слова, – сказал Язон. – Если все подтвердится, мы поладим. Свяжитесь со мной завтра…

– Нет, – отрубил Керк. – Деньги должны быть выиграны сегодня. Я уже выписал чек на эти двадцать семь миллионов, и деньги надо внести завтра утром, не то процент подскочит до Плеяд. Мы связаны сроком.

С каждой минутой затея пиррянина казалась Язону все более сумасшедшей и все более увлекательной. Он поглядел на часы. До вечера далеко, есть время проверить, говорит ли Керк правду или лжет.

– Ладно, пусть сегодня, – сказал он. – Но мне понадобится один из этих кредитных билетов для проверки.

Керк встал:

– Бери их все, мы встретимся снова только после твоего выигрыша. Конечно, я буду в игорном доме, но не показывай виду, что знаком со мной. Лучше, чтобы они не знали, откуда у тебя деньги и сколько их.

Секунду спустя он уже был за дверью – после рукопожатия, от которого у Язона осталось такое чувство, словно его рука побывала в железных тисках. Деньги… Держа их веером, будто карты, Язон смотрел на коричневые билеты с золотым тиснением и не верил своим глазам. Двадцать семь миллионов кредов. Что мешает ему сейчас попросту выйти с ними в эту дверь и исчезнуть? Ничто. Если не считать его гордости.

Керк Пирр, человек, фамилия которого совпадает с названием его родной планеты, – последний дурак во всей вселенной. Или… Или он не дурак. Судя по тому, как протекала их беседа, второе вернее.

«Он знает, что я предпочту играть на деньги, а не красть их», – подумал Язон и усмехнулся.

Потом он засунул в кобуру на поясе свой пистолет, положил деньги в карман и вышел из номера.

Глава 2

Электронный кассир в банке озадаченно звякнул при виде миллионной кредитки и включил световое табло, предлагающее клиенту пройти к вице-директору Узину. Вице-директор, скользкий тип с вкрадчивыми манерами, вытаращил глаза и слегка побледнел, когда Язон предъявил ему пачку кредиток.

– Вы... желаете поместить эти деньги в нашем банке? – спросил он, машинально поглаживая пальцами билеты.

– Не сегодня, – ответил Язон. – Мне вернули долг. Будьте любезны, проверьте их. И разменяйте – мне нужно пятьсот билетов по тысяче кредов.

Оба его внутренних кармана были очень плотно набиты, когда он покидал банк. Проверка подтвердила подлинность банкнотов, и теперь Язон чувствовал себя ходячим монетным двором. Первый раз в жизни ему было не по себе от обладания крупной суммой. Он остановил проходящее гелитакси и направился прямо в казино. Там он будет в безопасности, во всяком случае на время.

Казино «Кассилия» служило игорным центром для ближайшего звездного скопления. Язон попал сюда впервые, но он хорошо знал этот род заведений. Почти все свои зрелые годы он провел в таких же игорных домах разных галактик. Только оформление различается, а суть одна. На виду – игра и публичные развлечения, за кулисами – все то, чего не выставляют напоказ. Теоретически выигрыши не ограничивались, однако это правило действовало лишь до какого-то предела. Стоило кассе казино понести ощутимую потерю, как честная игра кончалась, и с этой минуты удачливому клиенту следовало глядеть в оба. Со всем этим Язон динАльт сталкивался тысячу раз, и сейчас он был в меру насторожен.

Ресторан был почти пуст, и метрдотель поспешил навстречу посетителю, костюм которого свидетельствовал о приличном доходе. Худощавый и темноволосый, Язон держался решительно и уверенно, его можно было скорее принять за представителя состоятельной династии, чем за профессионального игрока. Он придавал немалое значение этому образу и старался не выходить из него.

Кухня производила хорошее впечатление, а винный погреб оказался превосходным. В ожидании супа Язон подошел к бармену, и у них состоялся квалифицированный и увлекательный диалог, после чего он воздал должное трапезе.

Язон не торопился, и, пока ел, просторное помещение ресторана наполнялось людьми. После обеда он выкурил сигару и посмотрел

эстрадную программу. И когда он наконец перешел в игорные залы, там уже кипела жизнь.

Язон медленно совершил первый круг, оставил несколько тысяч тут, несколько тысяч там, не придавая значения исходу. Сейчас ему важнее всего было проверить свое чутье. Похоже, что игра ведется честно, столы – без подвохов. Конечно, подстроить что-нибудь недолго. Обычно в этом нет нужды, казино получают достаточный барыш.

За одним из столов он заметил Керка, но тот даже не оглянулся. Посланник Пирра играл по маленькой в семерку, проигрывал и обнаруживал явные признаки нетерпения. Очевидно, ждал, когда же сообщник поведет игру всерьез. Язон улыбнулся и не спеша пошел дальше.

Как обычно, Язон занял место за столом, где шла игра в кости. Самый верный способ выигрывать по малой.

«А если сегодня на меня накатит, очищу всю кассу этого казино!» – Он думал о своем секрете, благодаря которому никогда не оставался в проигрыше. А время от времени даже загребал большой куш и уносил ноги, не дожидаясь, когда его перехватят наемные головорезы.

Подошла его очередь, он выбросил восемь. Ставки были невысокие, и Язон не очень налегал, только следил, чтобы не было семи. Выполнив свою задачу, он отвалился, и кость перешла к соседу.

Сидя и машинально делая небольшие ставки, пока кость шла по кругу, Язон размышлял о своем свойстве: «Странно, сколько лет над этим бьются, а мы до сих пор так мало знаем про психокинез. Научились натаскивать людей – самую малость, развивать врожденные способности – чуть-чуть. И все».

Язон чувствовал себя в ударе, миллионы, оттопыривавшие его карман, сыграли роль импульса, который иногда помогал ему зажечься. Прикрыв глаза, он взял кости и мысленно погладил рисунок, образованный ямками. В следующую секунду они выскочили из его руки на стол, и он увидел семь. Есть!

Такого подъема он не ощущал много лет. А все эти миллионы кредов! Окружающее воспринималось предельно четко и ясно, кости беспрекословно слушались. Он знал с точностью до десятки, сколько денег в бумажниках у других игроков, мысленным взором видел все карты на руках у картежников за другими столами.

И Язон медленно, осторожно начал повышать ставки.

С костями все шло как по маслу, они катились и останавливались по его желанию, словно ученые собачки. Язон не торопился,

сосредоточил внимание на психологии игроков и крупье. Почти два часа ушло у него на то, чтобы довести выигрыш до семи миллионов кредов. Тут он перехватил сигнал дежурного, который сообщил дирекции, что казино грозит крупный проигрыш. Выждав, когда этот тип с колючими глазами вернулся к столику, Язон подул на кости, поставил все свои фишки и одним махом просадил их. Крупье облегченно улыбнулся, лицо дежурного посветлело, а Керк – Язон заметил это уголком глаза – побагровел.

Бледный, вспотевший Язон чуть дрожащей рукой полез во внутренний карман и достал конверт с новенькими кредитками. Распечатал его и бросил на стол два билета.

– Предлагаю не ограничивать ставок, – сказал он просящим голосом. – Дайте мне шанс отыграться.

Дежурный, с трудом сдерживая улыбку, переглянулся с крупье, который быстро кивнул ему. Дескать, попался простак, надо его обчистить. Весь вечер лазил в бумажник, а теперь вот распечатал конверт, рассчитывает вернуть проигрыш. Толстый конверт, и, наверно, деньги не его. Разумеется, их это меньше всего заботило. Не все ли равно, откуда деньги. Игра возобновилась, и представители казино позволили себе расслабиться.

Это было как раз то, чего добивался Язон. Надо хорошенько завести их, пока они не смекнули, что в конечном итоге казино может остаться с носом. Потому что тогда они, как говорится, пустят в ход тяжелую артиллерию, а эту минуту хотелось бы отодвинуть возможно дальше. Каждый выигрыш будет даваться ему с большим трудом, а психокинетический огонек может погаснуть так же внезапно, как вспыхнул. С ним это уже бывало.

Теперь поединок шел только между Язоном и казино, остальные игроки превратились в статистов. Зрители плотной стеной обступили столик. Сперва выигрыши чередовались с проигрышами, потом он взял подряд несколько крупных ставок – и гора золотых фишек стала быстро расти. Он прикинул, что дело идет уже к миллиарду. Кости по-прежнему слушались, но Язон весь взмок от напряжения. Он поставил все фишки и протянул руку за костями. Однако крупье опередил его своей лопаточкой.

– Казино требует сменить кости, – твердо сказал он.

Язон выпрямился и вытер руки платком, радуясь передышке. Уже третий раз казино меняло кости, пытаясь оборвать полосу его удачи. Правила допускали это. Дежурный с колючими глазами снова раскрыл свой бумажник и не глядя вытащил пару костей. Сорвав

целлофановую обертку, он бросил их через стол Язону. Выпало семь очков, и Язон улыбнулся.

Но когда он взял кости в руки, улыбка медленно сошла с его лица. Кости были прозрачные, абсолютно гладкие, одинаково тяжелые со всех сторон. И, тем не менее, с подвохом.

Кружочки на пяти гранях каждой кости были сделаны из какого-то сплава, вероятно, со свинцом. На шестой грани сплав был с железом. Кости будут катиться, как положено, пока не попадут в магнитное поле. А ведь всю поверхность стола под сукном можно превратить в магнит..., и он ни за что не заметил бы обмана, если бы не внутреннее зрение. Но что же теперь делать?

Медленно встряхивая кости, Язон окинул стол взглядом. Ага, вот то, что ему нужно. На металлической кромке стола стояла магнитная пепельница. Он перестал трясти кости, испытующе поглядел на них, быстро взял пепельницу и опустил ее донышком себе на ладонь.

Когда он снова поднял пепельницу, окружающие дружно ахнули. Кости прилипли к ней шестерками вниз.

– Вы это называете хорошими костями? – спросил Язон.

Рука дежурного метнулась к боковому карману. Один Язон видел, что произошло в следующую секунду. Его глаза были прикованы к этой руке, и самой уже взялся за свой пистолет. Но тут из-за чьей-то спины вынырнула могучая лапища, которая могла принадлежать только одному человеку. Большой и указательный пальцы на миг сомкнулись клешней вокруг запястья дежурного и тотчас отпрянули. Дежурный пронзительно вскрикнул, и вытянул руку вперед – сломанная кисть висела будто перчатка.

С таким фланговым прикрытием Язон спокойно мог продолжать игру.

– Прежние кости, если не возражаете, – сдержанно произнес он.

Огорошенный крупье повиновался. Язон быстро встряхнул кости и бросил их. Они еще не коснулись стола, когда он вдруг поймал себя на том, что не может ими управлять. Наитие кончилось.

Грани костей мелькали перед глазами, наконец, остановились. Семь очков.

Принимая выигранные фишки, Язон подсчитал сумму. Чуть меньше двух миллиардов кредов. Столько они получат, если он прекратит игру теперь. Но Керку нужно три. Ничего, обойдется. Он хотел уже встать, когда поймал взгляд Керка и увидел, как тот отрицательно мотнул головой.

– Ладно, – устало произнес Язон. – Еще один раз.

Он подул на кости, потер их о манжету и спросил себя, кой черт его сюда занес. Судьба миллиардов кредов решается парой игральных костей. Это же годовой доход какой-нибудь из планет поменьше. Не будь государство главным пайщиком казино, такие ставки были бы невозможны. Он долго тряс кости, тщетно стараясь восстановить свою власть над ними, наконец, бросил.

Вся прочая деятельность в казино прекратилась, люди стояли на столах и стульях, устремив взгляд туда, где играл Язон. Царила мертвая тишина. Кости звучно ударились о стол и покатились по сукну.

Пятерка и единица. Теперь все зависит от следующих попыток. Язон сгреб кости, прошептал над ними древние ругательства, приносящие счастье, и бросил снова.

Только на пятый раз выпало шесть. Толпа вздохнула вместе с ним, со всех сторон загудели голоса. Сейчас бы расслабиться, перевести дух, но Язон знал, что это исключено. Мало выиграть деньги – надо еще унести их. Причем так, чтобы не вызвать подозрений. Он остановил проходившего мимо официанта с полным подносом напитков и сунул ему в карман стокредовую бумажку.

– Я угощаю! – крикнул он, забирая поднос.

Болельщики мигом разобрали бокалы, и Язон принялся складывать на поднос фишки. Кажется, не уместятся... В эту минуту рядом с ним появился Керк с другим подносом.

– Я с удовольствием помогу вам, сударь, если позволите, – сказал он.

Язон поощрительно улыбнулся. Только теперь он смог по-настоящему рассмотреть Керка в его новом качестве. Пиррянин был одет в свободный вечерний костюм из легкой ткани пурпурного цвета, причем он явно подложил впереди что-то изображающее животик. Длинные мешковатые рукава усиливали впечатление тучности, скрывая могучие мышцы Керка. Нехитрая, но действенная маскировка.

Осторожно неся тяжелые подносы, они пробились между рядами возбужденных завсегдатаев к окошечку кассы. Их ожидал сам управляющий с вымученной улыбкой на лице. Но и эта улыбка исчезла, когда он подсчитал фишки.

– Вы не могли бы прийти завтра? Боюсь, у нас сейчас нет в наличии такой суммы.

– В чем дело? – закричал Керк. – Вздумали увильнуть? Небось меня обчистить вам ничто не помешало! Нет уж, рассчитывайтесь!

Его поддержали болельщики, которых всегда радовал проигрыш казино. Язон быстро нашел решение.

– Ладно, я согласен уступить, – громко сказал он. – Давайте наличными, сколько можете, на остальное выпишите чек.

Выхода не было, и под бдительным надзором злорадствующей публики управляющий набил кредитками конверт, затем выписал чек. Язон быстро пробежал его глазами, после чего, зажав под мышкой конверт, направился следом за Керком к двери.

В главном зале, набитом посетителями, никто их не тронул, но у выхода из казино дорогу им преградили двое.

– Минуточку, – начал один из них. Больше он ничего не успел сказать. Керк, не замедляя шага, продолжал идти вперед, а оба

незнакомца отлетели в стороны, будто кегли. В следующую секунду Керк и Язон были уже на улице и быстро шагали по мостовой.

– На стоянку, – сказал Керк. – У меня там машина.

Завернув за угол, они увидели мчащийся прямо на них автомобиль. Прежде чем Язон успел выхватить пистолет, Керк шагнул вперед. Его рука взметнулась вверх, и знакомое Язону грозное оружие, прорвав рукав, буквально прыгнуло ему в ладонь. Первый же выстрел убил шофера, автомобиль вильнул в сторону и врезался в дом. Два пассажира упали замертво возле дверец, обронив свои пистолеты на землю.

Больше им никто не мешал. Керк на полной скорости погнал свою машину прочь от казино. Ветер трепал разорванный рукав костюма, обнажая кобуру с пистолетом.

– Слушай, когда будет такая возможность, – заговорил наконец Язон, – объясни мне этот фокус с пистолетом.

– Когда будет такая возможность, – ответил Керк, сворачивая в туннель, ведущий в горо

Глава 3

Дом, у которого они остановились, явно принадлежал какому-то знатному кассилийцу. Пока они ехали, Язон успел пересчитать выигрыш и отложить свою долю – почти шестнадцать миллионов кредов. Прямо сказка… Когда они вышли из машины, он отдал Керку его деньги и чек.

– Вот твои три миллиарда, – сказал он. -И не думай, что они мне легко дались.

– Могло быть хуже, – услышал он в ответ.

– Сир Элл уже лег спать, – прохрипел репродуктор над дверью. – Пожалуйста, приходите утром. Прием только по предварительной зап…

Фраза оборвалась на полуслове, когда Керк высадил дверь, легонько надавив на нее ладонью.

Входя, Язон посмотрел на искореженный замок и снова подивился своему партнеру: «Сила… нет, это не просто сила… это как стихия. Похоже, его ничто не может остановить».

Его это злило и в то же время интриговало. Он сказал себе, что не отступится, пока не разузнает побольше про Керка и его планету. И про тех, кто умер ради денег, на которые он сегодня играл.

Сир Элл был человек в летах, лысеющий и сердитый. И отнюдь не привычный к тому, чтобы нарушали его покой. Впрочем, он тотчас перестал брюзжать, едва Керк бросил на стол деньги.

– Погрузка корабля закончена, Элл? Вот, получай, теперь мы в расчете.

С минуту Элл только молча щупал кредитки, потом наконец ответил:

– Корабль… а, да, конечно. Мы сразу начали погрузку, когда поступил аванс. Извините… но это как-то необычно. Мы такие сделки наличными не оформляем.

– А я предпочитаю деньги на бочку, – ответил Керк. – Авансовый чек я аннулировал, вот тут все полностью. Как насчет расписки?

Элл машинально написал расписку, потом вдруг опомнился. Крепко сжимая ее в руке, он озабоченно посмотрел на разложенные перед ним на столе три миллиарда.

– Погодите… Я не могу взять их сейчас, вам придется прийти еще раз завтра утром прямо в банк. Все как положено, – решительно заключил он.

Керк протянул руку и выдернул бумажку из пальцев Элла.

– Благодарю за расписку, – сказал он. – Завтра утром меня здесь уже не будет, лучше поладим так. А если вы боитесь за деньги, советую вызвать кого-нибудь из заводской охраны или из частной полиции. Все-таки спокойнее.

Когда они выходили через взломанную дверь, Элл лихорадочно набирал номера на пульте своего визифона.

Прежде чем Язон открыл рот, Керк уже ответил на его очередной вопрос:

– Надо думать, ты не прочь пожить подольше, чтобы иметь возможность истратить денежки, которые выиграл. Так что я заказал два места на межпланетном корабле. – Керк глянул на часы и продолжал: – Вылет через два часа, у нас еще куча времени. Я проголодался, поищем ресторан. Надеюсь, у тебя в гостинице не осталось ничего такого, за чем стоило бы возвращаться. Это может оказаться затруднительно.

– Ничего такого, за что стоило бы жизнь отдать, – ответил Язон. – Так, где мы поужинаем? У меня к тебе есть несколько вопросов.

Спускаясь до грузового яруса, они покружили по туннелям, пока не убедились, что их никто не преследует. Наконец Керк загнал машину в какой-то темный тупик, здесь они ее и оставили.

– Мы легко добудем другую, – сказал Керк. – А эта у них, наверно, уже на примете. Пошли, вернемся на сквозную магистраль, я заметил там ресторан по пути сюда.

На стоянке темнели могучие силуэты наземных грузовозов. Язон и Керк пробрались между колесами в рост человека и вошли в шумный душный ресторан. Сидевшие за столиками водители и рабочие утренних смен не обратили на них никакого внимания; они высмотрели тихий закуток и набрали заказ на круглом диске.

Керк отрезал от солидной порции мяса хороший кусок и бодро сунул его себе в рот.

– Ну, задавай вопросы, – сказал он. – Теперь я готов отвечать.

– За какой корабль ты рассчитывался? Что это за груз, из-за которого я рисковал своей головой?

– Мне показалось, что ты рисковал из-за денег, – парировал Керк. – Но можешь не беспокоиться, речь идет о добром деле. От этого груза зависит жизнь целого мира. Оружие, боеприпасы, мины, взрывчатка и все такое прочее.

Язон чуть не подавился:

– Контрабанда оружия? Ты что, небольшую войну финансируешь? А еще толкуешь о жизни – это с таким-то грузом!

Только не говори мне, что он предназначен для мирных целей. Кого вы убиваете?

Добродушие покинуло лицо седого богатыря; теперь оно выражало хорошо знакомую Язону непреклонность.

– Что ж, выражение «мирные цели» вполне подходит. По существу, мы только к этому и стремимся – жить в мире. И мы убиваем не «кого», а «что».

Язон сердито отодвинул тарелку:

– Ты говоришь загадками. Я не вижу никакого смысла в твоих словах.

– Смысл есть. Правда, только на одной планете во всей вселенной. Что ты знаешь о Пирре?

– Ровным счетом ничего.

Взгляд Керка стал отсутствующим, было очевидно, что его мысли унеслись куда-то очень далеко. Затем он продолжал:

– Пирр и человек – несовместимые вещи. И однако люди живут на нем уже около трехсот лет. Средняя продолжительность жизни у нас там – шестнадцать лет. Конечно, большинство взрослых живет дольше, но на средней цифре сказывается высокая детская смертность. Это совсем не гуманоидный мир. Сила тяжести вдвое больше нормальной. Температура за день колеблется от арктической до тропической. Климат... его надо испытать на себе, чтобы представить. Во всей галактике не найдешь ничего подобного.

– Как ты меня напугал, – невозмутимо сказал Язон. – Какая у вас газовая оболочка? Метан? Хлор? Бывал я на таких планетах...

Керк ударил кулаком по столу. Тарелки подскочили, ножки стола жалобно скрипнули.

– Лабораторные реакции! – рявкнул он. – Куда как эффектно в химическом кабинете, но ты попробуй представить себе целую планету с такими газами! Одно галактическое мгновение, и вся мерзость связана в безобидных стальных соединениях. Атмосфера может быть ядовитой для кислородного организма, а в остальном не опаснее разбавленного пива. Если хочешь знать, для планеты только одно сочетание является чистым ядом. Побольше аш-два-о, самого универсального растворителя на свете, плюс свободный кислород...

– Вода и кислород? – перебил его Язон. – Ты подразумеваешь Землю? Или что-нибудь вроде Кассилии? Это же абсурд.

– Ничего подобного. Ты сам родился в такой среде, оттого она и кажется тебе естественной и нормальной. Ты привык, что металлы должны окисляться, а берега разрушаться, привык, что грозы мешают радиосвязи. Обычная история для водно-кислородных

миров. Да только на Пирре все это возведено в энную степень. Ось планеты наклонена под углом около сорока градусов, и колебания температур в году огромные. Это одна из главных причин, почему все время изменяется ледяной покров. И получаются такие перемены погоды, что никакими словами не описать.

– Если это все, – сказал Язон, – я не понимаю…

– Все? Это только начало. Моря и океаны – вот тебе еще разрушительный фактор, даже два. Во-первых, испарения, которые поддерживают мощные ветры, во-вторых, чудовищные приливы. Два спутника Пирра, Самас и Бессос, когда их притяжение складывается, могут нагнать приливную волну высотой до тридцати метров. Кто не видел, как такая волна захлестывает действующий вулкан, тот вообще еще ничего не видел. Нас привели на Пирр тяжелые элементы, и по милости этих же элементов планета напоминает кипящий котел. Если взять ее ближайшее звездное окружение, в нем было не меньше тринадцати сверхновых, и, конечно, на большинстве из этих планет можно найти тяжелые элементы. И в придачу – не пригодную для дыхания газовую оболочку. Чтобы по-настоящему, всерьез вести горные работы и добывать руду, нужно постоянное, вполне самостоятельное поселение. Вот почему мы остановились на Пирре, где радиоактивные элементы образуют ядро планеты и покрыты оболочкой из более легких элементов. Это обеспечило пригодную для человека атмосферу, но, с другой стороны, не прекращается вулканическая деятельность, ведь расплавленная плазма прорывается на поверхность.

Язон молча слушал, пытаясь представить себе жизнь на планете, которая, можно сказать, непрерывно сражалась сама с собой.

– Но самое приятное я приберег на десерт, – сказал Керк с мрачным юмором. – Теперь, когда ты получил представление о среде, вообрази, какие организмы в ней обитают. Сомневаюсь, чтобы на других планетах нашелся хотя бы один вид, который проживет там больше минуты. На Пирре что растения, что животные – это же чистые гангстеры. Они без конца сражаются с родной планетой и друг с другом. Сотни тысяч лет генетического отбора создали такие штуки, что электронную вычислительную машину жуть возьмет. Бронированные, ядовитые, сплошные когти и щупальца. Это относится ко всему, что ходит, летает или просто сидит на месте. Видел ты когда-нибудь растение с зубами? Растение, которое кусается? Думаю, что и не захочешь увидеть. Потому что для этого надо попасть на Пирр, а там едва ты успеешь выйти из корабля, как можно заказывать гроб. Мне и то придется пройти переподготовку,

прежде чем выходить из космопорта. Борьба за существование заставляет организмы непрерывно конкурировать и изменяться. Умереть в этой борьбе куда как просто, а вот способов убить столько, что всех и не перечислишь.

Казалось, широкие плечи Керка поникли под тяжестью забот. Наконец он встряхнулся, как бы сбрасывая это бремя, и снова принялся за ужин. Собирая хлебом подливку, он поделился вслух своими мыслями:

– Логически у нас вроде бы нет причин оставаться на Пирре и вести войну, которой не видно конца. Конечно, если не считать того, что Пирр – наша родина.

Керк проглотил последний кусок хлеба с подливкой и заключил, указывая вилкой на Язона:

– Скажи спасибо, что ты не пиррянин и никогда не увидишь Пирр.

– Вот тут-то ты и ошибся, – возразил Язон, стараясь говорить возможно хладнокровнее. – Дело в том, что я полечу с тобой.

Глава 4

– Не болтай вздора, – сказал Керк, заказывая вторую порцию жаркого. – Есть куда более простые способы покончить с собой. Ты забываешь, что стал миллионером. С твоими деньгами ты можешь до конца жизни предаваться отдыху на курортных планетах. Пирр – планета смерти, а не достопримечательность для пресыщенных туристов. Я не могу позволить тебе лететь со мной туда.

Игроки, не умеющие владеть собой, долго не живут. Язон основательно разозлился. Но внешне это проявлялось, так сказать, со знаком «минус»: его лицо было совершенно бесстрастным, голос – предельно спокойным.

– Не учи меня, что мне можно, а чего нельзя, Керк Пирр. Ты сильный человек и ловкий стрелок, но это еще не дает тебе права распоряжаться мной. В крайнем случае, ты можешь помешать мне лететь на твоем корабле. Но что мне стоит найти другой способ? И нечего изображать меня туристом, ведь ты не знаешь, какие соображения влекут меня на Пирр.

Язон не стал объяснять, что это за соображения. Во-первых, он еще сам в них не до конца разобрался, во-вторых, ему не хотелось раскрывать душу. Чем больше он путешествовал, тем меньше разницы видел. Старые цивилизованные планеты все на одно лицо, сплошная скука. Пограничные миры – однообразный примитив, что-

то вроде временных лагерей в лесу. Нельзя сказать, чтобы все галактики ему опостылели. Просто он исчерпал их возможности, а себя еще не исчерпал. До знакомства с Керком Язон не встречал никого, кто превзошел бы его самого или мог хотя бы равняться с ним. Это было вовсе не самомнение, а голый факт. И вот он стоит перед новым фактом: похоже, что есть целый народ, который превосходит его. Язон знал, что не сможет спать спокойно, пока не побывает там, и не убедится в этом своими глазами. Даже если это будет стоить ему жизни.

Но разве скажешь об этом Керку? Он лучше поймет другие аргументы.

– Вот ты не хочешь пускать меня на Пирр, – сказал Язон. – А ты сперва подумай. Я не буду говорить о том, что ты мне обязан, потому что я выиграл нужные тебе деньги. Но ты подумай о следующем разе. Сейчас тебе понадобилась уйма всякого оружия, может, и снова понадобится. Так не лучше ли иметь под рукой испытанного и верного товарища, чем изобретать какой-нибудь новый ход, который еще может подвести?

Керк задумчиво уписывал вторую порцию мяса.

– Что ж, в этом есть смысл. По правде говоря, мне это в голову не пришло. Такой уж изъян у нас, жителей Пирра, – мало думаем о будущем. День прожить – и то задача. Проблемы решаем, когда возникнут, далеко вперед не заглядываем. Можешь лететь со мной. Авось еще будешь жив, когда нам понадобишься. Как посланник Пирра на этой и других планетах официально приглашаю тебя. Все расходы за наш счет. При условии, что ты неукоснительно будешь выполнять все наши указания по поводу твоей личной безопасности.

– Условия приняты, – сказал Язон. И спросил себя, отчего это он с такой радостью подписывает свой смертный приговор.

Керк расправлялся уже с третьей порцией десерта, когда его часы тихонько зажужжали. Он немедленно отбросил вилку и встал.

– Пора, – сказал он. – Нам надо выдерживать график.

Язон тоже встал из-за стола, тем временем Керк сунул в автомат положенное количество монет в уплату за ужин. Загорелась надпись «Уплачено», и они быстро вышли из ресторана.

Язон ничуть не удивился, когда за углом они ступили на межъярусный эскалатор. Он уже сообразил, что после казино каждый их шаг был рассчитан заранее. Можно не сомневаться, что объявлена тревога и их разыскивают по всей планете. Тем не менее, пока не видно никаких признаков преследования. Язону и прежде доводилось спасаться от блюстителей закона, опережая их, что

называется, на один ход, но впервые его при этом вел за ручку кто-то другой. Он улыбнулся собственной покорности. Столько лет сражался в одиночку, что теперь даже приятно кому-то подчиняться.

– Живей, – буркнул Керк, снова взглянув на часы, и побежал вверх по эскалатору так, что только поспевай.

Они пробежали пять пролетов, ни встречных, ни догоняющих не было, наконец Керк угомонился и предоставил эскалатору выполнить всю работу.

Язон был доволен своей физической формой. Правда, такое быстрое восхождение после бессонной ночи сделало свое, он взмок и тяжело дышал. А Керку хоть бы что – лоб сухой, дышит ровно...

На втором автоярусе Керк сошел с медленно ползущей лестницы и жестом позвал Язона за собой. В ту самую секунду, когда они очутились на улице, прямо перед ними около тротуара остановилась машина. Здравый смысл подсказал Язону, что хвататься за пистолет не надо. Открылась дверца, водитель вышел. Керк молча вручил ему полоску бумаги и сел за руль. Язон едва успел вскочить в кабину, как машина рванула с места. Вся процедура отняла не больше трех секунд.

В тусклом свете Язон не смог как следует присмотреться к шоферу, однако он и без того узнал его. Нет, они никогда не встречались прежде, но после знакомства с Керком, Язон, где угодно определил бы пиррянина по атлетической фигуре.

– Ты дал ему расписку Элла? – спросил он.

– Точно. Можно быть спокойным за корабль и груз. Они будут достаточно далеко, пока кассилийцы проследят путь чека от казино до Элла. А теперь позаботимся о себе. Я объясню тебе все подробно, чтобы ты потом не дал маху. Слушай внимательно, и, если будут вопросы, задашь их, когда я кончу говорить.

Это было сказано так категорично, что Язон безропотно подчинился. Хотя про себя не без улыбки подумал о том, как быстро Керк отнес его в разряд сосунков.

Они свернули, вливаясь в поток транспорта, направляющийся к космодрому. Керк легко вел машину и объяснял:

– В городе объявлен розыск, но мы опережаем противника. Я уверен, что кассилийцы не захотят портить себе марку на всю вселенную и не станут перекрывать дороги. Но космодром, конечно, уже кишит их людьми. Если деньги уйдут с планеты, их уже не вернешь, они это знают. И когда мы пойдем напролом, они будут уверены, что деньги еще при нас. Тогда корабль с боеприпасами уйдет без всяких помех.

Язон слегка опешил:

– Это как же, ты хочешь, чтобы мы, как говорится, приняли огонь на себя и прикрыли вылет транспортного корабля?

– Можно и так выразиться. Но ведь нам все равно надо убираться отсюда, так почему не превратить наше бегство в дымовую завесу? А теперь помолчи, пока я не закончу, понял? Еще раз перебьешь, я тебя высажу.

Язон в этом ничуть не сомневался. Внимательно и молча он выслушал, как Керк повторил все сначала и заключил:

– Служебный въезд, наверно, будет открыт. И за каждой машиной будут наблюдать агенты в штатском. Может быть, нам даже удастся проникнуть на территорию неузнанными, в чем я сильно сомневаюсь. Это не важно. Мы проедем через ворота прямо к стартовой площадке. У нас билеты на «Гордость Дархана», за две минуты до взлета он сигналит и отцепляет трап. Мы занимаем свои места, и корабль тут же взлетает.

– Это все очень здорово, – сказал Язон. – А что в это время делает охрана?

– Стреляет в нас и друг в друга. А мы воспользуемся неразберихой – и в корабль.

Нельзя сказать, чтобы его ответ успокоил Язона. Ну да ладно…

– Хорошо, допустим, мы пробрались на корабль. А что помешает им задержать старт, пока нас не вытащат и не поставят к стенке?

Керк на миг оторвал глаза от дороги, чтобы бросить на него презрительный взгляд.

– Я же сказал тебе, что корабль называется «Гордость Дархана». Если бы ты знал хоть что-нибудь об этой планетной системе, тебе сразу все было бы ясно. Кассилия и Дархан – так сказать, планеты-сестры, и они во всем соперничают между собой. Лет двести назад, даже меньше, они схватились так, что обеим чуть конец не пришел. Теперь между ними вооруженный до зубов нейтралитет, и ни одна из сторон не смеет его нарушать. Как только мы ступим на борт корабля, мы окажемся на дарханской территории. Соглашения о выдаче у них нет. И как бы ни хотелось Кассилии нас заполучить, все же не настолько, чтобы затевать новую войну.

Дальше объяснять было некогда, Керк вывел машину из общего потока и свернул на эстакаду с объявлением «Для служебных машин». Под резким светом фонарей у ворот, к которым они приближались, Язон почувствовал себя обнаженным. Ворота были закрыты. С другой стороны, появилась встречная машина, и Керк сбавил ход. Один из охранников что-то сказал водителю, потом

сделал знак дежурному, и створки ворот стали раскрываться внутрь. В ту же секунду Керк выжал до отказа акселератор.

Все произошло молниеносно. Турбина взвыла, покрышки взвизгнули, и машина с ходу распахнула ворота. Язон успел заметить ошеломленные лица охранников, в следующую секунду оба они юркнули за угол будки. Вдогонку машине грянуло несколько выстрелов, но пули просвистели далеко в стороне.

Ведя одной рукой, Керк другой достал из-под приборной доски пистолет – копию чудовища, которое лежало в его кобуре.

– Держи взамен своего, – сказал он. – Пули реактивные. Грому от них... Не старайся в кого-нибудь попасть, это я беру на себя. Просто попугай их немного, чтобы держались подальше. Вот так. Он быстро выстрелил в боковое окошко и бросил пистолет Язону чуть ли не раньше, чем пуля поразила цель. Пустой грузовик взлетел на воздух, обрушив на соседние машины град обломков и заставив водителей броситься врассыпную.

Кошмарный рейд через сумасшедший дом... Керк гнал машину с явным презрением к смерти. Преследующие машины заносило на отчаянных виражах. Едва ли не все стартовое поле Керк и Язон прошли на двух колесах, оставляя за собой дымящийся хаос.

И вот уже погоня далеко позади, а впереди – только стройный шпиль «Гордости Дархана».

Посланец соперничающей планеты, само собой разумеется, был окружен крепкой проволочной изгородью. Закрытые ворота охранялись солдатами, которые уже изготовились к стрельбе. Но они напрасно ждали. Керк погнал машину прямо на ограду.

– Береги лицо! – крикнул он.

Язон закрыл руками голову в ту самую секунду, когда они врезались в изгородь.

Пронзительно заскрежетал металл, проволока прогнулась и опутала машину, но все же устояла. Язона сорвало с сиденья и бросило на приборную доску: хорошо, что амортизаторы смягчили удар. Когда Керк выломал дверцу, Язон уже решил, что путешествие окончено. Должно быть, Керк увидел его закатившиеся глаза, потому что он, не говоря ни слова, выдернул Язона из кабины и толкнул на изуродованный капот.

– Лезь через проволоку и бегом к кораблю! – заорал он и для полной ясности сам показал пример.

Просто непостижимо, как этот тяжеловес мог развить такую скорость. Он мчался будто атакующий танк. Язон тряхнул головой, разгоняя мглу, и тоже набрал приличный ход, однако он был только

на полпути к кораблю, когда Керк вскочил на трап. Рабочие уже отцепили трап, но озадаченно остановились, когда плечистый атлет затопал по ступенькам.

На верхней площадке Керк повернулся и начал стрелять по солдатам, которые ворвались в распахнутые ворота. Те сразу залегли и открыли ответный огонь, сосредоточив почти все свое внимание на Керке. Бегущему Язону казалось, что он видит замедленное кино. Керк спокойно отстреливался, стоя под градом пуль. Люк корабля свободен, ничего не стоит укрыться, но Керк продолжал прикрывать Язона.

– Спасибо, – выдохнул Язон, одолевая последние ступеньки и обессиленно ныряя в люк.

– Добро пожаловать! – сказал Керк, входя следом и помахивая в воздухе пистолетом, словно он остужал его.

Хмурый офицер, который стоял в сторонке, чтобы его не задела шальная пуля, смерил их взглядом и пробурчал:

– Ну и как это все надо понимать?

Керк поплевал на палец, потрогал ствол пистолета и вернул его в кобуру.

– Мы законопослушные граждане другой планетной системы, ничего преступного не совершили. Но эти кассилийцы – дикари какие-то, цивилизованному человеку с ними просто невозможно иметь дело. И мы решили улететь на Дархан, вот наши билеты. Насколько я понимаю, мы теперь находимся на суверенной территории Дархана?

Последнее было сказано специально для кассилийского офицера, который в эту минуту появился на верхней площадке трапа и выхватил свое оружие. Его можно было понять. Два разыскиваемых преступника ускользали от него. И к тому же на дарханском корабле! Ярость ударила ему в голову, и он прицелился.

– А ну, выходи, сволочи! Сбежать думали, да не тут-то было! Руки вверх, и пошли, не то живо на тот свет отправлю…

Время остановилось, и казалось, этому мгновению никогда не будет конца. Керк и Язон неподвижно глядели на направленный на них пистолет.

Дарханский офицер шагнул в сторону, и оружие кассилийца дернулось было следом за ним, но тут же снова нацелилось на беглецов. Дарханец сделал только один шаг, но этого было довольно, чтобы он очутился рядом с вмонтированной в переборку красной коробкой. Быстрым движением руки он отворил крышку и поднес большой палец к расположенной внутри кнопке. Губы дарханца

растянулись в улыбке, больше напоминающей оскал. Он принял решение, подсказанное ему бесцеремонностью кассилийского офицера.

– Один выстрел на дарханской территории, и я нажму эту кнопку! – крикнул он. – Вы знаете, что это за кнопка, на ваших кораблях стоят точно такие же. Малейший враждебный акт против корабля – и кнопка будет нажата. Через секунду из реактора будут вынуты все регулирующие стержни, корабль взлетит на воздух – и половина вашего паршивого города вместе с ним. – Его улыбка, словно высеченная в камне, не оставляла никакого сомнения в том, что он выполнит свою угрозу. – Ну, стреляйте, чтобы я мог нажать кнопочку!

Завыла стартовая сирена, сердито замигала команда капитана: «Закрыть люк». Еще секунду четыре человека смотрели друг на друга, будто персонажи из жестокой драмы. Наконец кассилиец, взвыв от бессильной злобы, повернулся и побежал вниз по трапу.

– Все пассажиры на борту. Сорок пять секунд до старта. Очистить площадку! – прозвучал голос дарханца.

Одновременно он закрыл коробку и запер крышку. Керк и Язон едва успели лечь на перегрузочные ложа, как «Гордость Дархана» оторвался от платформы.

Глава 5

Как только корабль вышел на орбиту, капитан пригласил Язона и Керка. Керк взял слово и рассказал начистоту о том, что произошло ночью. Он умолчал только о том, что Язон профессиональный игрок. Нарисовал очаровательный портрет двух удачливых иностранцев, у которых злые кассилийцы задумали отнять честно выигранные деньги.

Его рассказ превосходно согласовался с представлением капитана о Кассилии. Кончилось тем, что командир корабля вынес благодарность своему офицеру за правильные действия и принялся готовить пространный доклад начальству. А Керку и Язону он пожелал всякого успеха и предложил им чувствовать себя на борту как дома.

Перелет до Дархана длился недолго, Язон не успел даже выспаться. Так как у Керка с Язоном не было никакого багажа, они первыми прошли через таможню. Выходя из здания, они увидели, как поодаль приземляется другой корабль. Керк остановился, наблюдая посадку, и Язон последовал его примеру. Корабль был

серый, изборожденный рубцами. Обводы, как у транспортника, но пушек не меньше, чем у крейсера.

– Это, конечно, твой, – заметил Язон.

Керк кивнул и направился к транспортному кораблю. Когда они подошли, открылся люк, однако никто не стоял в проеме, только автоматический трап со стуком дотянулся до земли. Грузный Керк живо вспорхнул по нему, и Язон угрюмо вскарабкался следом, говоря себе, что эти ребята с Пирра, пожалуй, переигрывают. Простота простотой, но все же...

Впрочем, усвоить пиррянские нравы было несложно. И Язон уже не удивился, когда увидел, что и внутри корабля посла ожидал такой же прием. Никого. Керк сам задраил люк, и под звуки стартовой сирены они устроились на ложах. Взревели рабочие двигатели, и на Язона навалилась перегрузка.

Он ждал, когда же она кончится, а она становилась все сильнее, выжимая воздух из легких, ослепляя его. Язон закричал, но из-за гула в ушах не расслышал собственного голоса. Обморок избавил его от дальнейших мук.

Когда он пришел в себя, на корабле уже царила невесомость. Он продолжал лежать с закрытыми глазами, ощущая, как боль постепенно отпускает его. Вдруг совсем рядом раздался голос Керка:

– Это я виноват, Мета. Надо было предупредить тебя, что у нас на борту непривычный пассажир. А то ты всегда рвешь с места, так что кости трещат.

– У него как будто все кости целы... Но что он тут делает? – Язон слегка удивился, услышав, что говорит девушка. Впрочем, не настолько, чтобы поднять налитые болью веки.

– Летит на Пирр. Я, понятно, старался его отговорить – не вышло, уперся. Жаль, конечно, ведь я вроде в долгу перед ним. Это он добыл деньги для нас.

– Это ужасно, – сказала девушка.

«Что тут ужасного? – спросил себя Язон. – Не понимаю».

– Лучше бы он остался на Дархане, – продолжала она. – Он симпатичный. Досадно, что ему придется умереть.

Тут Язон не выдержал. Сделав над собой усилие, он открыл сперва один глаз, затем другой. Голос принадлежал девушке лет двадцати – двадцати двух. Она стояла рядом с ложем и смотрела вниз, на Язона. У нее было красивое лицо.

Он раскрыл глаза еще шире, когда разобрал, что она не просто, а очень красива – особой красотой, которой Язон никогда не встречал на центральных планетах. Он привык к другим женщинам: бледная

кожа, покатые плечи, серые лица, раскрашенные гримом. Продукт многовекового искусственного отбора с акцентом анемичности; такое развитие оказалось возможным после того, как медицина научилась сохранять жизнь обреченным с точки зрения эволюции типам.

Эта девушка во всех отношениях была прямой противоположностью им. Она представляла собой продукт борьбы за существование на Пирре. Высокая гравитация, снабдившая мужчин могучей мускулатурой, налила силой и женские мышцы. Упругая фигура богини, бронзовая кожа, безупречный овал лица. Коротко подстриженные волосы обрамляли голову золотым венцом. Неженственной была лишь пристегнутая к предплечью массивная кобура. Увидев, что Язон открыл глаза, она улыбнулась ему. Белизна ее безупречных зубов вполне оправдала его ожидания.

– Я – Мета, пилот этого корабля. А вы, как я понимаю…

– Язон динАльт. Ну и взлет у вас, Мета!

– Извините. Честное слово, – рассмеялась она. – Но у того, кто родился на нашей планете, своего рода иммунитет к перегрузкам. К тому же синергическая траектория сберегает горючее…

Керк хмыкнул:

– Ладно, Мета, пошли посмотришь груз. Там есть такие новинки, сразу закроем все бреши в Периметре.

– Пошли скорей! – Она чуть не захлопала в ладоши от радости. – Я заглянула в спецификацию, это же просто прелесть.

«Совсем как школьница, которой подарили новое платье. Или коробку конфет. Надо же радоваться так… бомбам и огнеметам!» Язон криво усмехнулся и со скрипом поднялся на ноги. Керк и Мета уже вышли, и он, морщась от боли, протиснулся в дверь следом за ними. Язон не сразу отыскал трюм. Корабль был большой, а команды не видно. Наконец он в одной из ярко освещенных кают обнаружил спящего человека. Это был водитель, который передал им машину на Кассилии. Он тотчас открыл глаза, словно и не спал крепким сном за секунду до этого.

– Как пройти в грузовой отсек? – спросил Язон.

Пиррянин ответил, закрыл глаза и снова уснул, прежде чем Язон успел поблагодарить.

Керк и Мета уже успели вскрыть несколько ящиков и буквально захлебывались от восторга, рассматривая смертоносный груз. Мета держала в руках канистру с распылителем; заметив Язона, она повернулась к нему:

– Вы только поглядите на эту штуку! Этот порошок, которым она заряжена, – его хоть ешь, ничего не будет. А все формы растительной

жизни он убивает мгновенно… – Она запнулась, видя, что Язон отнюдь не разделяет ее ликования. – Простите. Я как-то забыла, что вы не пиррянин. Вам не совсем понятно, о чем речь?

Он не успел ответить, как включилась система оповещения и чей-то голос позвал Мету.

– Переход на новую программу, – сказала она. – Идемте со мной на мостик, я займусь уравнениями, а заодно поговорим. Я ведь, кроме Пирра, почти нигде и не бывала, у меня к вам тысяча вопросов.

На мостике Мета сменила вахтенного офицера и принялась готовить данные для ОХР – особого ходового режима. Как-то странно было видеть среди электронной аппаратуры ее плотную, но гибкую фигурку в облегающем скафандре. Но с работой она явно справлялась.

– Мета, а вы не молоды, чтобы водить межзвездный корабль?

– Я? – Она призадумалась. – Правду говоря, я не знаю, какой возраст положен для пилотов. Скоро три года, как я вожу корабль, а мне почти двадцать. Это мало для космонавта?

Язон открыл рот и рассмеялся:

– Должно быть, все зависит от того, с какой ты планеты. Кое-где вам было бы непросто получить свидетельство. Но на Пирре, разумеется, все иначе. Там вы, наверно, уже в старушках ходите?

– Это вы, конечно, шутите, – спокойно сказала Мета, набирая очередную цифру. – Я видела старушек на некоторых планетах. Морщинистые, с седыми волосами. Не знаю, сколько им было лет, я спросила одну, но она не захотела говорить. Во всяком случае, она была намного старше любого жителя Пирра, у нас таких лиц не увидишь.

– Я не это хотел сказать. – Язон искал нужное слово. – Не старая, конечно, а взрослая, в зрелом возрасте.

– У нас все взрослые. Вернее, как перестают нуждаться в присмотре, так и взрослые. Это значит лет с шести. Мой первый ребенок уже взрослый, и второй был бы взрослым, если бы не умер. Так что я уж точно взрослая.

Коротко и ясно. Для нее, а у Язона слова Меты, за которыми он угадывал необычную обстановку со своими понятиями и нормами, вызвали полную сумятицу в голове.

Мета закончила перфорацию программы, дождалась, когда машина начала выдавать ленту с данными для нового курса, и опять повернулась к Язону:

– Я рада, что вы летите с нами, жаль только, что на Пирр. Но у нас еще будет много времени поговорить, а мне столько всего хочется

узнать! Про другие планеты. И почему тамошние люди так себя ведут. Совсем не так, как наши. У нас мне понятны поступки каждого человека.

Перфолента на секунду отвлекла внимание Меты, но тут же она опять перевела взгляд на Язона.

– Расскажите о своей планете.

Язон мысленно перебрал басни, которыми обычно потчевал посторонних, и все забраковал. Какой смысл врать девушке, которой решительно все равно – холоп ты или аристократ? Для нее в галактике есть только два рода людей: пирряне и все остальные. Впервые с тех пор, как Язон бежал с Поргорсторсаанда, он решил сказать правду о своем происхождении.

– Моя планета? Самый нудный и паскудный медвежий угол во всей вселенной. Кто не был там, тот не может себе представить, что значит загнивающий аграрный мир с сословным делением, весьма довольный своим бесцветным существованием. Никаких перемен, больше того – никто их не хочет! Мой отец был фермером, и я тоже стал бы фермером, если бы послушался старших. Они даже мысли не допускали о том, что я могу заняться чем-то другим. А все мои мечты и желания шли вразрез с установленными порядками. Читать я научился только в пятнадцать лет, да и то по книге, которую украл в привилегированной школе. Дальше так и пошло. К девятнадцати годам, когда я удрал «зайцем» на корабле с другой планеты, не было того закона, который я не успел нарушить. И с каким удовольствием я их нарушал! Покинуть родную планету для меня было все равно что вырваться из тюрьмы на волю.

Мета покачала головой:

– Просто не могу себе представить такого мира. Знаю только, что мне бы там не понравилось.

– Не сомневаюсь, – улыбнулся Язон. – Ну вот, вырвался я в космос – без профессии, не приученный ни к какому делу, то тут, то там приткнешься… В наш технологический век я никак не мог найти себе места. Конечно, можно было пойти на военную службу, но уж очень я не люблю, когда мной командуют. А тут я заметил, что мне везет в азартных играх, так мало-помалу и втянулся. Люди-то везде одни и те же, так что я всюду неплохо устраиваюсь.

– Я понимаю, что вы подразумеваете, когда говорите, что люди везде одни и те же. И все-таки они такие разные… Я не очень толково объясняю, да? Я хочу сказать, что дома я всегда знаю, как человек поступит и почему. И на других планетах тоже люди ведут себя в общем одинаково, как вы и говорите, но мне трудно бывает их понять.

Ну вот, например... Когда мы куда-нибудь прилетаем, мне нравится пробовать местную пищу, и, если есть время, я иду в бар или, скажем, в ресторан. Их всегда можно найти около каждого космодрома. И каждый раз у меня какие-нибудь неприятности с мужчинами. Они непременно хотят угостить меня вином, подержать за руку.

– Что ж, в таких заведениях одинокая девушка должна быть готова к тому, чтобы стать предметом внимания со стороны мужчин.

– Это я понимаю, – сказала Мета. – Мне непонятно другое: почему они не слушают, когда я говорю, что не хочу знакомиться, и прошу отойти от меня. Они только смеются в ответ и продолжают приставать. Но я нашла одно безошибочное средство. Я говорю такому человеку, что сломаю ему руку, если он не оставит меня в покое.

– И это помогает? – спросил Язон.

– Конечно, нет. Но когда в самом деле сломаешь ему руку, он наконец отстает. И уже тогда другие ко мне не подходят. А главное, все это беспокойство зря, потому что еда чаще всего отвратительная.

Язон воздержался от смеха. Тем более что эта девушка в самом деле была способна сломать руку любому из тех висельников, которых хватает в каждом космопорту. В ней странным образом сочетались простодушие и сила, ничего подобного он еще не встречал. И Язон больше прежнего утвердился в своем стремлении побывать на планете, рождающей таких людей, как Керк и Мета.

– Расскажите мне про Пирр, – попросил он. – Почему вы с Керком так уверены, что я упаду замертво, как только мы приземлимся? В чем дело?

Ее лицо сразу посуровело.

– Этого я не сумею рассказать. Вы должны сами убедиться. Я поняла это после того, как побывала на других планетах. Пирр не похож ни на что во всей галактике. И что бы я ни говорила, вы не поверите, пока не будет поздно. Обещайте мне одну вещь.

– Нет, – ответил Язон. – Во всяком случае, я должен сперва услышать, в чем дело.

– Оставайтесь на корабле, когда мы сядем. На борту вам ничего не грозит, а я через несколько недель опять повезу груз.

– Отсиживаться в корабле? И не подумаю.

Язон понимал, что предложение Меты обоснованно, но ее менторство вызывало в нем протест.

Мета молча закончила расчет особого ходового режима. Между ними возникло напряжение, которое исключало дальнейший диалог.

Язон увидел ее только на следующий день, да и то совершенно случайно. Войдя в астронавигационную рубку, он обнаружил, что она стоит там и смотрит через прозрачный купол в мерцающую искрами черноту. До сих пор Язон видел Мету только в форме, теперь она стояла в мягком одеянии из облегающей тело блестящей ткани. Она улыбнулась ему:

– До чего звезды хороши! Посмотрите.

Язон подошел к ней и поднял голову вверх. Причудливые небесные узоры при особом ходовом режиме были ему хорошо знакомы и все-таки волновали душу. Тем более теперь. Присутствие Меты создавало совершенно особую атмосферу в темной рубке. Ее запрокинутая голова касалась его плеча, волосы заслонили часть неба и ласкали его обоняние своим запахом.

Руки Язона непроизвольно обняли ее и ощутили тепло плотного тела под тонкой тканью. Судя по тому, что Мета накрыла его пальцы своими ладонями, она не была возмущена.

– Ты улыбаешься, – сказала она. – Ты тоже любишь звезды?

– Очень люблю, – ответил он. – Но... мне вспомнился твой рассказ. Ты не сломаешь мне руку, Мета?

– Конечно, нет, – серьезно произнесла она, потом улыбнулась ему. – Ты мне нравишься, Язон. Хотя ты не пиррянин, ты мне очень нравишься. И я устала от одиночества.

Она посмотрела на него в упор, и он поцеловал ее. Мета ответила на его поцелуй без напускной стыдливости.

– Моя каюта тут рядом, – сказала она.

Глава 6

С того дня они редко разлучались. Когда Мета несла вахту, Язон приносил ей еду на мостик, и они разговаривали. К тому, что он успел узнать о ее планете, мало что добавилось; по молчаливому соглашению они не касались больше этой темы. Зато он много рассказывал о местах, где бывал, о людях, которых встречал. Она была благодарной слушательницей, и время летело быстро. Им было хорошо вместе. Словом, перелет проходил чудесно. И вот он подошел к концу. На борту было четырнадцать человек, но Язон ни разу не видел больше двоих-троих одновременно. Люди работали по строгому графику. Свободные от вахты были поглощены делами и не стремились к общению. Лишь после того, как корабль с особого

ходового режима перешел на обычный и динамики системы оповещения рявкнули «сбор», все собрались вместе.

Керк отдавал распоряжения, касающиеся посадки, звучали вопросы и ответы. Это был чисто технический разговор, и Язон не очень прислушивался. Зато он внимательно присматривался к поведению пиррян. Они теперь и говорили, и двигались порывисто, словно солдаты, готовящиеся к бою.

Впервые ему бросилось в глаза, как они схожи между собой. Сходство выражалось не во внешности и не в подобии действий, а в их движениях и реакциях. Сейчас они напоминали больших кошек, выслеживающих добычу. Упругая походка, постоянная готовность к прыжку, глаза беспокойно рыскают, мышцы напряжены...

После совещания Язон попытался заговорить с Метой, но ее словно подменили. Она отвечала односложно, и он никак не мог поймать ее взгляда. Ей было не до него, да и у него не было к ней никаких существенных дел, и Мета пошла к выходу. Язон протянул было руку, чтобы задержать ее, но передумал. Еще будет время поговорить. Один Керк проявил к нему внимание, это выразилось в том, что он приказал Язону занять место на амортизирующем ложе.

Посадки у Меты оказались похлеще взлетов. Во всяком случае, когда она садилась на Пирре. Неожиданные ускорения дергали Язона во все стороны. Потом началось свободное падение, и казалось, ему не будет конца. Что-то тяжелое било по корпусу, сотрясая весь корабль. Это больше походило на битву, чем на посадку. Язон даже слегка встревожился.

Самый миг приземления он пропустил. Пиррянские два G он воспринял как торможение, и только стихающий вой двигателей убедил его, что перелет закончен. С непривычки ему пришлось поднатужиться, чтобы расстегнуть ремни и сесть.

А вообще-то двойное тяготение оказалось не таким уж страшным. Во всяком случае, на первых порах. Словно несешь груз, равный твоему собственному весу. Подойдя к двери, Язон поднял руку – она была вдвое тяжелее обычного. Он вышел в проход и побрел к главному люку.

Здесь уже собралась вся команда. Двое выкатывали из ближайшего отсека какие-то прозрачные цилиндры. По глухому звону и по тому, как тяжело катились цилиндры, Язон понял, что они металлические. Но для чего они? Пустые вместилища около метра в поперечнике, длиной больше человеческого роста. Один конец сплошной, на другом – запирающаяся крышка. Смысл конструкции

стал ясен Язону лишь после того, как Керк повернул запорное колесо и откинул крышку одного цилиндра.

– Полезай. Закроем, потом тебя вынесут.

– Спасибо, не стоит, – возразил Язон. – У меня нет никакого желания являться на твою планету в виде сосиски в консервной банке.

– Не говори вздора, – оборвал его Керк. – Нас всех вынесут в таких цилиндрах. Мы слишком долго отсутствовали, чтобы выходить на Пирр без переподготовки.

Язону стало как-то неловко, когда он увидел, как все забираются в контейнеры. Подойдя к ближайшему цилиндру, он влез в него ногами вперед, закрыл за собой крышку и затянул центральный винт, так что края плотно прижали упругую прокладку. Когда концентрация углекислоты в контейнере возросла, загудел регенератор воздуха.

Керк последним занял место в контейнере. Сперва он проверил крышки на остальных цилиндрах и толкнул рубильник, отключающий блокировку переходной камеры. Как только начало выравниваться давление, он быстро нырнул в оставшийся контейнер. Медленно отворились оба люка, и в корабль просочился дневной свет, приглушенный завесой дождя.

Дальше последовало сплошное разочарование. Язон так волновался, так готовился – а для чего? Долго тянулось томительное ожидание, наконец подъехал маленький грузовик, и водитель перенес цилиндры в кузов, будто неодушевленный груз. Язону не повезло, он очутился в самом низу, так что ровным счетом ничего не видел, когда грузовик покинул космодром.

Первого представителя пиррянской фауны Язон увидел, только когда цилиндры были выгружены в помещении с металлическими стенами. Водитель грузовика уже закрывал толстую наружную дверь, вдруг что-то ворвалось внутрь и с лета ударилось о стену. Язон уловил какое-то движение, а когда пригляделся, непонятная штука упала прямо на него. Он невольно подался назад, забыв о предохраняющем его металле. Упавшая сверху тварь вцепилась в стенку контейнера, и Язону представился случай рассмотреть ее как следует. Зрелище было настолько кошмарное, что он не поверил собственным глазам. Квинтэссенция смерти… Голова – сплошная пасть с острейшими зубами в несколько рядов. Кожистые крылья окаймлены когтями; на царапающих металл конечностях – еще более длинные когти.

Язону стало жутко, когда он увидел, как эти когти оставляют борозды на поверхности цилиндра. А в тех местах, куда попала слюна с зубов чудовища, прозрачный металл мутнел и крошился.

Разум говорил ему, что эти царапины – пустяк для толстых стенок контейнера. Но слепой страх заставил Язона сжаться в комок, словно в этом было спасение.

Только после того, как крылатая тварь начала как бы таять, он догадался, что это за помещение. На цилиндры со всех сторон полились струи пенящейся жидкости, пока совсем не затопили их. Зубы пиррянского зверя в последний раз царапнули металл, затем его смыло и куда-то унесло. Пенящаяся жидкость ушла в отверстие в полу, но за первым душем последовал второй, а потом и третий.

Пока длилась эта обработка, Язон старался унять овладевшее им смятение. Что с ним такое происходит? Конечно, чудовище жуткое, и все-таки непонятно, как оно могло внушить ему такой ужас через оболочку надежно закрытого контейнера. Реакция Язона никак не соизмерялась с вызвавшей ее причиной. Даже теперь, когда зверь

был уничтожен и исчез с его глаз, Язону стоило огромных усилий усмирить свои нервы и заставить себя дышать ровно.

Мимо прошла Мета, и Язон понял, что процедура окончена. Он открыл свой цилиндр и выбрался на волю. Все остальные уже ушли, остался только какой-то незнакомец с орлиным носом, который явно ждал его.

– Меня звать Бруччо, я заведую адаптационной клиникой. Керк сказал мне, кто ты такой. Зря ты сюда прилетел. Пошли, сделаем анализ крови.

– Вот это мне по душе, – отозвался Язон. – Узнаю пиррянское гостеприимство.

Бруччо только фыркнул в ответ и протопал к двери. Шагая за ним по пустому коридору, Язон вошел в лабораторию, сверкающую стерильной чистотой.

Двойное тяготение угнетало его, ложась тяжелым грузом на ноющие мышцы. И пока Бруччо исследовал его кровь, Язон воспользовался случаем немного отдохнуть. Он успел даже вздремнуть, но тут вернулся Бруччо с пузырьками и шприцами.

– Поразительно, – объявил пиррянин. – Ни одного антитела в крови, которое могло бы пригодиться тебе здесь. Ничего, у меня тут есть отличный набор антигенов, от них ты денек будешь чувствовать себя как в аду. Снимай-ка рубашку.

– Вам часто приходится это делать? – спросил Язон. – Накачивать дрянью инопланетчиков, чтобы они могли насладиться здешними прелестями?

Бруччо воткнул в него иглу чуть не до кости.

– Нет, не часто. Последний раз это было несколько лет назад. Прилетели с полдюжины ученых из какого-то института, сказали, что готовы заплатить, только бы им разрешили изучать местную фауну и флору. Мы не стали отказывать, нам валюта нужна.

Язон почувствовал, что от уколов у него уже кружится голова.

– И сколько из них осталось в живых? – невнятно пробормотал он.

– Один. Мы вовремя отправили его обратно. А деньги, понятное дело, взяли вперед.

Язон принял было это за остроту, но вспомнил, что пирряне не больно-то расположены к юмору. Если хотя бы половина того, что ему говорили Мета и Керк, верна, то соотношение один к шести вовсе не так уж плохо.

В соседней комнате стояла кровать, и Бруччо помог Язону дойти до нее. Чувствуя себя так, словно его накачали наркотиками – вероятно, так оно и было, – Язон уснул.

Ему снился сон. Страх и ненависть. Страх и ненависть пополам захлестнули его жаркой волной. Если это сон, лучше больше никогда не спать. Если это явь, лучше умереть. Он силился отогнать видение, а оно только сильнее затягивало его. Страх без начала и без конца, и никакого спасения от страха...

Когда Язон пришел в себя, он не помнил подробностей кошмара, осталось лишь чувство страха. Он взмок от пота, каждая мышца болела. Не иначе это уколы виноваты, сказал он себе. Да еще двойное тяготение. И все-таки его не покидал привкус страха.

Дверь отворилась, Бруччо просунул голову внутрь и окинул взглядом Язона:

– Я уже думал, ты загнулся. Целые сутки спишь. Ладно, не вставай, сейчас принесу тебе кое-что для бодрости.

«Кое-что для бодрости» заключалось в еще одном шприце и стакане какой-то мерзкой на вид жидкости. Она утолила жажду Язона, зато он сразу почувствовал жуткий голод.

– Есть хочешь? – спросил Бруччо. – Можешь не отвечать, и так знаю. Я подстегнул твой обмен, чтобы ты побыстрее наращивал мышцы. Единственный способ поладить с тяготением. Так что в ближайшие дни у тебя будет зверский аппетит.

Бруччо тоже решил поесть, и Язон воспользовался случаем задать несколько вопросов:

– Когда я смогу взглянуть поближе на вашу замечательную планету? До сих пор мое путешествие было не более увлекательно, чем тюремная отсидка.

– Отдыхай и навались на еду. Раньше, чем через три-четыре месяца ты не выйдешь. Если тебя вообще выпустят.

У Язона отвалилась нижняя челюсть.

– Может, ты объяснишь мне почему?

– Конечно. Тебе надо пройти тот же курс обучения, который проходят у нас дети. Они тратят на это шесть лет. Правда, это первые шесть лет их жизни. А ты взрослый и, казалось бы, можешь справиться куда быстрее. Но ведь у них еще есть наследственность. Словом, ты выйдешь отсюда не раньше, чем получишь полную подготовку.

Бруччо управился с едой и теперь перенес внимание на голые руки Язона, глядя на них с явным отвращением.

– Прежде всего снабдим тебя пистолетом, – сказал он. – Меня мутит, когда я вижу человека без кобуры.

Сам он не расставался с пистолетом даже внутри надежно изолированного от окружающей среды здания.

– Пистолеты подгоняются к владельцу, так что от чужого оружия тебе не будет никакого проку, – объяснил он. – Сейчас ты поймешь, в чем дело.

Они вышли в коридор, и Бруччо провел Язона на оружейный склад, набитый орудиями убийства.

– Сунь-ка руку сюда, вот в эту штуку, – сказал пиррянин. – Займемся подгонкой.

«Штука» представляла собой какую-то коробку с пистолетной рукояткой на боку. Язон взялся за рукоятку – металлический хомут схватил его за локоть; Бруччо зафиксировал штифтами положение руки со всех сторон и записал показания приборов. Сверяясь с полученными данными, он быстро собрал кобуру и пистолет из частей, разложенных по ящикам. Когда Язон пристегнул кобуру к предплечью и взял в руку пистолет, он увидел, что они соединены гибким проводком. Рукоятка пистолета пришлась ему точно по руке.

– Тут заключен весь секрет силовой кобуры. – Бруччо коснулся провода пальцем. – Пока пистолет в деле, провод висит свободно. А как только тебе надо вернуть его в кобуру...

Бруччо что-то сделал, провод превратился в твердый прут, пистолет выскочил из руки Язона и повис в воздухе. – Смотри дальше. Увлекаемый проводом пистолет нырнул в кобуру.

– А когда надо выхватить пистолет, происходит все то же самое, только в обратном порядке.

– Здорово! – сказал Язон. – Но все-таки с чего надо начинать? Посвистеть или там еще что-нибудь?

– Нет, он не звуком управляется. – Бруччо даже не улыбнулся. – Тут все потоньше и поточнее. Ну-ка попробуй представить себе, что ты сжимаешь левой рукой рукоятку пистолета... Так, теперь согни указательный палец. Замечаешь, как напряглись сухожилия в запястье? Ну вот, на твоем правом запястье помещены чувствительные датчики. Но они реагируют только на сочетание импульсов, которое означает «рука готова принять пистолет». Постепенно вырабатывается полный автоматизм. Только подумал о пистолете, а он уже у тебя в руке. Не нужен больше – возвращается в кобуру.

Язон напряг правую руку и согнул указательный палец. В ту же секунду что-то больно ударило его по ладони и грянул выстрел. Рука держала пистолет, из дула вился дымок.

– Понятно, пока человек не освоится со своим оружием, мы заряжаем холостыми. А вообще пистолет всегда должен быть

заряжен. Видишь, предохранителя нет. Скобы тоже. Поэтому выстрел следует сразу, если заранее согнуть указательный палец.

Язон никогда еще не имел дела с таким грозным оружием. И таким непослушным. Борясь с непривычной силой тяжести, от которой болели мышцы, он начал упражняться с дьявольским изобретением. Пистолет упрямо возвращался в кобуру, не дожидаясь, когда он нажмет курок. Но еще хуже было то, что пистолет слишком быстро выскакивал из кобуры и нещадно бил его по пальцам, если он не успевал их правильно согнуть. Тем не менее Язон упорно продолжал тренироваться, пока рука не превратилась в распухшую подушку.

Со временем он овладеет этой техникой, но уже теперь ему стало ясно, почему пирряне никогда не снимают пистолета. Это было бы все равно что расстаться с частью тела.

Пистолет проскакивал из кобуры в руку так быстро, что Язон не мог уследить за ним глазом. Во всяком случае, быстрее, чем срабатывал нейронный импульс, заставляющий пальцы сгибаться. Как будто тебя вооружили молнией: прицелился пальцем – ба-бах!

Бруччо ушел, предоставив ему упражняться. В конце концов избитая рука забастовала, тогда Язон прекратил это занятие и направился в отведенную ему комнату. В коридоре он заметил знакомую фигуру.

– Мета! Постой! Мне надо с тобой поговорить. – Она нехотя повернулась, и он прибавил шагу, насколько ему позволяли два G. Эта Мета была совсем не похожа на девушку, которую Язон знал по кораблю. На ногах – высокие, по колено, сапоги, тело защищено каким-то мешковатым комбинезоном из металлизированной ткани. Стройную талию искажал пояс с флягами. Да и сама она держалась отчужденно.

– Я соскучился по тебе, – сказал Язон. – Мне было невдомек, что ты находишься в этом же здании.

Он хотел взять ее за руку, но Мета отступила.

– Что тебе надо? – спросила она.

– Как что надо! – Он рассердился. – Я же Язон, ты что, забыла меня? Мы с тобой друзья. А друзья могут поговорить просто так не потому, что им что-то надо.

– Что было на корабле, не распространяется на Пирр. – Ей не терпелось уйти. – Я закончила переподготовку и приступаю к работе. А ты останешься здесь, так что мы с тобой не будем встречаться.

– Сказала бы уж напрямик: мол, останешься здесь с другими детьми… И не спеши ты так, сперва разберемся…

Забывшись, Язон вытянул руку, чтобы задержать Мету. И не успел опомниться, как очутился на полу. Плечо – сплошной синяк. А Меты след простыл. Бормоча себе под нос нехорошие слова, Язон побрел в свою комнату, плюхнулся на твердокаменную постель и стал вспоминать, что его привело на эту планету. Сопоставив свои мотивы с тем, что он обрел пока на Пирре – непрерывная пытка двойным тяготением, порожденные ею кошмары, презрительное отношение пиррян ко всем инопланетчикам без разбора, – Язон поймал себя на растущей жалости к самому себе. Что ж, по пиррянским меркам, он и впрямь беспомощный, и жалкий. Чтобы эти люди изменили свое отношение к нему, надо самому основательно перемениться.

Совершенно разбитый, он погрузился в тяжелый сон, и тут ему не давали покоя жуткие видения.

Глава 7

Он проснулся утром с дикой головной болью и с таким ощущением, будто за всю ночь глаз не сомкнул. Принимая стимуляторы, доза которых была скрупулезно рассчитана Бруччо, Язон снова попытался разобраться, чем же все-таки вызваны кошмары, отравляющие его сон.

– Ешь живей, – сказал Бруччо, когда они встретились за завтраком. – Я не могу больше заниматься с тобой особо. Будешь обучаться в группе по общей программе. Ко мне обращайся только в тех случаях, когда возникнет какая-нибудь серьезная проблема, которой инструктор не сможет разрешить.

Группы, как и следовало ожидать, были составлены из маленьких детей с суровыми лицами. Эти плотные и весьма прямолинейные в своем поведении крепыши были типичными пиррянами. Но дети есть дети, и вид взрослого за партой их сильно веселил. Самому Язону, когда он с багровым лицом втискивался на маленькую скамейку, было вовсе не весело.

Сходство с обычной школой не шло дальше конфигурации классных помещений. Ученики, даже самые маленькие, ходили с пистолетами. Все было нацелено на выживание. В этой школе признавалась только стопроцентная успеваемость, и учащийся переходил к следующему разделу лишь после того, как полностью усваивал предыдущий. Обычных школьных предметов здесь не преподавали. Видимо, ими занимались после того, как ребенок

оканчивал первую ступень и становился вполне самостоятельным. Очень трезвый и очень логичный подход. Кстати, определения

«трезвый» и «логичный» годились для характеристики пиррянского подхода в любой области.

Почти вся первая половина дня ушла на знакомство с аптечкой, которую носили на поясе. Она состояла из анализаторов, их прижимали к ранам, и, если рана была заражена ядом или инфекцией, автоматически впрыскивалось лекарство. Просто в обращении, зато невероятно сложно по конструкции. А так как каждый пиррянин должен был сам следить за своим снаряжением (некого винить, кроме себя, если откажет!), полагалось знать устройство всех приспособлений и уметь их ремонтировать. Язон справился с заданием лучше, чем его малолетние соученики, хотя это стоило ему немалых физических усилий.

Во второй половине дня он впервые познакомился с тренажером. Инструктировал его двенадцатилетний паренек, в бесстрастном

голосе которого угадывалось презрение к этому мягкотелому инопланетчику.

– Все тренажеры воспроизводят обстановку на планете и отражают происходящие на ней перемены. Они различаются по степени опасности для жизни. Вы начнете, разумеется, с тренажера для самых маленьких…

– Что вы, что вы, – пробормотал Язон. – Такая честь.

Инструктор продолжал, не обращая внимания на его слова:

– …самых маленьких, так сказать ползунков. С виду все как на самом деле, но модель, конечно, дезактивирована.

Слово «тренажер» не совсем подходило к тому, что увидел Язон, войдя через дверь с тяжелыми створками: в огромный зал словно перенесли часть внешнего мира. Очень даже просто забыть, что небо и солнце – искусственные, и вообразить себе, что он наконец-то на воле. И с виду совсем ничего угрожающего, разве что темные тучи на горизонте, чреватые пиррянской грозой.

– Пройдите кругом и осмотритесь, – говорил инструктор. – Когда прикоснетесь рукой к какому-нибудь предмету, услышите его характеристику. Показываю…

Мальчик нагнулся над покрывающей землю шелковистой травой и тронул пальцем стебель. Тотчас голос из скрытых репродукторов пророкотал:

– Ядовитая трава. Не снимать обуви.

Язон опустился на колени и присмотрелся. Травинка заканчивалась блестящим твердым крючком. С легким содроганием он понял, что вся трава такая. Зеленый газон был ковром смерти. Выпрямляясь, Язон заметил под широким листом другого растения что-то диковинное. Там прижалась к земле странная чешуйчатая тварь с заостренной головкой, переходящей в длинный шип.

– Что за диво в моем саду? – спросил Язон. – Это называется товарищ детских игр для милых крошек?

Он повернулся и обнаружил, что его никто не слушает. Инструктор исчез. Язон пожал плечами и погладил чешуйчатое чудовище.

– Рогонос, – сообщил механический голос. – Одежда и обувь не защищают. Убей его.

Послышался резкий хлопок, и запрограммированный на звук холостого выстрела рогонос упал на бок.

– Кажется, у меня что-то начинает получаться, – с удовольствием отметил Язон. «Убей его», – командовал Бруччо, когда обучал Язона пользоваться пистолетом. И команда закрепилась в подсознании,

судя по тому, что Язон сейчас выстрелил прежде, чем осмыслил свои действия. Его уважение к пиррянской методике обучения сразу возросло.

Несколько далеко не приятных часов бродил он по этому необычному детскому парку. Повсюду таилась смерть, и бестелесный голос неизменно твердил краткую и выразительную команду. И он учился убивать, чтобы не быть убитым. До сих пор Язон и не подозревал, что насильственная смерть может выступить в таком количестве отвратительных обличий. Все здесь, от самого крохотного насекомого до самого высокого растения, представляло смертельную опасность для человека.

В этой специализации было даже что-то противоестественное. Почему планета Пирр так непримиримо относится к человеку? Не забыть спросить об этом Бруччо... А пока поищем хоть какой-нибудь организм, который не желает отправить его на тот свет.

Язон тщетно искал. Правда, ему в конце концов удалось найти предмет, не ответивший зловещей командой на прикосновение руки. Это был большой камень, торчащий из ядовитой травы. Язон сел на него с чувством симпатии к неорганической материи и подобрал ноги... Оазис мира... Прошло несколько минут, обессиленные двойной гравитацией мышцы начали отходить.

– Едкая плесень! Не прикасаться!

Голос прозвучал с удвоенной силой, и Язон вскочил на ноги словно ужаленный. Пистолет уже был в руке и искал цель. Только наклонившись над камнем, Язон понял, в чем дело. Камень покрылся пятнами серой пленки, которых раньше не было.

– Ах ты, дрянь коварная! – крикнул Язон, обращаясь к тренажеру. – Сколько раз уже ты сгонял с этого камня малюток, которые думали, что наконец-то можно посидеть и отдохнуть!

Его возмущало такое изощренное коварство, и в то же время он понимал, что оно оправданно. Пирряне с малых лет узнавали, что на этой планете для человека нет безопасности, кроме той, которой он сам себя обеспечит.

Так Язон, изучая Пирр, узнавал что-то новое и о пиррянах.

Глава 8

Дни складывались в недели, и Язон понемногу начал гордиться тем, как лихо косит всяких врагов. Он уже знал всю фауну и флору детской комнаты, и его перевели на тренажер, где звери не сидели на месте, а вяло атаковали. Пистолет Язона безошибочно поражал их.

Даже неинтересно. Однообразие классных занятий тоже ему наскучило.

Двойное тяготение по-прежнему воспринималось как тяжелое бремя, но вообще-то мышцы явно приспособились. Теперь он после занятий уже не валился без сил на кровать. Зато кошмары стали еще хуже. В конце концов он обратился к Бруччо и получил снотворное, которое хотя и не избавило его от жутких снов, но умерило их интенсивность, так что, проснувшись, он почти не помнил их.

Когда Язон как следует освоил всю защитную технику, которой пользовались пирряне, дошла очередь до тренажера, предельно приближенного к действительности. Разница заключалась только в степени поражения. Яд насекомых вызывал не мгновенную смерть, а всего лишь сильную опухоль и боль.

Животные могли нанести болезненные раны, но конечностей не отрывали. Словом, волосок, отделявший курсанта от смерти на этом тренажере, был достаточно тонок.

Язон ходил по этой имитации густых, необозримых джунглей вместе с пятилетними мальчуганами. В их недетской суровости было что-то забавное и в то же время удручающее. В комнатах они еще могли смеяться, но каждый из них твердо знал, что на воле будет не до смеха. Умение выжить определяло общественное положение и социальную ценность человека. В этом смысле общество на Пирре делилось, условно говоря, на черных и белых. Хочешь утвердиться в собственных глазах и в глазах окружающих, умей за себя постоять. Это было важно для выживания народа в целом, но сильно ограничивало развитие личности. Из детей вырастали безликие убийцы, готовые сеять смерть на каждом шагу.

Закончив курс, кто-то уходил, на его место приходил другой. Прошло некоторое время, прежде чем Язон сообразил, что из тех, с кем он начинал обучение, уже никого не осталось. В тот же день он пошел к начальнику адаптационного центра.

– Бруччо, – сказал он, – долго еще вы собираетесь держать меня в этом детском тире?

– Тебя никто не держит, – ответил Бруччо в обычном для него брюзгливом тоне. – Ты пробудешь здесь ровно столько, сколько нужно, чтобы тебя можно было выпускать.

– Мне почему-то сдается, что эта минута никогда не наступит. Я уже могу с закрытыми глазами разобрать и собрать любое из ваших окаянных изобретений. Я бью из этой пушки без промаха. Если мне велят, могу хоть сейчас сесть и написать толстую книгу «Флора и фауна планеты Пирр и как ее истреблять». Может быть, я еще не

достиг того же уровня, что мои шестилетние приятели. Но что-то подсказывает мне, что я достиг своего потолка. Ну как, верно?

Бруччо сделал неловкую попытку уклониться от прямого ответа:

– Понимаешь, ну, ведь ты нездешний, так что…

– Ладно, брось, – ехидно сказал Язон. – Куда тебе, прямодушному старому пиррянину, тягаться во лжи с представителем более слабой расы, которая в этом деле собаку съела. Я и сам понимаю, что двойное тяготение всегда будет меня сковывать и что у меня, кроме того, есть куча других врожденных дефектов. Все это так, и не об этом речь. А о том, даст мне что-нибудь дальнейшая тренировка или мои возможности в этом смысле исчерпаны.

Бруччо покрылся испариной:

– Со временем, конечно, будут сдвиги…

– Хитрец! – Язон поводил пальцем из стороны в сторону. – Говори – да или нет. Тренировка может дать мне еще что-то?

– Нет. – Бруччо хмуро смотрел на Язона, который не замедлил окончательно припереть его к стенке.

– И что же отсюда следует? Я заведомо не буду прогрессировать и все-таки торчу здесь. Это не случайно. Значит, тебе приказано не выпускать меня. И, судя по тому немногому, что я успел узнать об этой планете, приказ исходит от Керка. Верно?

– Он это для тебя же делает, – объяснил Бруччо. – Хочет, чтобы ты жив остался.

– Ну вот, все выяснилось, – сказал Язон. – И хватит об этом. Я прилетел сюда не затем, чтобы упражняться в стрельбе по роботам вместе с вашими чадами. Будь любезен показать мне, где тут выход. Или сперва должен быть выпускной вечер? Речи, вручение значков, торжественный ритуал…

– Ничего подобного, – отрезал Бруччо. – Вообще, я не понимаю, как взрослый человек вроде тебя может нести такой вздор. Никаких вечеров не будет. А будет зачет в последнем тренажере. Он связан с внешней средой, так что это даже не искусственный тренажер, а частица планеты. Только самые опасные формы органической жизни исключены. Да и то некоторые иногда ухитряются проникать…

– Когда? – выпалил Язон.

– Завтра утром. Сперва постарайся хорошенько выспаться. Тебе это пригодится.

И все-таки совсем без ритуала не обошлось. Когда Язон утром вошел в кабинет Бруччо, тот метнул ему через стол тяжелую обойму.

– Настоящие патроны. Могу заверить тебя, что они тебе пригодятся. Отныне твой пистолет всегда должен быть заряжен.

Вместе они дошли до переходной камеры, и Язон впервые за весь срок учебы увидел по-настоящему запертую дверь. Пока Бруччо раскручивал тяжелые болты, к ним подошел, прихрамывая, хмурый мальчуган лет восьми с перевязанной ногой.

– Его зовут Гриф, – сказал Бруччо. – С этой минуты он будет тебя всюду сопровождать.

– Персональный телохранитель? – осведомился Язон, глядя на коренастого коротышку, который был ему по пояс.

– Называй как хочешь. – Бруччо отворил дверь. – Гриф столкнулся с птицей-пилой и на время потерял трудоспособность. И ты ведь сам признал, что тебе никогда не сравняться с настоящим пиррянином, так что помощь тебе будет, кстати.

– Бруччо, ты добряк, – сказал Язон, наклоняясь, чтобы поздороваться с мальчуганом.

У восьмилетнего телохранителя оказалась железная рука.

Вдвоем они вошли в переходную камеру, Бруччо запер за ними внутреннюю дверь, и тотчас автоматически начала открываться наружная. В ту же секунду пистолет Грифа выстрелил дважды, и, выходя на просторы Пирра, они переступили через дымящееся тело какого-то пиррянского зверя. Символическое начало, сказал себе Язон. А нехорошо вышло: во-первых, он был совсем не готов к атаке, во-вторых, не может даже опознать обугленные останки... Он напряг зрение, надеясь, что в следующий раз выстрелит первым.

Увы. Тех немногих зверей, которые им попадались, первым замечал мальчуган. В конце концов Язон до того разозлился, что расстрелял какое-то зловещее с виду колючее растение. Но он напрасно рассчитывал, что Гриф пройдет мимо его мишени и не проверит ее.

– Это растение нам не угрожало, – сказал мальчик. – Глупо тратить попусту боеприпасы.

День прошел без серьезных осложнений. Язон даже слегка разочаровался, да к тому же промок от частых ливней. Если Гриф и умел поддержать разговор, он это ловко скрывал. Следующий день прошел точно так же. На третий день появился Бруччо.

– Не хочется тебя огорчать, - сказал он, смерив взглядом Язона, – но боюсь, выше этого уровня тебе все равно уже не подняться. Меняй носовой фильтр каждый день. Внимательно проверяй обувь и одежду, чтобы не было никаких дыр. Перезарядка аптечки полагается раз в неделю.

– Помни про носовой платок и не выходи без галош, – добавил Язон. – Еще что?

Бруччо хотел что-то добавить, но передумал:

– Больше ничего. Пора уже самому все знать. Будь начеку. И… желаю успеха.

Несколько неожиданно для Язона он присовокупил к этим словам крепкое рукопожатие.

Как только в руке восстановилось кровообращение, Язон вышел вместе с Грифом на волю через главные ворота.

Глава 9

Как ни реалистичны были тренажеры, встреча с Пирром ошеломила Язона. Нет, на первый взгляд все то же. Ядовитая трава под ногами… Хаотичный полет шипокрыла, тут же подстреленного Грифом… Но все это как-то растворилось в буйном клокотании стихий.

Дождь лил буквально как из ведра; с неба падали не обособленные капли, а сплошная пелена воды. Ветер рвал эту пелену и хлестал его струями по лицу. Язон протер глаза и с трудом различил на горизонте два вулканических конуса, извергающих дым и пламя. Это пекло отбрасывало зловещий отсвет на тучи, которые стремительно проносились над вулканами.

Что-то пробарабанило по его шлему и отскочило на землю. Язон нагнулся и поднял градину толщиной с большой палец. Другие градины принялись больно дубасить его по спине и шее; он живо выпрямился.

Буря кончилась так же быстро, как разразилась. Жгучее солнце растопило градины, над улицей закурились струйки пара. Язон взмок от пота в своей защитной одежде. Но не прошли и одного квартала, как снова хлынул ливень, и Язон ощутил озноб.

Гриф знай себе шагал, не обращая внимания ни на погоду, ни на вулканы, сотрясающие землю своей яростью.

Язон заставлял себя не думать о неудобствах и не отставать от мальчика.

Более унылую прогулку трудно было придумать. Сквозь завесу дождя виднелись очертания приземистых мрачных зданий, половина которых к тому же была разрушена. Язон и Гриф шли по пешеходной дорожке посредине улицы. Время от времени то с одной, то, с другой стороны, проносились бронетранспортеры. Язон недоумевал, почему пешеходам отведена середина, пока Гриф не подстрелил какую-то тварь, которая бросилась на них из развалин. Понятно: просвет по

бокам служит для страховки... На Язона вдруг навалилась дикая усталость.

– Надо думать, о такси здесь нечего и мечтать, – сказал он.

Гриф озадаченно посмотрел на него. Было очевидно, что он впервые слышит слово «такси». Тем не менее он пошел потише,

приноравливаясь к тяжелой поступи гостя. Через полчаса Язон уже утолил свое любопытство.

– Гриф, что-то этот город не блещет. Надеюсь, другие города у вас в лучшем состоянии?

– Не блещет? Не знаю, что вы этим хотите сказать, но других городов у нас нет. Есть лагеря там, где руду добывают. Но городов нет.

Странно. Язону всегда представлялось, что на Пирре несколько городов. Он вдруг подумал, что еще очень мало знает об этой планете. Как прибыл сюда, все его время было поглощено этими курсами. У него накопилась тьма вопросов, но с ними надо обращаться к кому-то другому, только не к этому угрюмому малолетнему телохранителю. К тому же есть человек, который лучше кого-либо сможет его просветить.

– Ты знаешь Керка? – спросил он мальчика. – Насколько я понимаю, он ваш посланник на целой куче планет, но его фамилия...

– Кто же не знает Керка. Но он занят, вам незачем с ним встречаться.

Язон погрозил ему пальцем:

– Твоя забота – охранять мое тело. А душу оставь в покое. Давай условимся: я задаю тон, а ты поешь. Идет?

Очередная буря обрушила на них градины величиной с кулак и заставила искать укрытие. Когда она унялась, Гриф нехотя повел Язона в центр. Они зашли в относительно высокое здание. Здесь людей было больше, и некоторые из них даже на миг отрывались от дела, чтобы взглянуть на Язона. Одолев два лестничных пролета, он увидел дверь с надписью: «Координация и снабжение».

– Керк сидит здесь? – спросил Язон.

– Конечно, – ответил мальчик. – Он начальник управления.

– Отлично. Теперь ступай выпей лимонада или перекуси где-нибудь и возвращайся часа через два. Думаю, Керк не хуже тебя присмотрит за мной.

Мальчик постоял в нерешительности, потом зашагал вниз по лестнице. Язон вытер лоб и толкнул дверь.

Он увидел канцелярию, в которой находилось несколько пиррян. Никто из них не обратил внимания на Язона и не поинтересовался, какое у него дело. Раз человек пришел, у него есть на то причина. Никому не пришло бы в голову выспрашивать, что ему нужно. Язон не был приучен к таким порядкам и не сразу сообразил, что здесь ему не будут докучать пустыми формальностями. В дальнем конце комнаты была еще одна дверь. Он добрел до нее, открыл и обнаружил Керка, который сидел за конторкой, заваленной бумагами.

– А я все жду, когда же ты появишься, – сказал пиррянин вместо приветствия.

– Давно пришел бы, если бы ты не препятствовал, – ответил Язон, тяжело опускаясь на стул. – Наконец до меня дошло, что я могу всю жизнь проторчать в этих ваших яслях для убийц, если не приму срочные меры. И вот я здесь, у тебя.

– Насмотрелся на Пирр и готов возвращаться в «цивилизованные» миры?

– Представь себе – нет. И мне уже порядком надоело слушать, как все советуют мне улететь. Я начинаю подозревать, что ты и твои пирряне стараетесь что-то скрыть.

Керк улыбнулся:

– Что нам скрывать? Вряд ли найдется другая планета, где жизнь текла бы так просто и прямолинейно.

– В таком случае ты, конечно, не откажешься ответить мне на несколько откровенных вопросов о Пирре?

Керк явно хотел что-то возразить, но вместо этого рассмеялся:

– Сдаюсь. Куда мне с тобой спорить. Ну, что тебе хочется узнать?

Язон тщетно попытался сесть поудобнее на твердом стуле.

– Сколько жителей на твоей планете? – спросил он.

Керк помялся, потом ответил:

– Около тридцати тысяч. Немного для планеты, которая уже давно обитаема, но причина достаточно ясна.

– Хорошо, население тридцать тысяч. Ну а какую площадь вы контролируете? Знаешь, я удивился, когда узнал, что этот город с его защитными стенами, которые вы называете Периметром, единственный на всей планете. Рудники не в счет, они только придатки города. Так вот, можно ли сказать, что контролируемая вами территория растет? Или же, наоборот, она сокращается?

Керк призадумался, машинально вертя в руках кусок стальной трубы, который взял со стола. При этом его пальцы гнули сталь, как резину.

– На это трудно так сразу ответить, – наконец произнес он. – Наверное, где-то есть такие данные, хотя я не знаю, где именно. Тут столько факторов…

– Ладно, оставим пока этот вопрос, – уступил Язон. – Я задам другой, пожалуй, более принципиальный. Можно ли сказать, что население Пирра медленно, из года в год, сокращается?

Труба с резким звоном ударилась о стену. Керк вдруг очутился прямо перед Язоном, его руки были угрожающе вытянуты вперед, лицо побагровело от ярости.

– Никогда не повторяй этих слов, понял? Чтобы я больше не слышал этого от тебя!

Стараясь выглядеть невозмутимым, Язон продолжал:

– Не сердись, Керк, я ведь не хотел тебя злить. – Он говорил медленно, тщательно подбирал слова, понимая, что жизнь его висит на волоске. – Не забывай, что я на вашей стороне. С тобой я могу говорить начистоту, потому что ты повидал гораздо больше тех пиррян, которые никогда не покидали родной планеты. Ты умеешь дискутировать, ты знаешь, что слова – только символы. Что можно отлично разговаривать и не выходить из себя из-за слов…

Керк опустил руки и сделал шаг назад. Потом отвернулся, налил себе стакан и выпил его, стоя спиной к Язону. Лицо Язона покрылось испариной, и жара была лишь отчасти повинна в этом.

– Извини… сорвался. – Керк тяжело сел. – Это со мной редко бывает. Работаю на износ – вот нервы и не выдержали.

Вопрос, который вызвал его вспышку, остался без ответа.

– Со всяким бывает, – сказал Язон. – А что было с моими нервами при первой встрече с Пирром? Лучше не говорить. Могу только признать, что ты был прав во всем, что говорил об этой планете. Самое жуткое место во вселенной. Здесь могут выжить только урожденные пирряне. Правда, после обучения я кое-как могу постоять за себя. Ты, очевидно, знаешь, что у меня восьмилетний телохранитель. Уже это говорит о том, чего я стою здесь.

Приступ ярости прошел, и Керк полностью овладел собой. Он задумчиво прищурился:

– А ты меня удивил, честное слово. Вот уж никогда не думал, что ты хоть в чем-то способен признать чужое превосходство. Разве ты не за этим сюда летел? Чтобы доказать, что ты ни в чем не уступишь местному уроженцу?

– Один – ноль в твою пользу, – признался Язон. – Я не думал, что это так бросается в глаза. И меня радует, что душа у тебя не такая каменная, как мышцы. Ничего не скажешь, ты верно назвал главную причину, которая привела меня сюда. Добавь еще любопытство.

По лицу Керка было видно, что он слегка озадачен ходом собственных мыслей.

– Ты прилетел сюда, чтобы доказать, что не уступишь коренным пиррянам, – продолжал он. – А сам теперь признаешь, что восьмилетний мальчик владеет пистолетом лучше тебя. Это как-то не вяжется с моим представлением о тебе. Ты даром ничего не уступишь… Ну так в чем же ты все-таки видишь свое врожденное

превосходство? – Как ни старался Керк говорить ровно, в голосе его угадывалось напряжение.

Язон ответил не сразу.

– Ладно, скажу, – произнес он наконец. – Только не отрывай мне за это голову. Я делаю ставку на то, что твой цивилизованный разум способен управлять твоими рефлексами. Потому что сейчас речь пойдет о таких вещах, которые на Пирре явно под большим запретом. Для ваших людей я слабак, потому что прилетел извне. Но ты-то должен понимать, что в этом заключается и моя сила. Я вижу то, что вы не видите из-за давней привычки. Ну, знаешь, как о человеке говорят, что он за деревьями не видит леса.

Керк кивнул, и Язон продолжал:

– Теперь разовьем эту аналогию. Когда я вышел из космического корабля, то видел, так сказать, только лес. И мне бросились в глаза некоторые факты. Думаю, что и вам они известны, но вы тщательно подавляете в себе эти мысли. Это для вас своего рода табу. Сейчас я выскажу вслух самое главное, о чем вы даже думать боитесь. Надеюсь, ты достаточно хорошо владеешь собой, и я останусь жив…

Реакция Керка выразилась лишь в том, что его могучие руки крепче стиснули подлокотники. Язон говорил негромко, но его слова проникали в мозг так же легко и гладко, как новый ланцет.

– По-моему, люди проигрывают битву на Пирре. После сотен лет оккупации этот город остается единственным на планете, да и то половина домов заброшена. Очевидно, раньше жителей было больше. Трюк, который мы выкинули, чтобы добыть оружие, он трюк и есть. Могло и сорваться. А что тогда было бы с городом? Вы тут ходите по краю пропасти и не хотите этого признать.

Все мышцы Керка напряглись, он будто окаменел, на лице блестели бисеринки пота. Чуть перегни – взорвется… Язон лихорадочно соображал, как разрядить атмосферу.

– Не подумай, что мне приятно говорить тебе эти вещи. Но ведь ты все это давно знаешь. Знаешь, да не хочешь признавать. Не хочешь признавать, что вся эта бойня не имеет смысла. Если численность населения неуклонно сокращается, ваша битва – попросту жестокий вид коллективного самоубийства… Вы могли бы покинуть эту планету, но это значит признать свое поражение. А я не сомневаюсь, что пирряне предпочтут поражению смерть.

Керк привстал, и Язон тоже поднялся, повышая голос, чтобы его слова доходили до собеседника сквозь пелену гнева.

– Я пытаюсь вам помочь, неужели ты не понимаешь? Брось ты этот самообман, он тебе не к лицу. Сейчас ты скорее готов убить меня,

чем сознаться себе, что битва уже проиграна. Это даже не настоящая война, вы, так сказать, отсекаете один за другим пораженные пальцы и думаете таким способом спасти обреченный организм. Конечный итог может быть только один – проигрыш. Вы никак не хотите этого признать. Вот почему тебе легче убить меня, чем слушать, когда я затрагиваю неприкосновенные темы.

Керк стоял над Язоном словно башня, готовая вот-вот обрушиться на голову святотатца. Только сила убеждения Язона сдерживала его.

– Когда-то надо же научиться мыслить реально. А то ты видишь все только войну да войну. Но ведь можно докопаться до ее причин и покончить с ней раз и навсегда!

Смысл слов Язона дошел наконец до сознания Керка и погасил его ярость. Пиррянин опустился на стул, у него было какое-то растерянное лицо.

– Что ты подразумеваешь, черт тебя дери? Говоришь, будто какой-то паршивый корчевщик!

Язон не стал спрашивать, что значит «корчевщик», но слово запомнил.

– Ты несешь околесицу, – продолжал Керк. – Нас окружает враждебный мир, с ним надо сражаться, и все тут. А причины конфликта в самой природе вещей.

– Ничего подобного, – возразил Язон. – Посуди сам. Стоит кому-то из вас на какой-то срок оставить планету, как потом надо проходить переподготовку. Получить инструктаж – что в ваше отсутствие изменилось к худшему. Это, так сказать, линейная прогрессия. Но если в проекции на будущее всегда получается ухудшение, значит, в прошлом дело обстояло лучше. Теоретически – я не знаю, конечно, подтвердится ли это фактами, – если вернуться достаточно далеко в прошлое, можно дойти до такого времени, когда люди совсем не воевали с Пирром.

Керк явно не знал, что говорить, он только сидел и слушал, пока Язон набирал очки своей неотразимой логикой.

– Я могу привести доводы в пользу моей гипотезы. По-моему, даже ты должен признать, что я, хоть и не могу бороться на равных с пиррянскими тварями, кое-что в них смыслю. Ну так вот, всех представителей здешней флоры и фауны, которых я видел, объединяет одна черта. Они нефункциональны. Ни одно оружие из своего чудовищного арсенала они не применяют друг против друга. Их яды безвредны для пиррянских организмов. Они смертоносны только для «гомо сапиенс». Но ведь это абсурд. За триста лет, что

человек обитает на этой планете, местные организмы не могли естественно развиваться по такому пути.

– Но ведь это произошло! – крикнул Керк.

– Да, произошло, – спокойно подтвердил Язон. – А значит, есть какие-то причины, какие-то силы. Как они действуют, я себе не представляю. Но что-то заставило пиррянские организмы, так сказать, объявить войну. И мне хотелось бы выяснить, что именно. Какие организмы доминировали на планете, когда здесь высадились ваши предки?

– Откуда мне знать, – ответил Керк. – Уж не хочешь ли ты сказать, что на Пирре, кроме человека, есть другие мыслящие существа? Которые организуют сопротивление нам?

– Я этого не говорил, ты сам пришел к такому выводу. Значит, до тебя дошла суть моих рассуждений. Не знаю, что именно вызвало такой поворот, но мне хотелось бы узнать. И посмотреть, нельзя ли повернуть колесо назад. Конечно, я ничего определенного не обещаю. Но согласись, что разобраться в этом стоит.

Керк расхаживал по комнате, ударяя себя кулаком по ладони, и казалось, все здание вздрагивает от его тяжелой поступи. Душу его раздирали противоречия. Новые идеи сражались со старыми убеждениями. Все это было так неожиданно. И так убедительно.

Не спрашивая, Язон взял флягу и налил себе холодной воды, потом сел в изнеможении. Что-то пробило защитный экран открытого окна и ворвалось в комнату. Не останавливаясь, даже не отдавая себе отчета в своих действиях, Керк одним выстрелом уложил крылатую тварь.

Его размышление длилось недолго. Привыкший быстро действовать, плечистый пиррянин и решал быстро. Он остановился и пристально посмотрел на Язона:

– Я не могу сказать, что ты меня убедил, но сейчас мне нечем опровергнуть твои доводы. Значит, будем пока считать их верными. Итак, что ты собираешься предпринять? Что ты можешь сделать?

Он сделал ударение на слове «можешь».

Язон начал перечислять, загибая пальцы:

– Во-первых, мне нужно место, где бы я мог жить и работать, хорошо защищенное место. Чтобы я мог заниматься этим делом, а не тратить всю энергию только на то, чтобы выжить. Во-вторых, мне нужен человек, который помогал бы мне и в то же время был моим телохранителем. Хорошо бы, кто-нибудь посмышленее, чем мой теперешний сторож. Мне кажется, лучше всех для этого подходит Мета.

– Мета? – удивился Керк. – Она космонавт и оператор защитных экранов, что она тут может сделать?

– Очень много. Она знакома с другими мирами и способна – в какой-то мере – взглянуть на вещи под другим углом зрения. И она знает о Пирре не меньше любого другого взрослого пиррянина, так что сможет ответить мне на любой вопрос. – Язон улыбнулся и добавил: – Наконец, она симпатичная девушка, мне приятно ее общество.

Керк фыркнул:

– Я все ждал, назовешь ли ты эту причину. Но остальные доводы достаточно веские, так что не буду спорить. Подберу замену для Меты и вызову ее сюда. В городе найдется достаточно надежных зданий, выбирай любое.

Керк переговорил с одним из своих помощников, потом отдал по визифону необходимые распоряжения. Язон с интересом следил за всей этой процедурой.

– Извини, что спрашиваю, – сказал он наконец. – Ты что, здешний диктатор? Стоит тебе щелкнуть пальцами, и все прыгают.

– Пожалуй, так может показаться, – согласился Керк. – Но это только видимость. На Пирре нет абсолютного властелина, но и демократической системы тоже нет. Населения-то у нас едва на хорошую дивизию наберется. Каждый выполняет ту работу, для которой он лучше всего годен. Каждая отрасль деятельности подчинена управлению, во главе управления стоит самый квалифицированный человек. Я руковожу координацией и снабжением, у нас очень широкое поле деятельности. Мы, так сказать, стыкуем между собой все управления и ведем дела с другими планетами.

Вошла Мета и обратилась к Керку, не глядя на Язона:

– Меня сняли с вахты и послали сюда. В чем дело? Расписание изменилось?

– Если хочешь – да, – ответил Керк. – С этой минуты ты освобождаешься от всех своих прежних обязанностей и приписываешься к новому управлению, которое будет заниматься исследованием и расследованием. Возглавлять управление будет вот этот задохлик.

– Что такое? «Чувство юмора?» – сказал Язон. – Первый случай на Пирре. Поздравляю, еще не все надежды потеряны.

Мета быстро перевела взгляд с одного на другого.

– Не понимаю. Не может быть. Новое управление – зачем? – Она заметно нервничала.

– Извини, – ответил Керк. – Не обижайся на меня. Я просто хотел, чтобы ты чувствовала себя проще. Но, по сути, все так и есть. Похоже, что Язон может оказать серьезную услугу Пирру. Ты согласна ему помочь?

Мета уже овладела собой. И слегка рассердилась:

– Я должна? Это приказ? Ты знаешь, у меня хватает работы. И уж тебе-то известно, что она будет поважнее всего, что может придумать какой-то инопланетчик. Он никогда не поймет…

– Да. Это приказ, – оборвал ее Керк.

Мета вспыхнула.

– Может быть, я объясню, – вступил Язон. – Тем более что это моя затея. Но сперва выполни мою просьбу. Вынь обойму из пистолета и отдай ее Керку, хорошо?

На лице Меты отразилось недоверие, но Керк кивком подтвердил свое согласие.

– Это всего на несколько минут, Мета, – сказал он. – Я ведь вооружен, так что тебе тут ничего не грозит. Я догадываюсь, о чем пойдет речь, и думаю, что он прав. По себе убедился…

Мета неохотно рассталась с обоймой и вынула патрон из ствола. Лишь после этого Язон приступил к объяснению:

– У меня есть гипотеза по поводу пиррянских организмов, и боюсь, эта гипотеза может поколебать кое-какие иллюзии. Прежде всего, надо признать тот факт, что ваш народ постепенно проигрывает войну и в конце концов всех ждет полное истребление…

Он не договорил: пистолет Меты смотрел ему прямо в лоб, и ее палец яростно щелкал курком. Лицо девушки выражало предельное отвращение и ненависть. Какие ужасные вещи он говорит! Что война, которой они целиком себя посвятили, уже проиграна!..

Керк обнял ее за плечи и усадил на стул, пока она не натворила чего похуже. Прошло несколько минут, прежде чем Мета успокоилась настолько, что могла продолжать слушать Язона. Не так-то легко человеку видеть, как рушится система представлений, которые он впитал за много лет. Только тот факт, что она побывала на других планетах и что-то повидала, помогал ей сдерживать себя.

И все-таки глаза Меты еще сверкали бешенством, когда Язон кончил излагать ей то, что уже говорил Керку. Она вся напряглась, и казалось, лишь руки Керка не дают ей броситься на Язона.

– Понятно, с одного раза это трудно переварить, – заключил Язон. – Скажем проще. Мне кажется, мы можем установить причину такой лютой ненависти к человеку. Может быть, наш запах виноват. И мы придумаем настой из пиррянских жуков – натерся и выходи, ничего

не бойся. Пока что мы не знаем ответа. Но, как бы то ни было, этот вопрос нужно расследовать. Керк со мной согласен. – Мета посмотрела на Керка, он кивнул. Плечи ее поникли, она сдалась.

– Я... нет, я не могу сказать, что согласна с тобой, – прошептала она. – Я даже не все поняла. Но я помогу тебе. Если Керк считает, что так надо.

– Да, считаю, – подтвердил он. – Ну как, можно вернуть тебе обойму? Больше не будешь стрелять в Язона?

– Я вела себя глупо, – сухо произнесла Мета, перезаряжая свое оружие. – Зачем мне пистолет? Если понадобится убить его, я могу сделать это голыми руками.

– Я тоже тебя люблю, – улыбнулся Язон. – Ну, пошли... Ты готова?

– Конечно. – Она убрала со лба локон. – Сперва найдем место, где ты сможешь жить. Это я беру на себя. А работа нового управления – это уже твое дело.

Глава 10

Они спустились по лестнице, не говоря ни слова. Выйдя на улицу, Мета с каким-то изощренным злорадством разнесла выстрелом птицу, которая им совсем не угрожала. Язон решил не корить ее за напрасную трату боеприпасов. Пусть лучше стреляет по птицам, чем по нему.

В здании одного из вычислительных центров нашлись свободные помещения. Все здания такого рода наглухо запирались, чтобы никакие твари случайно не добрались до тонкой аппаратуры. Мета пошла искать койку, а Язон, напрягая все силы, перетащил из пустующей канцелярии в облюбованную им комнату конторку, стол и стулья. Когда Мета вернулась с надувным матрацем, он сразу плюхнулся на него и облегченно вздохнул. Она скривила губы, глядя на такое явное проявление немощи.

– Тебе придется привыкать, - сказал он. – Я собираюсь работать по преимуществу в горизонтальном положении. Ты будешь моей сильной правой рукой. А теперь, Правая Рука, раздобыла бы ты чего-нибудь поесть. Кстати, есть я тоже предпочитаю в упомянутой позе.

Мета возмущенно фыркнула и вышла. Пока она ходила за едой, Язон задумчиво пожевал конец ручки, потом, не спеша, сделал кое-какие записи. Управившись с безвкусной трапезой, он приступил к делу.

– Мета, ты не знаешь, где хранятся исторические архивы? Всякая там информация о первой поре освоения Пирра.

– Я никогда не слышала о таких вещах. Не знаю даже…

– Что-то где-то должно быть, – настаивал он. – Это теперь все время и все силы вашего общества обращены на борьбу за существование, но ведь не всегда было так. Уверен, что прежде люди вели какие-то записи, регистрировали события. Где будем искать? Есть у вас какая-нибудь библиотека?

– Конечно, – ответила она. – Есть прекрасная техническая библиотека. Но я уверена, что там нет ничего подобного.

Язон поднялся, стараясь не охать.

– Ладно, я уж как-нибудь разберусь. Показывай дорогу.

…Библиотека была полностью автоматизирована. Индекс-проектор позволял быстро находить шифр нужного текста. Лента поступала на стол выдачи через полминуты после того, как читатель набирал номер. Использованные записи опускались в приемное гнездо и автоматически возвращались на место. Весь механизм работал безотказно.

– Великолепно, – заключил Язон, отрываясь от проектора. – Образец технического совершенства. Да только здесь нет ничего для нас. Сплошные выдержки из справочников и учебников.

– А что еще может быть в библиотеке? – Мета была искренне удивлена.

Язон начал было объяснять, но передумал.

– Ладно, об этом после, – сказал он. – Сейчас не время. Сейчас нам нужно отыскать какую-нибудь нить. Могут быть в библиотеке ленты или, скажем, печатные книги, которые не внесены в индекс?

– Не думаю, но мы можем спросить Поли. Он заведует библиотекой и живет где-то здесь же. Регистрирует новые поступления, следит за аппаратурой.

Единственная дверь, ведущая в задние комнаты, была заперта, и, сколько Язон ни стучал, никто не отзывался.

– Если он жив, сейчас покажется, – сказал Язон и нажал кнопку неисправности на пульте управления.

Это подействовало. Не прошло и пяти минут, как дверь отворилась – и появился Поли.

Обычно смерть не мешкала на Пирре. Стоило человеку утратить хотя бы часть подвижности из-за каких-нибудь ранений, как вездесущие враги быстро довершали дело. Поли был исключением из правила. Противник, который некогда добрался до него, потрудился на совесть. Нижней части лица у Поли практически не осталось. Изуродованная левая рука бездействовала. Ноги были так

искалечены, что он с трудом передвигался. Но он сохранил одну руку и зрение и мог работать в библиотеке, заменяя полноценного человека.

Никто не знал, сколько лет этот калека елозил по библиотечным коридорам. Несмотря на муку, которой были полны его красные, слезящиеся глаза, он продолжал жить. Жить и стариться: такого старика Язон еще не видел на Пирре.

Поли доковылял до пульта и отключил вызвавший его сигнал тревоги. Язон принялся объяснять, в чем дело, но старик никак не реагировал. Когда он извлек откуда-то из складок своей одежды слуховой аппарат, Язон понял, что библиотекарь ко всему еще и глух. Он повторил, зачем пришел. Поли кивнул и написал на дощечке ответ: «Старые книги есть. Хранятся в подвалах».

Большую часть здания занимали библиотечные автоматы. Язон и Мета проследовали вдоль них за старым библиотекарем до запертой двери в дальнем конце главного зала. Поли указал на дверь. Пока Мета и Язон сражались с проржавевшими засовами, он написал на дощечке: «Много лет не открывали. Крысы».

Рефлекс сработал безотказно – тотчас в руках у Язона и Меты появились пистолеты.

Язон один завершил поединок с дверью. Оба пиррянина в это время стояли наготове – и слава Богу: он ни за что не управился бы в одиночку с волной нечисти, которая хлынула в проем.

Ему самому не пришлось отворять створку. Скрип засовов явно привлек всех хищных тварей, расплодившихся в подвале. Едва Язон снял последний засов и нажал ручку, как дверь распахнули с той стороны.

Откройте ворота в ад и посмотрите, что оттуда полезет… Стоя плечом к плечу, Мета и Поли вели огонь по омерзительному месиву; Язон отскочил в сторону и добивал уцелевших тварей. Казалось, этой бойне не будет конца.

Прошло немало минут, прежде чем последнее когтистое чудовище совершило свой предсмертный прыжок. Мета и Поли продолжали стоять и ждать с горящими глазами, они упивались возможностью сеять смерть. А Язона мутило после этого немого, свирепого штурма, отражая который оба пиррянина сами уподобились свирепым бестиям. На щеке у Меты была глубокая царапина – след когтя. Сама она никак не реагировала на рану, тогда Язон выхватил аптечку и направился к ней в обход груды отвратительных тел. Что-то зашевелилось у его ног, и в ту же секунду грянул выстрел. Подойдя к девушке, он прижал к царапине анализатор. Аппарат щелкнул, и Мета дернулась. Лишь когда ее уколола игла с противоядием, до нее дошло, что делает Язон.

– Спасибо, я и не заметила. Их было так много, и они вырвались так стремительно.

У Поли был с собой сильный фонарь. С молчаливого согласия пиррянина, Язон вооружился фонарем; старик, хотя и искалеченный,

лучше управлялся с пистолетом. Они начали медленно пробираться вниз по ступенькам, заваленным всяким хламом.

– Ну и вонь! – Язон скривился. – Если бы не фильтры в ноздрях, наверно, один запах убил бы меня.

Что-то мелькнуло в луче света, выстрел подсек какую-то тварь в прыжке. Крысы давно обжили подвал и не хотели мириться с вторжением.

Спустившись в подвал, они посмотрели по сторонам. Да, тут, несомненно, хранились книги и магнитозаписи. Когда-то. Потому что после многолетней систематической обработки острыми зубами от них ничего не осталось.

– Хорошо вы храните свои старые книги, – негодующе произнес Язон. – Только не приходите ко мне и не просите что-нибудь почитать.

– Это были бесполезные книги, – холодно заметила Мета. – Иначе их хранили бы как положено, в библиотеке наверху.

Язон мрачно переходил из помещения в помещение. Ничего стоящего… Одни лишь клочки да обрывки. И такие разрозненные, что собирать бесполезно, ничего связного не составишь. Носком бронированного башмака он сердито пнул кучу мусора. Мелькнуло что-то вроде ржавого металла.

– Ну-ка, подержи!

Он передал фонарь Мете и, позабыв об опасности, принялся разгребать мусор. Показался плоский металлический ящик с буквенным замком.

– Это же бортовой журнал! – удивленно воскликнула Мета.

– Я так и подумал, – отозвался Язон. – И, если ты не ошиблась, может оказаться, что мы трудились не зря.

Глава 11

Они заперли наглухо подвал и отнесли металлический ящик в контору Язона. Обрызгали его дезинфицирующим раствором и только потом приступили к осмотру. Мета первая заметила выгравированные на крышке буквы.

– «М.Т. Поллукс Виктори» … Это, должно быть, название корабля. Но я не вижу, какого класса корабль. И что означают буквы «М.Т.»?

– «Межзвездный транспорт», – объяснил Язон, принимаясь за замок. – Я только слышал о них, а видеть не пришлось. Их строили во

время последней волны галактической экспансии. Собственно, это были всего лишь огромные металлические контейнеры. Их собирали в космосе, загружали людей, аппаратуру, снаряжение и буксировали к той или иной планетной системе. Разовые ракеты и те же буксиры тормозили «М.Т.» для посадки. Транспорт оставался на планете. Корпус был готовым источником металла, поселенцы могли сразу же приступать к созиданию нового мира. Ведь транспорты были гигантские. Каждый вез не меньше пятидесяти тысяч человек.

Произнеся эту фразу, Язон вдруг сообразил, что из нее вытекает. Он взглянул на побледневшее лицо Меты. Да, да... Теперь на Пирре меньше людей, чем было, когда создавалась колония.

А ведь население, если не ограничивать рождаемость, обычно растет в геометрической прогрессии. Язон вспомнил привычку Меты чуть что хвататься за пистолет и поспешил добавить:

– Но мы не знаем точно, сколько народу было на этом корабле. Не знаем даже, в самом ли деле это журнал корабля, который доставил первых поселенцев. Ты не придумаешь, чем открыть эту штуку? А то крышка совсем проржавела.

Мета выместила свою ярость на ящике. Под нажимом ее пальцев край крышки подался, она нажала еще сильнее, металл заскрипел, ржавые петли лопнули, крышка слетела, и на стол со стуком упала тяжелая книга. Надпись на обложке положила конец всем сомнениям.

«Бортовой журнал „М.Т. Поллукс Виктори“. Маршрут Сетани – Пирр. На борту 55 тысяч переселенцев».

Тут уж не поспоришь... Сжав кулаки, Мета через плечо Язона читала записи на пожелтевших, хрупких листах. Он быстро пролистал первые страницы, на которых рассказывалось о приготовлениях к рейсу и о перелете до Пирра. Наконец он дошел до посадки и стал читать внимательнее, взволнованный словами, дошедшими до них из глубины веков.

– Вот! – крикнул Язон. – Доказательство того, что мы идем по верному следу. Даже тебе придется это признать. Читай, вот здесь.

– «...второй день, как ушли буксировщики, и мы полностью предоставлены сами себе. Колонисты еще не освоились на новом месте, хотя каждый вечер проводятся специальные беседы. Да можно ли упрекать людей, которые жили в подземных городах Сетани и видели солнце от силы раз в год. Здесь солнца хватает, а такого ветра я не встречал нигде, хотя побывал на сотне планет. Может быть, я допустил ошибку при разработке плана, и надо было настоять на вывозе людей с какой-нибудь из аграрных планет? Людей,

привычных к вольному воздуху? Эти горожане с Сетани дождя боятся. Правда, на своей планете они росли при полуторной силе тяжести, так что им легче привыкнуть к здешней двойной. Этот фактор сыграл решающую роль. Как бы то ни было, теперь поздно переигрывать. И с этими бесконечными ливнями, снегом, градом, ураганами тоже ничего не поделаешь. Надо скорее пускать рудники, продавать металл и строить закрытые города.

Все на этой злополучной планете против нас – все, кроме животных. Правда, в первые дни появилось несколько крупных хищников, но часовые быстро с ними расправились. Остальные звери нас не беспокоят. И на том спасибо! Они ведут такую жестокую борьбу за существование, что я еще не видел более устрашающих тварей. Даже самые маленькие грызуны, длиной с ладонь, вооружены не хуже танка...»

– Не верю ни одному слову, – вдруг сказала Мета. – Это написано не про Пирр...

Она не договорила: Язон молча ткнул пальцем в надпись на обложке.

Он стал листать дальше, пробегая страницы глазами. Одно предложение заставило его задержаться, и Язон прочел вслух, ведя пальцем вдоль строчек:

– «...все больше осложнений. Во-первых, Хар Пало выдвинул гипотезу, будто злаки растут так хорошо потому, что почва теплая от близости магмы. Даже если это так, что мы можем сделать? Мы должны сами себя всем обеспечивать, если хотим выжить. А тут еще новость. Похоже, что лесной пожар гонит в нашу сторону животных, с какими мы раньше не встречались. Звери, насекомые, даже птицы нападают на людей. (Обратить внимание Хара: проверить, не связано ли это с сезонными миграциями.) Уже четырнадцать человек погибли от ран и отравления. Надо будет строго-настрого приказать всем постоянно пользоваться репеллентами от насекомых. А для защиты от крупных животных придется, пожалуй, обнести лагерь защитной стеной».

– Отсюда все и пошло, – сказал Язон. – Что ж, теперь мы хоть знаем, в чем дело. Конечно, от этого нам будет не легче справиться с Пирром. И здешние звери не станут менее опасными, от того, что мы узнали, что в прошлом они лучше ладили с людьми. Пока что мы, можно сказать, только докопались до сути. Что-то воздействовало на миролюбивые организмы, распалило их и превратило всю планету в сплошной капкан для людей. Теперь надо выяснить, что же это было.

Глава 12

Дальнейшее чтение ничего существенного не добавило. В журнале содержались дополнительные данные об исконной фауне и флоре, об их опасности для людей, о первых мерах защиты. Сведения, интересные в историческом плане, но практической пользы от них никакой. Капитану явно не приходило в голову, что пиррянские организмы изменяются, он думал, что колонисты открывают все новые виды. Ему так и не довелось пересмотреть свои взгляды. Последняя запись, сделанная меньше, чем через два месяца после первого конфликта, была очень короткой. И писала уже другая рука: «Капитан Курковски умер сегодня после укуса ядовитым насекомым. Все сожалеют о его гибели».

Причину такой нелюбви планеты к человеку еще предстояло выяснить.

– Надо показать эту книгу Керку, – сказал Язон. – Он, наверно, знает, что было потом. Можно на чем-нибудь доехать или мы пойдем в ратушу пешком?

– Пешком, конечно, – ответила Мета.

– Тогда ты неси книгу. При двух G мне трудновато быть джентльменом.

В ту самую минуту, когда они вошли в канцелярию Керка, из визифона вырвался пронзительный крик. Язон не сразу разобрал, что это не голос человека, а механический сигнал.

– Что случилось? – спросил он.

Керк выскочил из своей канцелярии и ринулся к выходу. Остальные сотрудники последовали за ним. Мета в замешательстве посмотрела на дверь, потом на Язона.

– В чем дело? Ты можешь мне ответить? – Он дернул ее за руку.

– Секторальная тревога. Периметр прорван. Все должны явиться к месту прорыва, кроме часовых на других участках Периметра.

– Ну так иди, – сказал Язон. – За меня не беспокойся. Как-нибудь перебьюсь. – Его слова подействовали как спусковой крючок. Он еще не договорил, а Мета с пистолетом в руке уже за дверью. Язон устало опустился на стул в безлюдной канцелярии.

Неестественная тишина в здании начала действовать ему на нервы, тогда он пододвинулся вместе со стулом к визифону, повернул переключатель, и аппарат буквально взорвался красками и звуками. Поначалу Язон ничего не мог разобрать. Какой-то хаос лиц и голосов... Аппарат был многоканальный, военного образца. На экран поступало изображение сразу с нескольких камер, и было видно, где

ряды голов, где смазанный фон. И так как головы говорили одновременно, понять что-либо было невозможно.

Рассмотрев все ручки и немного поэкспериментировав с ними, Язон понял принцип действия аппарата. Хотя видеосигналы всех передающих станций одновременно поступали на экран, звуковые каналы поддавались настройке. Две, три или больше станций могли соединяться в сети, участники которых разговаривали между собой, не теряя при этом связи и с другими.

Звук автоматически привязывался к изображению. Когда кто-то говорил, его изображение окрашивалось в пунцовый цвет. Оперируя методом проб и ошибок, Язон выделил интересующие его звуковые каналы и попробовал разобраться в ходе баталии.

Он быстро уразумел, что бой идет не шуточный. Каким-то образом – каким именно, из отрывочных реплик нельзя было понять, – оборонительный пояс был прорван, и теперь аварийные отряды заделывали брешь. Судя по всему, руководил операцией Керк; во всяком случае, только у него был циркулярный передатчик, позволяющий включаться в любую сеть. Время от времени звучали его команды; тогда мозаика маленьких лиц как бы таяла, вытесняемая большим, во весь экран, изображением Керка.

– Всем постам направить двадцать пять процентов личного состава на участок двенадцать.

Снова появились маленькие лица, нестройный гул голосов усилился, то одно, то другое лицо загоралось пунцовым огнем.

– ...очистить первый ярус, радиус кислотных бомб недостаточен.

– Если останемся здесь, будем отрезаны, на западном фланге нас уже обходят. Просим подкреплений. – Брось, Мера... Это без толку!

– ...напалм уже на исходе. Какие будут приказания?

– Транспортер еще здесь, живо на склад, там найдете...

Из всего речевого сумбура только две последние реплики прозвучали осмысленно для Язона. Он помнил надписи у входа в здание и знал, что оба первых этажа заняты под склад боеприпасов. «Кажется, мой выход», – сказал он себе.

Сидеть и смотреть сложа руки было невыносимо. Тем более, когда шла такая отчаянная схватка. Язон не переоценивал своих возможностей, однако не сомневался, что и его пистолет будет не лишним.

Когда он дотащился до первого этажа, на улице у грузовой платформы уже стоял турбомобиль. Два пиррянина поспешно выкатывали со склада бочки с напалмом, нисколько не думая о собственной безопасности. Язон не отважился нырнуть в этот

водоворот катящегося металла. Он смекнул, что от него будет гораздо больше проку, если он возьмется кантовать тяжелые бочки в кузове. Пирряне восприняли его помощь как нечто само собой разумеющееся.

Ворочать свинцовые бочки, борясь с двойным тяготением, – адский труд... Кровь стучала в висках, глаза застлала багровая мгла. Язон работал вслепую и, что дело сделано, понял лишь после того, как транспортер вдруг рванулся вперед и его бросило на дно кузова. Он остался лежать между бочками, тяжело дыша. Водитель гнал тяжелую машину полным ходом, и Язона мотало во все стороны. К тому времени, когда они достигли зоны боя и круто затормозили, в глазах у него немного прояснилось, но отдышаться он еще не успел.

Его взгляду представился сплошной сумбур. Стрельба, языки пламени, со всех сторон бегущие мужчины и женщины. Напалм сгрузили без его участия, и транспортер тотчас укатил за новой партией. Прислонившись к стене полуразрушенного здания, Язон попробовал разобраться, что к чему. Это было невозможно. Кругом кишели какие-то мелкие твари, он убил двух, которые пытались его атаковать. В остальном ход битвы оставался для него непонятным.

Рядом с собой он увидел пиррянина с бледным от боли и напряжения лицом. Правая рука его с зияющей рваной раной, которую кто-то обработал специальным раствором, безвольно повисла. В левой руке он держал пистолет с обрывком провода. Язон подумал, что раненый ищет, кто бы мог его перевязать. Он ошибся.

Стиснув пистолет зубами, пиррянин захватил здоровой рукой бочку с напалмом и повалил ее набок. Потом снова взял в руку пистолет и стал катить бочку по земле ногами. Она плохо поддавалась, но раненый не хотел выходить из боя.

Язон протиснулся к нему между снующими людьми и наклонился над бочкой.

– Дай-ка я буду катить, – сказал он. – А ты прикрывай меня пистолетом.

Пиррянин вытер рукой пот со лба и присмотрелся к Язону. Казалось, он его узнал. Во всяком случае, он улыбнулся; правда, улыбка была безрадостная, больше похожая на гримасу боли.

– Ладно, кати, я еще могу стрелять. Два полчеловека вместе – пожалуй, выйдет боец.

Язон уже сражался с бочкой, и ему было не до того, чтобы обижаться.

Улица впереди была разворочена взрывом. Двое трудились на дне воронки, углубляя ее лопатами. Язон не понимал, зачем это нужно. В

ту самую минуту, когда он подкатил бочку к яме, оба пиррянина выскочили из нее и открыли огонь, целясь вниз. Один из стреляющих оказался совсем юной девушкой лет одиннадцати-двенадцати.

– Спасибо Периметру! – выдохнула она. – Давайте напалм. Одно из новых чудовищ пробивается на участок тринадцать, мы только что его обнаружили.

Говоря, она развернула бочку, сшибла пробку, и студенистое вещество потекло в яму. Не дожидаясь, когда все вытечет, девушка столкнула бочку в воронку. Ее товарищ сорвал с пояса осветительную ракету и швырнул следом.

– Назад, живо! – крикнул он. – Они не любят тепла.

Это было очень мягко сказано. Напалм вспыхнул, вверх взметнулись языки коптящего пламени, заклубился дым. Земля под ногами Язона заколыхалась, среди огня возникло что-то длинное, черное и изогнулось в воздухе у них над головой. Окруженное пеклом чудовище как-то странно дергалось. Оно было огромное, толщиной не меньше двух метров, а о длине можно было догадываться по тому, как дыбился и трескался асфальт на полсотни метров по обе стороны воронки. Пламя не укротило его, только придало еще больше ярости. Петля за петлей оно появлялось из-под земли. Следуя примеру других, Язон начал стрелять по извивающемуся телу, но пули не производили никакого видимого действия.

Со всех сторон прибывало подкрепление, люди несли разное оружие, но всего эффективнее оказались минометы и огнеметы.

– Освободить участок, открываем массированный огонь! Отходи!

Голос прозвучал так громко, что у Язона зазвенело в ушах. Он повернулся и увидел Керка, который привел транспортеры с оружием. На спине у пиррянина висел рупор, микрофон торчал перед ртом. Подчиняясь команде, толпа бросилась в сторону.

Язон растерялся. Освободить участок? Какой участок? Он рванулся было к Керку, но вдруг увидел, что все бегут в противоположную сторону. Да как бегут!

Язон остался в одиночестве посреди улицы, чувствуя себя совсем беззащитным. Все остальные исчезли. Нет, не все. Раненый, которому он помог справиться с бочкой, приближался, размахивая здоровой рукой. Язон не мог разобрать, что он говорит. Машины тронулись с места. Язон понял, что надо пошевеливаться, и сделал несколько шагов. Поздно. Земля вспучилась сразу со всех сторон, из трещин выбиралась наружу невиданная тварь. Спасение было впереди, но на пути к нему изогнулась в воздухе облепленная землей серая арка.

Иногда секунды кажутся вечностью. Субъективное время вдруг бесконечно растягивается. Сейчас был как раз такой случай. Язон застыл на месте. Даже дым в небе словно окаменел. Прямо перед собой Язон отчетливо видел странную петлю – часть чужеродного организма. Видел все до мельчайших подробностей.

Толстое тело, серое и шероховатое, будто старое дерево. С множеством извивающихся по-змеиному длинных белесых отростков. С виду растение, а двигается как животное..., и оно лопается, трескается! Это было самое ужасное. Появились какие-то трещины, отверстия. Словно разинутые пасти, они изрыгали полчища мертвенно-белых тварей, которые издавали пронзительный визг на грани слышимых частот. Он увидел страшные челюсти со множеством острейших клыков.

Ужас встречи с неведомым сковал руки и ноги Язона. Он приготовился умереть. Керк орал ему что-то громовым голосом в мегафон, по атакующему чудовищу непрерывно стреляли, а Язон стоял словно в забытьи.

Вдруг чье-то твердое как камень плечо сильно толкнуло его вперед. Это был раненый пиррянин, он все еще рассчитывал выручить Язона. Держа пистолет зубами, он здоровой рукой потащил Язона за собой. Прямо на чудовище.

Стрельба на время прекратилась. Другие пирряне поняли его замысел.

Под изогнувшейся в воздухе петлей образовался большой просвет. Пиррянин уперся как следует ногами, весь напрягся, рывком оторвал Язона от земли и буквально швырнул его в проход под живой аркой. Извивающиеся щупальца обожгли лицо Язона, в следующую секунду он уже катился по земле по ту сторону петли. Раненый пиррянин прыгнул следом за ним.

Он опоздал. Обстановка позволяла спастись только одному. И пиррянин, вместо того чтобы использовать этот единственный шанс, протолкнул Язона. Щупальца, которые задели Язона, передали сигнал в мозг чудовища, оно опустилось и накрыло пиррянина. Он пропал из виду, весь облепленный белесыми тварями. Но пистолет-автомат продолжал стрелять еще долго после того, как человек заведомо был мертв.

Язон встал на четвереньки и пополз. Несколько клыкастых бестий бросились к нему, но были подстрелены. Он этого не видел. Чьи-то сильные руки грубо поставили его на ноги и дернули. Он ударился о борт транспортера и увидел разъяренное лицо Керка. Могучая пятерня схватила его за грудь, оторвала от земли и безжалостно встряхнула, словно кучу тряпья. Язону оставалось лишь молча терпеть и ждать, чем это кончится.

Керк не убил Язона, только отшвырнул его в сторону. Кто-то другой подобрал его и забросил в кузов. Он еще был в сознании, когда машина рванулась с места, но у него не было сил двигаться. Ничего,

сейчас все пройдет, и он сядет. Он просто устал немного, вот и все... Здесь течение его мыслей оборвалось.

Глава 13

– Совсем как в давние времена, – приветствовал Язон входящего в комнату Бруччо.

Пиррянин молча подал Язону и другим раненым еду и вышел.

– Спасибо! – крикнул ему вдогонку Язон.

Шутка, улыбка, все как положено. Вот только губы словно чужие. Как будто их налепили – и они говорят и улыбаются сами по себе. И внутри все онемело. Мышцы не слушались, а перед глазами стояла одна и та же картина: живая арка, которая обрушивалась на однорукого пиррянина и оплетала его миллионами жгучих щупалец.

Язон представлял себя на месте погибшего. Ведь, по справедливости, он должен был там остаться... Он машинально очистил тарелку.

Эта мысль преследовала его с того самого утра, когда он пришел в сознание. Это он должен был умереть там, на перепаханной битвой улице. Он должен был расплатиться жизнью за то, что возомнил, будто может помочь чем-то сражающимся пиррянам. А он только путался под ногами и мешал. Если бы не Язон, сейчас здесь лечился бы тот раненый пиррянин. Он занимает чужое место.

Место человека, который отдал свою жизнь за Язона.

Человека, которого он даже не знал по имени.

В еду было подмешано какое-то снотворное. Тампоны высасывали саднящую боль из ожогов на лице, там, где его полоснули щупальца. Когда Язон проснулся опять, он мог уже мыслить более здраво.

Другой человек умер, чтобы он мог жить. От этого никуда не уйдешь. При всем желании погибшего не вернешь к жизни. Значит, надо сделать так, чтобы его смерть была не напрасной. В той мере, в какой вообще смерть человека может считаться оправданной... Ну вот, опять о том же! Хватит.

Язон знал, что он должен делать. Теперь его поиск приобретает еще большее значение. Если он решит загадку этого свирепого мира, он вернет тем самым часть своего долга.

Язон сел, тотчас голова закружилась так, что он машинально ухватился за край кровати. Прошло несколько минут, прежде чем головокружение унялось. Остальные раненые даже не смотрели на

него, когда он медленно, кривясь от боли, начал одеваться. Вошел Бруччо, увидел, чем он занят, и молча вышел.

Одевание затянулось надолго, наконец он управился. Когда Язон вышел из комнаты, за дверью его ожидал Керк.

– Керк, я хочу тебе сказать...

– Не говори мне ничего! – Голос Керка громом раскатился по коридору. – Говорить буду я. Ты выслушаешь меня, и на этом разговор будет окончен. Мы не желаем больше видеть тебя на Пирре, Язон динАльт, мы не нуждаемся ни в тебе, ни в твоих премудрых суждениях постороннего. Один раз тебе с твоим лживым языком удалось меня убедить. Я помог тебе за счет более важных дел. Я должен был раньше сообразить, куда заведет твоя пресловутая логика. Теперь я увидел это воочию. Велф умер, чтобы ты мог жить. А он стоил двоих таких, как ты.

– Велф? «Его звали Велф?» – неловко спросил Язон. – Я не знал...

– Ты не знал. – Зубы Керка обнажились в презрительной гримасе. – Ты даже не знал его имени, а он умер, чтобы ты мог и дальше влачить свое жалкое существование.

Керк сплюнул, словно ему попала в рот какая-то дрянь, и зашагал к выходу. Потом вспомнил что-то и повернулся к Язону.

– Ты будешь здесь, в изоляторе, пока не придет корабль. Через две недели ты покинешь эту планету и никогда больше не вернешься. А если вернешься, я убью тебя на месте. С большим удовольствием.

Он вошел в переходную комнату.

– Постой! – крикнул Язон. – Так нельзя... Ты еще не видел того, что я нашел. Спроси Мету...

Дверь захлопнулась, и Керк исчез. Черт знает что. Бессильное отчаяние сменилось яростью. С ним обращаются как с несмышленым ребенком, ни во что не ставят важное открытие, которое он сделал.

Язон обернулся и увидел Бруччо.

– Ты слышал? – спросил он.

– Да. И я с ним полностью согласен. Считай еще, что тебе повезло.

– Повезло! – Язон окончательно рассвирепел. – В том, что ко мне относятся как к малолетнему недоумку, что моих усилий не принимают всерьез...

– А я говорю: повезло, – перебил его Бруччо. – У Керка из всех сыновей только Велф и остался. Керк возлагал на него большие надежды, готовил его себе в преемники.

Бруччо повернулся, чтобы уйти, но Язон окликнул его:

– Погоди. Мне очень горько, что Велф погиб. Независимо от того, что ты мне сейчас сказал. Но теперь мне понятно, почему Керку не

терпится меня выпроводить. Вместе с материалами, которые я нашел. Бортовой журнал…

– Знаю, видел его. Мета приносила. Очень интересный исторический документ.

– И это все, что ты можешь о нем сказать? Исторический документ… А суть перемены, которая произошла с планетой, до тебя не дошла?

– Дошла, – сухо ответил Бруччо. – Но я не вижу, при чем тут сегодняшний день. Прошлого не переделать, а мы боремся в настоящем, и все наши силы уходят на эту борьбу.

Все, все впустую, прямо хоть вой… Куда ни повернись, сплошное безразличие.

– Ты же умный человек, Бруччо, и, однако, видишь не дальше собственного носа. Наверно, с этим ничего не поделаешь. Ты и все остальные пирряне – супермены на земную мерку. Свирепые, беспощадные, несокрушимые, с молниеносной реакцией. Живучие, как кошки. Из вас получились бы бесподобные техасские рейнджеры, канадские конные патрули, разведчики болот Венеры – любые из мифических героев далекого прошлого. И, по-моему, именно там ваше место, в прошлом. На Пирре человек находится в условиях, которые требуют максимума от его мышц и рефлексов. Но ведь это тупик. Мозг вывел человека из пещер и открыл ему путь к звездам. Если опять впереди мозга поставить мышцы, мы вернемся к пещерному уровню. В самом деле, кто вы, пирряне, если не племя троглодитов, которые бьют зверей по голове каменными топорами? Вы когда-нибудь задумывались над тем, для чего вы тут живете? Что делаете? Куда идете? – Язон остановился, чтобы перевести дух.

Бруччо задумчиво потер подбородок.

– Пещеры? – повторил он. – Где ты видел у нас пещеры и каменные топоры? Я тебя совсем не понимаю.

Можно ли тут сердиться, раздражаться? Язон открыл рот, хотел ответить, но вместо этого рассмеялся. Это был невеселый смех. Он устал спорить с этими пиррянами. Все как об стену горох. Они мыслят только в настоящем. Прошлое и будущее для них неизменно и непознаваемо, а потому не представляет никакого интереса.

– Как идет бой на Периметре? – спросил он, переводя разговор на другое.

– Окончен. Во всяком случае, подходит к концу.

И Бруччо принялся с жаром показывать стереофотографии врага, не замечая, что Язон с трудом подавляет отвращение.

– Это был самый серьезный прорыв за много лет, но мы вовремя его засекли. Жутко подумать, что было бы, опоздай мы на неделю-другую.

– А что это за твари? – спросил Язон. – Какие-нибудь гигантские змеи?

– Не говори вздора, – фыркнул Бруччо и постучал ногтем по снимку. – Корни. Только и всего. Сильно видоизмененные, конечно, но все равно корни. Задумали пробраться под Периметром, такого глубокого подкопа еще никогда не было. Сами-то по себе они не опасны, подвижность очень маленькая. Обруби такой корень – долго не проживет. А вся опасность в том, что они служили как ходы для штурма. Каждый корень внутри испещрен ходами, в них живут два или три вида животных, своего рода симбиоз. Теперь, когда мы в них разобрались, будем начеку. А вот если бы они подрыли весь Периметр и атаковали сразу со всех сторон, тогда нам пришлось бы худо.

Предельные условия. Жизнь на краю вулкана, грозящего всех истребить. Пирряне рады каждому прожитому дню. Видно, их уже не переделаешь. Язон не стал продолжать разговор. Забрав в комнате Бруччо бортовой журнал «Поллукс Виктори», он отнес его к себе. Соседи по палате не замечали его. Он лег и открыл журнал на первой странице.

Два дня Язон не выходил из палаты. Раненые быстро поправлялись, он остался один и внимательно читал страницу за страницей, пока не изучил во всех подробностях историю освоения Пирра. Кипа заметок и выписок быстро росла. Он вычертил карту первоначального поселения и наложил ее на самую последнюю. Ничего похожего…

Да, это тупик. Сравнение карт неумолимо подтверждало то, о чем он догадывался. Все детали местности и рельефа были описаны в журнале очень точно. Город, несомненно, переместился со времени первоначальной высадки колонистов. Где-то это фиксировалось, но все данные должны были попасть в библиотеку, а этот источник он уже исчерпал. И больше негде искать.

Дождь хлестал по стеклу над его головой, сверкали молнии. Незримые вулканы опять проснулись, и от их глухого подземного ворчания содрогался пол.

Плечи Язона поникли под тяжким грузом поражения, пасмурное небо, казалось, еще более хмурым.

Глава 14

Весь следующий день Язон пролежал на койке, уныло глядя в потолок и пытаясь переварить мысль о своем проигрыше. Приказ Керка не выходить из изолятора связывал его по рукам и ногам. Ему казалось, что лишь несколько шагов отделяют его от ответа. Но как сделать эти шаги?

Его хандры хватило ровно на один день. Язон не видел в позиции, занятой Керком, ни капли логики, одни эмоции. Мысль об этом неотступно преследовала его. Жизнь давно научила Язона относиться с недоверием к суждениям, основанным на эмоциях. Он ни в чем не мог согласиться с Керком – значит, надо использовать оставшиеся десять дней, чтобы решить проблему. Пусть даже для этого придется нарушить приказ Керка.

Он с жаром взялся опять за свой блокнот. Первые источники информации исчерпаны, но должны быть другие. Грызя ручку и упорно размышляя, Язон перебирал возможные варианты. Любая идея, даже самая безумная, заслуживала внимания. Исписав блокнот, он вычеркнул чересчур трудоемкие и заведомо неосуществимые ходы. Такие, как обращение к внепланетным историческим архивам. Речь идет о сугубо пиррянской проблеме, либо она будет решена на Пирре, либо так и останется нерешенной.

В конце концов он остановился на двух вариантах. Первый – старые документы, записки или дневники, которые могли сохраниться в личном владении у кого-нибудь из пиррян. Второй – изустные предания, передававшиеся из поколения в поколение. Вариант номер один казался ему наиболее реальным, и Язон тотчас приступил к делу. Тщательно проверив свою аптечку и пистолет, он пошел к Бруччо.

– Что нового смертельного появилось на свете за то время, что я тут сижу? – спросил он.

Бруччо воззрился на него:

– Тебе нельзя выходить, Керк запретил.

– Он велел тебе следить, чтобы я повиновался? – холодно осведомился Язон.

Бруччо потер подбородок и насупил брови. Поразмыслив, он пожал плечами:

– Да нет, я тебя не сторожу. И ни к чему это мне. Я понимаю так, что это ваше с Керком личное дело – ну так и разбирайтесь сами. Уходи, когда тебе вздумается. И постарайся, чтобы где-нибудь тихо прикончили, для нас будет одной заботой меньше.

– И я тебя так же люблю, - отозвался Язон. – Теперь рассказывай про фауну.

Единственной новой мутацией, требовавшей дополнительных мер защиты, была серо-голубая ящерица, которая с убийственной меткостью плевалась ядом, поражающим нервную систему. Смерть наступала через несколько секунд после того, как яд попадал на кожу. Эту ящерицу ни в коем случае нельзя было подпускать близко.

Одного часа упражнений на тренажере оказалось достаточно, чтобы у Язона выработался нужный рефлекс. Никем не замеченный, он покинул здание изолятора и побрел по пыльным улицам к ближайшим казармам, сверяясь с планом города. Было душно, царила тишина, нарушаемая лишь далеким рокотом да изредка его собственными выстрелами.

Внутри толстостенных бараков было прохладно, и Язон тяжело опустился на скамейку. Когда пот на лице высох и сердце забилось ровнее, он вошел в комнату отдыха и приступил к опросу.

Дознание не затянулось. Никто из пиррян не хранил старинных предметов; сама мысль об этом казалась им нелепой. После двадцатого отрицательного ответа Язон понял, что ничего не добьется.

Значит, остаются изустные предания. Но и тут опрос ничего не дал. К тому же пиррянам надоели его приставания, и они начали ворчать. Лучше остановиться вовремя, пока он еще цел...

Заведующий пищеблоком угостил его обедом, который на вкус напоминал древесные опилки и размазню из пластика.

Язон быстро управился с едой и задумался над пустым подносом. Он упорно гнал от себя мысль, что снова забрел в тупик. От кого можно получить толковый ответ? Все, с кем он здесь говорил, очень уж молоды. Какое им дело до преданий старины. Это чисто стариковское хобби, требующее особого интереса и терпения. Но на Пирре нет стариков.

А впрочем, есть одно исключение: библиотекарь Поли. В самом деле. Человек, который имеет дело с документами и книгами, мог сберечь что-нибудь старинное. На худой конец, он может помнить что-то из прочитанного. Не очень надежная нить, но ее надо проверить.

Путь до библиотеки едва не доконал Язона. Ливни сделали дорожное покрытие совсем скользким, а сумрачное освещение мешало видеть, что делается кругом. Какая-то тварь сумела подобраться вплотную и основательно царапнула его, прежде чем он ее подстрелил. От противоядия у него помутилось в глазах, и он

потерял довольно много крови, пока наложил повязку. До библиотеки он добрался совсем усталый и злой.

Поли копался во внутренностях одной из библиотечных машин и оторвался от работы только после того, как Язон тронул его за плечо. Включив слуховой аппарат, старый инвалид приготовился слушать.

– У вас есть старые бумаги или письма, которые вы храните для себя лично?

Пиррянин отрицательно покачал головой.

– А как насчет преданий – может, вы в молодости слышали какие-нибудь рассказы о древних делах, о подвигах?

Снова отрицательный жест. О чем бы Язон ни спросил, Поли только качал головой. Наконец старый пиррянин раздраженно показал на ожидавшую его работу.

– Да-да, я знаю, вам надо работать. Но это очень важно.

Поли сердито мотнул головой и поднял руку, намереваясь выключить слуховой аппарат. Язон лихорадочно старался придумать такой вопрос, который мог бы вызвать более позитивную реакцию. В мозгу вертелось какое-то слово, которое он однажды слышал и, так сказать, заложил в память, чтобы потом выяснить его значение. Слышал от Керка... Есть! Заветное слово вынырнуло из подсознания.

– Минуточку, Поли, только еще один вопрос. Что такое «корчевщик»? Вы когда-нибудь видели «корчевщика»? Чем они занимаются? Где их можно увидеть?

Он не договорил. Поли развернулся и со всего размаху ударил Язона по лицу здоровой рукой так, что едва не раздробил ему челюсть. Язон отлетел в сторону и словно в тумане увидел, как старый калека идет, ковыляя, к нему. Уцелевшая часть лица библиотекаря была искажена яростью, изувеченное горло издавало какие-то клекочущие звуки.

Тут уж было не до объяснений. Со всей скоростью, какую только он мог развить при двойном тяготении, Язон направился к двери. Рукопашная схватка с пиррянином, будь то малорослый юнец или старый инвалид, не сулила ничего хорошего.

Дождь успел смениться снегом, и Язон зашлепал по слякоти, потирая ноющую скулу и осмысливая единственный факт, которым он располагал. «Корчевщик» – явно ключ, но к чему? И куда теперь обратиться за информацией? Из всех пиррян только с Керком у него получался путный разговор, но с ним больше не поговоришь. Остается Мета. Надо немедленно повидаться с ней. Но тут им вдруг овладела такая слабость, что он через силу добрел обратно до учебного центра.

Утром он чуть свет позавтракал и снова отправился в город. Всего неделя осталась в запасе… Проклиная два G, пресекающие все его попытки идти быстро, Язон дотащился до здания диспетчерской службы, узнал, что Мета вот-вот должна вернуться с ночного дежурства на Периметре, и отправился в ее казарму. Когда Мета вошла, он лежал на ее койке.

– Уходи, – бесстрастно сказала она. – Или тебя надо вышвырнуть?

– Терпение. – Он сел. – Я просто прилег отдохнуть, пока ждал тебя. У меня к тебе один-единственный вопрос. Ответь мне на него, и я сразу уйду.

– Какой еще вопрос? – Мета нетерпеливо постукивала по полу каблуком, но Язон уловил нотку любопытства в ее голосе.

Он еще раз тщательно продумал все, потом заговорил:

– Только постарайся воздержаться от стрельбы. Ты знаешь меня как болтливого инопланетчика, я уже говорил при тебе ужасные вещи, и ты не стреляла в меня. Сейчас ты услышишь еще одну ужасную вещь. Пожалуйста, подтверди свое превосходство над другими обитателями галактики, держи себя в руках и не разлагай меня на атомы.

В ответ она только еще раз стукнула каблуком. Язон собрался с духом и выпалил:

– Что такое «корчевщик»?

На миг Мета словно окаменела. Потом с отвращением посмотрела на него.

– Ты умеешь находить самые омерзительные предметы для разговора.

– Возможно, – согласился он. – Но это не ответ на мой вопрос.

– Это… В общем, это одна из тех вещей, о которых люди не говорят.

– Я говорю.

– А я нет! Это самая отвратительная вещь на свете, больше я ничего не скажу. Потолкуй с Кранноном, а с меня хватит.

Говоря, Мета схватила его за руку и выволокла в тамбур. В следующую секунду дверь захлопнулась за его спиной. Язон сердито буркнул себе под нос: «Атлетка», – но гнев улетучился, как только он сообразил, что Мета, хотела она того или нет, дала ему в руки ключ. Теперь надо выяснить, кто такой или что такое Краннон.

В диспетчерской Язон узнал, кто такой Краннон, а также где и в какую смену он работает. Идти туда было недалеко, и Язон скоро очутился перед большим кубическим строением без окон. У каждого из надежно запертых входов висело по вывеске с одним только

словом: «Продовольствие». Чтобы попасть внутрь здания, Язону пришлось пройти через несколько тесных автоматических камер, где он подвергся ультразвуковой, ультрафиолетовой и антисептической обработке. Затем его почистили вращающиеся щетки и последовательно окатили три различных душа. Несколько более влажный и несравненно более чистый, он был наконец допущен в центральное помещение. Здесь люди и роботы перекладывали ящики, и Язон спросил одного из пиррян, где можно видеть Краннона. Пиррянин холодно смерил Язона взглядом, плюнул на его башмаки и только потом ответил. Краннон – коренастый и весьма мрачный мужчина в залатанном комбинезоне – работал один в просторной кладовой. При виде Язона он перестал ворочать тюки и сел. Угрюмые складки на его лице, казалось, стали еще глубже, когда Язон принялся объяснять, зачем пришел. Разговор о пиррянской старине нагнал на него тоску, и он откровенно зевал. Наконец Язон закончил. Однако он тщетно ждал ответа, Краннон только молча продолжал зевать. В конце концов Язон не выдержал:

– Ну так как, у вас есть старые книги, документы, записки или что-нибудь в этом роде?

– Ты обратился по адресу, инопланетчик, – услышал он. – От разговора со мной тебе будут сплошные неприятности.

– Это почему же?

– Почему? – Язон увидел, что лицо Краннона может выражать не только уныние. – Я тебе скажу почему! Однажды я допустил промашку, только одну, и был наказан за это пожизненным приговором. На всю жизнь – понятно тебе? Я один, все время один. Корчевщики и те надо мной начальники.

Язон постарался не выдать своего ликования.

– Корчевщики? А кто это такие – корчевщики?

От такого чудовищного вопроса Краннон даже онемел. Неужели есть на свете человек, который не слышал про корчевщиков? Что-то похожее на радость потеснило тоску в его душе, когда он понял, что наконец-то обрел чуткого слушателя, с которым можно поделиться своей бедой.

– Корчевщики – предатели, иначе их не назовешь. Предатели рода человеческого, я бы их всех перебил, была бы моя воля. Живут в джунглях. А что они с животными делают…

– Вы хотите сказать, что это люди? Такие же пирряне, как вы сами? – перебил его Язон.

– Нет, сударь, не такие же, как я. И не повторяй этой ошибки, если тебе жизнь дорога. Допустим, я один раз задремал на посту, за что и

должен теперь делать эту работу. Но отсюда еще не следует, что она мне по душе. Или что они мне по душе. От них смердит, да-да, смердит, и, если бы они не давали нам продовольствие, их завтра же прикончили бы всех до одного. Вот работенка, за которую я взялся бы с великой радостью!

– Но, если они поставляют вам продовольствие, вы должны давать им что-то взамен?

– Меновой товар – бусы, ножи и все такое прочее. Мне их сюда привозят в коробках, мое дело только доставить эти коробки по адресу.

– Как вы это делаете?

– Отвожу в условное место на бронетранспортере. Потом еду туда снова и забираю продовольствие, которое они оставляют.

– Можно мне в следующий раз поехать с вами?

Краннон немного поразмыслил, прежде чем ответить.

– Что ж, валяй поезжай, если природа обделила тебя умишком. Пособишь мне с погрузкой. Сейчас урожай еще не собран, так что следующий рейс через восемь дней…

– Но ведь это будет после того, как улетит корабль. Слишком поздно. А раньше вы не можете поехать?

– Не лезь ко мне со своими проблемами сударь. – пробурчал Краннон вставая. – Через восемь дней, и никаких перемен ради твоей милости.

Язон понял, что от этого человека ему большего за один раз не добиться. Он уже собрался уходить, но затем обернулся.

– Еще один вопрос. Как выглядят эти дикари? Эти корчевщики?

– Откуда мне знать! – рявкнул Краннон. – Я с ними торгую, а не целуюсь. Попадись мне хоть один, я пристрелил бы его на месте.

Он несколько раз согнул и разогнул пальцы, заставляя пистолет выскакивать из кобуры. Язон предпочел тихо удалиться.

Растянувшись на койке, чтобы мышцы отдохнули от перегрузки, он ломал голову над тем, как убедить Краннона перенести срок. Его надо подкупить. Но чем? В этом мире, где валюта не котируется, его миллионы кредов ничего не значат. Глаза Язона остановились на стенном шкафу, в котором висела его старая одежда… Кажется, придумал!

На другой день – еще одним днем меньше! – он спозаранок пришел в здание продовольственного склада. Краннон даже не обернулся на звук его шагов.

– Хотите получить эту штуку? – Язон протянул изгою плоский золотой футляр с крупным алмазом посередине.

Краннон хмыкнул и повертел футляр в руках.

– Игрушка, – сказал он. – Какой от нее прок?

– А вы нажмите кнопку, появится огонь.

Над дырочкой в крышке вырос язычок пламени. Краннон вернул футляр Язону.

– На кой мне такой огонек? Оставь себе.

– Погодите, – сказал Язон. – Это не все. Если надавить на этот камень посередине, выскочит… вот видите? – У него на ладони очутился черный шарик величиной с ноготь. – Граната, из чистого ультранита. Сдави ее хорошенько, потом брось, и будет такой взрыв, что начисто разнесет дом вроде этого.

Краннон снова взял золотой футляр. На грозное оружие он смотрел чуть ли не с улыбкой, словно ребенок на конфетку.

– Футляр и бомбы будут ваши. Если вы перенесете очередной рейс на завтра и возьмете меня с собой, – поспешил объявить Язон.

– Будь здесь ровно в пять утра, – ответил Краннон. – Мы выедем рано.

Глава 15

Рокоча гусеницами, бронетранспортер подкатил к воротам Периметра и остановился. Краннон сделал рукой знак часовым и опустил металлический щит перед ветровым стеклом. Ворота распахнулись, и транспортер – по сути дела, это был тяжелый танк – медленно пополз вперед. За первыми воротами были вторые, они открылись только после того, как сомкнулись внутренние створки. Язон смотрел в перископ, как отворяются наружные ворота. Автоматические огнеметы поливали пламенем проход, пока транспортер не подошел вплотную. Широкая полоса выжженной земли окаймляла Периметр; дальше начинались джунгли. Язон непроизвольно съежился на сиденье.

Растения и животные, которых он до тех пор знал лишь по образцам, здесь окружали его со всех сторон, образуя сплошную массу, кишащую всякой живностью. Воздух наполнился неистовым гулом, что-то непрерывно царапало броню, стучало по ней. Краннон усмехнулся и включил контакт, подающий электрический ток на защитную решетку. Царапанье умолкало по мере того, как звери своими телами замыкали цепь на заземленный корпус.

Транспортер продирался сквозь джунгли на самой малой скорости. Лицо Краннона будто срослось с перископом. Он молча управлял машиной. С каждой милей транспортер шел все лучше;

наконец водитель убрал перископ и поднял щит. По-прежнему их грозно обступал густой лес, но это было совсем не то, что возле Периметра, вдоль которого, казалось, сосредоточилась главная смертоносная мощь планеты Пирр. «Почему? – спросил себя Язон. – Откуда эта исступленная ненависть направленного действия?»

Мотор стих, Краннон встал и потянулся.

– Приехали, – сказал он. – Давай выгружать.

Транспортер стоял на голой скале с такими крутыми и гладкими склонами, что на них не держалась никакая растительность. Краннон открыл грузовые отсеки, и они принялись сгружать клети и ящики. Когда работа была закончена, Язон обессиленно привалился к груде ящиков.

– Полезай в кабину, едем обратно, – приказал Краннон.

– Вы поезжайте, а я останусь.

Краннон холодно посмотрел на него:

– Лезь в машину, или я убью тебя. Здесь нельзя оставаться. Во-первых, ты и часа один не проживешь. А главное – попадешь в руки корчевщиков. Они тебя сразу прикончат, но не в этом беда. А в том, что у тебя есть снаряжение, которое не должно попасть в их руки. Только корчевщика с пистолетом нам не хватает!

Пока пиррянин говорил, Язон лихорадочно продумывал следующий ход. Вся его надежда была на то, что Краннон смекает не так быстро, как реагирует.

Язон уставился на деревья, точно что-то заметил среди ветвей. Краннон, продолжая говорить, автоматически последовал его примеру. И как только в руке Язона оказался пистолет, Краннон тотчас выхватил свое оружие.

– Вон там! На макушке! – крикнул Язон, стреляя наугад в зеленый хаос.

Краннон тоже открыл огонь. В ту же секунду Язон отпрянул назад, сжался в комок и покатился вниз по склону. Выстрелы заглушили звук его движений, и, прежде чем Краннон успел повернуться, Язон уже скрылся в зарослях. Кусты хлестали его прутьями, но они же тормозили падение, и в конце концов он остановился. Пули, посланные вдогонку Кранноном, не достигли цели.

Лежа в кустах, исцарапанный, запыхавшийся, Язон слышал, как Краннон честит его последними словами. Топая по скале, взбешенный пиррянин продолжал стрелять наугад, однако спускаться в заросли не стал. В конце концов он сдался и сел в кабину. Мотор взревел, гусеницы звякнули и заскребли по камню, и транспортер пошел обратно через джунгли. Некоторое время были

слышны рокот и треск, потом все стихло. Язон остался один. До этой минуты он даже не представлял себе, что можно чувствовать себя таким одиноким. Машина исчезла, а кругом – смерть, и ничего кроме смерти. Он с трудом подавил в себе желание броситься вдогонку за бронетранспортером. Что сделано, то сделано, возврата нет.

Риск немалый, но другого способа связаться с корчевщиками не было. Пусть они дикари, но ведь люди же. Ведут меновую торговлю с цивилизованными пиррянами – значит, не так уж безнадежно одичали. Он должен установить контакт, должен как-то поладить с ними. И выяснить, как они ухитряются жить без опаски в этом безумном мире.

Будь у него другой способ решить проблему, он предпочел бы его; роль героя-мученика Язону вовсе не улыбалась. Но Керк и назначенный им срок не оставляли ему выбора. Надо было возможно скорее устанавливать контакт, и он не видел другого пути.

Где сейчас находятся дикари? Скоро ли появятся? Попробуй, угадай. Не будь лес таким опасным, он мог бы укрыться и выждать подходящий момент для встречи с корчевщиками. Ведь если они застанут его около ящиков, то с присущим пиррянам рефлексом могут сразу отправить его на тот свет.

Волоча ноги, Язон добрел до высоких деревьев. Что-то шевельнулось среди ветвей и тут же пропало. Он поглядел на ближайшее дерево. Окружающие толстый ствол растения не производили впечатления ядовитых, и Язон вошел в лес. Вроде бы ничего угрожающего кругом. Странно... Он прислонился к шершавому стволу, собираясь с силами.

Что-то мягкое накрыло его голову, руки и ноги точно сковало железом, и чем сильнее он отбивался, тем крепче становилась хватка. Кровь стучала в висках, легкие готовы были взорваться.

Наконец он прекратил сопротивление, и сразу же хватка ослабла. Поняв, что на него напал не зверь, Язон слегка воспрял духом. Он ничего не знал о корчевщиках, но рассчитывал на то, что человеческое в них возьмет верх.

Он был крепко связан, кобуру с пистолетом у него забрали. Без оружия Язон чувствовал себя словно голый. Все те же могучие руки снова схватили его и бросили ничком на что-то мягкое и теплое. Это «что-то» явно было каким-то крупным животным, и Язона опять обуял ужас, ведь все пиррянские животные были смертельными врагами человека. Когда животное тронулось с места, унося его на себе, на смену страху пришло огромное облегчение. Выходит, корчевщики сумели наладить своего рода сотрудничество по

меньшей мере с одним представителем местной фауны. Если он выяснит, как это оказалось возможно, и сумеет сообщить секрет жителям города, все его труды и мытарства окупятся. Пожалуй, даже смерть Велфа будет оправданна, если удастся умерить, а то и вовсе прекратить многовековую войну.

Туго связанные конечности сначала отчаянно болели, потом потеряли чувствительность, а они все ехали и ехали куда-то. Язон потерял всякое представление о времени. Дождь промочил его насквозь, потом он ощутил, как жгучее солнце принялось подсушивать его одежду.

Наконец тряска прекратилась, Язона стащили со спины животного и бросили на землю. Чувствительность вернулась к развязанным рукам, и острая боль пронизала мышцы, когда он попробовал шевельнуться. Как только руки стали слушаться, он поднял их и сдернул с головы мешок, сшитый из какого-то густого меха. Ослепленный ярким светом, он жадно хватал ртом чистый воздух.

Отдышавшись немного, Язон огляделся вокруг. Он лежал на полу из неструганных досок; через дверной проем прямо в лицо ему светило заходящее солнце. Весь склон холма до самого леса занимало вспаханное поле. Царивший внутри хижины полумрак не позволял рассмотреть подробностей обстановки.

Что-то заслонило свет, на пороге выросла высокая фигура. В первую секунду Язону почудилось, что это зверь, потом он увидел лицо человека с длинными волосами и густой бородой. Человек был одет в шкуры, даже чулки на ногах были меховые. Поглаживая рукой подвешенный к поясу

топор, он пристально смотрел на пленника.

– Кто ты? «Чего тебе надо?» – вдруг спросил бородач.

Язон помешкал с ответом – как бы этот дикарь не оказался таким же вспыльчивым, как горожане.

– Меня зовут Язон. Я пришел с миром. Я хочу быть вашим другом…

– Ложь! – Бородач взялся за топор. – Врешь, жестянщик! Я видел, как ты прятался. Хотел меня убить. Но раньше я убью тебя.

Он потрогал мозолистым пальцем лезвие топора и замахнулся.

– Погодите! – отчаянно воскликнул Язон. – Вы не поняли. Топор качнулся вниз. – Я инопланетчик и…

Топор вонзился в дерево возле уха Язона с такой силой, что даже пол вздрогнул. Бородач передумал в последнюю секунду. Схватив Язона за грудь, он подтянул его к себе, их лица соприкоснулись.

– Правда? Инопланетчик?

Не дожидаясь ответа, он разжал пальцы, и Язон упал на доски. Дикарь перескочил через него и шагнул куда-то в глубину хижины.

– Надо доложить Ресу, – сказал он, возясь с чем-то у стены.

Загорелся свет. Язон ошарашенно вытаращил глаза. Одетый в шкуры косматый дикарь включил связное устройство. Грубые, грязные пальцы быстро настроили аппарат и набрали номер.

Глава 16

Вздор какой-то… В уме Язона вид волосатого варвара никак не вязался с электронной аппаратурой. Кого он вызывает? Если есть одно связное устройство, должно быть по меньшей мере еще одно. Кто такой Рес?

Усилием воли Язон укротил беспорядочный бег мыслей. Перед ним оказалось нечто совсем неожиданное, непредвиденное. Ничего – все на свете поддается объяснению, надо только разобраться в фактах.

Закрыв глаза, чтобы не мешали пробивающиеся сквозь макушки деревьев лучи солнца, Язон попробовал анализировать факты. Их можно было разделить на две группы: то, что он видел сам, и то, что узнал от жителей города. Вторая категория нуждалась в проверке и сопоставлении с наблюдаемым. Может статься, что многие, если не все, факты этого рода окажутся ложными.

– Вставай, – вторгся в его мысли голос бородача. – Поехали.

Затекшие ноги не держали Язона. Бородач презрительно фыркнул, поднял его и прислонил к наружной стене. Потом он куда-

то исчез, и Язон, держась за корявые бревна, воспользовался случаем хорошенько осмотреться.

Впервые после побега из родного дома он очутился на ферме. Другая планета со своей экологией, но все равно сходство бросалось в глаза. Перед лачугой простерлось недавно засеянное поле. Видно, что здесь потрудился искусный пахарь. Аккуратные борозды равномерно огибали склон. Рядом с жилым строением стояло другое, то ли амбар, то ли конюшня.

За спиной Язона послышалось чье-то фырканье. Он резко обернулся и окаменел; рука сжимала несуществующий пистолет, палец дергал курок, которого не было.

Перед ним стоял какой-то зверь, неприметно вышедший из леса. Длиной около двух метров, шесть толстых ног с костистыми лапами, тусклая черно-желтая шерсть, только череп и лопатки выстланы налегающими друг на друга роговыми пластинками. Зверь был так близко, что Язон хорошо все разглядел. Он приготовился умереть. Раскрылась жабья пасть, обнажая два ряда зубов, похожих на пилы.

– Ко мне, Фило, – позвал вышедший из сарая бородач и щелкнул пальцами.

Шестиногая тварь пробежала мимо огорошенного Язона и потерлась головой о ногу пиррянина.

– Хороший, хороший песик, – приговаривал тот, почесывая лопатку зверя около последней пластины.

Язон увидел, что бородач вывел двух оседланных и взнузданных верховых животных. Садясь на своего «коня», он обратил внимание на его гладкие, лоснящиеся бока и длинные ноги. Хозяин крепко привязал ступни Язона к стременам, и они тронулись в путь, сопровождаемые лысой тварью.

– Хорошая собачка! – сказал Язон, и вдруг на него напал беспричинный смех.

Бородач оглянулся и хмуро смотрел на него, пока он не угомонился.

Когда они въехали в джунгли, уже стемнело. Под густым лесным пологом ничего не было видно, тем более без фонарей, но животные явно знали дорогу. Кругом что-то шуршало, звучали пронзительные крики, однако Язон не испытывал особой тревоги. То ли ему передалась уверенность его провожатого, то ли успокоительно действовало присутствие «пса», которого он скорее ощущал, чем видел.

Путь не был очень трудный, но долгий; плавная трусца животного и усталость сделали свое, и Язон задремал, просыпаясь каждый раз,

когда сильно клевал носом. В конце концов он приспособился спать, сидя прямо. Так прошло несколько часов. Вдруг Язон, в сотый раз открыв глаза, увидел впереди освещенный квадрат. Путешествие окончилось.

Когда его освободили от стремян, он, морщась от боли, с великим трудом слез на землю. Онемевшие ноги подкосились, и он едва не упал. Открылась дверь, Язон вошел в дом. Когда его глаза привыкли к свету, он разглядел кровать и лежащего на ней человека.

– Подойдите сюда и сядьте.

Голос был громкий, властный, привыкший повелевать, а тело, закрытое до пояса одеялом, принадлежало инвалиду. Болезненно бледная кожа в красных узелках дряблыми складками облегала костяк. Вот уж поистине кожа да кости…

– Не очень красивое зрелище, – сказал человек на кровати, – но я уже привык. – Он продолжал совсем другим тоном: – Накса сообщил, что вы инопланетчик. Это верно?

Язон кивнул. Живые мощи сразу взбодрились. Голова больного оторвалась от подушки, обрамленные красными веками глаза впились в Язона.

– Мое имя Рес, я… корчевщик. Вы мне поможете?

Язона озадачило волнение, с которым были произнесены эти, казалось бы, такие простые слова. Тем не менее он, не задумываясь ответил:

– Конечно, я помогу вам, чем смогу. Только бы это не было во вред другим. А что вы хотите?

Больной уже опустил голову обратно на подушку, но глаза его горели по-прежнему.

– Не беспокойтесь, я никому не желаю вреда, – заверил он. – Напротив. Как видите, у меня болезнь, против которой все наши средства бессильны. Мне осталось жить несколько дней. Но я видел… у горожан… какое-то приспособление… они прикладывают его к ранам и укусам. У вас нет с собой такого аппарата?

– Вы, очевидно, говорите про аптечку. – Язон нажал кнопку на поясе, и аптечка оказалась у него в руке. – Вот. Это устройство определяет и излечивает большинство…

– Вы не могли бы испробовать его на мне? – нетерпеливо перебил Рес.

– Извините. Я должен был сразу сообразить.

Язон подошел к Ресу и прижал аппарат к воспаленному участку кожи на его груди. Вспыхнул контрольный огонек, вниз пошел тонкий штифт анализатора. Как только он возвратился на место,

аппарат зажужжал, потом трижды щелкнул: три иглы поочередно вошли в тело. Наконец огонек погас.

– И все? – спросил Рес, глядя, как Язон пристегивает аптечку к поясу.

Язон кивнул и увидел влажные дорожки на щеках больного. Рес поймал его взгляд и сердито смахнул рукой слезы.

– Стоит заболеть, – проворчал он, – и твое тело, все твои органы чувств тебя предают. Я с детства не плакал, и сейчас мне не себя жаль, а тысячи людей, умерших только потому, что у нас нет этой маленькой штучки, с которой вы так запросто обращаетесь.

– Неужели у вас нет своих лекарств и врачей?

– Знахари и колдуны. – Рес сделал рукой выразительный жест, в который вложил все свое презрение к этим людям. – Честных тружеников сбивает с толку то, что шептуны обычно помогают им лучше всех настоев.

Разговор утомил Реса. Он вдруг умолк и закрыл глаза. Уколы уже начали действовать, и красные пятна на груди посветлели.

Язон осматривал комнату, надеясь найти какие-нибудь ключи к загадке этого народа.

Пол и стены из плотно подогнанных досок. Ни краски, ни резьбы, простые, грубые доски, как и должно быть у дикарей. А впрочем, точно ли они грубые? Какая сочная фактура у этого дерева, кажется, что оно светится изнутри... Язон нагнулся и увидел, что доски натерли воском, чтобы выявить узор. Чьих это рук дело – дикарей или людей с тонким вкусом, которые стремились облагородить простейший материал? И выглядит куда красивее, чем комнаты горожан с их унылой краской и стальными заклепками. Недаром говорят, что простота венчает оба конца на шкале артистизма... Непросвещенный абориген облекает простую идею в бесхитростную форму и творит красоту. А искушенный критик отвергает чрезмерную изощренность и красивость ради чистой подлинности незатейливого искусства. Какой конец шкалы сейчас перед ним?

Ему говорили, что эти люди – дикари. Они носят одежду из шкур, и речь у них – во всяком случае у Наксы – грубая. Рес косвенно признался, что его народ предпочитает лекарям шептунов. Но как совместить это со связными устройствами? И с люминесцентным потолком, который заливает всю комнату мягким светом?

Рес открыл глаза и уставился на Язона так, как будто видел его впервые.

– Кто вы? – спросил он. – И зачем вы пришли к нам?

Холодная угроза, прозвучавшая в его голосе, не удивила Язона. Городские пирряне ненавидели корчевщиков, и это чувство, несомненно, было обоюдным. Об этом ему сказал еще топор Наксы… Кстати, вот и Накса стоит, держа руку на том самом топоре. Язон прекрасно понимал, что, пока эти люди не услышали от него удовлетворительного ответа, жизнь его под угрозой.

Но и правды говорить нельзя. Стоит им заподозрить, что он шпионит в пользу горожан, и на этом все кончится. Как же выяснить, каким образом они ухитряются выживать в джунглях?

Решение пришло тут же, он повернулся к больному и ответил, стараясь говорить возможно спокойнее:

– Меня зовут Язон динАльт, я эколог, так что, сами понимаете, у меня были основания выбрать эту планету…

– Что такое эколог? – перебил его Рес.

По тону вопроса нельзя было понять, спрашивает ли он всерьез или расставляет сети. Если перед этим они разговаривали непринужденно, то теперь Язон уловил в его словах недоверие.

– Проще говоря, это отрасль биологии, которая изучает взаимоотношения живых организмов со средой. Как действуют на организм климат и другие факторы и как организмы влияют друг на друга и на среду.

Поскольку этим исчерпывалось все, что Язон знал об экологии, он не стал задерживаться на этом предмете.

– Я много слышал о вашей планете и наконец решил сам с ней познакомиться. Поработал в городе, но понял, что этого мало. Люди там считают меня помешанным, но я все же добился того, что меня повезли в лес.

– Когда и как они должны вас забрать? – быстро спросил Рес.

– Мы об этом не договаривались. Они твердили, что меня сразу убьют, что я ни за что не вернусь. Никак не хотели отпускать меня одного, и мне пришлось убежать.

Судя по безрадостной улыбке Реса, ответ Язона как будто удовлетворил его.

– Типично для этих жестянщиков. Они шагу не шагнут за свои стены без бронированной машины с амбар величиной. А что они рассказывали про нас?

Язон ответил не сразу, понимая, как важно сейчас не промахнуться.

– Что ж, может быть, мне снесут голову этим топором, но лучше я скажу правду. Вам следует знать, что они о вас думают. Мне описывали вас как грязных, невежественных дикарей, говорили, что

от вас смердит и что вы общаетесь с животными. Что они вам дают бусы и ножи в обмен на продовольствие…

Оба пиррянина громко расхохотались. Правда, Реса хватило ненадолго, но Накса буквально закатился смехом и справился с собой только после того, как плеснул себе на голову холодной водой из высушенной тыквы.

– Охотно верю, – сказал Рес. – Глупость в их духе. Эти люди совсем не знают мира, в котором живут. Надеюсь, остальное, что они говорили, тоже правда. Но все равно вы желанный гость. Я уже убедился, что вы инопланетчик. Ни один из жестянщиков пальцем не пошевельнул бы, чтобы меня спасти. Вы первый инонланетчик, с которым встречается мой народ, поэтому мы вам вдвойне рады. Мы готовы помочь вам всем, чем только можем. Моя рука – ваша рука.

Последние слова прозвучали как ритуальная формула, и Накса поощрительно кивнул, когда Язон повторил их. И ведь это была не пустая фраза. Он знал, что на Пирре без взаимопомощи не выжить и что эти люди сплоченно противостоят окружающим их смертельным опасностям. Может быть, после ритуала и на него распространится защитная сфера?

– Ладно, хватит на сегодня, – подвел итог Рес. – Эта пятнистая немочь измотала меня, а ваше лекарство превратило меня в кисель. Оставайтесь здесь, Язон. Одеяло найдется. Правда, кровати пока нет.

До сих пор душевный подъем помогал Язону справляться с двумя G. Но теперь его как-то вдруг сразила усталость, накопленная за этот долгий день. Он отказался от еды, завернулся в одеяло и забылся.

Глава 17

Каждая клеточка его тела, придавленная двойным тяготением к твердому деревянному полу, ныла. Веки слиплись, во рту был какой-то налет с отвратительным вкусом. Он с трудом сел и подавил стон, когда хрустнули суставы.

– Добрый день, Язон, – приветствовал его с кровати Рес. – Не верь я так в лекарства, я бы сказал, что ваша машина исцелила меня за одну ночь волшебством.

Сразу было видно, что он идет на поправку. Воспаленные пятна на коже пропали, глаза освободились от горячечного блеска. Он сидел, опираясь на подушки, и смотрел, как под лучами солнца тает на поле ночной град.

– Там в шкафу вы найдете мясо, – продолжал Рес. – А для питья есть вода и виск, что больше нравится.

Виск оказался прозрачным напитком чрезвычайной крепости, от которого у Язона сразу прояснилось в голове и слегка зазвенело в ушах. А окорок нежнейшего копчения неизмеримо превосходил вкусом все, что он ел с тех пор, как покинул Кассилию. То и другое возродили веру Язона в жизнь и будущее. Он глубоко вздохнул, поставил стакан и осмотрелся вокруг.

Усталость прошла, ничто не угрожало его жизни, и мысли Язона снова обратились к волнующей его проблеме. Что же это за люди, на самом деле? И как они ухитрились выжить среди джунглей, где человека на каждом шагу подстерегает смерть? В городе ему говорили, что они дикари. Но вот на стене вполне исправное связное устройство. Около двери висит арбалет, стреляющий металлическими стрелами фабричного производства; на черенках даже видно клеймо. Информация, вот что ему надо. А для начала хотя бы отчасти развеять туман дезинформации.

– Рес, вы рассмеялись, когда я сказал, что в городе меня уверяли, будто дают вам безделушки за продовольствие. А что вы получаете от них на самом деле?

– Все, до известных пределов. Разные фабричные изделия, в том числе электронику для наших связных устройств. Нержавеющие сплавы, которые мы сами не можем производить, атомноэлектрические преобразователи, которые работают на любых радиоактивных элементах. И так далее. В общем, что попросим, то и получаем, если только это изделие не числится в списке запрещенных товаров. Они остро нуждаются в продовольствии.

– А что входит в список?

– Оружие, конечно, и все, из чего можно изготовить мощное оружие. Они знают, что мы делаем порох, поэтому нам не дадут крупного литья или бесшовных труб, пригодных для изготовления стволов большого калибра. Мы вручную сверлим себе оружейные стволы – правда, в джунглях от бесшумного арбалета больше толку. Еще они стремятся ограничить нас в знаниях, поэтому к нам доходят лишь технические инструкции без каких-либо теоретических основ. Наконец, это вы уже знаете, под запретом медицина. Меня это особенно бесит, я ненавижу их все сильнее с каждым смертным случаем, который можно было предотвратить.

– Я знаю их соображения, – сказал Язон.

– Расскажите мне, потому что я не вижу в этом никакого смысла.

– Борьба за существование, только и всего. Вам, очевидно, невдомек, что население города сокращается. Через несколько десятков лет там вообще никого не останется. А у вас численность населения стабильная, наверно, даже есть небольшой прирост, а то бы вам без механических средств защиты не уцелеть. Отсюда эта ненависть и зависть горожан. Если дать вам лекарства, вы сумеете выиграть битву, которую они уже проиграли. Думаю, они терпят вас как неизбежное зло ради продовольствия, которым вы их снабжаете. Иначе они поспешили бы отправить вас на тот свет.

– Похоже на правду, – пробурчал Рес и стукнул кулаком по кровати. – Как раз такая извращенная логика и должна быть у этих жестянщиков. Они кормятся за наш счет, дают нам минимум взамен и отрезают нас от знаний, без которых мы вынуждены жить впроголодь. Но самое главное, они отрезают нас от звезд и от остального человечества.

Лицо его выражало такую ненависть, что Язон невольно попятился.

– Ну а как вы, Язон? Тоже считаете нас дикарями? Мы выглядим как животные, ведем себя как животные, потому что вынуждены бороться за существование на уровне животных. Но мы кое-что знаем о звездах. Вон в том сундуке, в железном, хранится около трех десятков книг – все, что у нас есть. По большей части художественная литература, но есть исторические труды и научно-популярные книжки. Из них мы черпаем наши представления о прошлом колонии на Пирре и об остальной вселенной. Мы видим, как в городе садятся корабли, и знаем, что там, наверху, есть другие миры. О которых мы можем только грезить. Что же удивительного в том, что мы ненавидим этих зверей, которые называют себя людьми? И что мы в одну секунду уничтожили бы их, если бы могли? Они правильно делают, что не дают нам оружия. Иначе мы как пить дать перебили бы их всех до одного и завладели бы всем, чего они нас лишают.

Суровый приговор, но справедливый. Во всяком случае, на взгляд стороннего наблюдателя. Язон не стал говорить сердитому хозяину дома, что городские пирряне считают свою линию единственно возможной и правильной.

– А с чего вообще начался этот разлад между вашими двумя группами? – спросил он.

– Не знаю, – ответил Рес. – Я об этом думал много раз, но у нас нет никаких документов той поры. Известно, что все мы происходим от колонистов, которые прибыли в одно время. В какой-то момент они разделились на две группы. Возможно, была война, вроде тех, про

которые пишут в книгах. Есть у меня догадка, только доказать я ее не могу – все дело в расположении города.

– Расположении города? Не понимаю…

– Вы ведь знаете этих жестянщиков, видели их город. Они умудрились расположиться в самом лютом месте на всей планете. Сами знаете, они не считаются ни с кем, только с собой. Стрелять и убивать – вот и вся их логика. Им все равно было где обосноваться, и получилось так, что они выбрали самое неподходящее место. Уверен, что мои предки понимали, как нелеп их выбор, и пытались им это втолковать. Вот вам и причина для войны – разве нет?

– Возможно… «Если и впрямь так было», – сказал Язон. – Но мне, кажется, вы неверно понимаете проблему. На самом деле идет война между исконно пиррянской жизнью и человеком. Причем местные организмы все время видоизменяются в своем стремлении стереть с лица планеты вторгшихся людей.

– Если уж на то пошло, ваша гипотеза еще невероятнее моей, – возразил Рес. – Потому что вы совсем ошибаетесь. Конечно, жить на этой планете нелегко, когда сравниваешь с тем, что я читал про другие миры, но организмы не изменяются. Только не зевай и будь начеку при встрече с любым животным, которое превосходит тебя размерами, а так-то жить вполне можно. И в конце концов, не в этом суть. А в том, что жестянщики сами все время напрашиваются на неприятности. И я только рад, что они пожинают их в полной мере.

Язон не стал больше спорить. Допустим, он даже переубедит Реса, но что это ему даст? Ведь в городе, в самом центре убийственных мутаций, он никого не сумел убедить, хотя там налицо все факты. А вот порасспросить Реса не мешает.

– Я допускаю, что не так уж важно, кто начал, – уступил Язон, хотя в душе так не считал. – Но согласитесь, горожане непрерывно воюют со всеми здешними организмами. А ваш народ, как я уже мог убедиться, сумел одомашнить, во всяком случае, два вида. Вам не известно, как именно удалось этого добиться?

– Сейчас придет Накса, – ответил Рес, кивая на дверь. – Он как раз кормит животных. Спросите его, он у нас лучший говорун.

– Говорун? У меня о нем прямо противоположное мнение. Он отнюдь не речист, а когда заговорит, то… простите, его не всегда поймешь.

– Он говорун не в том смысле, – нетерпеливо объяснил Рес, – говоруны занимаются животными. Обучают собак и доримов, а лучшие, вроде Наксы, стараются найти подход и к другим животным. Одеты просто, но это по необходимости. Они говорят, что животные

не любят никакой химии, металлов, крашеной кожи. Вот и носят чаще всего шкуры. Но пусть они неопрятны на вид, это не имеет никакого отношения к уму.

– Доримы? Это так называются верховые животные, на которых мы приехали сюда?

Рес кивнул:

– На них не только верхом ездят – они на многое годятся. Крупные самцы тянут плуги и другие механизмы, а молодые животные – это мясо. Хотите узнать побольше, расспросите Наксу, он сейчас на конюшне.

– Пожалуй, так и сделаю. – Язон встал. – Только я как-то неловко себя чувствую без пистолета…

– Возьмите его, милости прошу, он лежит в ящике около двери. Да только не стреляйте без разбору.

Накса стоял в глубине сарая и стачивал копыто дориму. Удивительная картина, странное сочетание… С одной стороны, человек, одетый в шкуры, и диковинный зверь, с другой стороны, напильник из медно-бериллиевого сплава и электролюминесцентное освещение. При виде Язона дорим раздул ноздри и шарахнулся в сторону. Накса погладил животное по шее и ласково заговорил с ним; наконец дорим успокоился, только иногда по его шкуре пробегала дрожь.

Что-то шелохнулось в сознании Язона. Словно напряглась мышца, которой он давно не пользовался. Какое-то неуловимо знакомое чувство…

– Доброе утро, – поздоровался он.

Накса буркнул что-то в ответ и продолжал работать напильником. Язон глядел на него и силился разобраться в своей собственной душе, осмыслить загадочное чувство, которое дразнило его и упорно не хотело поддаваться определению.

– Вам не трудно позвать собаку, Накса? Мне хочется посмотреть на нее поближе.

Не поднимая головы, Накса тихонько свистнул. Язон готов был поклясться, что этот свист не мог проникнуть через стену сарая. Тем не менее не прошло и минуты, как в конюшню тихо вошла пиррянская собака. Говорун поскреб ей загривок, бормоча что-то, а она пристально посмотрела ему в глаза. Когда же Накса снова взялся за напильник, собака сразу заметалась по сараю, тревожно принюхиваясь, потом устремилась к двери. И тут Язон окликнул ее. Точнее, он собирался ее окликнуть. В последнюю минуту Язон передумал и, подчиняясь внезапному побуждению, позвал собаку

мысленно, не открывая рта. Произнося про себя слова «Иди сюда», он сосредоточил всю свою энергию на том, чтобы передать команду собаке примерно так же, как делал это с игральными костями. И подумал, кстати, что давно не прибегал к телепатии.

Собака остановилась и повернулась в его сторону. Постояла, глядя на Наксу, потом подошла к Язону.

Вблизи это была совершенно кошмарная тварь. Голые защитные пластины, маленькие глазки с красным ободком и поблескивающие слюной клыки отнюдь не внушали доверия. И однако Язону не было страшно. Между человеком и зверем установился обоюдный контакт. Язон машинально протянул руку и почесал зверю спину, словно по себе чувствовал, где именно она чешется.

– А я и не знал, что ты говорун, – сказал Накса; впервые в его голосе прозвучала дружеская нотка.

– И я не знал... до этой минуты, – ответил Язон.

Он заглянул в глаза зверю, еще раз почесал уродливую спину и подумал, что загадка вроде бы проясняется.

У говорунов явно хорошо развиты телепатические способности. Когда два существа разделяют эмоции друг друга, нет ни расовых, ни каких-либо иных барьеров. Надо проникнуть в душу, понять ее, чтобы исключить ненависть и страх, потом можно наладить прямое общение. Видимо, говоруны первыми преодолели барьер ненависти на Пирре и научились ладить с пиррянскими тварями. Другие последовали их примеру – может быть, так и сложилась мало-помалу община корчевщиков.

Настроившись на нужный лад, Язон отчетливо воспринимал окружающие его мысленные флюиды. Телепатическое поле питалось биотоками не только дорима, с которым был занят Накса; не выходя из конюшни, Язон внутренним зрением видел других доримов, ходивших на лугу за сараем.

– Это все совсем ново для меня, – сказал он. – А вы никогда не задумывались, Накса, над этой своей способностью? Сами-то вы знаете, почему вас животные слушаются, а другим людям никак не удается ими управлять?

Накса явно не привык размышлять о таких предметах. Он расчесал пятерней свои густые волосы и насупился.

– Не знаю, я об этом не думал. Просто так получается. Ты только знай животных как следует и всегда угадаешь, как они себя поведут. И все тут.

Было очевидно, что Накса никогда не ломал себе голову над истоками своего умения управлять животными. И не только он.

Похоже, эти люди воспринимают дар говорунов как нечто само собой разумеющееся.

В мозаике, которую он мысленно складывал, прибавилось несколько кусочков. В беседе с Керком Язон говорил, что все пиррянские организмы явно объединились в борьбе против человека, но он не знал почему. Он и сейчас не знает почему, зато, кажется, догадывается как...

– Сколько отсюда до города? – спросил Язон. – Долго ехать, если отправиться туда на дориме?

– Полдня туда, полдня обратно. А что? Хочешь уехать?

– Нет, в город я не хочу, пока не хочу. Но мне хотелось бы подобраться к нему поближе.

– Поглядим, что Рес скажет.

Рес сразу дал свое согласие, не задавая никаких вопросов. Они оседлали доримов и немедля отправились в путь, чтобы обернуться до темноты.

Не прошло и часа, как Язон почувствовал приближение города. С каждой минутой это чувство становилось все сильнее. И Накса как-то беспокойно ежился в седле. Доримы проявляли растущую тревогу, их приходилось все время поглаживать и успокаивать.

– Хватит, – сказал наконец Язон.

И Накса с облегчением остановился.

Некая безымянная мысль вторглась в сознание Язона и заполонила его. Она напирала со всех сторон, но всего сильнее спереди, где находился незримый отсюда город. Накса и доримы тоже, как и он, испытывали странное беспокойство, не сознавая его причины.

Но одну вещь он понял со всей очевидностью. Пиррянские животные восприимчивы к телепатическому излучению; вероятно, это относится также и к растениям, и к низшим организмам. Не исключено, что они сообщаются телепатически между собой, раз они подчиняются тем из людей, у которых сильно развита эта особенность. Причем здесь, в этом районе, напряженность телепатического поля превосходила все, с чем он когда-либо встречался. Хотя сам Язон лучше всего владел психокинезом, иначе говоря, усилием мысли приводил в движение неодушевленные предметы, он был восприимчив и к другим феноменам этого ряда. Сколько раз во время спортивных состязаний он улавливал мощный аккорд порыва, который одновременно овладевал душами зрителей. Вот и сейчас он испытывал что-то в этом роде.

С одной зловещей разницей… Толпа на стадионе ликовала, когда спортсмен добивался успеха, стонала, когда он промахивался. Там по ходу игры менялась и сила, и полярность телепатического поля. А здесь излучение было мощным и постоянным, и оно навевало тревогу. И не сразу подберешь для него определение… Тут и ненависть, и страх, а больше всего – страсть к разрушению. В двух словах что-то вроде команды «Убей врага». Да нет, и это определение всего не исчерпывает… Его сознание будто омывала мощная река исступления и смерти.

– Поехали назад, – сказал Язон, почувствовав внезапное изнеможение от внутренней борьбы с этим потоком.

Они двинулись в обратный путь, и он подумал, что вот еще кое-что проясняется. Невыразимый страх, который он вдруг испытал, когда его в первый день атаковало пиррянское животное. И упорные кошмары, от которых его не избавляло никакое снотворное. И то, и другое – реакция на ненависть, направленную против города. Хотя Язон только теперь по-настоящему ее осознал, он с самого начала воспринимал ее достаточно сильно, чтобы это отразилось на его душевном равновесии.

Когда они вернулись, Рес спал, и пришлось разговор с ним отложить на утро. Несмотря на усталость, Язон долго не мог уснуть, все думал о сделанных в этот день открытиях. Стоит ли делиться этим с Ресом? Вряд ли. Ведь тогда придется не только разъяснять всю важность выводов, к которым он пришел, но и говорить, что он собирается делать дальше. А от Реса не приходится ожидать, чтобы он приветствовал какие-либо шаги, способные хоть как-то облегчить жизнь горожанам. Нет, лучше уж ничего не говорить, пока дело не будет сделано.

Глава 18

После завтрака Язон сказал Ресу, что решил вернуться в город.

– Значит, насмотрелись нашего варварского мира, и вас потянуло обратно к вашим друзьям? Уж не за тем ли, чтобы помочь им разделаться с нами?

Рес весело произнес эти слова, однако за ними угадывалась леденящая злоба.

– Надеюсь, вы не думаете так на самом деле, – ответил Язон. – Ведь дело-то обстоит как раз наоборот. Я мечтаю, чтобы эта междуусобная война прекратилась и ваш народ мог воспользоваться

всеми благами науки и медицины, которых он был лишен. И я собираюсь сделать для этого все, что в моих силах.

– Все равно их не переделать, – мрачно произнес Рес. – Не тратьте зря времени. Обещайте только для вашего и нашего блага одну вещь. Не говорите им, даже не намекайте, что вы разговаривали с корчевщиками!

– Почему?

– Почему?! Гром и молния, вы вправду такой простак? Они же на все готовы, только бы не дать нам подняться на ноги по-настоящему, предпочтут, чтобы мы все подохли! Стоит им только заподозрить, что вы встречались с нами, и они вас сразу прикончат. Или вы в этом сомневаетесь? Не знаю, может быть, вам это невдомек, но они отлично понимают, что в вашей власти изменить соотношение сил на планете. Рядовые жестянщики, возможно, и верят, что мы недалеко ушли от животных, но руководители так не думают. Им хорошо известно, в чем мы нуждаемся и к чему стремимся. И они сразу сообразят, с какой просьбой я мог обратиться к вам. Да, да, Язон динАльт, у меня есть к вам просьба. Помогите нам. Вернитесь к этим двуногим бестиям и солгите. Скажите, что вы не имели с нами никаких дел, что вы скрывались в лесу и мы напали на вас, а вам пришлось отстреливаться. Постарайтесь, чтобы вам поверили, и, когда вам покажется, что вы их убедили, все равно продолжайте играть свою роль, потому что они будут следить за вами. Потом скажите им, что вы закончили свои исследования, и возвращайтесь домой. Постарайтесь улететь с Пирра на другую планету, и я вам обещаю любые блага. Все, чего вы только пожелаете. Деньги, могущество – что угодно: Пирр – очень богатая планета. Жестянщики добывают и продают металл, но мы могли бы справиться с этим делом куда лучше их. Возвращайтесь сюда на другом корабле и приземляйтесь в нашем краю, где угодно. У нас нет городов, но фермы разбросаны повсюду, и наши люди отыщут вас. И мы сами поведем с вами торговлю. Это наша мечта, и уж мы потрудимся как следует. А вся заслуга будет принадлежать вам. И вы получите от нас все, чего пожелаете. Я вам это обещаю, а мы свое слово держим.

Волнение, с каким говорил Рес, и перспектива, которую он нарисовал, подействовали на Язона. Он знал, что Рес говорил правду, что все ресурсы планеты будут в его распоряжении, если он сделает то, о чем его просят. И он даже едва не поддался искушению, представив себе на секунду, как это все будет выглядеть. Но тут же понял, что это будет половинчатое решение, к тому же далеко не лучшее. Как только эти люди обретут желаемую силу, они первым

делом попробуют разделаться с горожанами. Начнется кровавая междуусобная война, которая скорее всего кончится плохо для обеих сторон.

Словом, решение Реса, как ни заманчиво оно на первый взгляд, не годится. Язон обязан придумать что-нибудь получше. Надо найти способ положить конец всяким усобицам на Пирре, чтобы в мире жили обе группы.

– Я не сделаю ничего, что могло бы повредить вашему народу, Рес, и всячески постараюсь помочь ему, – сказал он.

Ответ Язона удовлетворил Реса, который не уловил заложенного в нем двойного смысла. И пиррянин подсел к связному устройству, чтобы условиться о доставке продовольствия с ферм на место обмена.

– Ну так, продовольствие доставлено, и мы передали в город положенный сигнал, – сообщил он через несколько часов. – Транспортер придет завтра утром, к этому времени вы будете там. Все подготовлено, как я говорил. Отправляйтесь в путь вместе с Наксой. Вам надо поспеть туда раньше транспортера.

Глава 19

– Машина сейчас придет. Ты все помнишь, что надо делать? – спросил Накса.

Язон кивнул и еще раз поглядел на покойника. Пиррянин потерял руку в схватке с каким-то зверем и истек кровью. Оторванную руку подшили, издали ничего не заметно, но вблизи эта рука, восковая кожа и застывшее на лице мертвеца выражение ужаса вызывали оторопь. Лучше бы покойника закопали поглубже в землю, но что поделаешь, придется потерпеть.

– Вот он, – прошептал Накса. – Обожди, пока спиной повернется.

На этот раз бронетранспортер тащил на прицепе три грузовые платформы. Автопоезд взобрался на скалу и остановился. Краннон вылез из кабины, внимательно посмотрел по сторонам, затем приступил к погрузке. Ему помогал спецробот.

– Пошел! – прошипел Накса.

Язон выскочил из леса и побежал к транспортеру, громко выкрикивая имя Краннона. За его спиной раздался треск ломающихся ветвей, это двое сопровождающих бросили следом мертвое тело. Язон повернулся и несколько раз выстрелил на ходу по летящей в воздухе мишени.

Краннон немедленно поддержал его огнем из своего пистолета, и покойник упал на землю, весь обугленный.

Тем временем Краннон, плюхнувшись на камень, перенес огонь на деревья за спиной Язона.

В ту самую секунду, когда Язон добежал до транспортера, что-то со свистом пролетело по воздуху, ожгло ему спину и бросило его ничком на скалу. Краннон живо втащил его в кабину. Язон оглянулся и увидел торчащий из лопатки черенок металлической стрелы.

– Везучий ты, – сказал пиррянин. – На дюйм пониже, и попало бы прямо в сердце. Говорил я тебе – берегись этих корчевщиков. Еще легко отделался.

Лежа у дверцы, он продолжал обстреливать безмолвный лес. Извлечь стрелу оказалось непросто; когда она попала, было не так больно. Язон бранился сквозь зубы, пока Краннон бинтовал его, в душе восхищаясь людьми, которые подстрелили его. Они подвергли риску его жизнь, чтобы побег выглядел натуральным. И при этом они не испугались, что он захочет им отомстить. Ничего не скажешь, основательно потрудились. Черт бы побрал их основательность.

Перевязав Язона, Краннон осторожно выбрался из кабины и быстро завершил погрузку, после чего повел автопоезд обратно в город. Получив обезболивающий укол, Язон почти сразу же забылся.

Очевидно, Краннон передал о случившемся по радио, пока он дремал, потому что среди встречающих был Керк. Как только машина вошла внутрь Периметра, он распахнул дверцу и вытащил Язона. Повязка слетела, и рана раскрылась. Язон скрипнул зубами. Нет, Керк не дождется его стона.

– Кому было сказано ждать отправления корабля в изоляторе? Почему ты ушел? Почему покинул город? Ты разговаривал с корчевщиками? Ну?

С каждым вопросом он грубо встряхивал Язона.

– Я… ни с кем… не разговаривал, – через силу вымолвил Язон. – Они охотились за мной, я убил двоих… И прятался, пока не пришла машина.

– Потом пришил еще одного, – вступил Краннон. – Я сам видел. Чистая работа. Да и я вроде не промазал. Отпусти его, Керк, они его ранили, когда он бежал к машине.

«Больше прикидываться не надо, – сказал себе Язон. – Незачем пережимать. Пусть не спешат с выводами. Сейчас лучше переменить тему. Есть одна вещь, которая сразу отвлечет его мысли от корчевщиков».

– Пока вы отсиживались тут в безопасности за Периметром, я за вас воевал, Керк. – Он прислонился к транспортеру, пользуясь тем, что хватка Керка немного ослабла. – Мне удалось разобраться в причинах ваших неладов с планетой. И я понял, как победить в этой битве. Дай-ка я сяду и уж тогда расскажу.

Вокруг них собралась целая толпа пиррян. Они стояли, словно оцепенев, и неотступно глядели на Язона. Керк тоже явно был огорошен. Наконец он медленно произнес:

– Что ты хочешь этим сказать?

– То самое, что сказал. Планета Пирр воюет с вами, воюет упорно и сознательно. Стоит удалиться от города, и сразу чувствуешь направленные на него волны ненависти. Хотя нет, выто их не почувствуете, ведь вы здесь выросли. А вот я чувствую. И любой человек с телепатическими способностями почувствует. На город постоянно направлено излучение, своего рода команда, которая настраивает здешние организмы, восприимчивые к телепатии, на войну. Все эти атаки, видоизменения, мутации – все подчинено одной цели: истребить вас. И так будет продолжаться, пока вы не погибнете все до одного. Если, конечно, вам не удастся положить конец этой войне.

– Как? – выпалил Керк; этот же вопрос был написан на лицах всех окружающих.

– Надо установить, кто или что излучает эту команду. Организмы, которые вас атакуют, сами не наделены разумом. Они только выполняют команду. И мне, кажется, я знаю, как обнаружить источник, откуда она поступает. А потом останется придумать, как передать предложение о перемирии и совсем покончить с войной.

Пирряне примолкли, осмысливая его идеи. Наконец Керк жестом руки велел всем расходиться.

– Возвращайтесь к работе. Это по моей части, я займусь этим делом. Как только выясню, что тут правда, а что ложь, получите мой полный отчет.

Люди молча разошлись, то и дело оглядываясь на Язона.

Глава 20

– Так, теперь давай все с начала, – сказал Керк. – И ничего не пропускай.

– Да мне, в общем, нечего добавить к фактам, о которых я уже говорил. Я наблюдал животных, разобрался в команде, которая их

направляет. Даже сам провел несколько опытов, и они подчинялись моим мысленным приказам. Теперь я должен обнаружить источник, откуда идет команда на войну. Сейчас я скажу тебе то, чего еще никому не говорил. Мне не просто везет в игре. У меня есть телепатическое свойство, оно позволяет мне в какой-то мере влиять на вероятный исход игры. Правда, свойство непостоянное, и я, естественно, старался его развивать. За последние десять лет сумел ознакомиться со всем, что делают в этой области разные научные центры. Просто удивительно, как мало известно о телепатии, если сравнить с другими отраслями знания. Как бы то ни было, врожденные способности можно развить упражнением. Созданы даже аппараты, которые усиливают телепатическое излучение. Один из этих аппаратов вполне может работать как пеленгатор.

– Ты хочешь собрать такой аппарат? – спросил Керк.

– Вот именно. Собрать и вылететь с ним на корабле за город. Если сигнал достаточно мощный, чтобы из столетия в столетие стимулировать войну, значит, можно его засечь. Я пойду по пеленгу, свяжусь с существами, которые передают команду, и попытаюсь выяснить, зачем они это делают. Надо думать, ты поддержишь разумный план, чтобы прекратить войну?

– Разумный – да, – холодно произнес Керк. – Сколько времени тебе надо, чтобы собрать аппарат?

– Несколько дней, если найдутся все нужные части.

– Приступай. Я отменяю очередной рейс и держу корабль наготове. Когда соберешь аппарат, засеки сигнал и доложи мне.

– Договорились. – Язон встал. – Как только мне залатают дыру в лопатке, составлю список, что мне нужно.

В помощники и телохранители Язону назначили сурового, неулыбчивого типа по имени Скоп. Он ревностно отнесся к своему поручению, и Язон быстро убедился, что о полной свободе ему мечтать не приходится. Хотя Керк не оспаривал его версию, это еще не означало, что он в нее поверил. Скажет слово, и телохранитель превратится в палача.

Язон с ужасом подумал о том, что скорее всего этим дело и кончится. Поверил не поверил – Керк рисковать не станет. У них нет полной гарантии, что Язон не общался с корчевщиками, поэтому его не отпустят с планеты живым. Только наивностью можно объяснить веру лесных людей в то, что их замысел не будет разгадан. А может быть, они вполне сознательно делали ставку на минимальный шанс – авось получится? Они-то в любом случае ничего не теряют...

Составляя список деталей для пеленгатора, Язон продолжал упорно искать выход, которого не было. Его мысли вращались по заколдованному кругу. Задний ход давать поздно, Керк его не выпустит. Либо он найдет способ покончить с войной и решить проблему корчевщиков, либо его ждет пожизненное заточение на Пирре. И надолго оно не затянется...

Подготовив список, он связался с Управлением по снабжению. Кое-что пришлось заменить, но все остальное было налицо, и ему обещали немедленно выполнить заказ. Скоп сидел и клевал носом. Подперев рукой тяжелую голову, Язон принялся составлять монтажную схему.

Внезапно его внимание привлекла тишина. Тишина?.. Он слышал, как работает аппаратура в здании, слышал голоса в соседнем помещении. Так в чем же дело?

Ах вот оно что – внутренний слух! После возвращения в город у Язона было столько забот, что он только теперь обратил внимание на полное отсутствие телепатических импульсов. Постоянный фон, образованный реакциями животных, исчез, исчез и его собственный телепатический настрой. И ведь в городе – он только сейчас это сообразил – всегда было так.

Язон попытался включить внутренний слух – и тотчас прекратил этот эксперимент, так велика была напряженность телепатического поля. Словно ты находишься в подводной лодке на большой глубине и положил ладонь на люк, сдерживающий чудовищное давление. Ведь и впрямь достаточно коснуться люка, чтобы ощутить напор сил, с другой стороны, которые стремятся прорваться внутрь и сокрушить тебя. Вот и город подвержен такому же давлению, только в сфере психики. Открой люки сознания, и оно будет растерзано исполненными ненависти беззвучными криками Пирра. Какая-то часть мозга, действуя как предохранитель, выключала телепатическое восприятие и спасала рассудок. Но и того, что все-таки просачивалось, хватало, чтобы он ощущал напор извне. И чтобы питать упорно преследующие его кошмары. От мозгового предохранителя была еще и та польза, что без давления извне Язону легче было сосредоточиться, и, как он ни устал, работа над схемой продвигалась быстро.

Ближе к вечеру появилась Мета с заказанными им деталями. Она бросила на верстак длинный ящик и явно хотела что-то сказать, но потом раздумала. Язон поднял взгляд на нее и улыбнулся.

– Ты чем-то озадачена? – спросил он.

– О чем это ты? Вовсе я не озадачена. Просто мне досадно. Очередной рейс отменен, график поставок нарушен, притом надолго. Вместо того чтобы идти в рейс или дежурить на Периметре, я должна слоняться без дела и ждать тебя. Потом зачем-то лететь куда-то, куда ты скажешь. Разве это не причина для досады?

Язон тщательно разместил детали на шасси, потом продолжил разговор:

– А я говорю, что ты озадачена. Если хочешь, могу уточнить. И окончательно сбить тебя с толку. Очень уж соблазнительно это сделать.

Она хмуро глядела на него через верстак, максимально накручивая на палец непокорный локон. Такой Мета ему больше нравилась. Когда она выступала в роли пиррянина, работающего на полную мощность, индивидуальности в ней было не больше, чем в части громадной машины. Сейчас он почти узнавал в ней ту девушку, с которой летел на Пирр. Может быть, все-таки удастся довести до ее сознания то, о чем он думает?

– Если я говорю «озадачена», в этом нет ничего обидного для тебя. Да иначе и быть не может, ведь тебя так вырастили. Конечно, Пирр – это как бы остров со множеством сложных проблем, решать которые вы мастера. Но остров он остров и есть. Перед лицом внепланетной проблемы ты теряешься. И еще сильнее теряешься, когда ваши островные проблемы оказываются частью более широкого контекста. Представь себе, что ты ведешь игру, в которой правила непрерывно меняются.

– Какой-то вздор ты говоришь, – оборвала она его. – Пирр вовсе не остров, и борьба за существование – отнюдь не игра.

– Извини, – улыбнулся он. – Я ведь это в переносном смысле, да, видно, сравнение не совсем удачно выбрал. Ладно, давай более конкретно. Разберем пример. Допустим, я скажу тебе, что вон там, на двери, сидит шипокрыл…

Прежде чем он договорил, пистолет Меты нацелился на дверь. С грохотом опрокинулся стул – Скоп очнулся, вскочил на ноги и тоже прицелился.

– Это я так, для примера, – объяснил Язон. – Там же нет никого.

Охранник убрал пистолет, наградил Язона презрительным взглядом, поднял стул и снова сел.

– Сейчас вы оба подтвердили свою способность решать пиррянские проблемы, – продолжал Язон. – Ну, а если я скажу, что над дверью сидит тварь, которая только с виду похожа на

шипокрыла? А на самом деле это огромное насекомое, и оно прядет тонкую шелковую нить, пригодную для изготовления ткани?

Скоп метнул из-под густых бровей взгляд на дверь, и пистолет его выскочил было из кобуры, но тотчас вернулся на место. Буркнув что-то нелестное для Язона, пиррянин сердито вышел и хлопнул дверью. Мета наморщила лоб, размышляя.

– Это мог быть только шипокрыл, – сказала она наконец. – Никаких других тварей, похожих на шипокрыла, нет. И шелковая нить тут ни при чем. А если бы ты подошел к нему поближе, он бы тебя укусил. Так что тебе поневоле пришлось бы убить его раньше.

Судя по улыбке Меты, она была довольна логикой своего ответа.

– Опять промах, – сказал Язон. – Я описал мимикрирующего паука, который водится на планете Стовера. Этот паук умеет маскироваться под самых опасных животных, да так ловко, что ему не нужна никакая другая защита. Так вот, этого паука можно спокойно посадить себе на руку, он будет сидеть и прясть. Представь себе, что я бы завез сюда, на Пирр, несколько тонн таких пауков, знали бы вы, когда стрелять, а когда нет?

– Но их тут нет, – стояла на своем Мета.

– Сейчас нет, а вдруг появятся? Придется менять все правила вашей игры. Ну как, поняла? В галактике действуют определенные законы и нормы, но они отличаются от ваших. Для вас нормой стала нескончаемая война с местными организмами. Я хочу нарушить этот порядок и покончить с войной. Разве ты против? Разве не хочешь, чтобы твоя жизнь перестала быть сплошной борьбой за существование? Чтобы в ней было место для счастья, любви, музыки, искусства – всего того, на что у вас теперь просто нет времени?

Слушая Язона и стараясь осмыслить все эти непривычные понятия, Мета преобразилась, пиррянская суровость совсем сошла с ее лица. Он как-то машинально взял ее за руку – рука была теплая и отзывалась на его прикосновение частым биением пульса.

Вдруг Мета опомнилась, отдернула руку, вскочила на ноги и бросилась к двери. Вдогонку ей неслись слова Язона:

– Скоп бежал, потому что боялся за свою драгоценную черно-белую логику. Это все, что у него есть. Но ведь ты-то видела другие части галактики, ты знаешь, что жизнь не сводится к тому, чтобы убивать или быть убитым на Пирре. Ты чувствуешь, что я прав, только не хочешь этого признать.

Она выскочила за дверь. Проводив ее взглядом, Язон задумчиво потер пальцами щетинистый подбородок.

«Кажется, женщина берет верх над пиррянином, – сказал он себе. – По-моему, я видел слезы на ее глазах… Может быть, даже первые слезы за всю кровавую историю этого истерзанного войной города…»

Глава 21

– Только урони эту штуку, и Керк оторвет тебе обе руки, – сказал Язон. – Вон какой он мрачный, сам не рад, что дал себя уговорить на это дело.

Скоп негромко выругался, передавая громоздкую упаковку с частями пеленгатора Мете, которая стояла в открытом люке корабля. Язон наблюдал за погрузкой и подстреливал излишне любопытных представителей местной фауны. В это утро больше всего было рогоносов, он один уложил четырех. Язон последним поднялся на борт и задраил за собой люк.

– Где ты его поставишь? – спросила Мета.

– Где ты посоветуешь, – ответил Язон. – Мне нужно для антенны такое место, чтобы ее не экранировал металл.

Тонкий пластик – не страшно. В крайнем случае установлю антенну снаружи и налажу дистанционное управление.

– Может, так и придется сделать. Корпус сплошной, для обзора у нас служат приборы и телевидение. Так что… Хотя погоди, кажется, есть подходящее место.

Мета проводила его к отсеку, где помещалась одна из спасательных капсул. Вход в этот отсек всегда был открыт. Они вошли; за ними вошел и Скоп со своей ношей.

– Капсулы утоплены в корпус только наполовину, – объяснила Мета. – У них прозрачные носовые иллюминаторы, которые закрыты щитами, но щиты автоматически сбрасываются, когда капсула катапультируется.

– А сейчас можно раздвинуть щиты?

– Попробуем, – сказала Мета.

Она проследила провода до соединительной коробки, открыла крышку, замкнула реле вручную, и тяжелые пластины втянулись в корпус. Большая часть иллюминатора выступала ниже брюха корабля, это обеспечивало свободный обзор.

– Превосходно, – заключил Язон. – Здесь и устроюсь. А как мы с тобой будем переговариваться?

– Вот... Видишь, устройство связи и блок с фиксированной настройкой. Только больше ничего не трогай, особенно вот этот контакт.

Мета показала на рукоятку посредине панели управления.

– Если включить его, через две секунды капсула отстреливается. А своего запаса горючего у нее нет.

– Есть не трогать, – сказал Язон. – Теперь вели этому тугодуму подключить меня к сети питания, и я соберу пеленгатор.

Аппарат был не очень сложный, но требовал точной настройки. Чашеобразная антенна подавала сигнал на чувствительное приемное устройство. Напряжение входного сигнала резко падало при малейшем отклонении в сторону, это позволяло точно определить его направленность. Дальше он поступал на усилитель, который в отличие от сосредоточенных радиопеленгаторов первого каскада, смонтированного из отдельных деталей, был выполнен в виде печатной схемы на белой подложке с надежно приклеенными полосками контактов на входе и выходе.

Закончив сборку и установку, Язон кивнул изображению Меты на экране визифона.

– Пошли, да потише, пожалуйста. Обойдемся без твоих любимых девятикратных перегрузок. Когда взлетим, пойдешь медленно над Периметром, пока не дам новую команду.

Корабль умеренным ходом взмыл в воздух, набрал высоту и лег на круговой курс. После пятого круга Язон покачал головой.

– С аппаратом, по-моему, все в порядке, но слишком много помех от местной активности. Отойди-ка на тридцать километров от города, там опять пойдем по кругу.

На этот раз дело пошло лучше. Со стороны города поступал мощный импульс; пеленгатор давал его направление с точностью до одного градуса. Развернув антенну под прямым углом к курсу, Язон получал достаточно постоянный сигнал. Мета повернула корабль вокруг продольной оси так, что капсула Язона оказалась точно внизу.

– Теперь полный порядок, – сказал он. – Держи так и старайся, чтобы нос не отклонялся. – Сделав засечку на лимбе, Язон повернул антенну на 180 градусов.

Корабль продолжал идти по кругу, а Язон внимательно следил, нет ли импульсов, направленных к городу. Когда половина окружности была пройдена, он снова услышал сигнал. Полоса была узкая, но мощная. Для полной уверенности Язон прошел еще два полных круга и оба раза точно засек гирокомпасом направление. Показания совпали. После этого он вызвал Мету:

– Приготовиться делать поворот вправо, или как там у вас это называется. Кажется, есть пеленг. Внимание… давай!

Поворот был сделан так плавно, что Язон ни на секунду не потерял сигнала. Два-три раза стрелка прибора качалась, но Язон тотчас возвращал ее на место. Как только корабль лег на заданный курс, Мета увеличила тягу.

Они шли прямо на область лесных пиррян.

Час хода почти на предельной атмосферной скорости не принес никаких изменений. Мета ворчала, но от курса не отклонялась. Направление сигнала не менялось, а мощность понемногу росла. Они прошли над цепью вулканов по краю материка, и корабль тряхнули восходящие потоки воздуха. Когда берег остался позади и внизу простерлось море, Скоп тоже начал ворчать. Он все крутил свою турель, однако вдали от суши не по чему было стрелять.

Но вот из-за горизонта появились острова, и сразу направление сигнала переменилось.

– Сбавляй ход! – скомандовал Язон. – Похоже, наш источник на этих островах!

Некогда здесь был целый материк. Он плавал на жидком ядре Пирра, напряжения в коре менялись, суша перемещалась, и материк ушел под воду. От кипящего жизнью края осталась лишь цепочка островов, некогда бывших вершинами самого высокого хребта. Торчавшие из океана клочки суши стали убежищем последних обитателей погибшего континента, победителей долгой и жестокой борьбы за существование. Здесь уцелели древнейшие виды пиррянской фауны.

– Пониже, – распорядился Язон. – Курс на большую гору. Кажется, сигнал идет оттуда.

Они прошли над самой горой, но увидели только деревья да опаленные солнцем камни.

Дикая боль пронизала голову Язона. Словно страшный заряд ненависти проник из приемника ему в череп. Он сорвал наушники и стиснул голову руками. Сквозь слезы он увидел, как с деревьев внизу сорвались черные тучи крылатых тварей. Склон промелькнул и исчез, в ту же секунду Мета резко прибавила ход, и корабль пошел вверх.

– Нашли! – прозвучал ликующий голос Меты, однако она сразу переменила тон, увидев на экране лицо Язона. – Что с тобой? Что случилось?

– Я совсем разбит… В жизни не ощущал такой мощной телепатической атаки! Перед самой атакой я заметил какую-то дыру, что-то вроде входа в пещеру. Похоже, излучение идет оттуда.

– Ложись и отдыхай, – сказала Мета. – Я тебя живо доставлю домой. Сейчас свяжусь с Керком. Он должен знать, что произошло.

...В здании космопорта стояла кучка ожидающих. Как только ракетные двигатели смолкли, они выбежали на поле, закрывая руками лицо от струй раскаленного воздуха. Керк первым ворвался внутрь корабля и отыскал взглядом Язона, распростертого на перегрузочном ложе.

– Это правда? – рявкнул он. – Ты выследил извергов, которые начали войну?

– Спокойно, брат, не горячись, – отозвался Язон. – Я засек источник телепатической команды, которой направляется война. Но я не установил, кто начал войну, и у меня нет никаких оснований называть их извергами...

– Мне надоела твоя игра словами, – перебил его Керк. – Ты нашел этих тварей, их логово засечено?

– Совершенно точно, – подхватила Мета. – Найду с завязанными глазами.

– Отлично, отлично. – Керк потер руки так, что скрипнули мозоли. – Даже не верится, что наконец-то мы можем покончить с этой многовековой войной. Можем! Вместо того чтобы без конца косить эти проклятые самовозрождающиеся легионы, мы доберемся до вожаков.

Разыщем их – пусть на себе узнают, что такое война, – и сотрем с лица планеты!

– Ни в коем случае! – возразил Язон, заставив себя сесть. – Ни за что на свете! С первого дня, как я прибыл на эту планету, мной все время помыкают, сколько раз моя жизнь висела на волоске! Думаешь, я сделал это только затем, чтобы ты мог потешить свою кровожадную душу? Я добиваюсь мира, а не истребления. Ты обещал связаться с этими существами, попробовать провести с ними переговоры. Честный человек держит свое слово!

– В другое время я убил бы тебя на месте за оскорбление, – сказал Керк. – Ну да ладно... Ты сделал большое дело для нашего народа, и мы не стыдимся признать, что обязаны тебе. И вообще, не надо обвинять меня в нарушении обещаний, которых я не давал. Я отлично помню свои слова. Я обещал поддержать любой разумный план, чтобы покончить с войной. Это самое я и собираюсь теперь сделать. Твой план вести мирные переговоры нерационален. Поэтому мы уничтожим врага.

Керк повернулся, чтобы уходить.

– Подумай, как следует! – крикнул Язон ему в спину. – Что плохого в том, чтобы попытаться устроить переговоры и объявить перемирие? А если уж не получится, испытаешь свой способ.

В отсек успело набиться довольно много народу. Керк остановился на пороге.

– Я скажу тебе, почему перемирие не годится. Это выход для трусов, понял? Ты инопланетчик, с тебя нечего спрашивать. Но неужели ты хоть на секунду можешь допустить, что я стану поддерживать такую пораженческую линию? Учти, я говорю не только за себя, а за всех нас. Мы не боимся схватки и умеем постоять за себя. Мы знаем, что без войны сможем наладить здесь совсем другую жизнь. Но если нам придется выбирать между войной и трусливым миром – мы за войну! И кончится она только тогда, когда враг будет поголовно истреблен.

Его поддержали одобрительные возгласы, и Язону пришлось напрячь голос:

– Блестяще! Уверен, ты даже считаешь свои изречения оригинальными. Но ты прислушайся – слышишь овации на хорах? Это тебя приветствуют духи всех подонков, которые когда-либо бряцали оружием и кричали о пользе войны. Они узнают свои старые лозунги. Мы-де представляем светлые силы, а противник воплощает силы тьмы. Правда, враг говорит то же самое, но это ничего не значит. Знай себе тверди старые фразы, которые губят людей, сколько существует человеческий род. «Трусливый мир» – это надо же! Мир означает отсутствие войны, прекращение военных действий. При чем тут трусость? Что ты пытаешься замазать этим путаным определением? Свои истинные побуждения? Ты их стыдишься? И правильно делаешь, я бы тоже стыдился. Скажи лучше напрямик, что ты раздуваешь войну, потому что тебе нравится убивать! У тебя и твоих убийц душа радуется смотреть, когда кто-то умирает, вот вы и стараетесь!

Наступила напряженная тишина. Все ждали, что скажет Керк. Он побелел от ярости, но держал себя в руках.

– Ты прав, Язон. Нам нравится убивать. И мы будем убивать. Все, что противилось нам на этой планете, будет уничтожено. И мы сделаем это с величайшим удовольствием.

Он повернулся и вышел, не дожидаясь, когда развеется впечатление от его слов. Остальные последовали за ним, возбужденно переговариваясь. Язон откинулся на ложе совершенно разбитый.

Когда он открыл глаза, все уже ушли. Все, кроме Меты. На ее лице тоже был написан кровожадный экстаз, однако, посмотрев на Язона, она словно протрезвела.

– Ну что, Мета? – резко спросил он. – Никаких сомнений, никаких колебаний? Ты тоже считаешь, что другого пути покончить с войной нет?

– Не знаю, – ответила она. – Я не уверена. Впервые в жизни я чувствую, что может быть несколько ответов.

– Поздравляю, – с горечью сказал он. – Ты становишься взрослой.

Глава 22

Стоя в сторонке, Язон смотрел, как в трюм корабля укладывают смертоносный груз. Пирряне весело таскали пулеметы, гранаты, газовые бомбы. Когда дошла очередь до ранца с атомной бомбой, кто-то запел лихой марш, и все подхватили. Они явно радовались, а Язон с тяжелым сердцем думал о предстоящем побоище. Он чувствовал себя предателем. Может быть, найденные им организмы следовало уничтожить. А может быть, и нет. Все равно, сперва надо было сделать хоть что-то для примирения, а так это будет просто-напросто убийство.

Из здания оперативного центра вышел Керк; из недр корабля донесся звук пусковых насосов. Через несколько минут – старт. Язон затрусил к кораблю и перехватил Керка на полпути.

– Я полечу с вами, Керк, ты не смеешь мне отказать. Как-никак ведь это я их нашел.

Керк помялся.

– Это боевая операция, – сказал он. – Где мы наблюдателей поместим, к тому же лишний вес... И ведь ты отлично знаешь, Язон, что нас теперь не остановишь.

– Вы, пирряне, первые лжецы во всей вселенной, – отозвался Язон. – Мне не хуже тебя известно, что корабль может взять в десять раз больше того, что вы сейчас погрузили. Ну так как, ты берешь меня или отказываешь без объяснения причин?

– Живо на борт! – сказал Керк. – Только не попадайся под ноги – растопчу.

Теперь, когда цель была известна, полет занял гораздо меньше времени. Мета подняла корабль в стратосферу по высокой баллистической кривой, которая заканчивалась на острове. Керк занял кресло второго пилота, Язон устроился позади них так, что

видел экраны. Десантники – двадцать пять добровольцев – поместились в грузовом трюме, где лежало оружие. Все экраны были подключены к носовой видеокамере. Вот показался зеленый остров; он быстро надвигался, потом его заслонило пламя тормозных ракет. Мета сбросила ход и плавно посадила корабль на ровной площадке рядом со входом в пещеру.

На этот раз лучи ненависти не застигли Язона врасплох и все-таки заставили его сморщиться от боли. Стрелки, злорадно смеясь, открыли ураганный огонь по живности, которая окружила корабль плотным кольцом. Они тысячами косили представителей островной фауны, а те все шли и шли.

– Неужели это необходимо? – спросил Язон. – Это же просто убийство, резня, избиение...

– Самооборона, – возразил Керк. – Они нас атакуют, мы отбиваемся. Элементарно. А теперь заткнись, пока я не вышвырнул тебя туда.

Только через полчаса огонь немного ослаб. Животные продолжали атаковать, но массовые штурмы кончились. Керк распорядился по интеркому:

– Десантному отряду выходить! И глядеть в оба. Они знают, что мы здесь, и постараются задать вам жару. Отнесите бомбу в пещеру и проверьте, сколько тянется ход. Можно дать по ним хороший залп с воздуха, но какой от этого толк, если они засели в горе. Не выключайте визифоны. Положите бомбу и, как только я скомандую, возвращайтесь. Ну, пошли!

Десантники скатились по трапам на землю и образовали штурмовой порядок. Они подверглись атаке, но косили противника, не подпуская его близко. И вот направляющий уже вошел в пещеру. Его видеодатчик был обращен вперед, и на экранах в корабле было хорошо видно, как продвигается отряд.

– Да, большая пещера, – пробурчал Керк. – И главное, дальше понижается. Как раз то, чего я боялся. Сбросить бомбу сверху – закупорит вход, и только. Никакой уверенности, что обитатели не выберутся через какой-нибудь другой ход. Ну ладно, поглядим, как далеко она тянется.

Тепло в пещере позволяло пользоваться инфракрасными фильтрами. Стены рисовались на экранах черно-белыми узорами.

– Как вошли в пещеру, никаких признаков жизни, – докладывал командир отряда. – У входа были обглоданные кости, помет летучих мышей. На искусственное сооружение не похоже, обыкновенная пещера.

Десантники продолжали двигаться дальше, постепенно замедляя шаг. При всей нечувствительности пиррян к телепатии даже они ощущали лучи концентрированной ненависти, от которых у Язона все сильнее раскалывалась голова.

– Берегись! – вдруг закричал Керк, с ужасом глядя на экран.

Всю пещеру заполнили какие-то белесые безглазые твари. Боковые ходы, из которых сыпалась эта мерзость, были настолько малы, что животные казались порождением самой горы. Пламя огнеметов пожирало передовые шеренги, но сзади напирали другие. Изображение пещеры опрокинулось: командир упал. Линзу видеодатчика накрыли белые тела.

– Сомкнуть ряды! Огнеметы и газ! – рявкнул Керк в микрофон.

После первой атаки осталось меньше половины отряда. Прикрываясь огнеметами, уцелевшие бросали газовые гранаты. Сами они были надежно защищены от газа боевыми скафандрами. Кто-то нырнул в кучу тел и вытащил видеодатчик.

– Оставить бомбы и отойти! – скомандовал Керк. – Хватит с нас потерь.

Вместо убитого командира Керку ответил другой:

– Простите, начальник, но теперь что назад идти, что вперед. Газ свое дело делает. Немного осталось, зачем же отступать.

– Выполняйте приказ! – отрезал Керк, но лицо десантника уже исчезло с экрана.

Наступление продолжалось. Язон стиснул ручки кресла до боли в пальцах. Опомнившись, он разжал их и начал растирать.

На экране навстречу им опять плыла черно-белая пещера. Часы отмеряли минуту за минутой. Каждый раз, когда белесые твари атаковали, взрывались газовые гранаты.

– Вижу впереди что-то еще… другого вида, – произнес прерывающийся голос.

Узкий ход, постепенно расширяясь, сменился огромным залом – ни потолка, ни дальней стены не видно.

– Кто это там? – спросил Керк. – Прожектор направо!

Картинка на экране была смазана, выступы мешали рассмотреть подробности, но и без того было понятно, что речь идет о чем-то необычном.

– Никогда не видел… ничего похожего, – продолжал голос. – Что-то вроде больших растений, высота метров десять… Только они шевелятся. Не то ветви, не то щупальца прямо в нас целятся… голова разламывается…

– Подстрели одно, посмотри, что получится, – сказал Керк.

Грянул выстрел, и в ту же минуту мощная волна ненависти повергла десантников на землю. Они скорчились от боли, теряя сознание, неспособные ни думать, ни дать отпор безглазому зверью, которое снова пошло в атаку.

Сидя в корабле, Язон ощутил сильнейший шок и спросил себя, каково же людям там, в подземелье? Керка и Мету тоже поразило излучение. Керк ударил кулаком по раме визифона и закричал:

– Назад, назад сейчас же!

Поздно. Пиррянские твари захлестнули бьющихся в судорогах десантников, нащупывая швы скафандров. Наконец кому-то одному удалось встать. Отбиваясь руками от зверья, он с трудом сделал несколько шагов, нагнулся над копошащейся массой, напрягся и поднял своего мертвого товарища, у которого на спине был укреплен ранец.

Мелькнули окровавленные пальцы, в следующую секунду все накрыла волна смерти.

– Это была бомба! – крикнул Керк Мете. – Если он не переключил механизм, у нас в запасе десять секунд. Уводи корабль!

Язон едва успел плюхнуться в перегрузочное ложе. Взревели ракетные двигатели, и на него навалилась огромная тяжесть. В глазах потемнело, но сознания он не потерял. Вой рассекаемого воздуха резал уши, потом наступила тишина – они вышли из атмосферы.

В тот самый миг, когда Мета сбросила ход, экраны озарила большая вспышка. И тотчас они потемнели – наружные видеодатчики не выдержали. Мета нажала кнопку – установка фильтров, потом другую – замена датчиков.

Далеко внизу, посреди клокочущего моря, на месте острова, вспухало раскаленное грибовидное облако. Они молча смотрели на него. Керк опомнился первым.

– Курс домой, Мета. Свяжись с оперативным центром. Мы потеряли двадцать пять человек, но они выполнили задание. Добили эту мерзость. И покончили с войной. Достойная смерть для мужчин.

Мета рассчитала орбиту, потом вызвала центр.

– Нет связи, – доложила она. – Наводящий луч принимаю, а на вызов никто не отвечает.

В эту минуту на экране возникло изображение пиррянина. Встревоженное лицо блестело от пота.

– Керк, ты? Сейчас же возвращайся с кораблем! Без его пушек не справимся! Минуту назад тут началось что-то невообразимое, со всех сторон атакуют, такого еще никогда не было!

– Как это так? – недоверчиво вымолвил Керк. – Война окончена. Мы взорвали их, уничтожили штаб.

– Они лютуют, как никогда прежде! – прозвучал сердитый ответ. – Не знаю, что вы там сделали, но только тут сейчас настоящая чертова мельница. Ладно, хватит болтать, гони сюда корабль!

Керк медленно повернул к Язону лицо, искаженное животной яростью.

– Ты! Это ты виноват! Надо было убить тебя в первый же день. Как мне хотелось это сделать, и теперь вижу, что я зря удержался. Ты словно чума – как прибыл сюда, кругом сеешь смерть. Ведь я знал, что ты не прав, да поддался твоему лживому языку. А что вышло? Сперва ты убил Велфа. Потом наших людей, которые пошли в пещеру. Теперь идет бой по всему Периметру. Каждый, кто там погибнет, будет на твоей совести!

Взбешенный Керк шаг за шагом наступал на Язона, а тот отполз назад, пока не уперся в картодержатель. Рука Керка метнулась вперед. Это был не кулачный удар, а простая оплеуха. Язон дернулся в сторону, но ладонь Керка настигла его и сбросила на пол. Он упал на спину, плечом к картодержателю, и пальцы его коснулись контейнеров с матрицами ОХР.

Язон схватил обеими руками один контейнер, выдернул его из гнезда и со всего размаху ударил им Керка. Металлическая трубка рассекла пиррянину лоб и скулу, но рана ничуть его не обескуражила. Он нагнулся и с улыбкой, не сулящей ничего доброго, поднял Язона на ноги.

– Сопротивляйся, – сказал он. – Тем приятнее мне будет прикончить тебя.

И он занес над Язоном гранитный кулак, который способен снести противнику голову с плеч.

– Давай. – Язон прекратил борьбу. – Убивай. Тебе это ничего не стоит. Только не называй это правосудием. Да, Велф умер, чтобы спасти меня. Но десантники на острове погибли из-за твоей глупости. Я добивался мира, ты добивался войны. Ты получил ее. Убей меня, заглуши голос своей совести, ведь ты боишься смотреть правде в глаза.

Керк взревел от ярости, и его кулак, подобный копру для забивки свай, пошел вниз.

Мета обеими руками схватила руку Керка и повисла на ней, отвращая удар. Все трое повалились на пол; у Язона хрустнули кости.

– Не смей! – кричала Мета. – Язон был против высадки этих людей. Это была твоя затея. Ты не имеешь права убивать его за это!

Рассвирепевший Керк ничего не слышал. Сейчас он сражался с Метой. Конечно, женские мышцы не шли ни в какое сравнение с его могучими мускулами. Но она была пиррянка и сделала то, с чем не справился бы ни один инопланетчик. Ей удалось отвлечь Керка, и ему понадобилось несколько секунд, чтобы освободиться от хватки Меты

и отбросить ее в сторону. Этих секунд Язону оказалось достаточно, чтобы добраться до выхода.

Он выскользнул в переход, живо захлопнул люк и задвинул засов. Мгновением позже Керк обрушился всей тяжестью на люк с другой стороны. Сталь заскрежетала и подалась. Одна петля лопнула, другая держалась только чудом. Еще толчок, и она полетит.

Но Язон не стал этого дожидаться. Ему вовсе не хотелось проверять, долго ли может устоять люк против разъяренного пиррянина. Он и без того уже знал, что нет таких дверей, которые удержали бы Керка. И Язон со всей доступной ему прытью пустился вниз по трапу. На корабле укрыться негде – значит, надо покидать корабль. А вот и шлюпочная палуба со спасательными капсулами.

С тех самых пор, как Язон увидел эти капсулы, они не шли у него из головы. Конечно, он не мог предвидеть такой ситуации, однако он допускал, что в какой-то момент ему может понадобиться, так сказать, транспортное средство. И спасательная капсула его устраивала как нельзя лучше. Если не считать того, что ни в одной из этих капсул, по словам Меты, нет горючего... В той капсуле, где Язон сидел с пеленгатором, баки в самом деле были пустые, он нарочно проверил. Но ведь есть еще пять капсул. Спасательные капсулы без горючего – хитрая загадка, но у него было время поразмыслить над ней, и, кажется, он знает ответ.

Этот космический корабль у пиррян единственный. Мета как-то говорила ему, что они давно хотели приобрести второй, да до сих пор так и не собрались. Каждый раз деньги уходили на вооружение. И к тому же они вполне обходились одним кораблем, только надо было всегда держать его в готовности, чтобы город мог жить. Без поставок горожане просуществовали бы от силы два-три месяца. Поэтому, что бы ни случилось с кораблем, команде никогда не пришло бы в голову покинуть его в полете. Ведь гибель корабля означала гибель их мира.

Это освобождало их от необходимости заправлять горючим спасательные капсулы. Во всяком случае, всю шестерку. Но хоть одна-то должна быть заправлена для коротких рейсов, в которые нет смысла гонять большой корабль! Язон чувствовал, что тут в его рассуждениях намечается слабина. Чересчур много «если» ... Если они вообще пользуются капсулами, то какую-то из них поддерживают в рабочем состоянии. Если так, то в ее баках должно быть горючее. Если горючее есть, то в какой из шести? Все проверять некогда. Он должен угадать с первого раза.

Правда, на этот счет у него была догадка. Еще одна. Если капсула заправлена, то, скорее всего та, которая расположена ближе всех к

пилотской кабине. Та самая, к которой сейчас метнулся Язон, думая о том, что его жизнь висит на тонкой цепочке догадок.

Люк за его спиной с грохотом упал. Яростно рыча, Керк прыгнул вниз. Язон нырнул в люк спасательной капсулы со всей скоростью, какую ему позволяли развить два G. Схватил обеими руками стартовый рычаг и рванул его.

Зазвенел аварийный сигнал, и люк капсулы закрылся перед самым носом Керка. Только молниеносная реакция спасла пиррянина от чувствительного удара.

Пусковая установка отстрелила капсулу. Кратковременное ускорение бросило Язона на пол, потом началось свободное падение, и он поплыл по воздуху. Двигатель молчал.

Вот когда Язон постиг смысл выражения «верная смерть». Без горючего капсула камнем рухнет в джунгли и разлетится вдребезги при ударе о землю. Теперь его ничто не спасет.

Вдруг сработало зажигание, взревели ракеты, Язон врезался в переборку и расквасил себе нос. Сел, вытер кровь и осклабился. Все в порядке, горючее есть. А зажигание и так должно запаздывать, чтобы капсула успела отойти сколько надо от корабля.

Так, теперь разберемся в управлении... Язон добрался до пилотского кресла.

Автопилот уже принял данные с альтиметра и выровнял капсулу параллельно земле. Как и на всяком спасательном устройстве, управление было предельно простое, чтобы даже новичок мог справиться. Автопилот не отключался, он работал параллельно с ручным управлением, исключая грубые ошибки. Вот и сейчас стоило Язону нетерпеливо крутануть штурвал, как автопилот притормозил его.

Язон увидел через иллюминатор, как корабль закладывает крутой вираж. Он мог только гадать, кто ведет корабль и в чем смысл этого маневра. Как бы то ни было, лучше не рисковать. Он резко подал штурвал вперед и выругался, потому что капсула вместо того, чтобы спикировать, пошла плавно вниз. Корабль не был так ограничен в своих маневрах. Он резко изменил курс и ринулся на перехват. Носовая турель открыла огонь, и капсулу тряхнул взрыв. От сильного толчка что-то случилось с автопилотом, плавный спуск сменился крутым пикированием, все поле зрения занял стремительно надвигающийся лес.

Язон рванул штурвал на себя и едва успел закрыть руками лицо.

Рев ракет... треск ломаемых деревьев... громкий всплеск... Затем – тишина.

Ветер унес дым. Высоко в небе кружил космический корабль. Вот он пошел вниз, словно собираясь сесть. Но тут же снова набрал высоту. Город звал на помощь, лояльность пересилила, и корабль, извергая пламя, помчался домой.

Глава 23

Ветви спружинили, тормозные ракеты сработали вовремя, трясина тоже смягчила падение. И все-таки это была не посадка, а крушение. Разбитый цилиндр медленно погружался в болотную жижу. Нос целиком ушел под воду, прежде чем Язону удалось ударом ноги открыть аварийный люк в средней части капсулы.

Никто не смог бы ответить, сколько времени понадобится болоту, чтобы засосать всю капсулу, да Язону было и не до того, чтобы

размышлять над этим. Весь в синяках и ссадинах, он еле нашел в себе силы выкарабкаться наружу. Спотыкаясь и падая, он добрел до относительно сухого места и тяжело сел.

Капсула громко булькнула и окончательно скрылась. Несколько минут со дна еще поднимались пузырьки воздуха, затем и они пропали. Если не считать ободранных деревьев и разбросанных ветвей, ничто не говорило о вторжении космического аппарата в эти края.

Над болотом проносились насекомые, безмолвие леса нарушал только мерзкий вой какого-то зверя, расправляющегося с добычей. Потом и этот звук замер, воцарилась полная тишина.

Язон сбросил с себя оцепенение. У него было такое чувство, будто его пропустили через мясорубку; мысли вязли в густом тумане, заполнившем голову; наконец он вспомнил, что у него есть аптечка. Она никак не хотела отстегиваться, тогда он подсунул руку под жерло и навалился корпусом на аппарат. Аптечка прилежно загудела, и, хотя Язон не ощутил уколов, он понял, что устройство сработало. Постепенно головокружение прошло, и у него прояснилось в глазах. Болеутоляющие средства окончательно разогнали черное облако, которое окутало его мозг, когда капсула спикировала в лес.

Рассудок вернулся к нему и принес с собой чувство одиночества. Без еды, без друзей, кругом враждебные силы чужой планеты... В недрах души зародился страх, и Язону стоило большого труда укрощать его.

– Думай, Язон, думай, не поддавайся эмоциям, – сказал он вслух, увещевая самого себя.

Сказал – не обрадовался, так жалко прозвучал в пустоте его голос с оттенком истерии. В горле что-то застряло, он откашлялся, сплюнул и увидел кровь. Глядя на красное пятнышко, Язон вдруг ощутил прилив ярости. Как он ненавидел эту свирепую планету и невообразимую тупость живущих на ней людей! Он громко выругался. На этот раз голос его уже не казался жалким. Язон орал, грозил кому-то кулаком. Помогло. Гнев вытравил страх и вернул ему здравый взгляд на действительность.

Совсем не так уж плохо посидеть на земле... Солнце ласково пригревало, и когда он откинулся на спину, то почти забыл о двойном тяготении. Прилив ярости вымыл страх из его души, а отдых прогнал усталость. Где-то в глубинах сознания возникло старое, стертое изречение: «Пока есть жизнь – есть надежда». Банально, ничего не скажешь, но в этих словах кроется зерно истины.

Итак, что у него есть в активе? Он изрядно потрепан, но жив. Ушибы и ссадины не страшные, кости целы. Пистолет в порядке; едва Язон подумал о нем, как он тотчас выскочил из кобуры. Да, пиррянское снаряжение сработано на совесть. Аптечку он уже проверил. Если он сохранит трезвость суждений, будет идти по возможности прямо и сумеет прокормиться плодами здешней земли, есть надежда добраться до города. Какой прием ждет его там – это другой вопрос. Придет – узнает. Сначала надо дойти. В пассиве – планета Пирр. Изнуряющее тяготение, зверская погода, лютые звери. Сумеет ли он выжить? Как нарочно, небо вдруг потемнело, и в лесу зашелестел приближающийся дождь. Язон поднялся на ноги, чтобы засечь азимут, пока все не скрылось в пелене дождя. Вдали неясно вырисовывались горы, он помнил, как корабль проходил над ними. Что ж, это будет первый этап. Доберется туда, наметит следующий.

Неистовые порывы ветра забросали его листьями и мусором, потом хлынул ливень. Мокрый, озябший, адски усталый, с трудом переставляя ноги, он брел по планете смерти.

Спустилась ночь, а дождь все лил. Ориентироваться было невозможно, значит, идти дальше бессмысленно. К тому же Язон совсем выбился из сил. А впереди его ждала мокрая ночевка. Деревья кругом были такие толстые и скользкие, что он и при обычном тяготении ни на одно не влез бы. Проверил под упавшими стволами, под кустами – всюду одинаково мокро. Под конец Язон свернулся калачиком на земле около дерева и забылся, дрожа всем телом.

Около полуночи дождь прекратился, и сразу сильно похолодало. Язону приснилось, что он замерзает, к нему подкрадывается смерть, а проснувшись и с трудом открыв глаза, он убедился, что это почти так и есть. Между ветвями сыпал снежок, припорашивая землю, а заодно и Язона. У него все суставы окоченели, и, когда он чихнул, грудь пронизала острая боль. Ноющие мышцы жаждали только покоя, но еще тепливший рассудок приказал встать. Дальше лежать – смерть. Придерживаясь рукой за ствол, чтобы не упасть, он пошел вокруг дерева. Шаг за шагом, круг за кругом... Холод мало-помалу отступал, дрожь унялась. Усталость окутывала его тяжелой серой пеленой, а он все шел и шел с закрытыми глазами, открывая их только тогда, когда падал и надо было, превозмогая боль, вставать.

На рассвете солнце выжгло снеговые тучи. Язон прислонился к дереву и поднял к небу воспаленные глаза. Кругом все было бело, не считая натоптанной им черной дорожки. Опираясь спиной о гладкий ствол, Язон медленно опустился на землю. Всеми клетками он впитывал солнечные лучи.

Голова закружилась от усталости, губы потрескались, упорный кашель раздирал грудь. Солнце, едва выйдя из-за горизонта, уже припекало. Язон быстро высох, потом ему стало жарко. Очень жарко.

Что-то не в порядке... Эта мысль настойчиво стучалась в его мозг. Наконец он впустил ее и рассмотрел со всех сторон. Что не в порядке?.. Его самочувствие.

Воспаление легких. Явные признаки пневмонии.

Язон улыбнулся, потом слизнул с губ капельки крови. Право, смешно: он успешно отбивался от пиррянских хищников и ядовитых рептилий, а вот самые крохотные бестии его одолели. Ничего, найдется и на них управа. Он засучил рукав и дрожащими пальцами прижал к руке жерло аптечки. Послышался щелчок, затем сердитое жужжание. Он знал, что этот звук что-то означает, – но что именно? Подняв аптечку, Язон увидел торчащий конец иглы. Ну, конечно. Нет антибиотика, предписанного анализатором. Аппарат нуждается в заправке.

Язон выругался и отшвырнул аптечку; она шлепнулась в лужу и утонула. Конец аптечки, конец Язона динАльта. Одинокий воитель против полчищ планеты смерти... Отважный чужепланетчик, ни в чем не уступающий местным жителям... Всего один день без посторонней помощи – и его смертный приговор утвержден.

За его спиной раздалось свирепое рыканье. Он мгновенно повернулся и выстрелил, бросаясь на землю. И даже не успел осознать происходящего, как уже все было кончено. Пиррянская школа здорово натренировала его подкорковые центры. Глядя на уродливую тварь, которая корчилась в предсмертных судорогах в метре от него, Язон сказал себе, что часы учения не пропали зря.

Тут же он с огорчением подумал, что убил одну из собак корчевщиков. Однако, присмотревшись, Язон заключил, что этот зверь отличается от собак и мастью и размерами. И нравом. Хотя выстрел разнес грудную клетку и кровь била фонтаном из разорванных сосудов, чудовище все еще пыталось добраться до противника. Оно успело доползти до самых ног Язона, прежде чем смерть подернула дымкой его глаза.

Нет, это не собака, но, возможно, ее дикий родич. Вероятно, тут такое же родство, как между собакой и волком на Земле. Может быть, и у этих тварей есть волчьи стаи? Может быть, и они охотятся стаями?

Он живо поднял голову. И вовремя поднял! Между деревьями крались серые силуэты. Язон уложил одного за другим двух хищников; остальные, яростно ворча, отступили в лес. Но они не

ушли совсем. Гибель трех членов стаи не устрашила остальных, только прибавила им злости.

Сидя спиной к дереву, Язон отражал повторные атаки. Подпустит зверье поближе и только тогда открывает огонь. После каждого выстрела, сопровождающегося предсмертным визгом жертвы, все громче и яростнее выли уцелевшие. Некоторые затевали драку между собой, давая выход своему бешенству. Один, поднявшись на задних лапах, начал сдирать когтями кору с дерева. Язон выстрелил по нему, но промахнулся, расстояние было слишком велико.

Он подумал, что у высокой температуры бывают свои преимущества… Ведь вот рассудок говорит ему, что он доживет только до заката или до тех пор, пока не расстреляет все патроны. А ему хоть бы что! Наплевать на все. Он полностью расслабился. Поднимет руку, выстрелит – и опять отдыхает. Иногда приходилось поворачиваться, чтобы уложить зверя, который подкрадывался сзади. Будь дерево потоньше, на этот маневр уходило бы меньше усилий… Ничего, и это сойдет.

Под вечер он истратил последний заряд. Поймав себя на том, что он все чаще промахивается, Язон на этот раз дал зверю подойти совсем близко, потом выстрелил. Чудовище захрипело и испустило дух. Остальные с воем отпрянули, при этом одна тварь подставила бок, и Язон поспешил нажать на спуск.

Последовал негромкий щелчок. Осечка? Он нажал снова – опять щелчок. Магазин был пуст, опустел и патронташ на поясе. Язон не мог даже припомнить, сколько раз перезаряжал свое оружие.

Выходит, конец. Верно ему говорили, Пирр ему не по зубам. А что говорили – как будто Пирр и с ними не расправится! Еще ни один пиррянин не умер своей смертью. И вообще пирряне не доживают до преклонных лет – их раньше съедают.

Теперь, когда ему не надо было держаться начеку и отстреливаться, болезнь взяла верх над ним. Ему страшно хотелось спать, и он знал, что это будет долгий сон. Слипающимися глазами он смотрел, как зверье подкрадывается к нему. Вожак уже совсем близко… Язон увидел, как его мышцы напряглись для прыжка.

Хищник прыгнул. Сделал в воздухе кувырок и упал подле Язона. Из клыкастой пасти струилась кровь, в голове сбоку торчал короткий металлический черенок.

Два человека вышли из зарослей и на правились к Язону. Звери тотчас скрылись; одного появления этих людей было достаточно, чтобы обратить их в бегство.

Корчевщики. Он так спешил добраться до города, что забыл про корчевщиков. Хорошо, что они здесь. Хорошо, что пришли. Язык не слушался Язона, поэтому он улыбнулся им в знак благодарности. Но улыбаться было очень больно, и он решил поспать.

Глава 24

Дальше он воспринимал происходящее только урывками. Какое-то движение и крупные животные кругом…

Стены, запах дыма, голоса… Но его ничто не волновало и не заботило. Он слишком устал. Куда легче и проще ничем не загружать мозги.

– Наконец-то, – сказал чей-то голос. – Еще день-другой, и мы закопали бы тебя в землю, хотя бы ты еще и дышал.

Язон прищурился, стараясь фокусировать расплывшееся перед его глазами лицо. Узнал Реса, хотел ответить, но едва открыл рот, как на него напал нестерпимый кашель. Кто-то поднес ему к губам чашку, и он проглотил какую-то сладковатую жидкость. Отдохнув немного, он сделал новую попытку.

– Давно я здесь? – Язон не узнал собственного голоса, так тонко и слабо он прозвучал.

– Восемь дней, – сказал Рес. – Но почему ты меня не слушал, когда мы с тобой говорили в прошлый раз? Почему не остался около ракеты после аварии? Я же сказал тебе, что ты можешь садиться в любом месте нашего края. Ну ладно, теперь это уже позади. Но в другой раз слушай меня повнимательнее. Наши люди не теряли времени, они еще до темноты были на месте аварии. Увидели сломанные деревья, увидели след от затонувшей ракеты и сперва подумали, что из нее никто не смог выбраться. Но тут одна из собак взяла твой след. Ночью в болотах она его опять потеряла. Сколько ни искали, не могли найти. Сам понимаешь – грязь, снег… На следующий день уже хотели вызвать подмогу, когда вдруг услышали стрельбу. В последнюю минуту подоспели, насколько я понимаю. К счастью, один из них был говорун, он приказал диким собакам уходить. Иначе пришлось бы их всех перебить, а это никуда не годится.

– Спасибо, что выручили меня, – сказал Язон. – Без вас я бы пропал. А что было дальше? Я помню только, как я простился с жизнью. Определил воспаление легких, верная смерть в моем тогдашнем состоянии без специального ухода. Выходит, вы

ошибались, когда говорили, что от ваших лекарств мало проку. Мне-то они явно помогли...

Он замялся, глядя на Реса, который отрицательно качал головой с хмурым и озабоченным видом. Рядом с Ресом стояли еще два корчевщика, в том числе Накса, и у обоих на лице было удрученное выражение.

– В чем дело? – насторожился Язон. – Если мне помогли не ваши лекарства, то что же помогло? Во всяком случае, не моя аптечка. Она была пустая. Помню, я ее не то обронил где-то, не то выбросил.

– Ты умирал, – медленно заговорил Рес. – Мы не могли тебя выручить. Тут нужен был такой аппарат, какие делают жестянщики. Мы добыли его у водителя транспортера.

– Как добыли? – поразился Язон. – Вы же сами говорили, что горожане не дают вам лекарств. Он ни за что не отдал бы свою аптечку. Только...

Рес кивнул головой и договорил:

– ...мертвый. Да, он был мертв. Я сам его убил с превеликим удовольствием.

Слова Реса поразили Язона в самое сердце. Откинувшись на подушки, он мысленно перебирал всех тех, кто погиб после того, как он попал на Пирр. Люди умирали, чтобы спасти его, умирали, чтобы он жил, умирали из-за его идей. Он чувствовал себя последним негодяем. Будет ли Кранкон последней жертвой или горожане захотят отомстить?

– Вы понимаете, что это значит? – произнес он через силу. – Гибель Краннона окончательно восстановит город против вас. Вы больше ничего не получите. Они будут нападать на вас при каждом удобном случае, убивать ваших людей...

– Все это мы знаем! – ответил Рес охрипшим от волнения голосом. – Не подумай, что нам было легко решиться на такое. У нас было что-то вроде торгового соглашения с жестянщиками. Транспортеры с товарами считались неприкосновенными. Ведь это наше единственное связующее звено с галактикой, последняя надежда на то, что когда-нибудь все-таки удастся наладить контакт с внешним миром.

– Тем не менее вы разрушили это звено, чтобы спасти меня.

– На этот вопрос только ты можешь ответить. Город подвергся сильнейшей атаке, мы видели бреши в стене, в одном месте им пришлось отодвинуть линию обороны назад. В это время космический корабль находился над океаном и сбрасывал какие-то бомбы. Наши люди видели вспышку. Потом корабль пошел обратно,

а ты покинул его на маленькой ракете. Они обстреляли ее, но убить тебя им не удалось. И ракета уцелела, мы как раз собираемся поднять ее из болота. Что все это означает? На этот вопрос никто не мог нам ответить. Мы понимали только, что произошли очень важные события. Тебя нашли живым, но было очевидно, что ты обречен и от тебя мы ничего не узнаем. Может быть, ракету еще можно отремонтировать и использовать. Может быть, ты украл ее для нас с этой целью. Мы не могли дать тебе умереть, хотя бы это грозило нам долгой войной с горожанами. Объяснили положение всем тем из наших людей, кого удалось застать на месте, и все были за то, что тебя надо спасти. Я убил жестянщика, взял аптечку, загнал двух доримов и поспел как раз вовремя. А теперь скажи нам, что все это значит? Какой у тебя план? Что он нам даст?

Чувство вины лишило Язона речи. В памяти промелькнул эпизод из старинной легенды – про Иону, который загубил космический корабль со всеми людьми, а сам остался жив. Не о нем ли эта притча? Неужели он погубил целый мир? Смеет ли он признаться этим людям, что угнал ракету только затем, чтобы спасти собственную жизнь. Три пиррянина выжидательно наклонились над ним. Язон закрыл глаза, чтобы не видеть их лиц. Как быть? Если он скажет им все как есть, они тут же убьют его и будут правы. Собственная судьба его уже не беспокоила, но ведь если он сейчас умрет, все жертвы окажутся напрасными. А между тем война между планетой и людьми может быть прекращена. Все факты налицо, осталось только пригнать их друг к другу. Он уже знал бы ответ, если бы не эта проклятая усталость. Решение готово, схоронилось где-то в мозгу и ждет, чтобы его извлекли из тайника.

За стеной послышался топот, потом невнятный крик, но пирряне не обратили внимания на эти звуки, они напряженно ждали, что ответит Язон. А он никак не мог подобрать нужные слова. Одно ему было ясно: нельзя говорить правду. Его кончина будет кончиной всех надежд. Надо лгать, чтобы выиграть время и отыскать решение, которое вертится где-то совсем рядом... Но утомленный мозг был не в состоянии придумать что-нибудь правдоподобное.

В напряженной тишине громко стукнула дверь. На пороге стоял кряжистый человек, его багровое лицо, обрамленное седой бородой, дышало гневом.

– Вы что тут, оглохли все? – рявкнул он. – Целую ночь скачу, всю глотку сорвал, а вы сидите здесь словно клуши. Выходите! Живо! Землетрясение! Вот-вот начнется сильное землетрясение!

Пирряне вскочили на ноги и обрушили на вошедшего град вопросов. Голос Реса прозвучал громче других:

– Хананас! Сколько у нас времени?

– Сколько времени? Нашел, о чем спрашивать! Уходите, пока живы, это все, что я знаю!

Не тратя времени на дальнейшие разговоры, корчевщики живо приступили к сборам, и через минуту Язон уже лежал на носилках, укрепленных на спине дорима.

– В чем дело? – спросил он пиррянина, который привязывал его к носилкам.

– Землетрясение надвигается, – ответил тот, затягивая узел. – Хананас – наш лучший предсказатель по этой части. Он всегда заранее знает, когда ждать землетрясения. Кого успеет предупредить, те уходят. Предсказатели всегда наперед знают – чувствуют, что ли.

Он управился с узлами и исчез. Когда они тронулись в путь, уже смеркалось и красный закат перекликался с пунцовым заревом на севере. Издалека доносился глухой гул, который воспринимался скорее осязанием, чем слухом; в земле отдавались толчки. Доримы без понукания пустились валкой рысью. Они прошлепали копытами по мелкому болоту, после чего Хананас резко изменил курс. Причину этого Язон понял немного погодя, когда небо на юге словно взорвалось. Яркая вспышка озарила лес, потом сверху посыпался пепел, по деревьям барабанили раскаленные камни. Земля шипела там, где они падали, и быть бы лесному пожару, если бы не недавний дождь.

Рядом с маленьким караваном колыхалось что-то большое и черное. Когда они выехали на поляну, Язон присмотрелся и в отраженном свете разглядел косматое чудовище с огромными кривыми рогами.

– Рес… – позвал он, задыхаясь.

Рес бросил взгляд на зверя и отвернулся. Чудовище его не то, что не испугало – даже не заинтересовало. Посмотрев по сторонам, Язон понял почему.

Бегущие животные не издавали ни звука, поэтому он не заметил их раньше. Между деревьями справа и слева мелькали темные силуэты. Какие-то из них он узнавал, незнакомых видов было намного больше. Несколько минут совсем рядом, мешаясь с одомашненными собаками, бежала стая диких псов. И ничего, как будто всегда так было. Над головой у всадников проносились летающие твари. Перед угрозой катаклизма междуусобицы были забыты. Все живое объединилось в борьбе за жизнь. Путь пересекли

жирные животные с изогнутыми клыками, похожие на свиней. Доримы замедлили бег, осторожно ставя ноги, чтобы не топтать их. Иногда мелкие твари цеплялись за спину более крупных и какое-то время ехали на них верхом, прежде чем соскочить опять.

Скрипучие носилки немилосердно трясли Язона, и в конце концов его сморил сон. Ему снились звери, несущиеся вперед в бесшумном стремительном беге. Откроет глаза, закроет глаза – одно и то же, нескончаемая череда животных.

Эта картина таила в себе какой-то глубокий смысл... Но что именно? Язон нахмурился, соображая. Бегущие животные, пиррянские животные...

Вдруг он сел на носилках, сон как рукой сняло. Ну конечно же!

– Что случилось? – спросил Рес, подъезжая вплотную.

– Ничего, едем дальше, – отозвался Язон. – Нам бы только выбраться живьем из этой переделки. Я знаю, как вашему народу получить то, чего он хочет, и прекратить войну. Есть способ, мы его применим.

Глава 25

В памяти отложились только отдельные фрагменты ночного перехода. Кое-что запечатлелось очень четко – например, громадная, с космический корабль величиной, глыба раскаленного шлака, которая упала в озеро и обдала всадников горячими брызгами. И вообще подробности этого бесконечного перехода мало занимали

изнуренного болезнью Язона. На рассвете они вышли из опасной зоны, и доримы с рыси перешли на шаг. Как только угроза миновала, звери исчезли, тихо разошлись в разные стороны, все еще соблюдая перемирие.

Но кончилась опасность – кончился и мир; Язон убедился в этом, когда они устроили привал. Вместе с Ресом он направился к зеленому пятачку возле упавшего дерева, однако на мягкой траве уже лежала дикая собака. При виде людей она вся напряглась, румяный восход высекал красные искры из ее глаз. В трех метрах от зверя Рес остановился и замер. Язон тоже остановился, спрашивая себя, почему корчевщик не берется за оружие и не зовет никого на помощь. Что ж, ему виднее...

Неожиданно собака прыгнула прямо на них. Рес оттолкнул Язона в сторону, так что он упал навзничь, и сам припал к земле, держа в руке длинный нож, который выхватил из укрепленных на бедре ножен. Молниеносный выпад... Собака изогнулась в воздухе, пытаясь схватить нож зубами, но он уже вонзился в ее тело за лопаткой и распорол ее во всю длину. Она еще была жива, когда упала на землю, но Рес уже сидел на ней верхом. Задрав кверху защищенную пластинами голову, он перерезал собаке горло, потом тщательно вытер о ее шкуру нож и сунул его обратно в ножны.

– Обычно они смирные, – спокойно сказал он, – но эта чем-то была взбудоражена. Должно быть, потеряла стаю.

Как это не похоже на поведение горожан! Рес не лез на рожон и не стал нападать первый, он до последнего избегал схватки. Когда же зверь пошел в атаку, последовала быстрая и эффективная расправа. Но Рес не упивался своей победой, напротив, он явно был огорчен гибелью живого существа.

Правильно. Все стало на свои места. Теперь ему ясно, как начался смертельный поединок Пирра с человеком – и ясно, как его прекратить. Нет, жертвы не были напрасными! Каждая из них приближала его к цели. Осталось сделать последний шаг.

Рес смотрел на Язона, явно думая о том же.

– Выкладывай, – сказал он. – Что ты подразумевал, когда говорил, что мы сможем перебить жестянщиков и завоевать свободу?

– Собери остальных, я объясню. И надо, чтобы Накса непременно был и другие говоруны.

Люди Реса не заставили себя ждать. Каждый знал, что для спасения этого инопланетчика был убит жестянщик и теперь вся надежда на него. Глядя на обращенные к нему лица, Язон думал, как

лучше растолковать им, что нужно сделать. Мысль о том, что многие из них погибнут, выполняя его план, не облегчила ему задачу.

– Всем нам хочется, чтобы прекратилась война на Пирре. Есть способ сделать это, но он потребует человеческих жертв. Может быть, погибнет кто-то из вас. По-моему, за такое дело не жалко отдать жизнь, ведь победа даст вашему народу все то, о чем вы давно мечтали. – Он обвел взглядом напряженно слушающих людей. – Мы нападем на город и прорвем Периметр. Я знаю, как это сделать…

Толпа зашумела. Одни ликовали, предвкушая расправу с исконным врагом. Другие таращились на Язона как на сумасшедшего. Третьи были ошеломлены дерзким замыслом сразиться с вооруженным до зубов врагом в его оплоте. Язон поднял руку, и все смолкли.

– Я знаю, это кажется невозможным, – продолжал он. – Но послушайте, что-то надо делать. И сейчас самое время действовать. Дальше будет только еще хуже. Город, Пирр… жестянщики обойдутся без вашего продовольствия, их концентраты – порядочная дрянь, но прожить можно. А вот вам придется несладко, уж они постараются отомстить. Вы перестанете получать металл для инструментов, детали для электронной аппаратуры. Они способны даже выслеживать с воздуха и уничтожать ваши фермы. Словом, ждите неприятностей. И это только начало… Горожане проиграют войну против планеты. С каждым годом их остается все меньше, в один прекрасный день последние вымрут. Но сперва – уж я их знаю! – они взорвут свой корабль, а заодно и всю планету, если сумеют.

– А как мы можем им помешать? – крикнул кто-то.

– Помешаем, если нанесем удар теперь, – ответил Язон. – Я хорошо изучил город, знаю, как устроена оборона. Периметр предназначен для защиты от животных, а мы можем прорваться, если очень постараемся.

– Что толку? – возразил Рес. – Мы прорываем Периметр, они отходят, потом собирают все силы и наносят ответный удар. Разве мы устоим против их оружия?

– До этого не дойдет. Их космодром примыкает к Периметру, я точно знаю, где стоит корабль. Именно там мы и должны прорваться. Около корабля нет постоянной охраны, и вообще на космодроме мало людей. Мы захватываем корабль. Сможем ли мы им управлять, роли не играет. У кого в руках корабль, у того в руках и весь Пирр. Мы пригрозим уничтожить корабль, если не будут приняты наши условия. Им придется выбирать – либо массовое самоубийство, либо сотрудничество. Надеюсь, у них хватит ума предпочесть второе.

Секунду царила полная тишина, но тут же загудели голоса, все старались перекричать друг друга, пока Рес не вмешался и не навел порядок.

– Тихо! – крикнул он. – Дайте Язону договорить, потом решайте. Мы еще не слышали, как он предлагает осуществить прорыв.

– Успех моего плана зависит от говорунов, – сказал Язон. – Накса тут?

Он выждал, пока одетый в шкуры корчевщик не протиснулся вперед, и продолжал:

– Слушай, Накса, у меня к тебе вопрос относительно говорунов. Вы умеете приказывать доримам и собакам, это я хорошо знаю. А как с дикими животными? Можете вы их заставить слушаться вас?

– Диких-то? А что, заставим. Чем больше говорунов, тем больше наша сила. Что захотим, то и будут делать.

– Значит, можно организовать атаку, – возбужденно подытожил Язон. – Вы смогли бы собрать всех говорунов в одном месте, в противоположном конце от космодрома, и натравить животных на город, заставить их атаковать Периметр?

– Сможем ли мы? – Идея Язона явно привела Наксу в восторг. – Да мы отовсюду зверей сгоним, такой штурм устроим, они еще такого не видели!

– Значит, решено. Вы, говоруны, организуете штурм Периметра в дальнем конце. Только сами не показывайтесь, чтобы охрана не смекнула, в чем дело. Я видел, как они действуют. При сильной атаке вызывают подмогу из города и снимают часть людей с других участков Периметра. В разгар битвы, когда все их силы будут связаны в другом месте, я поведу отряд на прорыв и захвачу корабль. Вот такой у меня план, и я уверен, что у нас все получится.

Кончив говорить, Язон в изнеможении опустился на траву. Лежа, он слушал, как идет бурное обсуждение, направляемое Ресом. Говорили о трудностях и о том, как их преодолеть. Участники дискуссии не видели никаких существенных изъянов в его плане. Это не означало, что он совсем не имел слабых мест, но Язон предпочитал не напирать на них. Эти люди всей душой хотят, чтобы его замысел свершился, и они его осуществят.

Когда обсуждение кончилось и все разошлись, Рес подошел к Язону.

– Ну так, в принципе все решено, – сказал он. – Никто не возражал. Теперь гонцы оповестят всех говорунов, ведь это наша ударная сила, чем больше мы их соберем, тем лучше. Вызывать их по визифону не стоит – кто поручится, что жестянщики не могут

перехватывать наши передачи. Нам нужно пять дней, чтобы все подготовить.

– Да и мне нужно не меньше пяти дней, чтобы хоть сколько-нибудь восстановить силы, – ответил Язон. – А сейчас неплохо бы поспать.

Глава 26

– Необычное впечатление, – сказал Язон. – Я ведь никогда по-настоящему не видел Периметр снаружи. Уродство – другого слова не подберешь.

Он лежал на бугре рядом с Ресом и смотрел из-за кустов вниз на Периметр. Несмотря на полуденный зной, оба были закутаны в шкуры, ноги защищены толстыми крагами, руки – кожаными рукавицами. От жары и двойного тяготения у Язона кружилась голова, но он держался.

Впереди, за выжженной полосой, тянулся Периметр. Глухая стена, неодинаковая по высоте, неоднородная по материалу, сооруженная из самого различного материала. Невозможно сказать, какой она была первоначально. Атаки, атаки, атаки долбили, подрывали, разрушали ее. Горожане наспех ремонтировали стену, лепили заплаты. Грубая каменная кладка рассыпалась, на ее месте появлялись деревянные клети, а к ним примыкали сваренные по шву стальные плиты. Но и металл не мог устоять – свидетельством тому было рваное отверстие, через которое сыпался песок из лопнувших мешков. Поверхность стены опутывали сигнальные провода и проволока электрической защиты. Тут и там над Периметром торчали стволы огнеметов, сжигающие все живое, что только приближалось к основанию стены.

– Эти штуки могут причинить нам много хлопот, – сказал Рес. – Видишь, вон та как раз прикрывает участок, где ты задумал прорваться.

– Не беспокойся, все будет в порядке, – заверил его Язон. – Хоть и кажется, что они бьют беспорядочно, но это не так. Промежутки между залпами разные, но эта хитрость рассчитана на зверей, а не на человека. Да ты сам убедись. Залп следует через каждые две, четыре, три и одну минуту. – Они отползли обратно в яму, где их ждали Накса и другие. Всего тридцать человек, а для такого задания как раз и требовался небольшой подвижный отряд. Их главное оружие – внезапность. Без нее арбалеты корчевщиков и десяти секунд не устоят

против огневой мощи города. В толстых шкурах всем было жарко, и кое-кто развязал одежду, чтобы немного остыть.

– Завяжитесь! – скомандовал Язон. – Вы еще не бывали так близко к Периметру и не представляете себе, что там творится. Я знаю, Накса не подпустит крупных животных, а с мелкими тварями вы все сами справляетесь. Тут другая опасность. Каждая колючка отравлена, каждая травинка оканчивается смертоносным шипом. Насекомых тоже берегитесь. И когда пойдем вперед, дышите только через мокрую тряпку.

– Он прав, – пробурчал Накса. – Я ни разу не был так близко. Под стеной смерть, сплошная смерть. Делайте как он велит.

Снова потянулось томительное ожидание. Они оттачивали и без того острые арбалетные стрелы и поглядывали на медленно ползущее по небу солнце. Один Накса не тяготился ожиданием. Он сидел, глаза где-то далеко, и слушал внутренним слухом, что происходит в джунглях.

– Идут, – сказал он наконец. – Никогда еще такой прорвы не слышал. Все звери, со всего края, отсюда до самых гор, мчатся к городу, только вой стоит.

Язон и сам кое-что улавливал. Атмосферу напряжения, страшную волну ненависти и ярости. Он знал, все получится, если только удастся сосредоточить атаку на узком фронте. Говоруны не сомневались в успехе. Еще на рассвете тонкая цепочка косматых людей в шкурах, охватив подковой пиррянских животных, мысленными командами погнала их на город.

– Пошли на штурм! – вдруг сказал Накса.

Все встали, глядя в сторону города. Язон физически ощутил, что Накса прав. А тут еще издалека донеслись выстрелы и мощные взрывы, над деревьями поднимались струйки дыма.

– Займем исходную позицию, – сказал Язон.

Лес кругом был словно пропитан концентратом ненависти. Полуодушевленные растения извивались и корчились, воздух наполнился тучами крылатой мелюзги. Накса, весь в поту, бормоча что-то, отводил в сторону катящуюся на них волну животных. Отряд потерял четверых, пока добирался до выжженной полосы. Одного ужалило какое-то насекомое, и, хотя Язон подоспел с аптечкой, раненый все равно чувствовал себя так скверно, что вынужден был ползти обратно. А трое погибли, их распухшие, скорченные тела так и остались лежать на земле.

– Голова уже болит держать их, – проворчал Накса. – Когда пойдем на стену?

– Рано еще, – ответил Рес. – Мы ждем сигнала.

Один из корчевщиков нес радиостанцию. Осторожно поставив ее на землю, он забросил антенну на дерево. Рация была экранирована так, чтобы никакие импульсы не выдавали их присутствия. Включили приемник, но в динамике только потрескивали разряды.

– Можно было заранее рассчитать время… – заговорил Рес.

– Нет, – возразил Язон. – Тут важна точность. Мы должны пойти на прорыв в самый разгар штурма, будет больше шансов на успех. Даже если они перехватят наш сигнал, все равно сразу не сообразят, в чем дело. А через несколько минут это и вовсе не будет играть никакой роли.

В динамике зашипела несущая частота. Чей-то голос произнес короткую фразу и выключился.

– Принесите три мешка муки.

– Пошли! – Рес рванулся вперед.

– Постой. – Язон поймал его за руку. – Не забывай про огнемет. Он даст залп через… есть!

Фонтан огня пролился на землю и погас.

– Четыре минуты до следующего, мы угодили в самый большой интервал!

Они побежали по мягкой золе, перепрыгивая через обугленные кости и ржавый металл. Двое корчевщиков подхватили Язона под руки и буквально несли его. Это не было предусмотрено, но помогло выиграть несколько драгоценных секунд. У стены они опустили его, и он вытащил мину, которую сделал из патронов от пистолета убитого Краннона, соединив их с детонирующим устройством. Операция была многократно отрепетирована, и теперь все шло как по маслу.

Язон выбрал для прорыва участок со стальными плитами. Они лучше всего противостояли пиррянским организмам, это позволяло надеяться, что насыпь за ними не такая мощная, как в других местах. Если он просчитался, им всем конец.

Бежавшие впереди уже прилепили к стене комья клейкой смолы. Язон вдавил в нее патроны, расположив их прямоугольником в рост человека. В это же время другие члены отряда размотали детонирующий шнур. Штурмовая группа рассыпалась вдоль стены, Язон доковылял до электродетонатора, упал на него и нажал рычаг.

Оглушительный взрыв сотряс стену и выбросил язык красного пламени. Рес первым подскочил к пробоинам и принялся дергать руками еще дымящийся металл. Подоспели остальные и дружно отогнули зазубренные края. Брешь заволокло дымом, ничего не было видно. Язон нырнул в нее, покатился по валунам и врезался во что-то

твердое. Протерев глаза, он осмотрелся по сторонам. Он был в городе. Остальные тоже ворвались в брешь. На бегу они подхватили Язона на руки, чтобы не затоптать. Кто-то увидел космический корабль, и все рванулись в ту сторону. Навстречу им из-за угла выскочил человек. При виде нападающих он с чисто пиррянской быстротой метнулся к подворотне. Но нападающие тоже были пиррянами, и он повалился на спину, пронзенный тремя стрелами. Не останавливаясь, они бежали дальше между низкими складскими зданиями туда, где высился корабль.

И тут они увидели, как наружный люк медленно закрывается. Кто-то опередил их. Град стрел забарабанил по люку, да что толку.

– Вперед! – крикнул Язон. – Живей под корпус, пока он не открыл огонь!

Трое из отряда не успели добежать до укрытия. Все остальные уже стояли под кораблем, когда его пушки заговорили. Большинство снарядов разрывалось поодаль, но все равно в ушах стоял звон от электрических разрядов и летящих осколков.

Троих накрыло шквалом огня и разнесло на молекулы. Прорвавшийся в корабль пиррянин нажал сразу все гашетки, чтобы отразить атаку и предупредить своих. Сейчас он стоит у визифона и вызывает подмогу. Язон дотянулся до люка и попробовал его открыть, но он был заперт изнутри. Кто-то оттолкнул Язона и дернул рукоятку. Она обломилась, люк не поддался.

Пушки смолкли, и грохот прекратился.

– Вы взяли пистолет у убитого? – спросил Язон. – С пистолетом можно в два счета открыть люк.

– Нет, – отозвался Рес. – Некогда было.

Он еще не договорил, как два корчевщика сорвались с места и побежали к складам. Один из них держался левее, другой правее. Тотчас загрохотали пушки. Очередь поразила одного смельчака, но второй успел добежать до зданий, прежде чем стрелок изменил прицел.

Он мигом обернулся, выскочил из-за дома и швырнул пистолет своим товарищам, но сам уже не успел укрыться и был сражен снарядами.

Пистолет докатился по бетону почти до самых ног Язона. Он приставил дуло к замку и выстрелил; в эту секунду за домами завыли турбины стремительно приближающихся транспортеров. Люк скрипнул и медленно открылся. Весь отряд был внутри корабля еще до того, как появился первый транспортер. Накса остался с пистолетом у люка; Язон повел остальных к пилотской кабине.

Он объяснил им, как туда добраться, и, когда подоспел сам, все уже было кончено, горожанин стал похож на подушечку для булавок. Один из корчевщиков, немного разбирающийся в технике, нажал гашетки и открыл такой яростный огонь, что транспортерам пришлось отступить.

– Свяжитесь по радио с говорунами и скажите им, что можно прекращать атаку.

Отдав это распоряжение, Язон подошел к визифону и включил его. С экрана на него глядел потрясенный Керк.

– Ты! – Керк произнес это словно ругательство.

– Ага, я, – ответил Язон, рассматривая рычаги и кнопки на пульте. – Выслушай меня, Керк… И учти, как я скажу, так и будет. Я, конечно, не знаю, как управлять космическим кораблем, но взорвать его я сумею. Тебе слышен этот звук?

Он щелкнул тумблером, и где-то в недрах корабля загудел насос.

– Это насос основного горючего. Если я оставлю его включенным, он в два счета наполнит топливом камеру сгорания. Накачаю побольше, чтобы потекло через дюзы. А потом нажму пусковую кнопку… Угадай, что тогда будет с вашим единственным космическим кораблем? Я не спрашиваю, что будет со мной, тебе на это наплевать. Но корабль нужен вам как воздух.

В кабине царило безмолвие. Люди, захватившие корабль, смотрели на Язона. Тишину нарушил скрипучий голос Керка:

– Что тебе надо, Язон? Что ты задумал? Зачем привел этих животных? – От ярости у него перехватило горло.

– Попридержи язык, Керк, – строго сказал Язон. – Люди, о которых ты говоришь, владеют единственным на Пирре космическим кораблем. Если ты хочешь, чтобы они делились с тобой, научись сперва вежливо разговаривать. А теперь немедленно иди сюда. Да захвати с собой Бруччо и Мету.

Язон смотрел на багровое, отекшее лицо седого пиррянина и вдруг ощутил что-то похожее на жалость.

– Да не горюй ты так, это не конец света. А скорее начало. Да, вот еще: не выключай этот канал. Пусти изображение на все экраны в городе, чтобы каждый видел, что тут будет происходить. И пусть запишут, чтобы можно было повторить.

Керк хотел было ответить, но раздумал и исчез с экрана. Однако визифон остался включенным. На всех экранах города был виден главный отсек космического корабля.

Глава 27

Бой был окончен. Он кончился так быстро, что они еще не успели как, следует это осознать. Рес пощупал рукой поблескивающий металлом пульт управления, убеждаясь в том, что ему не чудится. Остальные бродили по отсеку, заглядывали в перископы, увлеченно рассматривали диковинную аппаратуру.

Язон еле держался на ногах, но не показывал виду. Открыв пилотскую аптечку, он нашел стимулирующее средство. Три золотистые пилюльки прогнали усталость и развеяли туман в голове.

– Внимание! – крикнул он. – Борьба еще не окончена. Они постараются отбить корабль, так что мы должны быть наготове. Пусть кто-нибудь из ваших техников хорошенько изучит все пульты и отыщет кнопки от люков. Все люки до одного должны быть надежно задраены. Если понадобится, пошлите людей, чтобы проверили. Включите видеодатчики на круговой обзор, чтобы никто не мог подойти к кораблю. Поставьте человека к двигателям, а то они могут отрезать меня от них, если прорвутся туда. И не мешало бы тщательно осмотреть отсек за отсеком – вдруг мы не одни на корабле.

Каждому нашлось дело, и люди сразу оживились. Рес распределил обязанности. Язон остался стоять возле пульта, поближе к тумблеру топливного насоса. Да, борьба еще не кончилась…

– Транспортер! – крикнул Рес. – Ползет потихоньку.

– Рвануть его? – спросил член отряда, дежуривший у гашеток.

– Погоди, посмотрим, кто это, – сказал Язон. – Если те, которых я вызвал, пусть проезжают.

Стрелок следил в прицел за приближающимся транспортером. Водитель… три пассажира… Язон подождал, пока рассеялись последние сомнения.

– Это они, – сказал он. – Встань около люка, Рес, впускай по одному и сразу отбирай пистолеты. И все остальное снаряжение тоже. Любая штука может оказаться оружием, особенно внимательно осмотрите Бруччо – худой такой, лицо, как топор, – чтобы у него ничего не осталось. Он у них специалист по оружию и технике выживания. Водителя тоже захватите, остальным горожанам незачем знать, в каком состоянии наша оборона.

Язон сидел как на иголках. Его рука лежала рядом с тумблером. Он знал, что никогда его не включит, но другие не должны об этом подозревать.

Послышался топот, приглушенная брань, и в отсек втолкнули пленников. При виде их свирепых лиц Язон невольно сжал кулаки.

– Пусть встанут около стенки, – сказал он Ресу. – И не спускайте с них глаз. Арбалетчикам быть наготове.

Он смотрел на людей, которые когда-то были его друзьями, а теперь задыхались от ненависти к нему. Мета, Керк, Бруччо. Водителем оказался Скоп, тот самый, которого Керк приставил к нему охранником. Теперь роли поменялись, и Скоп был готов лопнуть от злости.

– Слушайте внимательно, – заговорил наконец Язон. – Потому что от этого зависит ваша жизнь. Стойте у стены и не пытайтесь приблизиться ко мне даже на дюйм. Кто не подчинится, будет убит на месте. Будь я один, вы, конечно, не дали бы мне даже нажать на тумблер. Но я не один. У вас рефлексы и мышцы настоящих пиррян, но и у арбалетчиков не хуже. Так что лучше не рискуйте. Все равно ничего не выйдет, кроме самоубийства. Я говорю это вам для вашего же блага. Чтобы можно было разговаривать спокойно, без риска, что кто-нибудь из вас сорвется и будет убит. У вас нет другого выхода. Вам придется выслушать все, что я скажу. Вам отсюда не уйти, и убить меня не удастся. Война окончена.

– Все потеряно… Это ты виноват, предатель! – прохрипела Мета.

– И то и другое неверно, – мягко возразил Язон. – Я соблюдаю верность всем людям этой планеты, живут ли они внутри Периметра или за его пределами. Вы не можете сказать, что я кому-то отдавал предпочтение. И кроме того, вы ничего не потеряли. Если хотите знать, вы выиграли. Война с планетой выиграна вами. Потрудитесь только дослушать до конца.

Он повернулся к Ресу, который недовольно нахмурился.

– И ваши люди, Рес, тоже выиграли, поверьте мне. Это конец войны с городом, у вас будут лекарства, будет контакт с внешним миром, все, о чем вы мечтали.

– Может быть, мои слова покажутся тебе циничными, – сказал Рес, – но ты сулишь райскую жизнь обеим сторонам. Трудновато будет осуществить такое обещание, если учесть наши прямо противоположные интересы.

– Спасибо, ты попал в самую точку, – сказал Язон. – Проблема будет решена так, чтобы никто не остался внакладе. Мир между городом и фермами, конец вашей бессмысленной войне. Мир между людьми и пиррянскими организмами – ведь с этого конфликта все пошло.

– Он рехнулся, – сказал Керк.

– Возможно. Выслушайте, потом судите. Начну с истории, потому что корни проблемы и ее разрешение связаны с прошлым. Когда

поселенцы триста лет назад высадились на Пирре, они не заметили одной очень важной черты, которая отличает его от всех других планет галактики. И трудно их корить, у них и без того хватало забот. Все, кроме разве тяготения, было для них непривычно, все не похоже на искусственный климат индустриальной планеты, с которой они прилетели. Штормы, вулканы, наводнения, землетрясения – от всего этого немудрено и свихнуться. Наверно, со многими так и случилось. Еще им без конца досаждали звери и насекомые, такие непохожие на безобидную фауну в заповедниках, к которой они привыкли. Бьюсь об заклад, им было невдомек, что пиррянские животные к тому же наделены телепатическими свойствами.

– Опять этот вздор! – рявкнул Бруччо. – Даже если они телепаты, это ровным счетом ничего не значит. Ты почти убедил меня своей теорией в том, что атаки на город направляются телепатически, но твой катастрофический провал показал, чего стоит эта теория.

– Согласен, – ответил Язон. – Я ошибался, когда думал, что атаки на город направляются телепатическими импульсами извне. Тогда мне эта гипотеза казалась вполне логичной и обоснованной. Верно, экспедиция на остров кончилась катастрофическим провалом. Да только вы забываете, что я предлагал. Пойди я в пещеру, обошлось бы без жертв. Думаю, мне удалось бы выяснить, что эти шевелящиеся растения – специфические организмы с необычайно высоким телепатическим потенциалом. Просто они особенно сильно отражали импульсы, которые питали атаки на город. А я все перепутал, думал, что они раздувают войну. Теперь они все уничтожены, и точного ответа мы не получим. Но в одном их гибель нам помогла. Она показала, где надо искать подлинных виновников войны, кто на самом деле направляет и вдохновляет атаки против города.

– Кто? – выдохнул Керк.

– Да вы сами, кто же еще, – ответил Язон. – Конечно, не только вы четверо, а все жители города. Я готов допустить, что война вам не по душе. И тем не менее вы ее зачинщики, вашими стараниями она продолжается.

Он с трудом удержался от улыбки, глядя на их ошарашенные лица. Лучше не мешкать с объяснением, а то, чего доброго, собственные союзники тоже сочтут, что он помешался.

– Сейчас вы поймете. Я уже сказал, что пиррянские организмы наделены телепатическими свойствами. Это относится ко всем – к насекомым, к растениям, к животным. Когда-то, в разгар буйного прошлого Пирра, это качество помогло телепатическим мутациям устоять в борьбе за существование. Другие виды вымирали, а они

уцелели. Я уверен, что под конец они даже сотрудничали, сообща вытеснили последних представителей другой породы. Сотрудничество – вот девиз для Пирра. С одной стороны, они соперничали между собой, а с другой – вместе давали отпор всему, что угрожало их племени. Какое-нибудь стихийное бедствие, потоп – они в полном согласии спасаются бегством. Что-то в этом роде можно наблюдать на любой планете, где бывают лесные пожары. Но здесь особенно суровые условия, и взаимопомощь достигла очень высокого уровня. Возможно, некоторые организмы даже наделены даром предчувствовать близкую катастрофу. Вроде того, как некоторые из вас предсказывают землетрясение. Благодаря предупреждению крупные животные уходили от беды. А самым мелким видам помогали уцелеть особые семена, или шипы, или яйца, которые переносились в безопасное место либо с ветром, либо с мехом больших зверей. Да-да, так и было, я уверен, я же сам видел такое бегство, когда мы уходили от землетрясения.

– Ладно, допустим, что все было так, как ты говоришь! – крикнул Бруччо. – Но при чем тут мы? Хорошо, все животные убегают вместе – какое отношение это имеет к войне?

– Они не только вместе убегают, – сказал Язон. – Они сотрудничают, чтобы противостоять стихийным бедствиям. Я не сомневаюсь, мы еще услышим восторги экологов, когда они начнут изучать сложный механизм приспособления, который срабатывает здесь, когда надвигается гроза, или половодье, или пожар, или еще какая-нибудь беда. Но нас сейчас интересует одна реакция. А именно та, которая направлена против горожан. Вы еще не догадались? Пиррянские организмы воспринимают вас как стихийное бедствие! Вряд ли удастся выяснить, как это началось. Хотя вообще-то в дневнике, который я нашел, в записях о первых днях освоения планеты есть ключ к разгадке. Там говорится, что во время лесного пожара колонисты встретились с какими-то новыми видами. Точнее, животные были те же, что прежде, только они вели себя иначе. Как, по-вашему, могли реагировать на лесной пожар люди, которые прежде жили в условиях, можно сказать, тепличной цивилизации? Они, конечно, перепугались насмерть. Если лагерь находился на пути огня, животные, естественно, бежали через него. А люди, также естественно, обстреляли их. И сразу же поставили себя в ряд стихийных бедствий. Мало ли в каком обличье выступает катастрофа. Скажем, в обличье двуногих с пистолетами. Пиррянские животные нападают на людей, люди убивают животных, начинается война. Уцелевшие продолжали атаки и по-своему оповестили все организмы

планеты, что происходит. Здешняя радиоактивность способствует всевозможным мутациям. Дальше в борьбе за существование сохранялись те организмы, которые были опасны для человека. Я не удивлюсь, если телепатический потенциал тоже поощряет мутации. Уж очень специализированы некоторые наиболее опасные виды, не могут они быть просто плодом естественной эволюции за такой короткий срок, как триста-четыреста лет. Поселенцы, понятно, давали отпор, оттого их и дальше воспринимали как стихийное бедствие. Они все время совершенствовали свое оружие, но проку от этого, как известно, не было никакого. Вы, горожане, унаследовали их ненависть к Пирру. Вы все воюете, и все ближе ваш полный разгром. Разве можете вы победить, когда против вас биологические ресурсы целой планеты, которая каждый раз, можно сказать, перерождается для противоборства?

Стало очень тихо. Керк и Мета побледнели, потрясенные словами Язона. Бруччо что-то бормотал себе под нос и загибал палец за пальцем, подыскивая контраргументы. Что до Скопа, то он оставил без внимания всю эту галиматью, которую не мог или не хотел понять. Представься ему малейшая возможность, он бы тут же пришиб Язона.

Первым заговорил Рес. Он быстрее других разобрался и подвел итог.

– Не сходится, – сказал он. – А как же мы? Мы ведь живем среди пиррянской природы без Периметров и пистолетов. Почему на нас никто не нападает? Мы такие же люди, у нас с жестянщиками одни предки.

– Вас не трогают, потому что не ставят вас в ряд со стихийными бедствиями, – ответил Язон. – Животные могут жить на склонах дремлющего вулкана, между ними будет идти обычная конкуренция. Но придет время спасаться от извержения, и они вместе обратятся в бегство. Извержение делает вулкан стихийным бедствием. Теперь берем человека. Будет ли местная фауна воспринимать его просто как живое существо или как стихийное бедствие? Есть просто гора, а есть вулкан. Люди города излучают подозрительность и вражду. Убивать, думать об убийстве, подготавливать убийство – для них удовольствие. И тут как бы идет естественный отбор, понимаете? Ведь в городе именно это свойство лучше помогает выживанию. Живущие вне города мыслят по-другому. Когда кому-то из них лично что-то угрожает, он борется за жизнь, как и всякое существо. А перед лицом общей угрозы они во имя выживания сотрудничают с окружающими их животными, подчиняются закону, которым пренебрегают в обычных условиях.

– Но как же возникли эти две группы, с чего все началось? – спросил Рес.

– Разве теперь узнаешь... Мне думается, ваши люди с самого начала были фермерами, может быть, обладали телепатическим даром. И во время стихийного бедствия, от которого все пошло, находились в другом месте. По пиррянским меркам, они вели себя правильно и благополучно выжили. Дальше пошли разногласия с жителями города, которые считали убийство единственным решением. Как бы то ни было, очевидно, что еще в древние времена возникли две общины. А потом они и вовсе изолировались, если не считать выгодной для обеих сторон меновой торговли.

– Все равно не могу поверить, – пробурчал Керк. – Хоть и похоже на истину, не могу согласиться. Тут должно быть какое-то другое объяснение.

Язон медленно покачал головой:

– Другого объяснения нет и быть не может. Другие мы сами исключили, ты забыл? Я очень хорошо тебя понимаю, ведь это опровергает все, что ты привык считать истиной, что для тебя равносильно закону природы. Допустим, я начну доказывать тебе, что тяготения в привычном для тебя понимании нет, а есть сила, которой можно до какой-то степени управлять, если знать способ. Ты, само собой, скажешь, что тебе мало слов, подавай доказательство. Пусть, мол, кто-нибудь пройдется по воздуху, а? Между прочим...

Язон повернулся к Наксе:

– Ты не слышишь, около корабля есть сейчас какие-нибудь животные? Не привычные вам, а мутанты, из той свирепой породы, которая только вокруг города водится?

– Их тут тьма-тьмущая, – ответил Накса. – Так и ищут, кого порешить.

– А ты не можешь поймать одного? Но только чтоб он тебя не убил.

Накса презрительно фыркнул.

– Еще не родился зверь, который стал бы мне вред творить, – сказал он, идя к выходу.

Ожидая Наксу, все погрузились в размышление. Язону нечего было добавить к тому, что он уже сказал. Осталось провести один опыт, может быть, факты их убедят, потом пусть каждый сам решает.

Говорун скоро вернулся с шипокрылом на ременном поводке. Пленный зверь метался в воздухе и издавал пронзительный писк.

– Стань посередине, подальше от всех, – попросил Язон. – Ты можешь заставить его сесть на что-нибудь?

– Да хоть на мою руку. – Накса дернул шипокрыла и подставил ему рукавицу. – Вот так я его поймал.

– Кто-нибудь сомневается, что это настоящий шипокрыл? – сказал Язон. – Все должны быть уверены, что тут нет подвоха, мне это очень важно.

– Настоящий, – подтвердил Бруччо. – Я отсюда слышу запах яда. – Он показал на когти по краям крыльев, потом на пятна на рукавице. – Если разъест рукавицу, этому человеку крышка.

– Итак, шипокрыл настоящий, – заключил Язон. – Смертельно ядовитый, как и все шипокрылы, и для подтверждения моей гипотезы достаточно, чтобы кто-нибудь из вас, горожан, подошел и прикоснулся к нему, как делает это Накса.

Все четверо невольно отпрянули. Для них шипокрыл олицетворял смерть. Так было, так есть и так будет. Законы природы нерушимы.

– Мы… не можем, – ответила за всех Мета. – Этот человек живет в джунглях, он сам все равно как зверь, вот и научился ладить с ними. Но чтобы мы…

Язон перебил Мету, не дожидаясь, когда до говоруна дойдет оскорбительный смысл ее слов:

– Да, и вы тоже можете. В этом вся суть. Не питайте к этому зверю ненависти и не ждите непременной атаки – и он не нападет. Вообразите, что это какая-нибудь безобидная тварь с другой планеты.

– Не могу! – крикнула Мета. – Это шипокрыл!

Пока они говорили, Бруччо медленно двинулся вперед, пристально глядя на зверя, сидящего на рукавице. Язон сделал знак арбалетчикам, чтобы не стреляли. Бруччо остановился на безопасном расстоянии от шипокрыла, не сводя с него глаз. Шипокрыл расправил свои кожистые крылья и зашипел. На кончике каждого когтя выступили капли яда. В отсеке царила мертвая тишина.

Бруччо осторожно поднял руку. Подержал ладонь над шипокрылом. Потом слегка коснулся его головы и сразу опустил руку. Зверь сидел смирно, только чуть вздрогнул.

Все, кто следил, затаив дыхание, за этой сценой, облегченно вздохнули.

– Как ты это сделал? – глухо спросила Мета.

– А? Что?.. – Бруччо явно сам был поражен случившимся. – А, ну да, как я к нему прикоснулся… Очень просто. Я представил себе, что это макет с нашего тренажера, безобидная подделка. И больше ни о чем не думал, вот и получилось.

Он посмотрел на свою руку, потом на шипокрыла.

– Но ведь это не макет, – продолжал он задумчиво. – Это настоящий зверь. Смертельно ядовитый. Инопланетчик прав. Прав от начала до конца.

Глядя на Бруччо, Керк тоже решился. Он шел как на казнь, еле переставляя ноги, с каменным лицом, по которому катились струйки пота. Но ему удалось настроиться на нужный лад, не думать о шипокрыле как о враге, и он тоже коснулся зверя без каких-либо последствий для себя. За ним и Мета сделала попытку, но не сумела одолеть ужас, который охватил ее, когда она приблизилась к шипокрылу.

– Не получается, не могу себя переломить… – произнесла она. – Я уже верю тебе… Нет, все равно не могу.

Скоп, когда все повернулись к нему, закричал, что это сплошной обман, потом он бросился на арбалетчиков, и его оглушили ударом приклада. Но пирряне уже прозрели.

– Что же будет теперь? – спросила Мета.

В ее голосе звучала тревога, которую разделяли не только все собравшиеся в отсеке, но и тысячи пиррян, смотревших в эту минуту на экраны своих визифонов.

– Что будет теперь?

Они глядели на Язона и ждали ответа. Ждали горожане, ждали арбалетчики, опустив свое оружие. Распри на время были забыты. Этот инопланетчик внес смятение в привычный им старый мир, все перевернул, и они как бы очутились в новом, неведомом мире, перед лицом необычных проблем.

– Погодите. – Он протянул руку. – Я не врачеватель социальных недугов. Куда мне думать над тем, как исцелить эту планету силачей и снайперов. Я и без того только чудом дотянул до сегодняшнего дня, а по закону вероятности мне уже раз десять полагалось быть убитым.

– Хоть это и верно, Язон, – сказала Мета, – но, кроме тебя, некому нас выручить. Как ты все-таки мыслишь наше будущее?

Внезапная усталость заставила Язона сесть в пилотское кресло. Он обвел взглядом обступивших его пиррян. Лица вроде бы искренние. И никто не обратил внимания, что он уже давно убрал руку с тумблера топливного насоса. Междуусобицы забыты, во всяком случае на время…

– Хорошо, я изложу вам свои соображения, – заговорил он, стараясь поудобнее примостить свои ноющие суставы. – Я много размышлял в эти дни, пытался найти ответ. И первое, до чего додумался, – это то, что идеальное решение, которое подсказывает логика, тут не годится. Да-да, боюсь, что из древней мечты о мирном

соседстве льва и ягненка ничего не выйдет. Кроме приятного завтрака для льва. Казалось бы, теперь, когда вы все знаете истинную причину ваших неладов, разумнее всего было бы снести Периметр и зажить вместе в мире и согласии. Прелестная картинка, совсем как братство льва и ягненка. И кончится скорее всего в том же духе. Одному вдруг придет на ум, что корчевщики неопрятные, другому, что жестянщики безмозглые, глядишь, и готов свеженький покойник. И пошли крошить друг друга, а кто возьмет верх, тех сожрут животные, которые заполонят незащищенный город. Словом, решение найти не так-то просто.

Слова Язона вернули пиррян к действительности, и они сразу насторожились. Арбалетчики подняли свое оружие, а пленники отступили к стене и насупились.

– Вот, вот, я это самое и подразумевал, – сказал Язон. – Ненадолго вас хватило, верно?

По лицам пиррян было видно, как им неловко, что они поддались безотчетному порыву.

– Чтобы придумать что-нибудь путное на будущее, – продолжал он, – надо учитывать инерцию. Во-первых, инерцию мышления. Истина в вашем представлении – это еще не истина на деле. В варварских религиях примитивных миров научными фактами и не пахнет, хотя они призваны объяснить все на свете. Лишите дикаря логической основы его убеждений, он все равно от них не откажется, только заменит слово «убеждение» словом «вера», потому что не сомневается в своей правоте. А не сомневается он потому, что верит. Мнимая логика строит замкнутый круг, на который не дозволено покушаться. Это и есть инерция мышления, когда рассуждают по принципу «что всегда было, то всегда будет». И упорно не желают бросить старую колею, перестроить мышление на новый лад. Но инерция мышления – не единственный барьер на вашем пути, есть еще один вид инерции. Кто-то из вас согласился с моими рассуждениями и даже готов перестроиться. А как все остальные? Как те, которые не желают размышлять, предпочитают жить по старинке, подчиняться не рассудку, а рефлексам? Которые написали на своем знамени: «Что всегда было, то всегда будет»? Они будут тормозить любое ваше начинание, любую попытку двигаться вперед на основе того нового, что вы узнали.

– Выходит, все напрасно, наш мир обречен? – спросил Рес.

– Я этого не сказал. Мне только хотелось показать, что ваши проблемы не решить одним поворотом некоего мозгового переключателя. Лично я представляю себе три пути, и очень может

быть, что развитие пойдет сразу по всем, трем. Первый, и наилучший, путь – воссоединение городских и сельских пиррян. У тех и других есть проблемы, те и другие могут поделиться чем-то полезным. Возьмем горожан, у вас наука и контакт с галактикой. И кроме того, губительная война. А ваши двоюродные братья в джунглях живут в мире с планетой, но у них нет медицины и прочих благ, которые дает наука, нет контакта с другими культурами. Вам следует объединиться и пожинать плоды сотрудничества. Разумеется, для этого надо похоронить обоюдную ненависть, основанную на предрассудках. Но это можно сделать только вдали от города, где все пропитано войной. Пусть каждый, у кого есть необходимые для этого способности, пойдет добровольно к жителям леса, чтобы поделиться с ними своими знаниями. Пойдете с чистой душой – вам никто не причинит зла. И вы научитесь жить в ладу с Пирром, вместо того чтобы воевать с ним. В конечном счете появятся цивилизованные общины, которые будут состоять не из корчевщиков или жестянщиков, а из пиррян.

– А с городом что будет? – спросил Керк.

– Город останется на месте. И скорее всего не изменится. На первых порах, пока будет идти расселение по планете, вам придется сохранить и Периметр, и другие средства защиты, чтобы уцелеть. Да и потом кое-что сохранится, ведь найдутся люди, которых вы не сможете переубедить, которые останутся и будут дальше воевать до самой смерти. Может быть, с воспитанием их детей вам больше повезет. А что в конечном счете станется с городом, честное слово, не знаю.

Они молчали, пытаясь представить себе будущее. Скоп по-прежнему лежал на полу без движения, только постанывал.

– Ты рассказал о двух путях, – наконец заговорила Мета. – А третий какой?

– Третий путь – самый милый моему сердцу, – улыбнулся Язон. – И я надеюсь, что найдется достаточно желающих присоединиться ко мне. Я хочу построить космический корабль, все свои деньги потрачу и оснащу его по последнему слову техники, чтобы и оружие было, и всякая научная аппаратура, какую только можно раздобыть. Потом наберу здесь, на Пирре, добровольцев.

– Для чего? – недоуменно спросила Мета.

– Только не для благотворительности. Все, что я вложу, окупится, притом с лихвой. Понимаешь, после всего что я тут пережил, мне невозможно возвращаться к старому занятию. Начать с того, что при моих нынешних деньгах это пустая трата времени. А главное, я бы помер с тоски. Уж такое свойство у Пирра – после него, если жив

останешься, не потянет в тихое место. Вот я и задумал снарядить корабль и отправиться на нем осваивать новые миры. Ведь есть тысячи планет, где люди бы рады обосноваться, да условия слишком тяжелые для обычных переселенцев, сперва надо, как говорится, плацдарм захватить. А пирряне такую подготовку прошли – им любая планета нипочем! Как, нравится вам такая идея? Собственно, дело даже не в том, нравится или не нравится. Здесь, в городе, все содержание вашей жизни составляла непрерывная смертельная схватка. Теперь перед вами стоит выбор – то ли перейти на более мирное существование, то ли остаться в городе и продолжать никому не нужную, нелепую войну. Я предлагаю третий вариант. Вы примените то, что лучше всего умеете, и в то же время будете делать полезное дело. Ну вот, теперь вам известны все варианты. Дальше пусть каждый решает сам.

Прежде чем кто-либо успел ответить, Язон вдруг ощутил дикую боль в горле. Очнувшийся Скоп вскочил с пола, стиснул шею Язона двумя руками и сорвал его с кресла. Арбалетчики не решились стрелять, боясь попасть в Язона.

– Керк! Мета! – рычал Скоп. – Хватайте пистолеты! Открывайте люки! Наши люди поддержат нас, мы перебьем проклятых корчевщиков, уничтожим этих лжецов!

Язон силился разжать душившие его пальцы, но это было все равно что дергать стальные прутья. У него померкло в глазах, в ушах стучало, он не мог вымолвить ни слова. Все кончено, он проиграл… Сейчас здесь начнется побоище, и Пирр так и останется планетой смерти для людей.

Мета бросилась вперед словно отпущенная пружина, и в ту же секунду тренькнули арбалеты. Одна стрела попала ей в ногу, другая пронзила навылет руку, но они не смогли ее остановить, и Мета, пролетев через весь отсек, очутилась рядом с теряющим сознание инопланетчиком, которого душил ее товарищ.

Замахнувшись здоровой рукой, она изо всех сил ударила Скопа ребром ладони по бицепсу. Его рука непроизвольно дернулась, и пальцы выпустили горло Язона.

– Что ты делаешь! – крикнул ошарашенный Скоп раненой девушке, которая навалилась на него.

Он оттолкнул ее, все еще держа Язона другой рукой. Тогда она, не произнося ни слова, тем же жестоким приемом разбила ему кадык. Скоп захрипел, отпустил Язона и упал на пол, корчась от боли. Язон видел все это точно в тумане.

С трудом поднявшись на ноги, Скоп обратил искаженное болью лицо к Керку и Бруччо.

– Ты не прав, – сказал Керк. – Уймись!

Скоп издал звук, похожий на рычание, и метнулся к оружию, сложенному в другом конце отсека. Но арбалеты пропели похоронную мелодию, и рука, которая дотянулась до пистолетов, была уже рукой покойника.

Никто не тронул Бруччо, когда он поспешил к Мете, чтобы оказать ей помощь. Язон жадно глотал животворный воздух. Через стеклянный глаз визифона весь город следил за происходящим.

– Спасибо, Мета... за помощь... и за то, что ты поняла... – через силу вымолвил Язон.

– Скоп был не прав, – ответила она. – А ты прав...

Голос на секунду прервался – Бруччо, обломив зазубренный наконечник стрелы, выдернул ее за черенок из руки Меты. Затем она продолжала:

– Я не смогу остаться в городе, останутся только такие, как Скоп. Боюсь, что в леса уйти я тоже не смогу... Сам видел, не получилось у меня с шипокрылом. Если можно, лучше я пойду с тобой. Правда, возьми меня.

Язону еще было больно говорить, и он ограничился улыбкой, но Мета поняла его.

Керк удрученно смотрел на убитого.

– Он был не прав, но я хорошо представляю, что он чувствовал. Я город не брошу, во всяком случае сейчас. Кто-то должен руководить, пока идет перестройка. А насчет корабля – это ты хорошо придумал. Язон, в добровольцах недостатка не будет. Правда, Бруччо ты вряд ли уговоришь лететь с тобой.

– А зачем мне лететь, – пробурчал Бруччо, перевязывая Мету. – Мне и здесь, на Пирре, занятий хватит, одни животные чего стоят. Не сегодня-завтра сюда экологи со всей галактики нагрянут, да только я буду первым.

Керк медленно подошел к экрану, на котором был виден город, и остановился, глядя на здания, на столбы дыма над Периметром, на зеленый океан джунглей вдали.

– Ты все перевернул, Язон, – сказал он наконец. – Сейчас этого еще не видно, но Пирр уже никогда не будет таким, каким был до того, как ты сюда явился. Не знаю, к лучшему он изменился или к худшему...

– К лучшему, к лучшему, – просипел Язон, растирая шею. – Ну а теперь пожмите-ка друг другу руки, чтобы люди на самом деле увидели, что распрям конец.

Рес повернулся, секунду помешкал, потом протянул руку Керку. Седому пиррянину тоже трудно было превозмочь укоренившуюся с детских лет неприязнь к корчевщикам.

Но они пожали друг другу руки, потому что настала пора перемен.

Оглавление

Франсис КАРСАК
РОБИНЗОНЫ КОСМОСА

ПРОЛОГ 4
ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ 5
КАТАСТРОФА 11
СРЕДИ РАЗВАЛИН 15
ОДИНОЧЕСТВО 25
ГИДРЫ 32
СИЛА ПРОТИВ НАСИЛИЯ 37
СУД 48
ОРГАНИЗАЦИЯ 57
ЭКСПЕДИЦИЯ 73
ССВИСЫ 81
ВОЗВРАЩЕНИЕ 106
СРАЖЕНИЕ С ГИДРАМИ 110
ИСХОД 116
САМОЛЕТ 125
ФИОЛЕТОВАЯ СМЕРТЬ 132
Я ПОВИДАЛ НЕВЕДОМЫЕ ЗЕМЛИ 137
ПОСЛЕДНЯЯ ОПАСНОСТЬ 147
НАЧЕРТАННЫЙ ПУТЬ 156
ЭПИЛОГ 161

Роберт ХАЙНЛАЙН
ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ

ЧАСТЬ I
ВСЕЛЕННАЯ 162
ЧАСТЬ II
ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ 206

Гарри ГАРРИСОН
НЕУКРОТИМАЯ ПЛАНЕТА

Глава 1 268
Глава 2 274
Глава 3 281
Глава 4 285
Глава 5 291
Глава 6 297
Глава 7 305
Глава 8 308
Глава 9 312
Глава 10 322
Глава 11 326
Глава 12 329
Глава 13 335
Глава 14 339
Глава 15 345
Глава 16 349
Глава 17 354
Глава 18 361
Глава 19 363
Глава 20 365
Глава 21 370
Глава 22 375
Глава 23 383
Глава 24 388
Глава 25 392
Глава 26 396
Глава 27 401

Комментарий собравшего.

Вот и закончена очередная **«книжка-малышка»** для себя и таких же как я любителей фантастики из старых журналов.
На её создание ушел один выходной день, хобби - это хобби, а выходных всегда не хватает!
К моему сожалению из - за недостатка времени в создание данной книги могли закрасться
недочёты, но думаю читатели мне их простят, за отсутствием выпускающих редакторов и корректоров, а тем более типографской печати в бумаге.
Уж как смог в меру умения и опыта в работе с текстом.